

**Бюллетень
Суда Евразийского
экономического союза
2017 год**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Бюллетень Суда Евразийского экономического союза является печатным изданием и официальным источником опубликования актов Суда, учрежден в соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Электронная версия Бюллетеня Суда размещена на официальном интернет-сайте Суда <http://courteurasian.org/>.

©Суд Евразийского экономического союза, 2017

ISSN 2521-1668

Содержание

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза А.А. Федорцова	12
Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза А.А. Федорцова (на английском языке)	13
Судебные акты Суда Евразийского экономического союза	
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2016 года о принятии к производству заявления Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза	16
Решение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 года по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза	21
Особое мнение судьи Колоса Д.Г. от 25 февраля 2017 года (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)	35
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 21 февраля 2017 года (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)	63
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 21 февраля 2017 года (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)	75
Особое мнение судьи Федорцова А.А. от 21 февраля 2017 года (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)	86
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 25 февраля 2017 года (дело № СЕ-1-1/1-16-БК)	97
Резюме	103
Summary	107

- Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 1 ноября 2016 года о принятии к производству заявления публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза 111
- Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 декабря 2016 года по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) об утверждении размера средств, необходимых для обеспечения деятельности экспертов специализированной группы, созданной постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 декабря 2016 года 116
- Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 декабря 2016 года по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) по вопросу о рассмотрении ходатайства Евразийской экономической комиссии об отводе эксперта специализированной группы 118
- Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 24 января 2017 года о возобновлении производства по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 121
- Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 февраля 2017 года о продлении срока подготовки заключения специализированной группы по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года №28 123
- Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 27 апреля 2017 года по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза 125

Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 27 апреля 2017 года (дело № СЕ-1-2/4-16-КС)	143
Резюме	150
Summary	153
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 января 2017 года о принятии к производству заявления Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	156
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2017 года по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	159
Особое мнение судьи Айриян Э.В. от 4 апреля 2017 года (дело № СЕ-2-1/1-17-БК)	167
Резюме	176
Summary	179
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 17 апреля 2017 года об отказе в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества совместного предприятия «Брянксельмаш» об оспаривании действия Евразийской экономической комиссии, о несоблюдении государством–членом Евразийского экономического союза решений органов Евразийского экономического союза, а также о возложении на Российскую Федерацию обязанности предоставить закрытому акционерному обществу совместному предприятию «Брянксельмаш» промышленную субсидию в отношении произведенной им сельскохозяйственной техники	181
Резюме	186
Summary	188
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 июня 2017 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, связанных с трудовыми правоотношениями	190

Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, связанных с трудовыми правоотношениями	194
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 12 сентября 2017 года (дело № СЕ-2-2/1-17-БК)	208
Резюме	215
Summary	218
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 июня 2017 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	221
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	224
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 30 октября 2017 года (дело № СЕ-2-2/2-17-БК)	234
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 30 октября 2017 года (дело № СЕ-2-2/2-17-БК)	239
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 30 октября 2017 года (дело № СЕ-2-2/2-17-БК)	246
Резюме	259
Summary	262

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 сентября 2017 года о принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (Российская Федерация) о признании Положения о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющееся приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294, в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза	264
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 декабря 2017 года о прекращении производства по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (Российская Федерация) о признании Положения о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющееся приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294, в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза	268
Резюме	270
Summary	272
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 сентября 2017 года о принятии к производству заявления Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)	274
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)	277
Особое мнение судьи Сейтимовой В.Х. от 20 ноября 2017 года (дело № СЕ-2-1/2-17-БК)	289

Резюме	298
Summary	302
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 года о принятии к производству заявления заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору)	305
Консультативное заключение по заявлению заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	307
Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. (дело № СЕ-2-3/1-17-БК) от 11 декабря 2017 года	315
Резюме	321
Summary	325
Постановление Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 ноября 2017 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года	328
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 ноября 2017 года об отказе в принятии к производству заявления публичного акционерного общества «Новолипецкий металлургический комбинат» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене	332

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 16 ноября 2017 года об отказе в принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью «ВИЗ-СТАЛЬ» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене	337
Резюме	342
Summary	344

Судьи Суда Евразийского экономического союза (слева направо):
А.Э. Туманян, Г.А. Скрипкина, Т.Н. Нешатаева, А.А. Федорцов, Ж.Н. Байшев
Judges of the Court of the Eurasian Economic Union (from left to right):
A.E. Tumanyan, G.A. Skripkina, T.N. Neshataeva, A.A. Fedortsov, Zh.N. Baishev

Судьи Суда Евразийского экономического союза (слева направо):
В.Х. Сейтимова, К.Л. Чайка, А.М. Ажибраимова, Э.В. Айриян, Д.Г. Колос
Judges of the Court of the Eurasian Economic Union (from left to right):
V.Kh. Seitimova, K.L. Chaika, A.M. Azhibraimova, E.V. Airiyan, D.G. Kolos

Уважаемые коллеги и читатели!

Суд Евразийского экономического союза представляет вашему вниманию очередную выпуск Бюллетеня Суда Евразийского экономического союза, в котором опубликованы в систематизированном виде вступившие в силу судебные акты и их резюме, в том числе на английском языке.

Суд Евразийского экономического союза, призванный содействовать через право развитию экономической интеграции, принимает активное участие в формировании правовой системы Союза.

В 2017 году Суд продолжил работу в области обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Союза, решений органов Союза.

В качестве тенденции развития судопроизводства следует отметить увеличение количества запросов в Суд о разъяснении положений Договора о ЕАЭС и решений органов Союза, что свидетельствует о необходимости совершенствования права Союза.

Судебным органом Евразийского экономического союза в рамках осуществления правосудия выработаны многие фундаментальные правовые подходы, касающиеся формирования единого рынка, соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, регулирования таможенных правоотношений, транспортной политики, проведения антидемпинговых расследований. Установлены критерии отнесения той или иной области правового регулирования к единой, согласованной или скоординированной политике. Рассмотрение дел, связанных с трудовыми правоотношениями, дало возможность Суду выработать важные правовые позиции и в данной сфере.

В настоящем издании содержатся решения, консультативные заключения и постановления Суда Евразийского экономического союза, которые были приняты в 2017 году.

*С уважением,
Председатель Суда ЕАЭС*

А.А.Федорцов

Dear colleagues and readers!

The Court of the Eurasian Economic Union has the honour to present you the next issue of the “Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union”. It comprises judicial acts that entered into force and their summaries, including their English translation, published in a systematic manner.

The Court of the Eurasian Economic Union, called to promote the development of the idea of economic integration through law, takes an active part in the establishment of the legal system of the Union.

In 2017, the Court continued to ensure uniform application of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, by Member States and bodies of the Union, as well as international treaties within the Union, decisions of the Union bodies.

As a judicial activity trend one could note the increase in the number of applications to the Court to clarify the provisions of the EAEU Treaty and the decisions of the Union bodies, which demonstrates the necessity to improve Union’s law.

The judicial body of the Eurasian Economic Union in the process of justice delivery has developed many fundamental legal approaches related to the establishment of the single market, observance of the principles of market economy and fair competition, regulation of legal relations in the field of customs, transport policy, the conduction of anti-dumping investigations. The Court has established the criteria for assigning a particular area of legal regulation to a single, agreed or coordinated policy. The adjudication of cases pertaining to labour relations allowed the Court to develop important legal positions in this area.

This publication contains judgments, advisory opinions and orders of the Court of the Eurasian Economic Union, which were adopted in 2017.

*Yours faithfully,
President of the Court of the Eurasian Economic Union*

A.A. Fedortsov

**СУДЕБНЫЕ АКТЫ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

12 сентября 2016 года

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н., Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Российская Федерация (Истец) в лице Министерства юстиции Российской Федерации обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением по спору о соблюдении Республикой Беларусь (Ответчик) Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС), статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года). В заявлении Истец указал, что в начале 2015 года таможенными органами Республики Беларусь были приняты решения об аресте и реализации бытовой техники, принадлежащей российским хозяйствующим субъектам, перевозившейся автомобильным транспортом с территории Калининградской области Российской Федерации на остальную часть Российской Федерации для реализации. Аналогичные решения принимались таможенными органами Республики Беларусь и в конце 2014 года.

По мнению Истца, данная бытовая техника является товаром Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), поскольку производится (собирается) в Калининградской области – регионе Российской Федерации. Товар был помещен под таможенную процедуру реимпорта на территории Калининградской области и перевезен на остальную часть Российской Федерации транзитом через Литовскую Республику. Ввоз бытовой техники на территорию ЕАЭС осуществлялся через пункты пропуска, расположенные на территории Республики Беларусь, в которых должен был завершаться транзит товара.

Российская Федерация считает, что Республикой Беларусь нарушены положения статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, поскольку таможенными органами Ответчика не признаны решения таможенных органов Истца о

выпуске товаров в соответствии с таможенными процедурами реимпорта и таможенного транзита, проведена проверка обоснованности их принятия, приняты решения о признании товара иностранным.

Российская Федерация просит Суд установить факт несоблюдения Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с подпунктом 1) пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического Союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений.

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия Суда) отмечает, что Суд в соответствии с пунктами 39, 43, 44 Статута Суда и статьей 8 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), имеет полномочия на рассмотрение заявления о соблюдении государством-членом Договора о ЕАЭС и отдельных положений международных договоров в рамках Союза при наличии следующих основных условий:

- 1) Суд обладает субъектной (*ratione personae*) и предметной (*ratione materiae*) компетенцией по спору;
- 2) соблюден установленный досудебный порядок урегулирования вопроса;
- 3) соблюдены положения статьи 8 Регламента Суда, устанавливающей требования к заявлению государства-члена о разрешении спора.

Согласно пункту 41 Договора о ЕАЭС вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Заявление поступило от Российской Федерации, являющейся государством – членом Союза.

В соответствии с пунктом 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о рассмотрении спора осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

От имени Российской Федерации заявление подано Министерством юстиции Российской Федерации, которое является органом, уполномоченным на обращение в Суд с заявлением о рассмотрении спора в соответствии с пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 21 мая 2015 года № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского эконо-

мического союза». Заявление о рассмотрении спора подписано руководителем уполномоченного органа – Министром юстиции Российской Федерации.

В заявлении в качестве предмета спора обозначено соблюдение Республикой Беларусь в лице ее таможенных органов Договора о ЕАЭС и отдельных положений международных договоров в рамках Союза. Республика Беларусь является государством – членом Союза. В соответствии с пунктом 2 статьи 6 ТК ТС система таможенных органов, их права, обязанности и ответственность определяются законодательством государств – членов таможенного союза. Согласно пункту 2 Положения о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 года № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов», Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК) возглавляет единую систему таможенных органов, которую образуют ГТК, таможни и государственные учреждения, создаваемые для обеспечения выполнения функций, возложенных на таможенные органы Республики Беларусь. Согласно подпункту 8.7 названного Указа одной из основных задач ГТК является обеспечение выполнения международных обязательств Республики Беларусь в части, касающейся таможенного дела.

Таким образом, Большая коллегия Суда приходит к выводу о наличии у Суда субъектной компетенции рассматривать данный спор.

Большая коллегия Суда отмечает, что к предметной компетенции Суда относится рассмотрение споров о соблюдении государством-членом Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений.

Истец просит Суд установить факт несоблюдения Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

В соответствии с пунктом 1 статьи 101 Договора о ЕАЭС до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулируемыми таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в соответствии со статьей 99 Договора о ЕАЭС в право Союза.

ТК ТС является приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года, вступившему в силу для Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 6 июля 2010 года в соответствии с пунктом 2 решения Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 5 июля 2010 года № 48. Республика Армения и Кыргызская Республика присоединились к нему соответственно 10 октября 2014 года и 23 декабря 2014 года (пункт 5 приложения № 1 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункт 5 приложения к Договору о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Соглашение от 21 мая 2010 года вступило в силу 17 февраля 2011 года. Оно не было включено в перечень международных договоров, заключенных в рамках Та-

моженного союза и Единого экономического пространства и прекращающих свое действие в связи с вступлением в силу Договора о ЕАЭС (приложение № 33 к Договору о ЕАЭС). Республика Армения и Кыргызская Республика присоединились к нему соответственно 10 октября 2014 года и 23 декабря 2014 года (пункт 6 приложения № 1 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункт 6 приложения к Договору о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Договор о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и Соглашение от 21 мая 2010 года вступили в силу для присоединившихся государств – членов Союза с даты вступления для них в силу Договора о ЕАЭС: для Республики Армения – 2 января 2015 года, для Кыргызской Республики – 12 августа 2015 года.

В соответствии с пунктом 1 статьи 99 Договора о ЕАЭС международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу Договора о ЕАЭС, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза. Соответственно, Договор о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и Соглашение от 21 мая 2010 года представляют собой действующие международные договоры в рамках Союза.

В связи с этим Большая коллегия Суда приходит к выводу, что разрешение спора о соблюдении государством-членом Договора о ЕАЭС, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года входит в предметную компетенцию Суда.

Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором о ЕАЭС.

В соответствии с пунктом 44 Статута Суда, если государство-член в течение 3 месяцев со дня поступления к нему обращения заявителя не приняло мер по урегулированию вопроса в досудебном порядке, заявление о рассмотрении спора может быть направлено в Суд.

В рамках досудебного урегулирования спора Российская Федерация 1 июня 2015 года направила Республике Беларусь ноту с предложением об урегулировании сложившейся ситуации в досудебном порядке. За период с августа 2015 года проведено 12 раундов двухсторонних консультаций, в ходе которых спор урегулировать не удалось. Итогом переговорного процесса является таблица разногласий сторон по вопросу применения положений ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года при перевозке бытовой техники с территории Калининградской области Российской Федерации на остальную часть таможенной территории Таможенного союза через территорию государства, не являющегося членом Таможенного союза.

Таким образом, по мнению Большой коллегии Суда, досудебный порядок урегулирования данного вопроса на дату обращения Российской Федерации в Суд соблюден.

Согласно пункту 52 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде определяется Регламентом Суда.

Требования, предъявляемые к содержанию заявления государства-члена о разрешении спора, и перечень прилагаемых к заявлению документов содержатся в статье 8 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу, что заявление Российской Федерации о разрешении спора соответствует требованиям статьи 8 Регламента Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 71 Статута Суда Евразийского экономического Союза, пунктом 1 статьи 33, статьями 34, 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 15 ноября 2016 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

РЕШЕНИЕ

город Минск

21 февраля 2017 года

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего Федорцова А.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.,

с участием представителей Российской Федерации Абрамовой А.А., Антипова М.К., Виноградова М.В., Денисовой Т.П., Зенцовой О.В., Куманевой С.Г., Метова Х.О., Пуртовой А.А., Рогачевой О.В., Ступина О.А., Травникова М.А, Фицак М.Н.,

представителей Республики Беларусь Богдевича А.В., Большакова А.В., Дырмана Ю.Н., Комлача Ю.И., Лобачева П.А., Масловского А.А., Полховского О.А., Полянского А.Н., Сенько Ю.А., Тушинского И.Г., Федорова С.А., Филимоновой Е.В.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза,

УСТАНОВИЛА:

1. Доводы сторон

Российская Федерация в своем заявлении считает, что односторонний пересмотр таможенными органами Республики Беларусь решений, ранее принятых таможенными органами Российской Федерации, явился нарушением норм права Евразийского экономического союза (далее – Союз) о взаимном признании решений, что в свою очередь привело к нарушению свободы движения товаров как основополагающего принципа функционирования единого внутреннего рынка Союза.

На основании изложенного, в соответствии с подпунктом 2 пункта 105 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Российская Федерация просит Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) установить факт несоблюдения Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и соответствующих международных договоров в рамках Союза, а именно статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС) и статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года).

В своих возражениях Республика Беларусь полагает, что действия таможенных органов Республики Беларусь соответствовали нормам о таможенном контроле в

Союзе и национальному праву Республики Беларусь, так как транзит товара остановлен в процедуре таможенного контроля в связи с установленным фактом административных правонарушений, ответственность за которые наступает согласно нормам Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 года.

Республика Беларусь просит:

Истцу в удовлетворении заявления отказать;

в соответствии с подпунктом 1 пункта 105 Статута Суда вынести решение об установлении факта соблюдения Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений.

2. Процедура в Суде

Российская Федерация (Истец) в лице Министерства юстиции Российской Федерации обратилась в Суд с заявлением о разрешении спора по вопросу соблюдения Республикой Беларусь (Ответчик) Договора о Союзе, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Постановлением Большой коллегии Суда от 12 сентября 2016 года заявление Российской Федерации принято к производству.

В направленных в Суд 17 октября 2016 года ответах на вопросы Министерство юстиции Российской Федерации дополнило заявление, указав, что, по его мнению, посредством несоблюдения таможенными органами Республики Беларусь положений ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года нарушен один из основных принципов функционирования Союза, установленный статьей 3 Договора о Союзе, в виде обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон.

Ответчиком представлены возражения, обеими сторонами – дополнительные материалы.

В судебном заседании 15 и 16 ноября 2016 года и направленном в Суд 28 ноября 2016 года обосновании уточненных требований Истец также указал на несоблюдение Ответчиком статей 1, 4, 25 Договора о Союзе. В судебном заседании 15 декабря 2016 года Истец дополнил, что указанные нарушения были допущены Ответчиком не только в лице его таможенных органов.

В судебном заседании, состоявшемся 15 и 16 ноября 2016 года, заслушаны пояснения представителей сторон, рассмотрено и отклонено заявленное Ответчиком ходатайство о прекращении производства по делу.

В судебных заседаниях 15 декабря 2016 года и 24 января 2017 года заслушаны дополнительные пояснения представителей сторон и их ответы на вопросы судей, оглашены материалы дела.

3. Выводы Суда

1. Исходя из предмета и основания заявления, Большая коллегия Суда считает, что для разрешения спора по существу первоочередному уяснению подлежат соответствующие нормы статей 1, 3, 4 и 25 Договора о Союзе, статьи 125 ТК ТС в контек-

сте положений главы 17 ТК ТС о взаимной административной помощи таможенных органов, находящиеся в причинно-следственной связи с положениями статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Правовые позиции Истца и Ответчика, содержащиеся в материалах дела и заявленные в ходе судебного разбирательства, показывают, что одним из оснований спора являются различные правовые подходы компетентных органов Истца и Ответчика к пониманию соответствующих положений ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года, подлежащие в этой связи разъяснению Большой коллегией Суда.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 1, абзаца пятого статьи 2, абзаца третьего статьи 4, пункта 2 статьи 28 Договора о Союзе в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

Территории государств-членов составляют единое экономическое пространство, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура.

Одной из целей Союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям Договора о Союзе обеспечивается свободное передвижение товаров, услуг, рабочей силы и капитала.

Согласно статье 32 указанного Договора в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ТС и регулируемыми таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями данного Договора.

Статья 125 ТК ТС содержит положения о взаимном признании решений, принятых таможенными органами, являющемся одним из составных правовых элементов взаимной административной помощи таможенных органов согласно главе 17 ТК ТС, что свидетельствует о приоритете в данном вопросе принципа *consensus optium* (стороны путем соглашения создают для себя право).

Большая коллегия Суда констатирует, что все нормы, включенные в главу 17 ТК ТС, носят бланкетный характер и формулируют правила, действие которых основано на содержании специальных правил, содержащихся в других актах права Союза.

Статья 125 ТК ТС определяет виды решений таможенных органов, подлежащих взаимному признанию таможенными органами государств – членов таможенного союза на таможенной территории таможенного союза, а также условия, при которых решения таможенных органов взаимно признаются и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза.

К таким решениям относятся властно-распорядительные акты таможенных органов, принятые при совершении таможенных операций в пределах своей компетенции в отношении следующих товаров:

ввозимых на таможенную территорию таможенного союза либо вывозимых за ее пределы;
находящихся под таможенным контролем;
перевозимых по таможенной территории таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита;
временно хранящихся;
принятых при проведении таможенного контроля.

2. Большая коллегия Суда отмечает, что положения ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года не содержат определений термина «решение», а также стандартных форм решений таможенных органов, подлежащих взаимному признанию. В этой связи Большая коллегия Суда считает целесообразным в целях уяснения юридического значения данного термина использовать вспомогательную правовую информацию, содержащуюся в пункте E13./F6. главы 2 «Определения» Генерального приложения к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года (далее – Международная конвенция), согласно которой термин «решение» означает акт индивидуального характера, которым таможенная служба принимает решение по вопросу, предусмотренному таможенным законодательством.

Большая коллегия Суда считает, что в рамках практического применения статьи 125 ТК ТС к решениям могут быть отнесены как властно-распорядительные акты таможенных органов, составленные в форме конкретного (индивидуализированного) документа в печатном или электронном виде, так и решения, принимаемые по результатам проверки деклараций на товар, начала (завершения) таможенных процедур и так далее, формализованные в виде проставления на соответствующих документах печатей, штампов, подписей должностных лиц таможенных органов.

Основной признак, свойственный указанным решениям, – юридически значимые действия таможенных органов, совершаемые в рамках предоставленных им полномочий, и юридически значимые последствия для иных субъектов международных таможенных правоотношений в виде дозволений или ограничений на перемещаемый через таможенную границу Союза товар. Так, в соответствии с пунктами 5–8, 12 и 14 Порядка совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438 «О Порядке совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита», регистрация транзитной декларации является отдельной таможенной операцией, которую совершают уполномоченные должностные лица таможенного органа отправления.

С момента присвоения регистрационного номера транзитная декларация становится документом, свидетельствующим о фактах, имеющих юридическое значение.

Таможенный орган отправления осуществляет помещение товара в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита после регистрации транзитной декларации и предъявления товара таможенному органу отправления сразу после

того, как этот таможенный орган убедится в соблюдении условий, установленных пунктом 1 статьи 195 и статьей 216 ТК ТС.

Оформление выпуска товара осуществляется путем заполнения должностным лицом таможенного органа отправления соответствующей графы заполненных листов транзитной декларации, проставления и заполнения штампа, форма которого устанавливается законодательством государств-членов, заверенного оттиском его личной номерной печати, на двух экземплярах транспортного (перевозочного) документа.

3. Большая коллегия Суда считает необходимым для разрешения спора по существу уяснение точного правового содержания статьи 125 ТК ТС во взаимном прочтении с положениями статьи 123 ТК ТС о взаимной административной помощи, согласно которым под взаимной административной помощью понимаются действия таможенного органа одного государства – члена таможенного союза, совершаемые по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

Смысловое содержание статьи 123 ТК ТС под взаимной административной помощью устанавливает:

обмен информацией между таможенными органами государств – членов таможенного союза;

взаимное признание решений, принятых таможенными органами;

проведение отдельных форм таможенного контроля, установленных настоящим Кодексом, таможенным органом одного из государств – членов таможенного союза по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза.

Взаимная административная помощь может включать и иные виды взаимодействия таможенных органов в соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза.

Исходя из взаимосвязанного анализа правового содержания вышеизложенных положений ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года, Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что в отличие от видов взаимной административной помощи, взаимное признание решений таможенных органов не предполагает направления запросов, поручений, информации и совершения иных действий, предусмотренных для их выполнения. Данный вывод подтверждается тем обстоятельством, что часть V «Взаимное признание решений, принятых таможенными органами» Соглашения от 21 мая 2010 года не содержит процессуальных норм, а в соответствии со статьей 125 ТК ТС определяет лишь случаи, при наличии которых взаимно признаются решения таможенных органов.

Большая коллегия Суда считает, что решения таможенных органов взаимно признаются в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза по умолчанию, без оговорок и условий. Такие решения таможенных органов имеют презумпцию их полного соответствия предъявляемым требованиям, а значит соответствия таможенному законодательству таможенного союза, пока не доказано обратное.

4. Поскольку одним из элементов предмета спора является несоблюдение Ответчиком, как основания, направления поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля, закрепленного в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, Большая коллегия Суда считает необходимым уяснение точного смыслового содержания взаимосвязанного прочтения соответствующих положений ТК ТС и указанного Соглашения.

Согласно нормам пункта 1 статьи 94 и пункта 1 статьи 95 ТК ТС таможенный контроль проводится таможенными органами в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза и законодательством государств – членов таможенного союза. При проведении таможенного контроля таможенные органы исходят из принципа выборочности и ограничиваются только теми формами таможенного контроля, которые достаточны для обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза, контроль за исполнением которого возложен на таможенные органы.

Принцип выборочности при проведении проверочных мероприятий соответствует стандарту 6.2. главы 6 «Таможенный контроль» Генерального приложения к Международной конвенции, согласно которому таможенный контроль ограничивается минимумом, необходимым для обеспечения соблюдения таможенного законодательства.

В силу пункта 2 статьи 94 ТК ТС при выборе объектов и форм таможенного контроля используется система управления рисками, которая применяется для определения товаров и транспортных средств международной перевозки, документов и лиц, подлежащих таможенному контролю, форм таможенного контроля, применимых к товарам, транспортным средствам международной перевозки, документам и лицам, а также степени проведения таможенного контроля. При этом вопросы регулирования применения системы управления рисками ТК ТС относят к компетенции государств-членов.

Нормы специального характера относительно проведения отдельных форм таможенного контроля отнесены к сфере действия Соглашения от 21 мая 2010 года на основании статьи 1 данного Соглашения.

По проблеме организации взаимодействия таможенных органов государств-членов при проведении таможенного контроля Большая коллегия Суда отмечает следующее. Поручение таможенного органа одного государства-члена таможенному органу другого государства-члена в рамках проведения отдельных форм таможенного контроля осуществляется в части реализации соответствующих правомочий таможенного органа на основании положения абзаца четвертого части 2 статьи 123 ТК ТС, которое корреспондирует с нормой пункта E21./F1. главы 2 «Определения» Генерального приложения к Международной конвенции о том, что взаимная административная помощь означает действия, совершаемые одной таможенной администрацией по поручению другой таможенной администрации или совместно с ней в целях должного применения таможенного законодательства и для предупреждения, расследования и пресечения таможенных правонарушений.

Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза закреплено также в статье 1

Соглашения от 21 мая 2010 года, которой определены и иные виды взаимодействия таможенных органов в рамках осуществления взаимной административной помощи.

Таможенные органы предоставляют друг другу по собственной инициативе или по запросу информацию в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государств – членов таможенного союза, а также для предупреждения нарушений таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательств государств – членов таможенного союза, в том числе документы или их заверенные копии.

Обмен запросами и ответами на них осуществляется как между центральными таможенными органами, так и непосредственно между территориальными таможенными органами. В случаях, когда невозможно определить, в какой таможенный орган нужно направить запрос, направление запросов осуществляется через центральные таможенные органы.

В числе оснований направления запроса о предоставлении документов и сведений является наличие данных, свидетельствующих о возможном нарушении требований таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, таможенный орган которого направляет запрос о проведении таможенным органом таможенного контроля.

5. Статья 11 Соглашения от 21 мая 2010 года включена в часть III данного международного договора «Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа одного из государств – членов таможенного союза таможенному органу другого государства – члена таможенного союза» и устанавливает основания направления поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля.

Исходя из статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, Большая коллегия Суда считает, что содержащиеся в ней правовые нормы позволяют уяснить точный смысл оснований, обязывающих таможенный орган одного государства-члена направлять указанные поручения таможенному органу другого государства – члена Союза. К числу таких оснований отнесены, в частности, необходимость подтверждения наличия товаров, находящихся под таможенным контролем; наличие данных, свидетельствующих о возможном нарушении требований таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, таможенный орган которого направляет поручение.

Анализ положений подпунктов 1 и 3 пункта 1 статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года показывает, что данным международным договором, имеющим специальный предмет международно-правового регулирования (*jus singulare* – специальные правовые нормы), установлены не имеющие *equivocum* (двойного смысла) достаточные основания для направления соответствующих поручений таможенным органом одного государства-члена таможенному органу другого государства-члена. Указанные основания в контексте положений статьи 1 Соглашения от 21 мая 2010 года о проведении отдельных форм таможенного контроля в совокупности носят предписывающий характер, поскольку в данном случае применяется принцип *legem enim contractus dat* (договор создает право).

Указанный вывод Большой коллегии Суда основан на положениях статей 26–27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, согласно которым каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (*pacta sunt servanda*) и участник не может ссылаться на положения своего национального права в качестве оправдания для невыполнения им договора.

В этой связи положение пункта 2 статьи 94 ТК ТС о том, что при выборе объектов и форм таможенного контроля используется система управления рисками, на основании которой таможенными органами Ответчика был проведен таможенный контроль (проверка документов, таможенный досмотр), не конкурирует с нормами статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, поскольку имеет иное целевое назначение и относится к принципам проведения таможенного контроля.

С учетом изложенного Большая коллегия Суда считает, что при наличии оснований, перечисленных в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, нормы данного международного договора подлежат непосредственному применению и в связи с его специальным характером имеют приоритетное значение при проведении таможенного контроля. При этом положения статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года не содержат изъятий.

Глава 18 ТК ТС устанавливает базовые положения относительно системы управления рисками при проведении таможенного контроля, а применение системы управления рисками согласно абзацу второму пункта 1 статьи 128 ТК ТС определяется законодательством государств – членов таможенного союза. Аналогичное разграничение международно-правового и национального регулирования таможенных правоотношений содержат и иные положения ТК ТС, отдавая приоритет нормам таможенного законодательства таможенного союза.

Большая коллегия Суда считает необходимым отметить, что действия любого из государств-членов по процедурам таможенного контроля, выходящие за рамки требований таможенного законодательства таможенного союза, носящие расширительный характер толкования их прав, не соответствуют принципам функционирования таможенного союза, установленным статьей 25 Договора о Союзе и, в частности, подпунктом 5 пункта 1 этой статьи об осуществлении свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором о Союзе.

6. Согласно позиции Ответчика статья 125 ТК ТС и статья 17 Соглашения от 21 мая 2010 года носят общий характер и не касаются решений таможенных органов о выпуске товаров в соответствии с таможенными процедурами реимпорта и таможенного транзита.

По мнению Истца, в нарушение статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года решения таможенного органа Истца о выпуске товаров не признаны таможенными органами Ответчика, проведена проверка обоснованности принятых таможенным органом Истца решений о выпуске товаров. Вопреки положениям ста-

тии 11 Соглашения от 21 мая 2010 года таможенными органами Ответчика приняты решения о признании спорных товаров, по сути, иностранными.

Большая коллегия Суда констатирует предоставленное государствам-членам Договором о Союзе и ТК ТС право на таможенный контроль, проводимый государствами-членами на основе национальной системы управления рисками. Однако такой контроль не должен ущемлять права других государств-членов, грузы которых и сопроводительные документы к ним, выданные компетентными органами (структурами) государства-члена, подвергаются таможенному контролю, в том числе признаются в одностороннем порядке не соответствующими требованиям таможенного законодательства таможенного союза.

Исходя из анализа вышеуказанных актов права Союза, Большая коллегия Суда считает, что таможенным органам государства-члена, проводящего таможенный контроль в отношении товаров таможенного союза, следующих под процедурой таможенного транзита из одного государства – члена Союза в другое государство – член Союза, целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных компетентными органами государства отправления, поскольку этот вопрос урегулирован Соглашением от 21 мая 2010 года, что, в свою очередь, требует соблюдения установленных международных процедур взаимной административной помощи таможенных органов.

Большая коллегия Суда учитывает позицию Истца, связанную с принципом эффективности исполнения международных договоров в целом и международных договоров в рамках Союза.

7. Ответчик в обоснование своих возражений ссылается на то, что часть 2 статьи 1 Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года устанавливает, что положения ТК ТС имеют преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства таможенного союза. Однако Большая коллегия Суда отмечает, что Соглашение от 21 мая 2010 года не противоречит положениям ТК ТС, поскольку имеет специальный характер по отношению к последнему.

В этой связи Большая коллегия Суда констатирует следующее. Статья 125 ТК ТС о взаимном признании решений, принятых таможенными органами, носит базовый характер, в развитие которой принята норма специального международного акта – Соглашения от 21 мая 2010 года.

По смыслу терминов статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года взаимно признаются и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза решения таможенных органов, принятые в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза при совершении таможенных операций в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию таможенного союза либо вывозимых за ее пределы, находящихся под таможенным контролем, перевозимых по таможенной территории таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, находящихся на временном хранении.

Положения статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года имеют императивный характер, не содержат изъятий или отсылок и в этой связи должны применяться непосредственно.

8. По мнению Большой коллегии Суда, вопросы признания (непризнания) таможенными органами одного государства – члена товара как товара таможенного союза, следующего из другого государства – члена Союза под процедурой таможенного транзита, не могут возникать при надлежащем применении статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, иных актов права Союза.

В рамках Решения Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 437 «О форме, порядке заполнения, выдачи и применения заключений о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, товаром Евразийского экономического союза и о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, не являющимся товаром Евразийского экономического союза», иных актов права Союза государства-члены самостоятельно определяют органы, уполномоченные на выдачу заключений о статусе товара как товара таможенного союза.

В Российской Федерации таким органом определена Торгово-промышленная палата Российской Федерации (далее – ТПП Российской Федерации).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2011 года № 1192 «Об определении органа Российской Федерации, уполномоченного на выдачу заключения о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, товаром таможенного союза и заключения о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, не являющимся товаром таможенного союза» ТПП Российской Федерации и определяемые ею территориальные торгово-промышленные палаты являются органами, уполномоченными на выдачу заключения о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, товаром таможенного союза и заключения о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада, не являющимся товаром таможенного союза.

В целях исполнения данного Постановления ТПП Российской Федерации по согласованию с Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и Федеральной таможенной службой Российской Федерации разработан и утвержден порядок представления заявителем сведений и документов, необходимых для выдачи заключений, указанных в настоящем Постановлении, перечень таких сведений и документов, а также порядок оформления заключений.

Аналогичные порядок и правила закреплены в правовых актах государств – членов Союза.

Большая коллегия Суда отмечает, что право аннулировать документ, подтверждающий статус товара, отнесено к компетенции ТПП Российской Федерации и ее территориальных органов.

Учитывая, что определение правом Союза статуса товара отнесено к ведению уполномоченного органа государства-члена, Суд приходит к выводу об отсутствии правовых оснований для включения в данную сферу регулирования органов другого государства-члена и изменения ими статуса товара как «не товара таможенного союза».

Анализ положений ТК ТС относительно таможенных процедур реимпорта и таможенного транзита показывает их разное целевое назначение.

Большой коллегией Суда исследован предмет заявления Истца в связи с действиями таможенных органов сторон и правовым статусом спорных товаров, помещенных последовательно под таможенные процедуры реимпорта и таможенного транзита *secundum normam legis, sensu honesto* (в соответствии с нормами права, в соответствии с истинным смыслом), а также юридический факт признания таможенным органом государства – члена таможенного союза, Российской Федерации, правомерности задекларированных собственниками (перевозчиками) спорных товаров как товаров таможенного союза и подтверждение таможенным органом Истца статуса указанных товаров, правильности оформления соответствующих деклараций и заявленных в них таможенных процедур, что в совокупности презюмирует достоверность всех существенных сведений и обстоятельств, содержащихся в таможенных декларациях с разрешительными отметками таможенных органов (презумпция достоверности официального документа).

В отношении документов, которыми оформлены решения таможенных органов Истца, действует *ex lege* (в соответствии с правом, по закону) презумпция их достоверности (статья 17 Соглашения от 21 мая 2010 года), выражающаяся в их взаимном признании и равной юридической силе на таможенной территории таможенного союза.

Большая коллегия Суда считает, что из заявления Истца следуют обстоятельства, подтверждающие, что собственниками товаров (перевозчиками) и таможенными органами Истца соблюдены необходимые требования положений главы 24 «Убытие товаров с таможенной территории таможенного союза» ТК ТС и главы 26 «Общие положения о таможенных операциях, связанных с помещением товаров под таможенную процедуру» ТК ТС.

Большая коллегия Суда констатирует, что общие положения о таможенном транзите включены в статью 215 ТК ТС. Согласно пункту 1 данной статьи таможенным транзитом является таможенная процедура, в соответствии с которой товары перевозятся под таможенным контролем по таможенной территории таможенного союза, в том числе через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза, от таможенного органа отправления до таможенного органа назначения без уплаты таможенных пошлин, налогов с применением запретов и ограничений, за исключением мер нетарифного и технического регулирования.

Согласно подпункту 5 пункта 2 указанной статьи таможенный транзит применяется при перевозке товаров таможенного союза от таможенного органа места убытия

до таможенного органа места прибытия через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза. В рассматриваемом случае – через территорию Литовской Республики.

При этом определение статуса товара как товара таможенного союза осуществляется таможенным органом места убытия товара в соответствии с подпунктом 37 пункта 1 статьи 4 ТК ТС, то есть таможенным органом Истца.

При таможенном транзите товаров таможенного союза между территориями государств-членов и представлении в таможенные органы государств-членов документов, выданных в соответствии с актами права Союза, национального законодательства (в том числе заключений о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада товаром таможенного союза, оформленных уполномоченными органами государства-члена), такой товар сохраняет статус товара таможенного союза. В случае срабатывания национальной системы управления рисками в распоряжении таможенных органов государств-членов имеются действенные правовые инструменты оперативного реагирования в рамках взаимной административной помощи, установленные ТК ТС, Соглашением от 21 мая 2010 года и иными международными договорами, заключенными в рамках Союза.

Большая коллегия Суда считает, что вопросы статуса товара как товара таможенного союза до завершения таможенной процедуры таможенного транзита урегулированы правом Союза, к которым относятся ТК ТС, Соглашение от 21 мая 2010 года, иные международные договоры.

Развитие подходов к разрешению подобных рассматриваемому спору ситуаций отражено в Договоре о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, принятому 10 октября 2014 года, вступившему в силу 2 января 2015 года).

Так, пунктом 5 приложения № 5 к названному Договору устанавливается, что товары Союза при перемещении с таможенной территории Союза на таможенную территорию Союза через территории иностранных государств в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита сохраняют статус товаров Союза.

9. Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что взаимное признание решений таможенных органов не препятствует проведению ими таможенного контроля в пределах их компетенции, а является вспомогательным правовым элементом, направленным на эффективное завершение процедуры таможенного транзита посредством взаимодействия таможенных органов в рамках взаимной административной помощи и признания решений.

Признание решения таможенного органа одного государства-члена и направление ему поручения со стороны таможенного органа другого государства-члена не означает уменьшения объема полномочий такого таможенного органа на проведение таможенного контроля, но содействует взаимодействию таможенных органов государств – членов Союза по пресечению нарушений таможенного законодательства, установленному международными договорами в рамках Союза.

В этой связи Суд отмечает, что статья 125 ТК ТС содержит:

взаимное признание решений таможенных органов государств–членов таможенного союза;

равную юридическую силу решений на таможенной территории таможенного союза в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза.

Большая коллегия Суда полагает, что в совокупности институт взаимного признания и равной юридической силы решений, закрепленный в указанных международных договорах, и делегирование отдельных национальных правомочий в сферу правового регулирования международного договора показывают, что целью включения данных презумпций в нормативно-правовую базу Союза являются упрощение административных таможенных процедур, развитие института взаимной административной помощи без барьеров и изъятий исключительно на наднациональном уровне.

Доводы о том, что взаимное признание решений таможенных органов рассматривается в рамках административной помощи исключительно по поручению одной из сторон, сужают объем правового содержания вышеуказанных положений международных договоров и не могут быть признаны Судом обоснованными.

Большая коллегия Суда отмечает, что последовательная позиция государств – членов Союза относительно необходимости дальнейшего безусловного выполнения положений международных договоров в рамках Союза в части взаимной административной помощи таможенных органов, взаимного признания ими решений, равно как и норма статьи 125 ТК ТС, нашли закономерное продолжение и закрепление в расширенном объеме правового содержания статьи 357 текста проекта Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, одобренного распоряжением Евразийского межправительственного совета от 12 августа 2016 года № 13 «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза». Проектом документа предполагается взаимное признание решений, принятых таможенными органами, и результатов проведения таможенного контроля при совершении таможенных операций независимо от вида таможенной процедуры. В отличие от действующей статьи 125 ТК ТС, определяющей такое признание в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза, редакция статьи 357 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза расширяет сферу действия института признания решений, за исключением случаев, установленных настоящим Кодексом.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 105 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 77, 78, 80, 81 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза

РЕШИЛА:

Удовлетворить заявление Российской Федерации в части и установить факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию

единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года.

Решение Большой коллегии Суда является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копии данного решения направить сторонам по делу.

Председательствующий:

Федорцов А.А.

Судьи:

Ажибраимова А.М.

Айриян Э.В.

Баишев Ж.Н.

Колос Д.Г.

Нешатаева Т.Н.

Сейтимова В.Х.

Скрипкина Г.А.

Туманян А.Э.

Чайка К.Л.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Колоса Д.Г.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

25 февраля 2017 года

21 февраля 2017 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) вынесено решение по делу по заявлению Российской Федерации (Истец) по спору о соблюдении Республикой Беларусь (Ответчик) Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года).

Указанным решением заявление Российской Федерации удовлетворено в части и установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Согласен с выводом Большой коллегии Суда в резолютивной части решения в части исполнения Республикой Беларусь статей 1, 3, 4, 25 Договора, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Категорически не согласен с:

выводами Большой коллегии Суда в резолютивной части решения в части того, что исполнение Ответчиком указанных норм права Союза являлось неполным, а также о частичном удовлетворении требований Истца;

выводами, содержащимися в описательной и мотивировочной частях решения;

постановлением Большой коллегии Суда от 12 сентября 2016 года о принятии к производству рассматриваемого заявления;

протокольным постановлением Большой коллегии Суда от 15 ноября 2016 года об отказе в удовлетворении ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу.

Считаю, что названные судебные акты приняты Большой коллегией Суда *ultra vires* (с превышением полномочий), с нарушением общих принципов и норм как материального, так и процессуального права.

Пользуясь правом, предоставленным статьей 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение.

1. Компетенция Суда. Пределы судебного разбирательства

1.1. Во всех указанных процессуальных документах Большой коллегией Суда не дана оценка фактическим обстоятельствам, имеющим существенное значение для решения вопроса о наличии у Суда компетенции по рассмотрению данного дела.

В то же время, анализ пунктов 39, 43, 44 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда) и статьи 8 Регламента Суда показывает, что Суд наделен полномочиями рассматривать заявления о соблюдении государством-членом Договора и отдельных положений международных договоров в рамках Союза лишь при наличии следующих основных условий:

1) Суд обладает предметной (*ratione materiae*), субъектной (*ratione personae*) и временной (*ratione temporis*) компетенцией в отношении фактических обстоятельств, послуживших основанием для возникновения спора, и правовых норм, которыми обосновываются требования Сторон;

2) соблюден установленный досудебный порядок урегулирования спора;

3) соблюдены указанные в статье 8 Регламента Суда требования к заявлению государства-члена о разрешении спора и прилагаемым к нему документам.

В постановлении Большой коллегии Суда от 12 сентября 2016 года о принятии заявления к производству Суд дал *prima facie* оценку заявлению Истца с точки зрения наличия у Суда предметной и субъектной компетенции по рассмотрению данного спора, однако не высказался относительно наличия темпоральной компетенции. Впоследствии, как при разрешении ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу, так и при вынесении решения, Суд не мотивировал отказ в удовлетворении указанного ходатайства и не привел доказательств, на которых основан вывод о наличии у него компетенции по рассмотрению данного спора, а также не определил пределы судебного разбирательства.

Считаю, что Суд не обладает компетенцией по рассмотрению данного спора, в связи с чем следовало отказать в принятии заявления в соответствии с подпунктами «а» и «б» пункта 2 статьи 33, либо на любой более поздней стадии процесса прекратить производство по делу на основании подпункта «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда.

1.2. Принцип недопустимости обратной силы международного договора является общепризнанным принципом международного права. В соответствии со статьей 28 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты.

Договор вступил в силу для Сторон спора 1 января 2015 года. Суд начал свою работу в соответствии с Договором и Статутом Суда также 1 января 2015 года. Ни одна из Сторон не выразила согласия на обязательность для нее Договора до вступления его в силу, текст Договора, равно как и последующая практика его применения, не свидетельствуют о намерении государств-участников придать ему обратную силу.

Какие-либо основания для признания ретроспективного действия Договора в отношении обстоятельств рассматриваемого спора, имевших место до его вступления в силу, то есть до 1 января 2015 года, отсутствуют.

Таким образом, Суд наделен государствами-членами, являющимися Сторонами спора, компетенцией по рассмотрению межгосударственных споров только начиная с указанной даты.

Момент возникновения спора или фактов, на которых он основывается, должен относиться к периоду, на который распространяется темпоральная компетенция Суда.

Вместе с тем, из материалов дела усматривается, что в рамках таможенного контроля, регулирование которого передано государствами-членами на наднациональный уровень, все юридически значимые действия были совершены таможенными органами Республики Беларусь исключительно в 2014 году.

В отличие от таможенного регулирования вопросы привлечения лиц к административной ответственности за нарушение таможенного законодательства, а также осуществления производства по делам об административных таможенных правонарушениях в силу пункта 3 статьи 7 ТК ТС оставлены в исключительной компетенции соответствующих органов государств – членов таможенного союза, не переданы ими на наднациональный уровень и не относятся к единой, согласованной или скоординированной политике Союза.

Согласно пункту 1 статьи 3 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 5 июля 2010 года виды административных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к административной ответственности определяются внутренним законодательством государств с особенностями, установленными данным Договором.

В соответствии со статьей 4 названного международного договора лицо, совершившее административное правонарушение на таможенной территории таможенного союза, подлежит привлечению к административной ответственности по законодательству того государства, на территории которого выявлено административное правонарушение, а административный процесс (производство) ведется по законодательству того государства – члена таможенного союза, в котором лицо привлекается либо подлежит привлечению к административной ответственности.

Соответствующие правоотношения материального характера регламентируются в Республике Беларусь Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, процессуального характера – Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь).

Следует отметить, что в соответствии со статьей 9 ТК ТС обжалование решений и действий таможенных органов осуществляется в порядке и сроки, установленные законодательством соответствующего государства – члена таможенного союза.

С учетом действующего в праве Союза регулирования право государств-членов на самостоятельное осуществление юрисдикции по делам об административных правонарушениях является одним из проявлений общепризнанного принципа меж-

дународного права – права на суверенитет – а действия государства в его рамках не могут являться предметом оценки Суда.

Таким образом, принимая во внимание изложенное, учитывая невключение вопросов ведения производства по делам об административных правонарушениях в круг евразийских политик, отсутствие унифицированных или гармонизированных региональных стандартов ведения административного процесса, составов и санкций административных правонарушений в таможенных отношениях, положения Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния, одобренного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 года (далее – Проект статей об ответственности государств за международно-правовые деяния) в части ответственности государства за действия любых его органов, в том числе осуществляющих судебные функции, не могут являться релевантными отношениям по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях государств – членов таможенного союза.

Анализ данных норм во взаимосвязи с правовым регулированием разделения компетенции Союза и государств-членов, с учетом отсутствия у хозяйствующих субъектов права на обращение в Суд с заявлением об оспаривании действий (бездействия) государства-члена, позволяет прийти к выводу о том, что оценка соблюдения процессуальных гарантий хозяйствующих субъектов таможенными органами государств-членов в рамках производства по делам об административных правонарушениях не входит в юрисдикцию Суда.

Четкое разделение компетенции национальных судов и судебного органа международной организации региональной экономической интеграции нашло закрепление и в правовых позициях международных судов. Так, решением Суда Евразийского экономического сообщества от 7 октября 2014 года, которое в силу пункта 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года продолжает действовать в прежнем статусе, установлено, что решения судов о привлечении хозяйствующих субъектов к административной ответственности, обжалованные в порядке, установленном национальным процессуальным законодательством, ни при каких обстоятельствах не подлежат пересмотру Судом.

Таким образом, с учетом *de lege lata* и сложившейся судебной практики единственно правильным является вывод о том, что Суд не наделен государствами-членами полномочиями по проверке решений национальных судебных и иных органов по делам об административных правонарушениях, а вопросы применения права Союза должны решаться Судом на основании установленных данными решениями (при их наличии) вопросов факта.

С учетом изложенного, правомерность действий государства в лице его органов в рамках пресечения административных правонарушений, осуществления производства по делам об административных правонарушениях, привлечения лиц к административной ответственности и принятых в рамках указанных полномочий в соответствии с национальным законодательством решений (в том числе поводы и основания для начала административного процесса, используемые источники доказательств и меры обеспечения административного процесса, сроки проведения

производства, законность и обоснованность вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях) не подлежат оценке Большой коллегией Суда как не подпадающие под установленную статьей 39 Статута Суда компетенцию *ratione materiae*.

Таким образом, предметом рассмотрения в Суде с учетом его компетенции и требований о пределах судебного разбирательства могли являться лишь действия Ответчика в лице его таможенных органов, совершенные исключительно после 1 января 2015 года и только в рамках проведения таможенного контроля, но не в рамках производства по делам об административных правонарушениях. При этом факты, установленные соответствующими национальными юрисдикционными органами в рамках производства по делам об административных правонарушениях, не подлежат оценке Судом, целью деятельности которого в силу статьи 2 Статута Суда является обеспечение единообразного применения права Союза государствами – членами и органами Союза, но не оценка установленных национальными органами в рамках производства по делам об административных правонарушениях фактов, по отношению к которым применяется право Союза.

Согласно материалам дела таможенная процедура таможенного транзита в отношении всех указанных в заявлении Истца товаров была завершена таможенными органами Ответчика в декабре 2014 года, о чем свидетельствуют штампы о поступлении товаров, заполненные и заверенные личными номерными печатями должностных лиц таможни, а также внесение сведений о завершении указанной таможенной процедуры в журнал регистрации таможенных операций при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, который ведется с использованием информационных технологий в соответствии с Приказом Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 21 декабря 2010 года № 468-УД. Имеющиеся в материалах дела копии транспортных (перевозочных) и коммерческих документов, используемых в качестве транзитных деклараций, а также сведения из упомянутой информационной системы свидетельствуют о регистрации завершения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении всех товаров не позднее 23 декабря 2014 года.

В материалах дела отсутствуют сведения о проведении после указанной даты таможенными органами Республики Беларусь каких-либо форм таможенного контроля, предусмотренных статьей 110 ТК ТС. Таким образом, таможенный контроль в отношении всех партий товара был завершён таможенными органами Республики Беларусь до 1 января 2015 года.

Имеющиеся в материалах дела доказательства свидетельствуют о том, что в 2015 году органами Ответчика совершались действия только в отношении четырех фактов перевозки из двадцати девяти, обозначенных в заявлении Истца. Однако все такие действия, которые могли породить юридически значимые последствия, были совершены не в рамках таможенного контроля, а исключительно в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

Данный вывод основывается на следующих нормах права и фактических обстоятельствах дела.

Подпунктом 8 пункта 1 статьи 6 ТК ТС установлено, что одной из задач таможенного органа является выявление, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Согласно подпункту 3 пункта 2 статьи 128 ТК ТС в целях выявления, прогнозирования и предотвращения нарушений таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государств – членов таможенного союза применяется система управления рисками.

Таким образом, при наличии данных, полученных с применением системы управления рисками, либо иных данных, свидетельствующих о возможном несоответствии товара идентификационным признакам и иных нарушениях таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, в обязанности таможенного органа входит выявление признаков административного правонарушения.

Большой коллегией Суда не приняты во внимание имеющиеся в материалах дела доказательства выявления еще в 2014 году таможенными органами Республики Беларусь признаков административных правонарушений при перевозке указанных в заявлении Истца партий товаров, которые, по мнению Ответчика, свидетельствуют о наличии сомнений в том, что к завершению таможенной процедуры таможенного транзита предъявлен именно тот товар, который указан в товаросопроводительных документах, а также ответы таможенных органов Российской Федерации в адрес таможенных органов Республики Беларусь об установлении недостоверности сведений о получателе товара в товаросопроводительных документах, представленных для завершения таможенной процедуры таможенного транзита, явившиеся основаниями для начала в 2014 году производства по делам об административных правонарушениях.

Согласно статье 6 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза от 5 июля 2010 года результаты выполнения компетентным органом одной Стороны в соответствии с законодательством этой Стороны процессуальных действий на основании поручений компетентных органов другой Стороны признаются в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях и подлежат оценке при рассмотрении указанных дел наряду с другими доказательствами согласно законодательству Сторон. Таким образом, предоставленная таможенными органами Российской Федерации таможенным органам Республики Беларусь по их поручению информация о результатах проведения процессуальных действий входит в круг доказательств по делам об административных правонарушениях.

В этой связи, принимая во внимание представленные Ответчиком сведения о начале административного процесса по всем указанным в заявлении Истца партиям товаров в 2014 году, единственно правильным является вывод о том, что действия таможенных органов Ответчика, которые относятся к 2015 году, были совершены в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях и в целях предотвращения ущерба экономической безопасности государств – членов Союза, регулируются исключительно национальным законодательством и не

входят в сферу применения ТК ТС или иных актов права Союза, а следовательно на них не распространяется компетенция Суда.

С учетом изложенного, после исследования имеющихся в материалах дела доказательств у Суда имелись все основания для констатации факта отсутствия у него компетенции по рассмотрению данного спора и прекращения производства по делу по этому основанию в соответствии с подпунктом «а» пункта 56 Регламента Суда.

1.3. Большой коллегией Суда ни в постановлении о принятии заявления к производству, ни в решении по существу не дана оценка соблюдению Истцом досудебного порядка урегулирования спора.

Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Как следует из материалов дела, в рамках досудебного урегулирования спора Сторонами проводились двухсторонние консультации, предметом которых являлась оценка должного поведения таможенных органов в отношениях, регулируемых статьёй 125 ТК ТС, статьями 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

В заявлении в Суд помимо указанных норм в качестве предмета спора Истцом указано также на несоблюдение Ответчиком Договора, без указания его конкретных статей. И только в ходе судебного разбирательства Истцом были дополнены требования и указаны конкретные статьи Договора – 1, 3, 4 и 25, соблюдение которых, по его мнению, должно являться предметом спора.

Вместе с тем, в материалах дела отсутствуют сведения относительно досудебного урегулирования спора о соблюдении положений статей 1, 3, 4 и 25 Договора, Ответчик данное обстоятельство отрицает, письменных доказательств обратного Истцом не представлено.

Согласно части второй статьи 112 Договора в случае недостижения согласия в течение трех месяцев с даты направления одной Стороной спора, связанного с применением положений Договора, другой Стороне спора официальной письменной просьбы о проведении консультаций и переговоров, спор может быть передан любой из Сторон спора на рассмотрение в Суд, если Сторонами спора не достигнута договоренность об использовании иных механизмов его разрешения.

Дополнение требований после начала судебного разбирательства по делу противоречит предусмотренному статьёй 23 Регламента Суда принципу состязательности, в соответствии с которым Стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства, а также требованиям подпункта «г» пункта 3 статьи 29 Регламента Суда, согласно которому Стороны должны добросовестно пользоваться своими правами и не нарушать их.

Принцип *venire contra factum proprium* подразумевает, что Сторона не может ставить себя в противоречие к своему предыдущему поведению по отношению к другой Стороне, если последняя действовала, разумно полагаясь на такое поведение. В противном случае поведение Стороны не будет соответствовать принципу *bona fide*. Согласно признанной международным и национальным правом и широко использу-

емой на практике доктрине *estoppel* Сторона утрачивает право ссылаться на определенное право или обстоятельства, имеющие процессуально-правовое значение, если из ее действий другая Сторона могла разумно предположить, что вышеупомянутая Сторона отказалась от возможности ссылаться на такое право или обстоятельства.

Правовая позиция о том, что Сторона должна заявить все требования еще на начальной стадии процесса, также находит свое отражение в решениях международных судов, в частности, в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 1989 года по делу *Ciulla v. Italy*, пункты 28-29.

При таких обстоятельствах требования Истца о несоблюдении Ответчиком положений статей 1, 3, 4 и 25 Договора заявлены без соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, что свидетельствует об отсутствии у Суда компетенции рассматривать данное дело в этой части, в связи с чем Суд в соответствии с подпунктом «б» пункта 2 статьи 33 или подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда должен был соответственно отказать в принятии заявления либо прекратить производство по делу в данной части.

1.4. Большой коллегией Суда оставлен без должной оценки и вопрос применения специальных средств досудебного урегулирования спора, к которым должны были прибегнуть Стороны.

Устоявшимся правилом в международном судопроизводстве является констатация судом исчерпания Сторонами примирительных досудебных процедур урегулирования спора как основания для обращения в международный суд. Право Союза предусматривает дополнительные согласованные Сторонами примирительные процедуры, использование которых является условием для обращения в Суд в целях урегулирования споров, вытекающих из таможенных отношений.

Так, согласно части второй статьи 2 Договора о Таможенном кодексе таможенного союза Комиссия таможенного союза оказывает содействие Сторонам в урегулировании споров в рамках таможенного союза до обращения в Суд Евразийского экономического сообщества.

В силу пункта 3 статьи 20 Соглашения от 21 мая 2010 года Комиссия таможенного союза оказывает содействие Сторонам в урегулировании спора до его передачи для рассмотрения в Суд Евразийского экономического сообщества.

В соответствии с подпунктами 4 и 8 пункта 43 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору, Коллегия Комиссии наделена полномочиями по оказанию содействия государствам-членам в урегулировании споров в рамках Союза до обращения в Суд Союза.

Таким образом, право Союза, учитывая особый характер межгосударственных споров, устанавливает в настоящее время необходимость привлечения Комиссии в качестве независимой Стороны в целях разрешения конфликта, вытекающего в том числе из таможенных правоотношений, в форме таких согласительных процедур, предусмотренных пунктом 1 статьи 33 Устава ООН и пунктом 5 раздела I Манильской декларации о мирном разрешении международных споров от 15 ноября 1982 года, как оказание добрых услуг и примирение.

Использование третьей Стороны (государства, органа международной организации) для разрешения межгосударственных споров является общепринятой в меж-

дународных отношениях практикой, в том числе в рамках международных организаций региональной экономической интеграции. Так, например, согласно статье 259 Договора о функционировании Европейского союза от 25 марта 1957 года в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 года (далее – Договор о функционировании Европейского союза, ДФЕС) до обращения в Суд Европейского союза одного государства-члена с иском против другого государства-члена на основании предполагаемого нарушения последним обязанностей, предусмотренных учредительными договорами Европейского союза, первое государство-член должно обратиться с этим вопросом в Европейскую комиссию.

Таким образом, необходимо констатировать наличие в действующем наднациональном правовом регулировании императивного предписания об использовании механизма обращения к Комиссии в целях урегулирования межгосударственного спора о соблюдении ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года.

В этой связи досудебный порядок урегулирования спора в части требований о соблюдении Ответчиком статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года Истцом также не соблюден, что, как указано выше, свидетельствует об отсутствии у Суда компетенции рассматривать данное дело и являлось основанием для отказа в приеме заявления или прекращения производства по делу в этой части.

1.5. Пункт 39 Статута Суда устанавливает, что для констатации компетенции суда по рассмотрению заявления необходимо наличие спора между Сторонами, возникающего по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза.

Очевидно, что на момент рассмотрения межгосударственного спора в Суде такой спор не должен носить характер исчерпанности, а решение Суда должно иметь практические последствия.

В судебном заседании представители Истца заявляли, что решение Суда по данному делу необходимо исключительно в целях использования его в ходе последующих переговоров государств-членов по совершенствованию таможенного регулирования в Союзе, при этом не отрицали, что после указанных в заявлении событий Ответчиком не совершались действия, аналогичные рассматриваемым.

Правовая позиция Международного Суда ООН, которая нашла отражение во многих его решениях (Австралия против Франции, решение от 20 декабря 1974 года, п.п. 58-61; Камерун против Великобритании, решение от 2 декабря 1963 года, с. 33-34; Бельгия против Сенегала, решение от 20 июля 2012 года, п. 46), заключается в том, что спор должен существовать на момент подачи заявления, не может носить абстрактный характер, а попытка вынести юридически обязательное решение в условиях совершения государством односторонних действий, в том числе изменения национального законодательства, или достижения Сторонами договоренности об урегулировании ситуации не приведет к какому-либо значимому результату. Решение Суда должно иметь определенные практические последствия в том смысле, что оно может повлиять на существующие юридические права и обязанности Сторон, устраняя тем самым неопределенность в их правовых отношениях. При отсутствии таких юридических последствий Суд должен отказаться от осуществления юрисдикции и вынесения решения по спору. Судебное решение может послужить средством

достижения юридической гармонии в обстоятельствах спора, но такой же правдой является то, что эскалация конфликта – препятствие к такой гармонии.

Представляется, что рассматриваемый Судом межгосударственный спор исчерпан, поскольку возникновение аналогичной спорной ситуации в настоящее время невозможно ввиду изменения правового регулирования порядка действий должностных лиц таможенных органов назначения при выявлении нарушений таможенного законодательства как на наднациональном, так и на национальном уровне (внесение Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 10 ноября 2015 года № 147 изменений в Решение Комиссии таможенного союза № 438 от 17 августа 2010 года «О Порядке совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита» (далее – Решение Комиссии от 17 августа 2010 года № 438), принятие Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 года № 366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь»).

По этой причине рассмотрение спорной ситуации, развивавшейся в рамках действовавшего ранее и измененного к настоящему времени правового регулирования, не может привести к достижению цели деятельности Суда, предусмотренной пунктом 2 Статута Суда – обеспечение в соответствии с положениями Статута Суда единообразного применения государствами – членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. Предпринятая Судом попытка установления соответствия фактов потерявшему к настоящему времени актуальность правовому режиму, тем более на стадии совершенствования кодифицированного таможенного законодательства на наднациональном уровне, не коррелирует с целями региональной экономической интеграции и одним из основных принципов функционирования Союза – обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон, а также не влияет на существующие юридические права и обязанности Сторон и может устранить неопределенность в их правовых отношениях лишь в отношении действовавшего ранее правового регулирования, что с учетом его изменения *de lege lata* лишено практического смысла.

Таким образом, отсутствие на момент рассмотрения дела в Суде спора, возникающего по вопросу реализации действующего права Союза, учитывая невозможность повторения рассматриваемых событий в рамках настоящего правового регулирования, влечет констатацию факта отсутствия у Суда компетенции по рассмотрению заявления Истца.

2. Неправильное применение и несоблюдение норм материального права

2.1. В пункте 1 раздела 3 «Выводы Суда» решения констатируется, что для разрешения спора по существу первоочередному уяснению подлежат соответствующие нормы статей 1, 3, 4 и 25 Договора. Между тем Большая коллегия Суда не анализирует ни сам принцип свободы перемещения товаров, ни предусмотренные правом Союза допустимые изъятия из него, не исследует его в контексте фактических об-

стоятельств дела (перемещение товара в таможенной процедуре таможенного транзита через территорию третьего государства), равно как не приводит доказательств исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме названных норм.

Следует согласиться с мнением Истца о важности для развития региональной экономической интеграции реализации одного из базовых принципов функционирования таможенного союза – свободы перемещения товаров на территории таможенного союза. Вместе с тем, действующим правом Союза допускаются существенные ограничения в осуществлении названного принципа, которые являются правомерными.

Так, подпункт 5 пункта 1 статьи 25 Договора определяет принцип свободы перемещения товаров как отсутствие в рамках таможенного союза государств-членов таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором.

Буквальное толкование данной нормы права Союза, а также исчерпывающий перечень запрещенных в целях реализации названного принципа мер государственного контроля не дают оснований утверждать об отсутствии *de lege lata* запрета на проведение таможенного контроля, поскольку по своей правовой природе таможенный контроль не является мерой государственного контроля (транспортным, санитарным, ветеринарно-санитарным, карантинным фитосанитарным контролем), которую действующее право Союза рассматривает как барьер для свободного перемещения товаров между территориями государств-членов. В то же время обязательность таможенного декларирования товара при его перемещении в рамках таможенной процедуры таможенного транзита через территорию третьего государства и осуществления такого транзита под таможенным контролем прямо указаны в ТК ТС. По этой причине Большой коллегии Суда следовало критически оценить позицию Истца о том, что правовой механизм свободы движения товаров представляет собой совокупность норм, в том числе в части таможенного регулирования, призванных безусловно устранять все препятствия для ее реализации.

Таким образом, проведение таможенного контроля и применение ограничительных мер к товару при выявлении признаков административных правонарушений не являются нарушениями нормоустановлений статьи 25 Договора.

Такой подход к правовому регулированию является в полной мере оправданным для начальных этапов развития региональной экономической интеграции. Необходимо подчеркнуть, что статья 3 Договора, которая устанавливает основные принципы функционирования Союза, осуществляющего свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами, провозглашает функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений только после окончания переходных периодов. Следовательно, на современном этапе, и тем более в момент, когда имели место рассматриваемые отношения, Союз функционирует с определенными изъятиями. Кроме того, принцип обеспечения взаимовыгодного сотрудничества и равноправия Сторон дополняется требованием учета их национальных интересов и соблюдения добросовестной конкуренции. Правоприменительная практика, в том числе связанная с наложением на государства-члены международных санкций, де-

монстрирует отсутствие до окончания переходных периодов баланса между установленными правом Союза принципами свободы перемещения товаров и учета национальных интересов. Так, реторсии, принимаемые государствами-членами, мотивируются исключительно защитой национальных интересов, оцениваемой приоритетно по отношению к свободе перемещения товаров (например, Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», принятые в его развитие нормативные правовые акты), а Доклад Евразийской экономической комиссии 2016 года констатирует наличие в рамках Союза по состоянию на 17 октября 2016 года более 600 барьеров, изъятий и ограничений.

Более того, даже если предположить, что предусмотренная статьей 25 Договора свобода перемещения товаров была ограничена Ответчиком, необходимо подчеркнуть, что следствием реализации принципа учета национальных интересов Сторон является предусмотренная статьей 29 Договора допустимость ограничения действия внутреннего рынка в целях, имеющих существенное значение для общества и государства. В частности, подпункт 2 пункта 1 и пункт 3 статьи 29 Договора допускают возможность ограничения взаимной торговли государств-членов и оборота товаров на внутреннем рынке, если такие ограничения необходимы для защиты правопорядка и не являются средством неоправданной дискриминации. Таким образом, изъятия из принципа свободы перемещения товаров, применяемые в таможенной процедуре таможенного транзита, не нарушают право Союза, если они оправданы необходимостью защиты правопорядка.

Об отсутствии дискриминации в действиях таможенных органов Республики Беларусь свидетельствуют представленные Ответчиком сведения о беспрепятственном транзите с территории Калининградской области на остальную часть территории таможенного союза через территорию Республики Беларусь иных товаров.

Защита правопорядка – общепринятое в международной практике изъятие из принципа свободы перемещения товаров. Так, статья XX Генерального соглашения по тарифам и торговле от 30 сентября 1947 года содержит общие исключения из режима наиболее благоприятствуемой нации, которые включают в себя меры, необходимые для обеспечения соответствия законам или правилам, в том числе те, которые относятся к обеспечению соблюдения таможенного законодательства.

Аналогичное регулирование имеет место и в праве Европейского союза. Статья 36 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает возможность запрета или ограничения импорта, экспорта или транзита, если такие действия являются оправданными по соображениям общественной морали, общественного порядка, общественной безопасности, охраны здоровья и жизни людей и животных или сохранения растений, защиты культурных ценностей и промышленной собственности. В практике Суда Европейского союза закреплена четкая правовая позиция о том, что действия государства, которые можно квалифицировать как нарушение принципа свободы перемещения товаров на территории таможенного союза, обусловленные защитой здоровья людей и общественной безопасности в соответствии со статьей 36 ДФЕС, признаются правомерными (решения Суда Европейского союза по делам *C-367/89 Aimé Richardt*, пункт 22, *C-72/83 Campus Oil Limited*, пункт 51). Суд

Европейского союза подчеркивает, что цель статьи 36 ДФЕС заключается не в том, чтобы сохранить определенные сферы за юрисдикцией государства-члена, а в том, чтобы позволить национальному законодателю отступить от принципа свободного перемещения товаров настолько, насколько это оправдано для достижения целей, предусмотренных названной статьей. Так как ограничительные меры, разрешенные статьей 36 ДФЕС, отступают от фундаментального принципа свободного движения товаров, они не противоречат ДФЕС лишь постольку, поскольку они оправданы, то есть необходимы для того, чтобы обеспечить защиту здоровья и жизни человека и общественную безопасность (решения по делам *C-153/78 Comissionv. Germany*, пункт 5, *35/76 Simmenthal SpA v. Ministero delle Finanze italiano*, пункт 10, *C-72/83 Campus Oil Limited*, пункт 32, *C-367/89 Aimé Richardt*, пункт 19).

Решение таких задач по контролю за соблюдением правопорядка, как обеспечение исполнения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза, выявление, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза обеспечивают в соответствии со статьей 6 ТК ТС таможенные органы государств-членов.

Дефиниция, содержащаяся в пункте 31 статьи 4 ТК ТС, определяет таможенный контроль как совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в том числе с использованием системы управления рисками, и обозначает его основную цель – обеспечение соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза. Аналогичные правовые предписания имеют место в пунктах E7./F3. главы 2 «Определения» Генерального приложения к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола от 26 июня 1999 года (далее – Киотская конвенция): «таможенный контроль» означает меры, применяемые таможенной службой для обеспечения соблюдения таможенного законодательства.

Право Союза не ограничивает действия таможенных органов государств-членов в вопросе выбора степени таможенного контроля, за исключением указания о его проведении с соблюдением принципов выборочности и достаточности с учетом системы управления рисками.

Принцип дискреционности при принятии решений о проведении таможенного контроля и выборе его форм закреплен в пункте 6 статьи 94 ТК ТС, согласно которой при проведении таможенного контроля каких-либо разрешений, предписаний либо постановлений на его проведение таможенным органам не требуется, за исключением случаев, предусмотренных ТК ТС, к которым рассматриваемая в настоящем деле ситуация не относится.

Согласно пункту 1 статьи 128 ТК ТС таможенные органы применяют систему управления рисками для определения товаров, транспортных средств международной перевозки, документов и лиц, подлежащих таможенному контролю, форм таможенного контроля, применяемых к таким товарам, транспортным средствам международной перевозки, документам и лицам, а также степени проведения таможенного контроля. Стратегия и тактика применения системы управления рисками определяется законодательством государств – членов таможенного союза. Пункты 3 и 4

статьи 130 ТК ТС устанавливают, что порядок сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками устанавливается законодательством государств – членов таможенного союза. Содержание установленных профилей и индикаторов риска предназначено для использования таможенными органами, является конфиденциальной информацией и не подлежит разглашению другим лицам, за исключением случаев, установленных законодательством государств – членов таможенного союза.

Таможенный контроль осуществляется в целях идентификации товаров и транспортных средств, проверки таможенных деклараций, документов и сведений о товарах, выявления и пресечения правонарушений в сфере таможенных отношений.

Рабочий документ TAXUD/A2/TRA/003/2016-EN «Руководство по транзиту», принятый Генеральным директором по налогообложению и таможенному союзу Европейской комиссии, в разделе 3.2 устанавливает право таможенных органов назначения самостоятельно решать вопрос о проведении таможенного контроля и его степени и в случае его проведения проверять, как минимум, эквивалентность идентификационных признаков товара характеристикам, указанным в декларации, и средства идентификации.

Выявление несоответствия идентификационных признаков товара в процессе проведения таможенного контроля предоставляет таможенным органам право инициировать начало административного процесса. В соответствии с пунктом 3 статьи 7 ТК ТС таможенные органы государств – членов таможенного союза ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Таким образом, меры, принимаемые государством как в рамках таможенного контроля, так и в рамках производства по делам об административных правонарушениях в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства и защиты правопорядка не могут являться мерами, препятствующими свободному перемещению товаров между территориями государств-членов и противоречащими требованиям статей 1, 3, 4 и 25 Договора.

2.2. Большой коллегией Суда дана неверная квалификация основных правовых понятий, на толковании которых основываются выводы Суда, неправильно определено их соотношение между собой, в связи с чем решение в нарушение пункта 6 статьи 78 Регламента Суда содержит внутренние противоречия и несовместимые положения.

Так, в соответствии со статьей 123 ТК ТС под взаимной административной помощью понимаются действия таможенного органа одного государства – члена таможенного союза, совершаемые по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

При этом данная дефиниция, сформулированная ясно и недвусмысленно, а поэтому не допускающая иного толкования, делает возможным осуществление взаимной административной помощи только при наличии одного из двух обязательных

условий – предварительного направления поручения либо проведения определенных действий совместно.

В силу пункта 2 статьи 123 ТК ТС взаимное признание решений, принятых таможенными органами, является одним из видов взаимной административной помощи. Таким образом, правило о соблюдении одного из двух указанных обязательных условий распространяется и на взаимное признание решений.

В этой связи нельзя признать мотивированным вывод Большой коллегии Суда о том, что в отличие от видов взаимной административной помощи, взаимное признание решений таможенных органов не предполагает направления... поручений.

Следует отметить, что положения статьи 125 ТК ТС о взаимном признании решений таможенных органов только в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза (разрешено только то, что прямо определено), в настоящее время находится в стадии изменения государствами-членами на установление в статье 357 проекта Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, одобренного распоряжением Евразийского межправительственного совета от 16 ноября 2016 № 19 (далее – проект ТК Союза) обязанности такого признания за исключением случаев, установленных ТК Союза (*ubi jus incertum, ibi nullum* – разрешено то, что не запрещено). В отличие от действующего в ТК ТС правового регулирования проект ТК Союза предусматривает определенные правила поведения таможенных органов и при отсутствии в ТК Союза прямого указания на исключения не допускает возможности усмотрения государств в лице их органов в процессе правоприменения, то есть характеризуется высокой степенью правовой определенности.

О том, что после вступления в силу ТК Союза нормы о взаимной административной помощи не будут относиться исключительно к таможенному контролю, а приобретут общий характер, свидетельствует их перемещение из главы 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов» раздела 3 «Таможенный контроль» ТК ТС в главу 47 «Общие положения о таможенных органах» раздела VII «Таможенные органы» проекта ТК Союза.

Следует отметить и то, что безусловное признание всех решений, принятых таможенными органами одних государств-членов, таможенными органами других государств-членов международной организации региональной экономической интеграции представляет собой высший уровень сотрудничества в рамках единой политики, о котором нельзя было говорить в 2009 году, в момент разработки и принятия ТК ТС.

В этой связи нормы ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года необходимо толковать исключительно с точки зрения существовавшей на момент их принятия стадии региональной экономической интеграции – создание таможенного союза, после чего интеграция прошла с 2012 года следующую стадию – создание единого экономического пространства, и только в 2015 году перешла в новую стадию – учреждение экономического союза. Большая коллегия Суда, не придав данному обстоятельству значения, применила толкование положений указанных актов через призму заключенного спустя пять лет после принятия ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года Договора, установившего более продвинутую форму интеграции, что противоречит формально-юридической логике.

2.3. В соответствии с общей теорией права неисполнение государством – членом Союза права Союза представляет собой нарушение международно-правового обязательства.

В соответствии со статьей 12 «Наличие нарушения международно-правового обязательства» Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния нарушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера.

Большой коллегией Суда не дан ответ на вопрос, что представляет собой международно-правовое обязательство, предусмотренное статьей 125 ТК ТС и статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года. В решении Суда лишь констатирована императивность взаимного признания решений таможенных органов по умолчанию, без оговорок и условий, без оценки обстоятельств, исключающих такое признание.

Большая коллегия Суда ограничилась формальным описанием действующего правового регулирования, *in abstracto*, без анализа вопроса о том, как указанное обязательство должно и (или) могло быть исполнено в конкретных фактических обстоятельствах – при оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита таможенным органом назначения. Решение Суда не учитывает специфики взаимного признания решений таможенных органов в таможенной процедуре таможенного транзита, в том числе через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза.

Судом оставлено без внимания, что правовое регулирование непосредственных действий должностного лица таможенного органа, осуществляющего оформление завершения таможенной процедуры таможенного транзита, претерпело в Союзе существенные изменения по сравнению с периодом времени, когда имели место рассматриваемые события.

Порядок действий должностных лиц таможенных органов при совершении таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита, регулируется Решением Комиссии от 17 августа 2010 года № 438.

Редакция данного правового акта, действовавшая на момент, когда имели место рассматриваемые события, не содержала правового регулирования критериев оценки признаков нарушений таможенного законодательства, правовых последствий выявления признаков нарушений таможенного законодательства при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, конкретного механизма действий должностного лица таможенного органа в такой ситуации. Регулирование порядка действий должностного лица таможенного органа назначения в случае выявления признаков нарушений таможенного законодательства отсутствовало на тот момент и в иных актах права Союза.

Решением Комиссии № 147 от 10 ноября 2015 года, вступившим в силу 10 мая 2016 года, внесены изменения в Решение Комиссии от 17 августа 2010 года № 438. Таким образом, в настоящее время указанный выше пробел в правовом регулировании устранен, предусмотрен специальный порядок действий должностных лиц таможенных органов при выявлении нарушений таможенного законодательства при

завершении таможенной процедуры таможенного транзита – принятие должностным лицом таможенного органа решения об оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита, в том числе с указанием выявленных признаков нарушений, или иного решения в соответствии с законодательством государства-члена. Указание сведений о выявленных признаках нарушений осуществляется на одном экземпляре транзитной декларации либо транспортного (перевозочного) документа с отметками о выпуске товаров в случае использования в качестве транзитной декларации транспортных (перевозочных), коммерческих документов.

Об урегулировании в настоящее время порядка действий должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь при наличии сомнений в статусе товара свидетельствует и введение Республикой Беларусь после рассматриваемых событий национального правового регулирования. Так, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 года № 366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь» установлено, что при наличии оснований для отнесения товаров, перемещаемых в качестве товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита из Калининградской области Российской Федерации через Республику Беларусь на остальную часть территории Российской Федерации, к иностранным товарам место доставки таких товаров изменяется таможенным органом Республики Беларусь с таможенного органа Республики Беларусь на таможенный орган Российской Федерации, при этом предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов в отношении указанных товаров не требуется.

Таким образом, в настоящее время признаки нарушения таможенного законодательства таможенного союза и таможенного законодательства государств-членов, сомнения относительно статуса товаров, следующих в таможенной процедуре таможенного транзита, выявленные таможенным органом Республики Беларусь как таможенным органом назначения (именно на невозможности Ответчика усомниться в статусе товаров основана правовая позиция Истца), не препятствуют завершению процедуры таможенного транзита с указанием выявленных признаков нарушений и изменением места доставки товара на таможенный орган Российской Федерации без начала производства по делу об административном правонарушении.

В этой связи можно утверждать, что с учетом существующего правового регулирования в аналогичной ситуации спор относительно различной интерпретации статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года в настоящее время не может возникнуть.

Таким образом, следует констатировать наличие на момент рассматриваемых событий правовой неопределенности, существенной для предмета спора, а также несоответствия нормоустановлений статьи 125 ТК ТС, статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года и пункта 19 Решения Комиссии от 17 августа 2010 года № 438 в их взаимосвязи требованиям полноты и конкретности правового регулирования, отсутствия декларативности и пробелов, а следовательно их противоречие принципу правовой определенности.

Эффективное развитие евразийской экономической интеграции может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правоприменительными органами всех государств-членов норм права Союза. Конституционными судами Сторон спора сделан однозначный вывод о том, что в целях единообразной интерпретации правоприменителем правовая норма должна отвечать требованию определенности, ясности и недвусмысленности, тогда как неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает дискрецию, возможность неограниченного усмотрения государства в лице его органов в процессе правоприменения (постановления Конституционного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 18 ноября 2014 года № 30-П). Принцип правовой определенности предполагает системность и комплексность правового регулирования общественных отношений, ясность, точность, непротиворечивость и логическую согласованность норм законов, обеспечивающих возможность их единообразного применения на практике (решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 декабря 2013 года № Р-913/2013, от 20 января 2015 года № Р-975/2015).

Более того, рассматриваемые обстоятельства отчетливо демонстрируют отсутствие единой позиции, а именно согласования воли государств – членов Союза, в том числе Сторон спора, по предмету требования в момент, когда имели место рассматриваемые события.

Отсутствие четкого правового предписания относительно порядка действий должностного лица таможенного органа при выявлении признаков нарушений таможенного законодательства, исчерпывающего перечня мер, принимаемых таможенными органами в таких случаях, не предоставляет возможности дать оценку действиям государства с точки зрения актуального для рассматриваемых обстоятельств права – *quod non est in actis, non est in mundo* (что отсутствует в документах, то не существует). Исходя из этого, единственно правильным может являться вывод о невозможности нарушения несуществующего стандарта должного поведения.

Следует также подчеркнуть, что в силу пункта 102 Статута Суда решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых, то есть Суд не наделен государствами-членами правом устанавливать определенный режим регулирования. Суд является органом нормоконтроля и правоприменения, тогда как полномочия по созданию норм права Союза принадлежат исключительно государствам – членам и органам Союза, которые государства-члены наделили соответствующими полномочиями. Таким образом, анализ Договора и Статута Суда позволяет установить волю государств-членов, заложенную в указанные правовые акты при создании Суда, а именно то, что Суд при рассмотрении дел вправе толковать право Союза и восполнять существующие в нем пробелы, но не в тех случаях, когда правового регулирования не существует либо оно является неполным, а только тогда, когда имеющаяся норма является непонятной либо несколько норм находятся в противоречии между собой.

Таким образом, отсутствие в действовавших на момент рассматриваемых событий нормах статьи 125 ТК ТС, статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года и пункта 19

Решения Комиссии от 17 августа 2010 года № 438 правовой определенности в регулировании порядка действий таможенных органов при завершении таможенной процедуры таможенного транзита, условий взаимного признания решений таможенных органов, а также обстоятельств, которые могут исключать или ограничивать такое признание (в том числе выявленных таможенными органами признаков нарушений таможенного законодательства, исключений из порядка функционирования внутреннего рынка, предусмотренных статьей 29 Договора), то есть отсутствие четко сформулированной обязанности и стандарта должного поведения государства в лице его таможенных органов, свидетельствует об отсутствии у Ответчика соответствующей международно-правовой обязанности согласно статье 12 Проекта статей об ответственности государств за международно-правовые деяния и прямо указывает на наличие дискреции таможенных органов в данном вопросе.

С точки зрения формально-юридической логики и принципа отсутствия ретроспективной силы международного договора нельзя согласиться с используемым Большой коллегией Суда подходом к толкованию действовавших на момент рассматриваемых событий норм ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года на основании принятых позднее актов права Союза, в частности, Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, принятого 10 октября 2014 года и вступившего в силу 2 января 2015 года, а также проекта ТК Союза. Сам факт принятия нового правового регулирования напротив свидетельствует о недостатках предыдущего, наличии в нем пробелов, несогласованных вопросов и необходимости его совершенствования, а избранный для толкования подход содержит противоречие принципу *lex posterior derogat priori*.

Не принято во внимание Большой коллегией Суда и то обстоятельство, имеющее существенное значение для разрешения конкретного спора о порядке осуществления таможенного транзита между двумя государствами, что об отсутствии достаточного правового регулирования спорного вопроса в момент рассматриваемых событий свидетельствуют имеющиеся в материалах дела сведения о продолжающейся между Сторонами спора работе по согласованию Порядка совершения таможенных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Евразийского экономического союза через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза, который предполагается утвердить постановлением Совета Министров Союзного государства.

В этой связи единственно правильным является сделанный Большой коллегией Суда в резолютивной части решения вывод об исполнении Республикой Беларусь положений статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, а указание о неполноте такого исполнения и частичном удовлетворении требований Истца противоречит приведенным обстоятельствам.

2.4. Большой коллегией Суда не приняты во внимание фактические обстоятельства дела, не дана оценка доказательствам выявления таможенными органами Республики Беларусь признаков нарушений таможенного законодательства, что послужило основанием для начала производства по делам об административных правонарушениях.

В материалах дела имеются представленные Ответчиком доказательства выявления еще в 2014 году таможенными органами Республики Беларусь признаков административных правонарушений при перевозке указанных в заявлении Истца партий товаров, в частности, документы (фотографии товара и упаковки, сведения о несоответствиях в инструкциях по эксплуатации, нанесение идентификационных номеров бытовой техники путем размещения самоклеящихся наклеек поверх иного идентификационного номера и другие), которые, по мнению Ответчика, свидетельствуют о наличии сомнений в том, что к завершению таможенной процедуры таможенного транзита предъявлен именно тот товар, который указан в товаросопроводительных документах, а также письма Северо-Западной оперативной таможни ФТС Российской Федерации от 22 декабря 2014 года № 14-16/16686 и от 24 декабря 2014 года № 14-16/16805 в адрес Ошмянской таможни о недостоверности сведений о получателе товара в товаросопроводительных документах, представленных таможенным органам Республики Беларусь для завершения таможенной процедуры таможенного транзита (юридическое лицо по указанному в документах адресу не располагается, создано фиктивно, лицо, которое является директором в соответствии с учредительными документами, не подписывало договоры поставки товаров, в отношении которых приняты ограничительные меры).

Вывод Большой коллегии Суда о презумпции достоверности сведений и обстоятельств, содержащихся в таможенных декларациях с разрешительными отметками таможенных органов отправления, не подтверждается приведенными выше сведениями о выявленных признаках нарушений.

Утверждение Большой коллегии Суда о том, что право аннулировать документ, подтверждающий статус товара, отнесено исключительно к компетенции Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, не соответствует положениям пункта 7 Порядка выдачи и применения заключений о статусе товара, произведенного в СЭЗ или на свободном складе, формы ТЕАЭС и формы ИТ, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 437. Согласно данной норме заключение о статусе товара может быть признано недействительным таможенным органом государства – члена Союза в случае если сведения о товарах, указанные в заключении, не соответствуют сведениям о товарах, содержащимся в таможенной декларации на товары, поданной таможенному органу государства-члена при завершении таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Кроме того, существует устойчивая практика судебных органов Российской Федерации о том, что при наличии данных, свидетельствующих об отсутствии у товара статуса товара таможенного союза, заключение торгово-промышленной палаты, выданное на основании акта экспертизы, не подтверждает наличие у товара статуса товара таможенного союза, а факты отсутствия его аннулирования торгово-промышленной палатой и отсутствия признания его недействительным таможенным органом не имеют правового значения для правильного разрешения дела (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2016 года по делу № А21-6515/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 сентября 2016 года по делу № А21-5165/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 сентября 2016 года по делу № А21-6201/2015).

Нельзя признать обоснованным как с процессуальной точки зрения, так и по существу указание в решении Большой коллегии Суда о том, что из заявления Истца следуют обстоятельства, подтверждающие, что собственниками товаров (перевозчиками) и таможенными органами Истца соблюдены необходимые требования положений глав 24 и 26 ТК ТС. Из возражений Ответчика и представленных им доказательств, не получивших оценки Суда, следует диаметрально противоположный вывод. Мотивы, по которым Судом приняты одни и отвергнуты другие доводы Сторон, в решении Суда не приведены.

Между тем таможенные органы назначения вправе осуществлять проверку достоверности информации, содержащейся в документах, признанных таможенными органами отправления, поскольку в соответствии со статьей 215 ТК ТС в таможенной процедуре таможенного транзита товары перевозятся под таможенным контролем по таможенной территории таможенного союза, в том числе через территорию государства, не являющегося членом таможенного союза, а таможенный контроль согласно пункту 2 статьи 95 ТК ТС распространяется на товар, документы и деятельность лиц. В силу статьи 189 ТК ТС декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза за заявление недостоверных сведений, указанных в таможенной декларации, в том числе при принятии таможенными органами решения о выпуске товаров с использованием системы управления рисками.

Согласно требованиям статьи 182 ТК ТС транзитная декларация должна содержать информацию об отправителе, получателе товаров в соответствии с транспортными (перевозочными) документами.

На этом основании указание в транзитных декларациях недостоверной информации, в том числе о получателе товара, является нарушением таможенного законодательства, а действия таможенных органов Республики Беларусь, в результате которых были выявлены признаки такого нарушения, не могут квалифицироваться как нарушение принципа свободы движения товаров, установленного статьей 25 Договора.

При этом, как указано выше, Суд не наделен полномочиями по проверке решений национальных юрисдикционных органов по делам об административных правонарушениях, а вопросы применения права Союза должны решаться Судом в рамках пределов судебного разбирательства, с учетом установленных такими решениями (при их наличии) вопросов факта.

Кроме того, Большая коллегия Суда не воспользовалась предоставленным пунктом 4 статьи 77 Регламента Суда правом возобновить производство по делу в связи с необходимостью выяснения новых обстоятельств и дополнительного исследования доказательств, имеющих существенное значение для рассмотрения заявления.

Так, в ответ на ранее адресованный Судом Ответчику запрос Республикой Беларусь после удаления Суда в совещательную комнату были направлены в Суд дополнительные доказательства выявления признаков административного правонарушения (несоответствие перевозимого товара представленным товаросопроводительным документам) по одному из фактов таможенного транзита. Несвоевременное направление данных документов в Суд было мотивировано Ответчиком различными объективными причинами.

То обстоятельство, что данные документы были предоставлены Ответчиком именно по запросу Суда, свидетельствует о предварительном признании их Судом необходимыми для полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств дела и вынесения законного и обоснованного решения.

Таким образом, указанные доказательства имели существенное значение для рассмотрения заявления, поэтому Суд был обязан возобновить производство по делу и решить вопрос об их приобщении к материалам дела, однако такой возможностью не воспользовался.

С учетом изложенного, решение Большой коллегии Суда основано на неполно исследованных обстоятельствах дела, а факты, установленные данным решением, являются установленными формально, на основании изучения лишь части имеющихся доказательств, в связи с чем не могут восприниматься и использоваться государствами-членами и правоприменителем без соответствующей оговорки.

2.5. Как было указано ранее, вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях и привлечения лиц к административной ответственности не входят в сферу применения права Союза, на них не распространяется компетенция Суда. Вместе с тем, представляется целесообразным прибегнуть к доктрине пропорциональности, активно применяемой в практике международных судов как стандарту оценки дискреционных решений государственных органов. Концепция пропорциональности подразумевает анализ следующих кумулятивных критериев: наличие полномочий на применение меры, достаточность (избранные средства способны достигать поставленных целей), соразмерность (отсутствие для достижения цели менее обременительных средств).

По результатам исследования доказательств по делу следует констатировать наличие у Ответчика полномочий на осуществление производства по делам об административных правонарушениях, поскольку согласно пункту 2 статьи 3.29 и пункту 1 статьи 3.30 ПИКоАП Республики Беларусь должностные лица таможенных органов, ведущие административный процесс, наделяются полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению.

Кроме того, избранные таможенным органом средства способны обеспечить достижение поставленной перед ним цели – защиты правопорядка и пресечения правонарушений. В соответствии со статьей 8.9 ПИКоАП Республики Беларусь предметы административного правонарушения, за совершение которого предусмотрена их конфискация, изымаются должностным лицом органа, ведущего административный процесс, на срок до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении. Изъятие товара в рассматриваемых обстоятельствах являлось действенной превентивной мерой по причине высокого риска того, что при отсутствии ответов таможенных органов Российской Федерации на запросы таможенных органов Республики Беларусь относительно товара, выпущенного в процедуру реимпорта в свободное обращение, проверяемый товар с признаками административного правонарушения будет реализован на территории Союза еще до перемещения в место назначения, после чего последующий таможенный контроль в форме таможенной проверки станет де-факто невозможным.

В силу пробелов наднационального правового регулирования действий должностного лица таможенного органа в случае выявления признаков нарушения таможенного законодательства при проверке документов и идентификации товаров и выбора релевантной меры, предусмотренной национальным правом, такие действия не могут быть оценены как несоразмерные и нарушающие международно-правовые обязательства Республики Беларусь. Кроме того, Большая коллегия Суда не приняла во внимание добросовестность поведения Ответчика после выявления признаков административного правонарушения и сомнений в идентификации товара, представленного для оформления завершения таможенной процедуры таможенного транзита. Таможенными органами Республики Беларусь в адрес таможенных органов Российской Федерации были направлены официальные письма с предложением оказать содействие таможенным органам Российской Федерации в проведении соответствующей проверки и выражением готовности принять совместные соответствующие решения в соответствии с законодательством таможенного союза (письмо Первого заместителя Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в адрес заместителя Руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 5 декабря 2014 года № 03/15161), с просьбой принять совместные решения о судьбе товаров в соответствии с законодательством таможенного союза (письмо Председателя Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в адрес Руководителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 6 декабря 2014 года № 22). Письма с просьбой представить документы и сведения, а также совершить определенные процессуальные действия направлялись таможенными органами Ответчика не только в адрес центрального, но и в адрес региональных таможенных органов Истца, однако не получили должного ответа.

Отказ в сотрудничестве мотивировался следующими основаниями:

обращение в обязательном порядке должно соответствовать требованиям, указанным в Соглашении от 21 мая 2010 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/33276);

запрос не должен являться поручением на совершение отдельных процессуальных действий на территории иностранного государства и должен в обязательном порядке содержать ссылку на Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/32876);

Калининградская областная таможня не считает сведения и основание, указанные в запросах Ошмянской таможни, достаточными для их исполнения в рамках Соглашения от 21 мая 2010 года (письмо Калининградской областной таможни от 19 декабря 2014 года № 37-18/33854).

Отказ в сотрудничестве таможенных органов противоречит нормам международного права. Так, статья 2 Международной конвенции о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений от 9 июня 1977 года устанавливает, что Договаривающиеся Стороны, принявшие обязательства по одному или нескольким Приложениям к настоящей Конвенции, соглашаются, что их таможенные службы будут оказывать друг другу

взаимное содействие в целях предотвращения, расследования и пресечения таможенных правонарушений в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

Отсутствие ответов таможенных органов Истца по существу запросов Ответчика и неготовность к проведению совместных с ним мероприятий также явились основанием для возбуждения Ответчиком производства по делам об административных правонарушениях в целях выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений и применения к товару мер, предусмотренных национальным правом. При этом следует учитывать, что впоследствии товар был обращен в доход государства в соответствии с национальным законодательством как предмет административного правонарушения, факт совершения которого установлен вступившими в законную силу постановлениями, вынесенными в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного следует констатировать пропорциональность мер, примененных таможенными органами Ответчика в целях выявления, предупреждения и пресечения административных правонарушений.

2.6. Решение Большой коллегии Суда не отвечает требованиям, предъявляемым к нему пунктом 4 статьи 78 Регламента Суда, и не содержит доказательств, на которых основан вывод Суда об исполнении Республикой Беларусь не в полном объеме статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, тогда как материалы дела свидетельствуют об отсутствии в действиях Республики Беларусь признаков такого неполного исполнения.

Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа другого государства – члена таможенного союза или совместно с ним в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза является одной из форм взаимной административной помощи согласно статье 123 ТК ТС.

В соответствии со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года наличие данных, свидетельствующих о возможном нарушении требований таможенного законодательства таможенного союза и (или) законодательства государства – члена таможенного союза, является основанием направления поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля.

Согласно пункту 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года контекст международного договора включает, кроме текста, любые соглашения, относящиеся к договору, достигнутые между участниками в связи с заключением договора.

Оказание взаимной административной помощи таможенными органами государств-членов регулируется главой 17 ТК ТС, источником более высокого с точки зрения юридической техники уровня – кодифицированным актом. О производном от ТК ТС характере Соглашения от 21 мая 2010 года свидетельствует и прямое указание в преамбуле на то, что при его разработке участники основываются на Договоре о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года.

Согласно статье 126 ТК ТС в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза, а также предупреждения и пресечения нарушений

таможенного законодательства таможенного союза таможенный орган одного из государств – членов таможенного союза вправе поручить таможенному органу другого государства-члена проведение отдельных форм таможенного контроля. Следовательно, направление поручений осуществляется таможенным органом в инициативном порядке. Данная норма является уполномочивающей, а не обязывающей, регулирует способ воздействия на общественные отношения, связанные с направлением поручений таможенными органами. Статьи 11-14 Соглашения от 21 мая 2010 года в силу бланкетного характера части 2 статьи 126 ТК ТС развивают ее положение, дополняя правовое регулирование такими процессуальными аспектами, как основания, форма, порядок направления и исполнения поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля, но не затрагивают регулирование в части способа воздействия (право или обязанность).

Большой коллегией Суда не дана оценка действиям таможенных органов Республики Беларусь с позиции принципа целесообразности (исчерпания внутренних средств). Системное толкование статей 11-14 Соглашения от 21 мая 2010 года позволяет сделать вывод о том, что необходимость в обращении за административной помощью в виде направления запросов возникает у таможенных органов преимущественно тогда, когда объекты таможенного контроля, предусмотренные пунктом 2 статьи 95 ТК ТС, находятся на территории другого государства. В соответствии с пунктом 1 статьи 96 ТК ТС таможенный контроль проводится в зоне таможенного контроля, а также в других местах, определяемых таможенными органами, где находятся товары, транспортные средства и документы, содержащие сведения о них, в том числе в электронной форме. Таким образом, направление поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля производится таможенным органом только в том случае, если у него нет возможности принять соответствующие меры самостоятельно, либо если такие действия по каким-либо причинам нецелесообразны. Направление таможенными органами одного из государств – членов Союза поручения таможенным органам другого государства-члена по каждой из применяемых форм таможенного контроля в отношении всех товаров, перемещаемых через таможенную границу и помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита, противоречит принципам процессуальной экономии и эффективного использования имеющихся в распоряжении таможенных органов ресурсов.

Согласно пункту 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года при толковании международного договора учитывается последующая практика применения договора. В этой связи большое значение имеют оставленные без внимания Большой коллегией Суда имеющиеся в материалах дела ответы на поставленные Судом перед центральными таможенными органами государств – членов Союза в соответствии с пунктом 55 Статута Суда вопросы о практике применения ими статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года. Выявление так называемого «евразийского стандарта» правоприменения имеет большое значение для вынесения Судом законного решения, поскольку в силу пункта 2 Статута Суда целью его деятельности является обеспечение единообразного применения государствами – членами и органами Союза права Союза.

Ответы таможенных органов свидетельствуют об отсутствии у них обобщенной информации о практике применения статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года, от-

сутствии или незначительности такой практики (письмо Комитета государственных доходов Правительства Республики Армения от 28 ноября 2016 года № 5-2/36591-16, письмо Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 17 октября 2016 года № 09-1-10/10716, письмо Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики от 12 октября 2016 года № 25-10-11/7779, письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2016 года № 06/118934-МТ, содержащее ответы Федеральной таможенной службы Российской Федерации).

Кроме того Министерство финансов Республики Армения в письме № 2-5/27320-16 от 8 декабря 2016 года и Государственный таможенный комитет Республики Беларусь в указанном выше письме сообщили, что направление поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля является правом, а не обязанностью таможенного органа государства-члена.

Таким образом, ответы, полученные из таможенных органов государств-членов, свидетельствуют об отсутствии устойчивой практики направления поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля таможенными органами государств – членов Союза, что также позволяет сделать вывод об отсутствии императивного требования к таможенным органам о направлении поручений в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и предупреждения, пресечения, расследования нарушений таможенного законодательства таможенного союза.

На основании изложенного, направление поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля таможенными органами государств – членов Союза таможенным органам других государств-членов в соответствии со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года представляет собой право, а не обязанность, и определяется мотивами целесообразности в случае исчерпания внутренних средств.

Кроме того, поддержанный Большой коллегией Суда довод Истца о том, что таможенными органами Республики Беларусь не были направлены поручения таможенным органам Российской Федерации о проведении отдельных форм таможенного контроля, не соответствует представленным Сторонами и исследованным Судом доказательствам. Так, имеющиеся в материалах дела документы (в частности, письмо начальника Гродненской региональной таможни на имя заместителя начальника Центрального таможенного управления Федеральной таможенной службы Российской Федерации начальника Центральной оперативной таможни от 11 декабря 2014 года № 03-2/18966, письмо исполняющего обязанности заместителя начальника Ошмянской таможни на имя исполняющего обязанности начальника Северо-Западного таможенного управления от 11 декабря 2014 года № 03-2/2739 и другие) *prima facie* соответствуют общим требованиям, предъявляемым к ним статьей 12 Соглашения от 21 мая 2010 года, однако в их исполнении таможенными органами Российской Федерации отказано по формальным основаниям.

В данном контексте возможно использовать и сложившуюся практику международных судов. Так, Постоянная палата международного правосудия в решении от 30 августа 1924 года по делу о концессиях Мавроматиса в Палестине сделала вывод о том, что суд, юрисдикция которого является международной, не обязан придавать

вопросам формы такую же степень важности, которой они могут обладать во внутреннем праве.

Таким образом, следует констатировать соблюдение Ответчиком требований статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года.

3. Неправильное применение и несоблюдение норм процессуального права

Полагаю необходимым указать и на несоблюдение Большой коллегией Суда норм права, устанавливающих порядок судопроизводства в Суде.

В соответствии с пунктами 1, 2 статьи 77 Регламента Суда, решение выносится Судом в совещательной комнате, сведения о содержании обсуждения при вынесении решения Суда, позиции отдельных судей Суда являются тайной совещания судей.

31 января 2017 года Секретариатом Суда в системе электронного документооборота Суда была зарегистрирована служебная записка одного из судей Большой коллегии, в которой приведены цитата из подготовленного в совещательной комнате проекта решения Суда, сведения о содержании обсуждения при вынесении решения Суда и высказанные позиции, а также собственное мнение этого судьи по вопросам, которые после удаления Суда в совещательную комнату не могут публично обсуждаться либо озвучиваться судьей. Доступ к электронной копии указанного документа помимо судей Большой коллегии Суда имели иные лица, что прямо указывает на нарушение тайны совещания судей.

Обращаю внимание, что помимо требований статьи 77 Регламента Суда необходимость соблюдения тайны совещания судей является международным обычаем и предусмотрена регламентами других международных судов (например, статья 21 Регламента Международного Суда ООН, статья 35 Статута Суда Европейского союза, статья 4 Правил процедуры Суда Европейского союза, правило 22 Регламента Европейского суда по правам человека).

Кроме того, в национальном законодательстве государств – сторон спора нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения в силу его особой значимости является существенным нарушением процессуального права и безусловным основанием к отмене решения суда (например, пункт 5 части второй статьи 404 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, пункт 7 части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункт 7 части 4 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Еще одним существенным нарушением процесса судопроизводства является порядок разрешения Большой коллегией Суда ходатайства Ответчика о прекращении производства по делу и принятия по нему процессуального решения.

Так, данное ходатайство по столь важному вопросу, имеющему существенное значение по делу, было разрешено Большой коллегией Суда без удаления в совещательную комнату и без вынесения постановления в виде отдельного процессуального документа, протокольным постановлением, без изложения мотивов принятого решения и оценки доводов Ответчика.

При этом, системное толкование статей 56 и 84 Регламента Суда дает основание прийти к выводу о том, что постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении производства по делу, как и постановление о прекращении производства по делу, должны выноситься в совещательной комнате, поскольку, голосуя за то

или иное решение и не зная, будет оно о прекращении производства по делу либо об отсутствии для этого оснований, Суд был обязан предварительно удалиться в совещательную комнату и, как следствие, вынести по данному вопросу мотивированное постановление в виде отдельного акта.

Более того, доводы Ответчика о наличии оснований для прекращения производства по делу не получили оценки Большой коллегии Суда и в итоговом решении Суда по делу, равно как и аргументы Сторон о наличии или отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению данного спора.

Данное обстоятельство свидетельствует о несоблюдении прав Ответчика, который так и не получил мотивированного ответа на поставленные перед Большой коллегией Суда вопросы об отсутствии компетенции Суда по рассмотрению данного спора.

4. Выводы

На основании изложенного, Большой коллегии Суда следовало:

при решении вопроса о приемлемости в соответствии с подпунктами «а» и «б» пункта 2 статьи 33 Регламента Суда вынести постановление об отказе в принятии заявления Российской Федерации в связи с тем, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда, а также в связи с несоблюдением установленного досудебного порядка урегулирования спора;

на более поздней стадии процесса в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 56 Регламента Суда вынести постановление о прекращении производства по делу в связи с тем, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда;

в случае вынесения решения по существу спора в соответствии с подпунктом 1 пункта 105 Статута Суда и пунктом 5 статьи 78 Регламента Суда отказать в удовлетворении требований Истца в полном объеме, установив факт соблюдения Республикой Беларусь статей 1, 3, 4 и 25 Договора, статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

Д.Г. Колос

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

21 февраля 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по решению Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 года по делу № СЕ-1-1/1-16-БК.

1. Факты

Компании, расположенные в Калининградской области, являются производителями и собственниками бытовой техники, которая собирается в этом регионе Российской Федерации, является товаром Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Помимо прочих двадцати пяти случаев в 2014 году, в которых техника, принадлежащая российским компаниям, систематически задерживалась контролирующими органами Республики Беларусь, была конфискована и обращена в доход Республики Беларусь, четыре случая задержания и конфискации бытовой техники имели место после 1 января 2015 года.

В 2016 году последовало обращение в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд), дело было принято к производству, в ходе судебного рассмотрения выяснено следующее.

Позиции Истца и Ответчика расходятся по вопросу о понятии свободы движения товаров и содержании правила о взаимном признании решений, а также о том, что понимается под решением, в каких случаях решения таможенных органов одного государства-члена должны признаваться таможенными органами другого государства-члена, каким образом признание решений таможенных органов влияет на осуществление принципа свободного движения товаров и функционирование единого рынка Союза.

2. О правовом содержании принципа свободного движения товаров

2.1. Согласно статье 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) в рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров.

Согласно статье 3 Договора Союз осуществляет свою деятельность на основе принципов уважения общепризнанных принципов международного права (*ius cogens*); соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

В соответствии с абзацем третьим статьи 4 Договора одной из основных целей Союза является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора, «общий (единый) рынок» – совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В этом контексте отметим, что Евразийский экономический союз является международной организацией интеграционного типа, которой государства-члены передали компетенцию по установлению единых правил обязательного характера, в том числе и в сфере таможенных отношений. Решения органов ЕАЭС подлежат непосредственному применению на территории государств-членов, обладают прямым действием, поэтому Суд ЕАЭС призван обеспечить единообразное применение международных договоров и решений органов Союза (пункт 2 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) в отношении принципа свободного движения товаров как при рассмотрении споров, так и при ответах на запросы.

В соответствии со статьей 1 Договора в рамках ЕАЭС обеспечивается проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. Согласно абзацу 6 статьи 2 Договора под «единой политикой» понимается политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

2.2. Свобода движения товаров относится к единой политике, но не является абсолютной и может быть ограничена в строго определенных случаях. Об этом, например, говорится в статье 36 Договора о функционировании Европейского Союза. Таким же образом регулируются эти вопросы в праве Всемирной торговой организации (далее – ВТО) согласно статьям XX и XXI ГАТТ 1994, действующим для Таможенного союза с 2012 года.

Договор о ЕАЭС исходит из аналогичного подхода. Так, закрепляя в пункте 1 статьи 1 принцип свободного движения товаров, Договор позволяет государствам-членам отступать от данного принципа в случаях, перечисленных в статье 29 Договора, согласно которой государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Данный список исключений является закрытым, то есть ограничение допуска товаров на внутренний рынок допустимо только в перечисленных случаях.

2.3. Для подтверждения правомерности своих действий органы Республики Беларусь должны были представить доказательства а) того, что у них были основания полагать, что товары, производимые в Калининградской области, могли быть задержаны на основании исключений, установленных статьей 29 Договора, и б) того, что их действия не являлись неоправданной дискриминацией и скрытым ограничением торговли, а также не вели к нарушению прав собственников товаров. Такие доказательства Суду не предоставлены.

С учетом того, что конфискованные товары (холодильники, телевизоры, микроволновые печи) впоследствии были реализованы на внутреннем рынке, но не уничтожены в публичных целях, а доход от реализации товаров передавался не производителю, но был обращен в государственный бюджет, нет оснований полагать, что какое-либо из вышеуказанных оснований статьи 29 Договора применимо в рассматриваемой спорной ситуации. Товары, подпадающие под исключения статьи 29 Договора, не используются для целей пополнения бюджета, а подлежат уничтожению (см. статью 59 ТРИПС ВТО).

2.4. Так как таможенное регулирование отнесено к сфере единой политики в соответствии со статьей 32 Договора, следует сделать вывод, что в области таможенного регулирования для всех государств – членов Союза действуют одинаковые правила, установленные на наднациональном уровне, отклонение от которых, в том числе со ссылкой на нормы национального права, невозможно.

Для достижения целей, установленных в Договоре, а именно обеспечения свободы движения товаров и функционирования единого внутреннего рынка, в ЕАЭС предусмотрены особые механизмы, предполагающие соблюдение принципа взаимного доверия во взаимодействиях таможенных органов государств-членов.

В силу того, что в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование, предполагается его функционирование на основе определенных стандартов (статья 25 Договора).

В подпунктах 1) и 5) пункта 1 статьи 25 Договора определено, что в рамках таможенного союза государств-членов функционирует внутренний рынок товаров и осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов.

Закрепленное в статье 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) взаимное признание актов – это процессуальное правило, обеспечивающее действие материально-правовой нормы о свободе движения товаров применительно к государствам – членам Таможенного союза. Принцип взаимного признания решений позволяет осуществлять свободное движение товаров в рамках ЕАЭС, что ведет к достижению цели функционирования единого внутреннего рынка Союза.

Под понятие решения, которое должно признаваться органами власти другого государства, подпадает оформляющее определенную таможенную процедуру разрешение, правомерно выданное органами власти в рамках своей компетенции, имеющее определенную документальную форму (в рассматриваемом случае – это ле-

гализованная печатью государственных органов таможенная декларация). В свою очередь, понятие признания решений означает экстерриториальное действие решений органов власти, то есть распространение законной силы административного акта на территорию другого государства. В соответствии с этим принципом решения административных органов должны применяться без изменений, недопустимо принимать новые обязательные решения в государстве назначения товара, если товар был легализован в другом государстве.

Непризнание акта органов одного из государств – членов Союза считается эквивалентным незаконным количественным ограничениям в торговле товарами в Таможенном союзе.

Подобный подход применяется и в практике других таможенных союзов, например, в Европейском Союзе (далее – ЕС): запрещаются любые национальные меры, способные прямо или косвенно, фактически или потенциально воспрепятствовать торговле товарами, законно произведенными в любом из государств – членов ЕС (см., например, решение Суда ЕС от 20 февраля 1979 года по делу C-120/78 *Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein*).

3. Режим доверия

3.1. Таможенный союз функционирует с соблюдением правил ВТО, регламентирующих свободу движения товаров. При этом, в соответствии со статьей XXIV ГАТТ 1994, в таможенных союзах предусматриваются разные процессуальные режимы для товаров из государств – членов союза и из третьих стран: проверка товаров, происходящих из государств-членов, может производиться по другим правилам (режим доверия).

Подобные иные правила установлены для таможенного администрирования товаров Таможенного союза.

В рамках евразийской интеграции взаимное признание актов таможенных органов о товарах ЕАЭС предусмотрено как ТК ТС, так и некоторыми другими соглашениями, имеющими целью установление режима доверия между договаривающимися государствами, что соответствует правилам ВТО.

Норма статьи 125 ТК ТС предусматривает, что решения таможенных органов, принятые при совершении таможенных операций, а также при проведении таможенного контроля, взаимно признаются таможенными органами государств – членов таможенного союза и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза.

Особо следует подчеркнуть, что данная статья находится в главе 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов» раздела 3 «Таможенный контроль», то есть касается случаев взаимной помощи при проведении таможенного контроля, но не нацелена на институт правовой помощи по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, на который указывал Ответчик как на единственный случай обязательного признания решений, предусмотренный таможенным законодательством.

В связи с этим следует отметить, что при наличии специального правового регулирования по вопросу о взаимной помощи в наднациональной организации при-

менению подлежат соответствующие нормы и институты, закрепленные в нормах права данной организации (Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 23 мая 2016 года по делу *AVOTINŠ v. LATVIA*, жалоба № 17502/07, параграф 113), однако в отсутствие такого регулирования правовая помощь по гражданским, уголовным и делам об административных правонарушениях является институтом международного обычного права, основанным на взаимности признания действия норм национального права, и не имеет отношения к рассматриваемому Судом делу по вопросу действия наднационального права ЕАЭС.

В отличие от обычной правовой помощи, взаимное признание решений при таможенном контроле является императивным механизмом договорного права ЕАЭС и предусматривает обязанность (а не право) признавать равную юридическую силу решений таможенных органов.

Статья 125 ТК ТС содержит отсылку на «случаи, определенные таможенным законодательством ТС» (в договорах). В развитие и на основании данной нормы и в целом главы 17 ТК ТС было принято Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года), действовавшие и в 2014-2015 годах, которое в статье 17 повторяет норму статьи 125 ТК ТС, но без указанной отсылки, тем самым в договорном порядке расширяя сферу применения института взаимного признания решений при проведении таможенного администрирования путем исключения любых ограничений, которые могут быть предусмотрены как таможенным законодательством Таможенного союза, так и национальным законодательством государства-члена, что соответствует правилам ГАТТ.

Таким образом, таможенные органы в месте прибытия товаров, находящихся под процедурой таможенного транзита, на территорию ЕАЭС должны признавать решения таможенных органов места отправления, не проводить операций, связанных с проверкой таких решений (стандарт «*применять – не изменять*») или ведущих к ограничению их действия на территории Таможенного союза.

3.2. Лингвистический анализ перечисленных норм позволяет сделать вывод, что постоянное использование в их формулировке индикатива настоящего времени (так называемое «настоящее предписания») призвано выражать значение долженствования и является показателем безусловности содержащегося в них предписания. Таким образом, по своему буквальному смыслу норма содержала точное указание на обязанность таможенных органов одного государства-члена признавать решения таможенных органов других государств – членов Союза.

Формулировки анализируемых норм включают выражение «равная юридическая сила» документов, содержащих решения по таможенному администрированию.

Понятие юридической силы правовых актов определяется как способность правового акта действовать и порождать определенные юридические последствия. Юридическая сила правового акта характеризуется двумя аспектами: 1) способность акта действовать; 2) положение акта в системе.

Если наложить такую схему на рассматриваемую ситуацию и понятие юридической силы ненормативных правовых актов, каковыми по сути являются решения таможенных органов, о которых идет речь в статье 125 ТК ТС и статье 17 Соглаше-

ния от 21 мая 2010 года, то представляется возможным сделать вывод, что первый компонент будет относиться к формальной правильности принятия акта (принят надлежащим органом власти государства – члена Союза в рамках предоставленной ему компетенции), а второй к положению такого акта в сравнении с ему подобными, то есть с решениями таможенных органов других государств-членов.

Так как определения понятия равной юридической силы в таможенном законодательстве ЕАЭС не содержится, в целях толкования следует обратиться к пункту 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Лексическое значение слова «равный» определяется как «такой же, одинаковый с кем-, чем-либо в каком-нибудь отношении», например, по качеству, достоинству, значению, силе, степени проявления (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах (так называемый «Большой академический словарь русского языка»), том 12, издан АН СССР в 1961 году).

Таким образом, анализ буквального значения терминов, употребленных в положениях указанных статей ТК ТС и Соглашения от 21 мая 2010 года, дает основания сделать вывод: специальное регулирование предполагает, что решения таможенных органов различных государств – членов Союза имеют одинаковую юридическую силу, то есть равно обязательно действуют на всей таможенной территории Таможенного союза.

Подобный подход поддерживается административными и научными учреждениями в сфере таможенных отношений.

В ответе Российской таможенной академии от 2 декабря 2016 года (№ 13/6185) на запрос Суда, в частности, указано: «Поскольку решения, принятые при ввозе, вывозе товаров, перевозке в соответствии с таможенным транзитом, временном хранении, являются составной частью диспозиции статьи [125 ТК ТС], в равной части с решениями при проведении таможенного контроля, то все такие решения подлежат взаимному признанию таможенными органами всех государств – членов Таможенного союза.

Взаимное признание решений является необходимым условием свободного движения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон, осуществления единого таможенного регулирования, в том числе единой правоприменительной практики».

4. О действиях таможенных органов Республики Беларусь

4.1. Применительно к действиям таможенных органов Республики Беларусь и их соотношению с принципами свободы движения товаров и признания решений в ходе судебных заседаний прояснено следующее.

В материалах дела отсутствуют документы, подтверждающие факт подмены товаров или свидетельствующие о наличии ее следов. Нет и сведений о том, проводились ли какие-либо следственные действия с целью установления обстоятельств подмены и обнаружения виновных лиц. Напротив, в материалах дела присутствуют

акты таможенного досмотра автомобилей, который позволил установить, что «товаров, не указанных в ТСД, не выявлено», пломбы, наложенные таможенными органами отправления, не нарушены.

Однако в ходе таможенного администрирования в Республике Беларусь товары ООО «Технопром» были признаны иностранными, а товары ООО «Рубеж» – бесхозными.

Таможенные органы Республики Беларусь производили задержания транспортных средств, объявляли о принадлежности перевозимых грузов неустановленным лицам. При этом не учитывалось, что собственники товаров предоставляли необходимые документы, в том числе и заключения экспертов с выводами о глубине переработки перевозимого товара, указывали пункты отправки и доставки.

Фактически таможенные органы государства-ответчика отказались учитывать таможенные документы, выданные в Российской Федерации, в одностороннем порядке признали решения российских таможенных органов необоснованными и приняли собственное решение по тому же вопросу. **Иными словами, в ходе таможенного администрирования под предлогом применения национального законодательства и выполнения норм о правовой помощи по административным делам фактически отрицалось специальное регулирование о взаимном признании административных решений, принятое в ЕАЭС.**

Подобные действия органов власти эквивалентны количественным ограничениям в торговле, противоречат принципам свободы движения товаров и функционирования единого внутреннего рынка ЕАЭС, что нарушает Договор о Евразийском экономическом союзе.

4.2. В рассматриваемом Судом деле ситуация усугубляется географическим положением Калининградской области, которая представляет собой так называемый «анклав», то есть часть территории Союза, со всех сторон окруженную территориями государств, не входящих в Союз. Согласно статье 2 ТК ТС единую таможенную территорию таможенного союза составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств – членов таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Таким образом, допускается и учитывается, что таможенная территория Союза не представляет собой неразрывную территорию. В рамках таможенной территории ЕАЭС «анклавами» являются Республика Армения и Калининградская область Российской Федерации. Из-за географического положения анклавов невозможна перевозка товаров с их территории или на их территорию с использованием процедуры транзита только по территории Союза. Однако это не может означать, что анклав оторван от территории ТС и являются зонами, где решения таможенных органов не принимаются или не действуют. Напротив, учитывая приведенную норму статьи 2 ТК ТС, анклав является частью таможенной территории Союза и не могут быть исключены из-под действия положений таможенного законодательства Союза, тем более таких общезначимых норм, как норма о признании решений таможенных органов.

Кроме того, в нормативных актах ЕАЭС отсутствуют нормы, позволяющие таможенным органам признавать товары ЕАЭС, прибывшие транзитом через третье государство, иностранными товарами. Так как при таможенном администрировании действует общий принцип публичного права «запрещено все, кроме прямо разрешенного», орган контроля не вправе проводить какие-либо действия, помимо прямо указанных в международной норме.

При этом прибытие таких товаров не исключает контрольных функций белорусских таможенных органов, которые должны осуществляться в допустимых формах.

5. О механизме проверки ранее принятых решений

В настоящем деле таможенными органами Республики Беларусь не был использован предусмотренный главой 17 ТК ТС и статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года механизм взаимной административной помощи, состоящий из обмена информацией, признания решений и направления поручений.

Нормы интеграционного права предусматривают механизм преодоления сомнений контролирующего органа как в правомерности актов, так и в легальности ввозимых товаров. Согласно статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года таможенные органы Республики Беларусь, обнаружив данные, свидетельствующие о возможном нарушении требований таможенного законодательства, должны были направить эти данные таможенным органам Российской Федерации с поручением о проведении таможенного контроля и перепроверки принятых ранее решений. Иными словами, перепроверять, а затем отменять решение может только тот орган, который его вынес. В нарушение этой нормы белорусские таможенные органы таких данных российским таможенным органам не передавали, а вместо этого самостоятельно проводили проверку законности решений российской таможни. При этом о предпосылках проведенных проверочных мероприятий государственные органы Республики Беларусь не сообщали ни российским таможенным органам, ни собственникам перевозившихся товаров. В материалах дела, представленных в Суд, таких сведений также не содержится, не были они представлены и в ответ на конкретный запрос со стороны Суда. Вместо этого ответчик ссылаясь на национальные правила определения рисков, ставшие причиной ограничения свободы движения товаров вне сферы действия статьи 29 Договора.

Согласно положениям ТК ТС правом на проведение таможенного контроля после выпуска товаров в отношении российских организаций, перемещающих товары (отправителей, получателей, перевозчиков), обладают только российские таможенные органы.

Такое положение согласуется с общепризнанным принципом международного права *par in parem non habet iurisdictionem*. Данный принцип предполагает равенство всех государств и невозможность одного государства осуществлять юрисдикцию в отношении другого. Современная международная договорная практика, в том числе практика интеграционных объединений, свидетельствует о том, что договор может распространить этот подход на все государственные органы и все решения, принятые как *acta iure imperii* – акты государства, принимаемые при осуществлении своей суверенной власти. Например, в Таможенном кодексе Европейского Союза в редакции регламента Европейского парламента и Совета 952/2013 от 9 октября 2013 года в

статье 26, которая озаглавлена «Действие решений по всему Союзу» и расположена в разделе 3 «Решения, относящиеся к применению таможенного законодательства» главы 2 «Права и обязанности лиц в отношении таможенного законодательства», предусмотрено: «Решения, относящиеся к применению таможенного законодательства, действуют на всей таможенной территории Союза».

Итак, при наличии сомнений в законности товара или решений по нему, в целях проверки таможенный орган государства назначения должен направить соответствующий запрос в таможенный орган государства отправления с точным указанием обстоятельств, послуживших причиной сомнений. Отмена актов может производиться только органом того государства, в котором такое решение принималось.

6. De lege ferenda

6.1. Полагаю необходимым дополнить Регламент Суда разделом о разрешении межгосударственных споров. К сожалению, Суд не воспользовался положением пункта 72 Статута Суда, позволяющим дополнять регламентацию в неурегулированных или спорных ситуациях.

Рассмотрение данного спора неоправданно затянулось. После принятия заявления к рассмотрению ответчик в настоящем деле как настаивал на прекращении судопроизводства в связи с отсутствием компетенции у Суда, так и в целях возобновления производства представлял дополнительные материалы после удаления Суда в совещательную комнату. К сожалению, Суд, по аналогии применяя в данном деле разделы о рассмотрении споров хозяйствующих субъектов, постоянно возвращался к этим вопросам, в то время как Статут Суда (пункт 67), равно как и Регламент Суда, не предусматривает такой возможности. Так, дело прекращается, если стороны заключают мировое соглашение, или истец отзывает заявление, или если Суду становится известно о прошлых решениях по спорному вопросу или о новых обстоятельствах, свидетельствующих об изменении компетенции (*clausula rebus sic stantibus* применительно к процессу; пункт 2 статьи 56 Регламента Суда). При этом Регламент Суда позволяет решать вопрос о прекращении дела в связи с появлением новых обстоятельств в срок не более пяти дней в ходе судопроизводства по делам о разрешении споров, которое ведется в соответствии с принципом состязательности сторон. Суд пассивен в вопросе получения фактов, сведений о новых обстоятельствах и ограничен стадиями судопроизводства. Равно Суд должен соблюдать стадии процесса. Иное нарушает принцип состязательности и свидетельствует об излишнем активизме Суда, элементах инквизиционного процесса, а также свидетельствует о нарушении принципов беспристрастности и независимости Суда.

Это относится и к возражению Ответчика о том, что вопрос о соблюдении Договора о ЕАЭС не был предметом обсуждения во время двухсторонних консультаций, а потому не может быть рассмотрен Судом.

Пункт 43 Статута Суда и пункт 2 статьи 23 Регламента Суда не предполагают заявление одних и тех же требований в рамках досудебной процедуры и в заявлении в Суд. Это соответствует и практике международных судов (например, решение Международного Суда ООН по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, ICJ Reports 1984, p. 428, para. 83).

В таком контексте Ответчик смешивает понятие «судебная процедура» с «досудебной процедурой», которая не является судебной инстанцией. Следовательно, норма пункта 2 статьи 23 Регламента Суда на досудебную процедуру не распространяется. Целью двухсторонних консультаций является попытка урегулировать спор, возникший из конкретных фактических обстоятельств, которые были предметом рассмотрения сторонами. Предметом консультаций сторон не может служить правовая квалификация и оценка фактов, за которой заявитель и обращается в Суд. Единообразное применение права – задача Суда (пункт 2 Статута Суда).

Отсюда прекращение дела по инициативе ответчика или судьи равносильно отказу в правосудии, ибо для сторон теряется право состязаться, представляя аргументы и доказательства, а Суд оказывается не способен справедливо, беспристрастно и независимо определить объем прав и обязанностей сторон.

В равной степени невозможно и нарушение сроков вынесения решения (включая его объявление), установленных международно-правовой нормой. Пункт 96 Статута Суда предусматривает, что Суд обязан вынести решение не позднее 90 дней со дня поступления заявления. Такой срок является пресекательным и может прерываться лишь по двум основаниям, установленным Регламентом Суда и Статутом Суда, не применявшимся в данном деле.

В данном деле требования пункта 53 Статута Суда о публичности результатов голосования не были соблюдены, ибо была нарушена взаимосвязь норм Статута Суда и Регламента Суда. Учитывая, что итоги голосования не относятся к тайне совещания судей, необходимо подчеркнуть, что невозможно как допускать повторное голосование однажды принятого решения, так и возобновлять производство по делу, в котором состоялось голосование по резолютивной части решения, подлежащей оглашению согласно пункту 53 Статута Суда исходя из принципа публичности. Этой цели служит публикация результатов голосования в тот же день, что предотвращает изменение «один раз решенного».

Ситуация, сложившаяся в ходе рассмотрения настоящего дела, стала возможной из-за того, что руководство процессом не соответствовало требованиям, предъявляемым к судьям с точки зрения беспристрастности: судьи не ведут дела по спорам государств, представивших их к должности. При этом беспристрастность также не обеспечивается и в том случае, если в аппарате судей в качестве должностных лиц работают граждане государств – участников спора.

Подчеркиваю, что эти подходы не работают в случае споров хозяйствующих субъектов с Евразийской экономической комиссией, ибо эти стороны не имеют отношения к назначению судей.

По этой же причине считаю и для себя невозможным ставить эти вопросы в судебном решении.

De lege ferenda в связи с отсутствием процедуры по данной категории споров необходимо решить в нормативных актах ЕАЭС вопрос неучастия судей от государств – участников межгосударственного спора в качестве руководителей процесса.

Правило о неучастии судьи в качестве председательствующего и судьи-докладчика в делах, в которых одной из сторон спора является государство, представившее данного судью на должность, является распространенным (см., например, пункт 1

статьи 32 Регламента Международного Суда ООН). Полагаю, что аналогичное правило следует из пунктов 19–21 Статута Суда (конфликт интересов).

Кроме того, невозможен отход от стандарта, принятого в международных и национальных судах, о том, что судья, оставшийся в меньшинстве при голосовании по решению об удовлетворении требований истца, вправе изложить в письменной форме свое особое мнение, не нарушая при этом подход, получивший большинство голосов. Иное также приводит или к изменению однажды решенного, или к появлению внутренних противоречий в судебном решении (пункт 6 статьи 78 Регламента Суда).

6.2. Считаю необходимым остановиться на вопросах компенсации вреда, причиненного действиями (бездействием) публичной власти, а также ее актами. Все они находятся в настоящее время в сфере национального права.

С учетом того, что непризнание решений таможенных органов Российской Федерации органами Республики Беларусь повлекло экспроприацию (лишение права собственности на перевозимые товары), полагаю необходимым отметить, что, к сожалению, пункт 61 Статута Суда не позволяет эффективно рассматривать вопрос о защите прав, в том числе, о присуждении разумной компенсации материального и нематериального вреда, предусматривая, что Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера. Из этого следует, что международно-правовой обычай полного возмещения вреда, закрепленный в международно-правовой практике, которая кодифицирована в статье 34 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, не может быть реализован Судом при вынесении данного решения, что не исключает возможности защиты прав потерпевших производителей конфискованных товаров в иных юрисдикциях, а также регламентации этих вопросов в будущих актах права ЕАЭС.

7. Выводы

1. Согласно пункту 1 статьи 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, в том числе, согласно статье 25 Договора, путем функционирования единого рынка товаров ЕАЭС.

2. При этом согласованное действие норм материального и процессуального права запрещает любое ограничение движения товаров вне правил статьи 29 Договора о ЕАЭС, каковым, по сути, является непризнание решений, принятых таможенными органами государств – членом Союза в отношении таких товаров (пункт 5 статьи 25 Договора, статья 125 ТК ТС).

3. Несоблюдение формально определенного, точного требования унифицированных норм в настоящем деле свидетельствует о их «подмене» нормами национального права, которая привела к скрытому ограничению торговли, выразившемуся в обращении в бюджет Республики Беларусь прибыли от реализации конфискованной техники калининградских товаропроизводителей.

4. Согласно нормам права ЕАЭС взаимное признание административных решений в ходе таможенного контроля не предполагает применения национального права

и является императивным наднациональным правилом, включающим международный стандарт сотрудничества «*доверять, применять, не изменять (не подменять)*».

5. Таким образом, ответчиком в данном деле нарушены статьи 1, 3, 4, 25 Договора и аналогичные им статьи, действовавшие для государств – членов Таможенного союза ранее. Нарушение материально-правовых норм произошло при несоблюдении процессуальных норм права Союза, в том числе статьи 125 ТК ТС и развивающих ее статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года. Нарушения процедурных норм таможенного регулирования повлекли нарушение основополагающих норм материального права. Нарушение стандартов судопроизводства в межгосударственном споре затянуло судебный процесс, осложнило реализацию принципов беспристрастности и независимости правосудия.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

21 февраля 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №101, используя предоставленной данной нормой право, заявляю особое мнение в отношении выводов Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Большой коллегии Суда), на основании которых в решении от 21 февраля 2017 года установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части обеспечения свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремления к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществления единого таможенного регулирования и статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года.

О содержании обязательств в нормах статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года

1.1. Нормы статей 1 («Учреждение Евразийского экономического союза. Правосубъектность»), 3 («Принципы функционирования Союза»), 4 («Цели Союза») и 25 («Принципы функционирования таможенного союза») Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), в силу предмета регулирования и правовой конструкции, не могут рассматриваться как содержащие обязательства государств–членов Союза; соответственно невозможно установление факта соблюдения/несоблюдения (исполнения/неисполнения) данных норм государствами–членами Союза.

1.2. Полагаю необходимым учитывать также, что статья 3 Договора, определяющая функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений в качестве одного из основных принципов Союза, содержит условие «после окончания переходных периодов».

Статья 32 Договора, согласно которой в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование, содержит отсылку: «В Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями настоящего Договора».

До вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе, согласно пункту 1 статьи 101 Договора («Переходные положения в отношении раздела VIII»), осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулируемыми таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в соответствии со статьей 99 Договора в право Союза, с учетом положений статьи 101 Договора.

Таким образом, до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза¹ (далее – ТК ЕАЭС) нет оснований для оценки действий государств-членов на предмет соответствия принципам функционирования Союза (статья 3 Договора), целям Союза (статья 4), принципам функционирования таможенного союза (статья 25 Договора и, в частности, пункт 5 этой статьи об осуществлении свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором).

О содержании обязательств в нормах статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза и статьи 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года

2. Формулировка нормы статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), исполнение которой не в полном объеме вменяется Ответчику, не содержит прямого обязательства, отсылая к случаям, определенным таможенным законодательством таможенного союза.

2.1. Большая коллегия Суда, отмечая бланкетный характер статьи 125 ТК ТС, трактует его как базовый рамочный характер, в развитие которой принята норма специального международного акта – Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашения от 21 мая 2010 года); положение статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года в соответствии со статьей 125 ТК ТС определяет случаи, при наличии которых взаимно признаются решения таможенных органов; и имеет императивный характер, поскольку не содержит «процессуальных норм», изъятий или отсылок и в этой связи должно применяться непосредственно.

На этом основании Большой коллегией сделан вывод о том, что решения таможенных органов взаимно признаются по умолчанию, без оговорок и условий; такие

¹Подписан Республикой Армения, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией. Указом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2016 г. № 499 проект Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза одобрен в качестве основы для проведения переговоров; Государственный таможенный комитет РБ уполномочен на проведение переговоров по проекту Договора, с внесением в него изменений и дополнений, не имеющих принципиального характера, и подписание Договора при достижении договоренности в пределах одобренного проекта.

ТК ЕАЭС вступит в силу, в соответствии со статьей 2 Договора от 26 декабря 2016 года, с даты получения депозитарием последнего уведомления о выполнении государствами-членами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу, но не ранее 1 июля 2017 года.

решения таможенных органов имеют презумпцию их полного соответствия предъявляемым требованиям, а значит соответствия таможенному законодательству Таможенного союза, пока не доказано обратное.

2.2. Анализ положений статьи 17 «Решения таможенных органов, подлежащие взаимному признанию» Соглашения от 21 мая 2010 года, исполнение которой не в полном объеме, наряду со статьей 125 ТК ТС, вменяется Ответчику, показывает, что они фактически воспроизводят норму статьи 125 ТК ТС, определяя виды решений таможенных органов, которые взаимно признаются и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза.

В отличие от статьи 125 ТК ТС, статья 17 Соглашения от 21 мая 2010 года не содержит отсылку к случаям, определенных таможенным законодательством таможенного союза, но предусматривает условие (требование) соответствия таких решений таможенному законодательству таможенного союза. Это не дает оснований считать, что взаимное признание решений таможенных органов государств-членов ЕАЭС и их равная юридическая сила на таможенной территории ТС становятся безусловными, так как, согласно части второй статьи 1 Договора о ТК ТС от 27 ноября 2009 года, положения ТК ТС имеют преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства таможенного союза.

Данный довод, приводимый Ответчиком, не может быть отклонен, поскольку норма части второй статьи 1 Договора от 27 ноября 2009 года не содержит такого условия, как противоречие (в отличие, например, от статьи 103 Устава ООН, на которую ссылается статья 30 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, приводимая по тексту решения).

2.3. Учитывая, что норма статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года требует соответствия решений, принятых таможенными органами при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля, таможенному законодательству таможенного союза, как необходимого условия взаимного признания и равной юридической силы таких решений, представляется неприемлемым утверждение о презумпции (предположении) полного соответствия решений таможенных органов предъявляемым требованиям.

По мнению Федеральной таможенной службы (далее – ФТС) России, содержащемуся в материалах дела, условием для взаимного признания решений, принятых таможенными органами государств-членов ЕАЭС, является вынесение решения компетентным органом и наличие необходимых реквизитов, позволяющих идентифицировать вид решения, таможенный орган, принявший такое решение, таможенные операции либо формы таможенного контроля, при осуществлении которых приняты такие решения. Правовыми последствиями несоблюдения данных условий может явиться невозможность применения положений статьи 125 ТК ТС.

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь также указывает на обязательность условий для взаимного признания решений, определенных статьей 125 ТК ТС и статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

В этом отношении уместно обратить внимание на содержащееся в статье 357 ТК ЕАЭС (которая приводится в решении в подтверждение последовательной позиции государств-членов о необходимости безусловного взаимного признания решений

таможенных органов) условие оформления решений таможенных органов, принятых при совершении таможенных операций, и результатов проведения таможенного контроля, в установленном порядке. При этом пункт 12 статьи 310 ТК ЕАЭС, в частности, определяет понятие «результаты проведения таможенного контроля» с помощью критериев «с применением форм таможенного контроля» и оформлением путем составления таможенных документов установленной формы или иным способом, предусмотренным кодексом».

2.4. Характер нормы статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года во взаимосвязи с нормой статьи 125 ТК ТС не позволяет определить данную международно-правовую норму договорного характера в качестве императивной.

Согласно статьи 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, под императивной нормой общего международного права (*jus cogens*) понимается норма, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

2.5. В связи с особенностями норм о взаимном признании и равной юридической силы решений таможенных органов на таможенной территории таможенного союза и учитывая, что понятия «взаимное признание» и «равная юридическая сила» в таможенном законодательстве таможенного союза нормативно не определены (что отмечается и в решении Большой коллегии Суда), вызывает сомнение возможность их непосредственного применения, с позиций общепринятого понимания, как применения норм международных договоров субъектами внутригосударственного права для регулирования правоотношений в рамках национальной правовой системы (часть вторая статьи 33 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 года (в ред. от 08.01.2014) «О международных договорах Республики Беларусь», пункт 3 статьи 5 Федерального закона Российской Федерации от 16 июня 1995 года (в ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации»).

Основой механизма взаимного признания решений, принятых таможенными органами, является, судя по содержанию части V Соглашения от 21 мая 2010 года, взаимодействие государств-членов по вопросам координации системы управления рисками (статья 16). Объясняется это тем, что глава 17 ТК ТС, регулирующая взаимную административную помощь, содержится в разделе 3 ТК ТС «Таможенный контроль», из чего следует, что взаимное признание решений, принятых таможенными органами, является одним из видов взаимодействия при проведении таможенного контроля, обусловленное совместными (с таможенными органами другого государства-члена Союза) действиями.

По мнению ФТС России, позиция которой представлена в Суд Истцом, нормы статьи 125 ТК ТС необходимы для обеспечения реализации на территориях государств - членов ЕАЭС общих процессов, например, при совершении таможенных операций, начинающихся на территории одного государства-члена, а завершающихся на территории другого государства - члена ЕАЭС, обеспечения соблюдения условий, предусмотренных правом ЕАЭС по использованию ввезенных товаров на всей территории ЕАЭС, независимо от того, в каком государстве - члене ЕАЭС товары

помещены под таможенную процедуру либо приобрели определенный статус. При этом указывается, что глава 17 ТК ТС и Соглашение от 21 мая 2010 года определяют порядок взаимодействия таможенных органов государств - членов ЕАЭС и полномочия таможенных органов по осуществлению такого взаимодействия, а не устанавливают права и/или обязанности данных государственных органов при совершении таможенных операций и проведении таможенного контроля.

Из этой позиции, в частности, исходят и государства-участники Договора о ТК ЕАЭС от 26 декабря 2016 года, включившие в ТК ЕАЭС специальную статью 368 «Взаимодействие таможенных органов в рамках Союза», согласно пункту 2 которой взаимодействие таможенных органов осуществляется путем: 1) обмена информацией, реализуемого в соответствии с Договором о Союзе в рамках общих процессов Союза; 2) обмена информацией на регулярной основе в электронной форме в соответствии со статьями 370 настоящего Кодекса, а также в иных случаях, установленных настоящим Кодексом и (или) международными договорами в рамках Союза; 3) исполнения запросов о представлении копий документов и (или) сведений; 4) направления таможенным органом одного государства-члена информации таможенному органу другого государства-члена; 5) осуществления взаимной административной помощи; 7) взаимодействия иным способом.

При этом «общие процессы в рамках Союза в сфере таможенного регулирования определяются в целях обеспечения соблюдения положений Кодекса, в том числе обеспечения таможенного контроля в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита» (пункт 3 статьи 368 ТК ЕАЭС).

Однако данный механизм действующими в период рассматриваемых обстоятельств нормами таможенного законодательства не был закреплен.

2.6. В связи с изложенным полагаю, что для ответа Суда о наличии (или отсутствии) у Ответчика обязательства действовать в соответствии со статьей 125 ТК ТС (статьей 17 Соглашения от 21 мая 2010 года) и установления факта соблюдения/несоблюдения данной нормы необходимо, чтобы рассматриваемые по спору обстоятельства подпадали под действие норм таможенного законодательства таможенного союза, предусматривавших такие случаи в период возникновения спорных правоотношений. Только таким образом можно установить, в чем должно было заключаться взаимное признание решений таможенных органов Российской Федерации при проведении таможенного контроля таможенными органами Республики Беларусь.

Один из случаев применения норм главы 17 «Взаимная административная помощь таможенных органов» однозначно определяется статьей 206 ТК ТС «Таможенный контроль за соблюдением условий таможенных процедур» (указание на которую содержится и в состязательных документах сторон). В соответствии с пунктом 2 данной статьи таможенный контроль за соблюдением условий таможенных процедур, при помещении под которые товары не приобретают статус товаров таможенного союза, в отношении (таких) товаров, находящихся на территории иного государства-члена таможенного союза, чем то государство, таможенным органом которого выпущены товары, проводится в соответствии с главой 17 ТК ТС.

Однако применение к обстоятельствам дела и заявленным истцом требованиям норм пункта 2 статьи 206 ТК ТС в качестве обязательств ответчика невозможно в силу того, что спорный товар получил статус товара таможенного союза, согласно заключениям Калининградской ТПП.

Иных случаев, находящихся в какой-либо связи с нормами статьи 125 ТК ТС и статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года, действовавшее в период рассматриваемых обстоятельств таможенное законодательство ТС не устанавливало.

2.7. С учетом временных рамок и субъектного состава рассматриваемого периода спорных правоотношений, ссылка на нормы статьи 357 ТК ЕАЭС, принятого Договором о ТК ЕАЭС от 26 декабря 2016 года (и утратившего статус проекта), без участия государства-члена ЕАЭС, являющегося ответчиком по рассматриваемому спору (Республики Беларусь), и не вступившего в силу, не может служить доказательством выводов Большой коллегии Суда.

Сравнительный анализ содержания статей 125 ТК ТС и 357 ТК ЕАЭС опровергает существование в таможенном законодательстве таможенного союза, действовавшем в рассматриваемый период, безусловного обязательства взаимного признания решений, принятых таможенными органами государств-членов Союза.

В отличие от действующей статьи 125 ТК ТС, определяющей такое признание в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза, статья 357 ТК ЕАЭС предусматривает универсальное правило о взаимном признании как решений таможенных органов, принятых при совершении таможенных операций, так и результатов проведения таможенного контроля, с условием оформления их в установленном порядке, и за исключением случаев, установленных Кодексом.

Использование в статье 357 ТК ЕАЭС термина «случаи», хотя и с противоположной, в сравнении со статьей 125 ТК ТС, целью, означает, что и после вступления в действие ТК ЕАЭС для применения данного правила необходимо будет устанавливать, не подпадают ли те или иные действия таможенных органов под исключения из общего правила.

О содержании обязательств нормы статьи 11 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года

3. Системный анализ связанной со статьей 11 Соглашения от 21 мая 2010 года нормы статьи 126 ТК ТС «Проведение отдельных форм таможенного контроля по поручению таможенного органа одного из государств-членов таможенного союза другому таможенному органу государства-члена таможенного союза», имеющей преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства Таможенного союза в силу части второй статьи 1 Договора о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года, показывает, что направление поручения при наличии оснований, указанных в ней, является правом, а не обязанностью таможенного органа, проводящего таможенный контроль.

Статья 1 Соглашения от 21 мая 2010 года «Сфера действия Соглашения», контекст которой используется Большой коллегией для подтверждения вывода, определяет лишь виды (формы) взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза.

Соответственно, при наличии оснований, перечисленных в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года (исполнение которой в неполном объеме также вменяется Ответчику), полагаю необоснованным вывод Большой коллегии о том, что содержащиеся в статье 11 Соглашения от 21 мая 2010 года основания обязывают таможенный орган одного государства-члена направлять указанные поручения таможенному органу другого государства-члена Союза и носят в контексте положений статьи 1 Соглашения от 21 мая 2010 года предписывающий характер, а нормы данного международного договора подлежат непосредственному применению и в связи с его специальным характером имеют приоритетное значение при проведении таможенного контроля; тем самым на Ответчика налагается несуществующее обязательство.

Об обязательствах, вытекающих из особенностей применения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза

4. Большая коллегия Суда связывает применение/неприменение статьи 125 ТК ТС, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года (исполнение которых в неполном объеме вменяется Ответчику), с признанием/непризнанием таможенными органами одного государства-члена товара, как товара Таможенного союза, следующего из другого государства-члена Союза под процедурой таможенного транзита.

В решении утверждается, что при таможенном транзите товаров Таможенного союза между территориями государств-членов и представлении в таможенные органы государств-членов документов, выданных в соответствии с актами права Союза, национального законодательства (в том числе заключений о признании товара, изготовленного (полученного) с использованием иностранных товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны или таможенную процедуру свободного склада товаром Таможенного союза, оформленных уполномоченными органами государства-члена) такой товар сохраняет статус товара Таможенного союза; в случае срабатывания национальной системы управления рисками в распоряжении таможенных органов государств-членов имеются действенные правовые инструменты оперативного реагирования в рамках взаимной административной помощи, установленные ТК ТС, Соглашением от 21 мая 2010 года и иными международными договорами, заключенными в рамках Союза.

Большая Коллегия Суда считает, что вопросы статуса товара как товара Таможенного союза до завершения таможенной процедуры таможенного транзита урегулированы правом Союза, к которым относятся ТК ТС, Соглашение от 21 мая 2010 года, иные международные договоры.

4.1. Между тем, действующие в период рассматриваемых обстоятельств нормы таможенного законодательства ТС, регулирующие таможенный транзит, не дифференцируются в зависимости от статуса товаров.

Статья 215 ТК ТС, определяющая таможенный транзит как таможенную процедуру, «в соответствии с которой товары перевозятся под таможенным контролем по таможенной территории ТС, в том числе через территорию государства, не являющегося членом ТС», применяется при перевозке как товаров таможенного союза от таможенного органа места убытия до таможенного органа места прибытия через

территорию государства, не являющегося членом таможенного союза (пункт 5), так и иностранных товаров (пункты 1-4).

В этой ситуации в отношении товаров ТС действует в числе других общая норма пункта 6 статьи 225 ТК ТС, согласно которой после завершения таможенной процедуры таможенного транзита перевозчик или иное заинтересованное лицо обязано совершить таможенные операции, связанные с помещением товаров на временное хранение или их таможенным декларированием в соответствии с таможенной процедурой.

Изъятия из этой нормы в отношении товаров ТС были определены лишь применительно к одному государству-члену ЕАЭС – Республике Армения (пункт 6 Протокола об особенностях перемещения товаров и транспортных средств с таможенной территории Евразийского экономического союза, включая территорию Республики Армения, на таможенную территорию Евразийского экономического союза, включая территорию Республики Армения, через территории, не являющиеся таможенной территорией Евразийского экономического союза (Приложение 5 к Договору о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года²). Эти изъятия явились следствием закрепления в Протоколе нормы о том, что товары Союза при перемещении с таможенной территории Союза на таможенную территорию Союза через территории иностранных государств в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита сохраняют статус товаров Союза (пункт 5 Протокола).

Тем не менее, в соответствии с пунктом 50 Статута Суд при осуществлении правосудия по рассматриваемому спору вправе применять, кроме Договора о Союзе и международных договоров в рамках Союза (в понимании статьи 2 Договора о Союзе), лишь те (иные) международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора (в рассматриваемом случае – Российская Федерация и Республика Беларусь). В этой связи упомянутый Протокол не может быть использован в качестве источника применимого права по рассматриваемому спору.

4.2. Названные и другие нормы, напротив, свидетельствуют о неурегулированности в таможенном законодательстве ТС, в период рассматриваемых обстоятельств, данного вопроса в отношениях между сторонами спора, что было подтверждено ими в рамках досудебного урегулирования и в процессе судебного разбирательства, с представлением разработанного и согласовываемого (вплоть до одобрения 12 августа 2016 года Межправительственным советом Евразийского экономического союза проекта ТК ЕАЭС) проекта Порядка совершения таможенных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью Российской Федерации и (или) территорией Республики Беларусь через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза.

Согласованный сторонами проект, кроме норм о сохранении статуса товаров Евразийского экономического союза при их перемещении между территорией Ка-

²Подписан 10 октября 2014 года; вступил в силу 2 января 2015 года в соответствии с частью второй статьи 6 Договора от 10 октября 2014 года.

лининградской области Российской Федерации и остальной частью территории Российской Федерации и (или) территорией Республики Беларусь через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза, в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита (пункт 1), и о подтверждении данного статуса записью на транспортных (перевозочных) документах «Товары Евразийского экономического союза», заверенной подписью и оттиском личной печати должностного лица таможенного органа отправления, как основания для завершения таможенным органом назначения таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров ТС, после которой совершение перевозчиком или иным заинтересованным лицом таможенных операций, связанных с их декларированием в соответствии с таможенной процедурой, не требуется (пункты 4, 6, 10), предусматривал также обязательства таможенного органа назначения возврата товаров в таможенный орган отправления путем завершения таможенной процедуры таможенного транзита и оформления новой транзитной декларации, в случае наличия оснований (в том числе возникших по результатам таможенного контроля) полагать, что предъявленные товары не являются товарами Евразийского экономического союза (пункт 11).

Несогласованной оставалась норма проекта о принятии таможенным органом назначения решения о проведении таможенного досмотра в отношении товаров ЕАЭС лишь в определенных случаях.

Как следует из материалов дела (письмо Министерства юстиции РБ от 28.11.2016 №04-1-11/3220 (вх. №СЕ-1-1/1-16-БК-138 от 29 ноября 2016), проект Порядка предполагал установление двусторонних обязательств, которых не существовало в период спорных обстоятельств, до их урегулирования в рамках ЕАЭС.

4.3. ТК ЕАЭС устранил пробел ТК ТС, установив, что в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, таможенная процедура таможенного транзита применяется с учетом особенностей, определенных главой 43 Кодекса («Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем» (пункт 8 статьи 142), в частности:

в отношении прибывших на таможенную территорию Союза указанных товаров не применяются положения об обязанности совершить таможенные операции, связанные с помещением товаров на временное хранение или их таможенным декларированием (подпункт 1 пункта 6 статьи 152);

если указанные товары при ввозе на таможенную территорию Союза доставлены в таможенный орган, отличный от таможенного органа назначения и таможенного органа отправления (местом доставки, согласно пункту 5, является зона таможенного контроля органа прибытия товаров Союза на таможенную территорию Союза), такой таможенный орган завершает таможенную процедуру таможенного транзита и информирует таможенный орган назначения и таможенный орган отправления о завершении действия таможенной процедуры таможенного транзита (пункт 7 ста-

тии 304 «Особенности применения, завершения и прекращения действия таможенной процедуры таможенного транзита в отношении товаров Союза, перевозимых с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем»).

Согласно пункту 5 статьи 142 ТК ЕАЭС товары Союза, помещенные под таможенную процедуру таможенного транзита, сохраняют статус товаров Союза, за исключением случая, указанного в пункте 3 статьи 307 Кодекса (при разгрузке, перегрузке, замене транспортных средств без разрешения таможенного органа отправления, за исключением выполненных по требованию иностранного государства, подтвержденного документально), и случаев, определенных Комиссией в соответствии с пунктом 9 статьи 304 Кодекса; Комиссия вправе определить иные случаи, чем предусмотренный пунктом 3 статьи 307 Кодекса, когда указанные товары утрачивают статус товаров Союза и при ввозе на таможенную территорию Союза рассматриваются как иностранные товары (пункты 3, 9 статьи 304 ТК ЕАЭС).

Особенности проведения проверки происхождения товаров (пункт 7 статьи 321 ТК ЕАЭС, статья 314 ТК ЕАЭС), касаются возможности направления таможенным органом соответствующих запросов; при этом таможенный орган, осуществляющий таможенный контроль за соблюдением таможенной процедуры (государства-члена, на территории которого товары помещены под таможенную процедуру, или по территории которых осуществляется перевозка таких товаров или на территории которого завершается таможенная процедура таможенного транзита), не конкретизируется; в соответствии с пунктом 3 статьи 312 ТК ЕАЭС таможенный контроль за соблюдением требований Кодекса в отношении товаров, помещенных под таможенную процедуру таможенного транзита, возложен на все указанные таможенные органы.

Таким образом, ТК ЕАЭС закрепил в качестве многосторонних обязательств основные нормы, которые согласовывали в двустороннем порядке Истец (Российская Федерация) и Ответчик (Республика Беларусь), и отсутствие которых не позволило урегулировать спор в досудебном порядке.

4.4. Изложенное доказывает, что соответствующие взаимобязывающие (таможенные органы государств-членов Союза) нормы, обеспечивающие соблюдение принципа свободы перемещения товаров ТС на территории ТС в соответствии с процедурой транзита через территорию третьего государства, в таможенном законодательстве ТС, действующем на момент спора, отсутствовали, равно как и многосторонние обязательства по ограничению, на основе взаимного признания соответствующих решений таможенных органов, полномочий таможенного контроля таможенного органа, завершающего таможенную процедуру таможенного транзита.

Пункт 2 статьи 444 ТК ЕАЭС устанавливает: «По отношениям, регулируемым международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, возникшим до вступления настоящего Кодекса в силу, настоящий Кодекс применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут со дня его вступления в силу».

В одностороннем порядке такое изъятие, как выяснилось в процессе судебного разбирательства, установлено Республикой Беларусь уже после возникновения спор-

ных взаимоотношений: при наличии оснований для отнесения товаров, перемещаемых в качестве товаров Евразийского экономического союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита из Калининградской области Российской Федерации через Республику Беларусь на остальную часть территории Российской Федерации, к иностранным товарам, таможенным органом Республики Беларусь место доставки таких товаров изменяется с таможенного органа Республики Беларусь на таможенный орган Российской Федерации в соответствии со статьей 220 Таможенного кодекса Таможенного союза (пункт 1.2. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2015 г. №366 «Об отдельных вопросах ввоза товаров, перемещаемых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, из Калининградской области Российской Федерации на таможенную территорию Евразийского экономического союза через Республику Беларусь»).

С учетом изложенного, полагаю, что у Большой коллегии Суда отсутствовали правовые основания для выводов, определенных статьей 105 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение №2 к Договору), об установлении факта соблюдения /несоблюдения Ответчиком статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств - членов таможенного союза от 21 мая 2010 года.

Судья Суда
Евразийского экономического союза

В. Сейтимова

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Федорцова А.А.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

21 февраля 2017 года

город Минск

Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза 21 февраля 2017 года вынесено решение по делу по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), статьи 125 Таможенного кодекса таможенного союза, прилагаемого к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года (далее – Таможенный кодекс), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение).

Решением Большой коллегии заявление Российской Федерации удовлетворено в части и установлен факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Основываясь на своем праве, в связи с несогласием с судебным решением заявляю особое мнение.

1. Считаю, что, основываясь на праве Союза, исследованных материалах дела, у Суда не было оснований для постановления такого решения.

Полагаю, что заявление Российской Федерации не подлежало принятию к производству Суда и рассмотрению по существу в части, касающейся спора о соблюдении Договора.

В соответствии с пунктом 43 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Согласно пункту 2 статьи 33 Регламента в случае несоблюдения досудебного порядка Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству.

Таким образом, статутными и регламентными положениями установлена обязанность заявителя предварительно обратиться к государству-члену или Комиссии для урегулирования спорного вопроса в досудебном порядке. Предусмотрены его обязательные элементы:

- обращение истца к ответчику;
- предметное рассмотрение спора;
- соответствующие временные рамки.

Посредством установления положений об обязательности досудебного порядка государства-члены Союза преследовали цели создания механизма эффективного разрешения споров.

С учетом особого значения учредительного договора государства-члены Союза в дополнение к требованиям пункта 43 Статута установили правило об обязательности и приоритетности разрешения споров, связанных с толкованием и (или) применением положений Договора, путем консультаций и переговоров.

В соответствии со статьей 112 Договора только в случае недостижения согласия в формате консультаций и переговоров спор может быть передан на рассмотрение в Суд.

Вместе с тем, спор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о соблюдении Договора не рассматривался сторонами в рамках досудебного урегулирования. Материалами дела не подтверждается рассмотрение сторонами спора вопросов соблюдения ответчиком Договора и тем более его конкретных статей в рамках досудебного урегулирования. Из протоколов консультаций, состоявшихся между сторонами, следует вывод о том, что ими рассматривались разногласия по применению Таможенного кодекса и Соглашения, а не Договора. В пункте 241 заявления сам истец признает, что «итогом переговорного процесса является таблица разногласий сторон по вопросу применения положений ТК ТС и Соглашения».

При таких обстоятельствах надо полагать, что стороны не проводили консультации и переговоры по спору о соблюдении ответчиком Договора, хотя ничто не препятствовало истцу в рамках досудебного урегулирования поставить данный вопрос.

В свете изложенного прихожу к мнению, что истец не обладал правомочием на обращение в Суд с вопросом о соблюдении ответчиком Договора, и данный вопрос не мог рассматриваться и разрешаться Большой коллегией Суда.

2. Несмотря на несоблюдение досудебного порядка в отношении спора о Договоре и совершенное истцом уточнение в рамках подготовки дела к рассмотрению, в судебном заседании 15 ноября 2016 года истец впервые заявил новые требования о несоблюдении ответчиком статей 1, 4 и 25 Договора.

В последующем, письмом Министерства юстиции Российской Федерации от 28 ноября 2016 года № 06/136554-МТ Российская сторона подтвердила данное заявление.

В судебном заседании 15 декабря 2016 года истцом было дополнительно заявлено о том, что положения права Союза были нарушены не только таможенными, но и судебными органами ответчика.

Заявленные в Суде новые требования не могут быть отнесены к предусмотренным Регламентом уточнениям требований и не подлежали рассмотрению в Суде.

3. В процессе судебного разбирательства исследованы материалы и обстоятельства, подтверждающие отсутствие у Суда как временной, так и предметной компетенции по рассмотрению спора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

В соответствии с пунктом 39 Статута Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению государства-члена о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений.

Пункт 39 Статута устанавливает полномочия судебного органа по рассмотрению споров о соблюдении правовых актов Союза.

Союз создан и действует с 1 января 2015 года. С этого времени вступил в действие и основной источник права Союза – Договор. До 1 января 2015 года не было такого интеграционного объединения как Союз. В этой связи не представляется возможным установление нарушения норм правовых актов Союза, не действовавших до указанной даты.

Изложенный подход не ставит под сомнение юридический статус правовых актов Союза, действовавших до 1 января 2015 года в качестве актов Таможенного союза и Единого экономического пространства и вошедших в право Союза на условиях статьи 99 Договора. Однако необходимо признать, что у актов Таможенного союза и Единого экономического пространства новый статус (статус правовых актов Союза) возник при соблюдении статьи 99 Договора, только с 1 января 2015 года.

Применимость данной позиции в рамках спора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь подтверждается волеизъявлениями сторон, выраженными в пункте 58 заявления истца и пункте 4.3 возражений ответчика, согласно которым события, произошедшие до 1 января 2015 года, находятся вне рамок компетенции Суда *ratione temporis*.

Таким образом, события, имевшие место до 1 января 2015 года, не подлежат судебной оценке на предмет соответствия Договору.

Из пункта 39 Статута следует также вывод о том, что судебной оценке подлежит лишь такое поведение государства-члена (государств-членов), которое проистекает из реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений его органов.

Судом не может оцениваться поведение государства, которое не регулируется на уровне права Союза и не является реализацией такого права. Судебной оценке не подлежат споры, возникающие по вопросам применения актов национального законодательства.

Истец считает, что неправомерные действия Республики Беларусь выразились в нарушении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения – в непризнании решений таможенных органов Российской Федерации о выпуске товаров в рамках процедуры таможенного транзита как товаров Таможенного союза и, как след-

стве, в проведении проверки обоснованности принятых таможенными органами Российской Федерации решений о выпуске товаров.

Российская сторона утверждает, что непризнание названных решений выразилось в необоснованном проведении таможенного контроля при наличии ненарушенных пломб и иной идентификации товара и, как следствие, в ведении административного процесса и изъятии товара.

Как отмечалось выше, в соответствии с пунктом 39 Статута Суд рассматривает споры о соблюдении другим государством-членом Договора, международных договоров в рамках Союза, следовательно, Суд может рассматривать только те действия (бездействие) государства, которые были совершены в рамках вступившего в силу Договора и функционирования Союза, то есть с 1 января 2015 года.

В отношении утверждений истца следует отметить, что все действия по проведению таможенного или иного контроля товара и документов, на основании которых перевозился этот товар, в том числе и решений таможенных органов, являются следствием предполагаемого истцом факта непризнания такого решения, а не самим фактом непризнания.

Поведение ответчика, оцениваемое истцом как непризнание решений его таможенных органов, – это не длящееся деяние, а разовое действие, выразившееся в несогласии с таким решением, а все действия по проверке такого решения являются последствиями так называемого непризнания.

Определение времени, в течение которого длится нарушение международно-правового обязательства, дано в проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанных Комиссией международно-права и принятых к сведению резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 12 декабря 2001 года A/RES/56/83.

В нем сказано: «Нарушение международно-правового обязательства деянием государства, не носящим длящегося характера, происходит в тот момент времени, когда деяние совершается, даже если его последствия продолжаются».

Полагаю, что все деяния, приведенные в доводах истца как акты непризнания решений таможенных органов Российской Федерации, совершались в момент поступления и регистрации ввоза товара на таможенный пункт назначения, после чего начались мероприятия по проверке товара на предмет законности и обоснованности поступления его в рамках процедуры таможенного транзита Таможенного союза.

В процессе судебного разбирательства было установлено, что спор между сторонами был о соблюдении международных норм при перемещении грузов по четырем транзитным декларациям номер: 10012050/121214/0002728, 10012050/131214/0002779, 10012050/131214/0002780 и 10012180/171214/0002685. По остальным шести обозначенным истцом в своем заявлении случаям перемещения товаров все действия таможенных органов ответчика были, бесспорно, ограничены 2014 годом.

Как на указанных декларациях, так и в информационной системе таможенных органов зафиксировано, что груз по названным декларациям поступил соответственно 16.12.2014, 16.12.2014, 17.12.2014 и 23.12.2014.

На международных товарно-транспортных накладных проставлен штамп о поступлении товара с указанием обозначенных дат и оттиском личной номерной печатки

ти должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь. Этими действиями белорусского таможенного органа была завершена таможенная процедура таможенного транзита товара, выпущенного в данной процедуре российской таможней, как товара, выпущенного ранее в процедуре реимпорта.

Вывод о завершении этими датами таможенных процедур транзита основан на решении Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438 «О Порядке совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита».

По анализируемым четырем машинам и товарно-транспортным документам все процедуры выполнены точно так, как это предписано в вышеназванном решении.

Таким образом, действие и реализация таможенного законодательства Таможенного союза завершились в 2014 году. Все дальнейшие действия таможенные органы ответчика совершали в рамках национального законодательства.

Данный вывод подтверждается, в том числе на основании дополнений, внесенных в 2015 году в решение Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438.

Действующая редакция пункта 19 Порядка совершения таможенными органами таможенных операций, связанных с подачей, регистрацией транзитной декларации и завершением таможенной процедуры таможенного транзита, утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 года № 438, конкретизирует, что по результатам проведения таможенного контроля в соответствии с пунктом 18 должностным лицом таможенного органа назначения принимается решение об оформлении завершения таможенной процедуры таможенного транзита, в том числе с указанием выявленных признаков нарушений регулирующих таможенные правоотношения международных договоров и актов, составляющих право Союза, и (или) законодательства государства-члена, и (или) иное решение в соответствии с законодательством государства-члена.

Таким образом, существующая регламентация порядка завершения таможенной процедуры таможенного транзита не изменяет, а разъясняет, что союзное законодательство применяется исключительно при совершении действий по завершению таможенной процедуры таможенного транзита.

Все последующие действия и решения регулируются национальным законодательством государства-члена. А поскольку процедура и действия по завершению таможенного транзита завершены в 2014 году, то и сфера действия интеграционного законодательства оканчивается 2014 годом, по которому у Суда отсутствует компетенция. Судебная оценка действий в рамках реализации таможенного законодательства Таможенного союза и Единого экономического пространства представляется невозможной.

В ходе судебного заседания 15 ноября 2016 года, а также в письмах Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2016 года № 06/118934-МТ и от 28 ноября 2016 года № 06/136554-МТ неоднократно ставился вопрос об оценке действий государственных органов Республики Беларусь в рамках административного процесса: порядка возбуждения административного процесса, квалификации дей-

ствий хозяйствующих субъектов по законодательству Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В свою очередь, ответчик и в письменной, и в устной формах обращал внимание Суда на то, что оценка оспариваемых истцом действий ответчика в рамках административного процесса находится за пределами компетенции судебного органа.

Следует отметить, что в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Таможенного кодекса таможенные органы государств – членов ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств – членов. Данные правоотношения не регулируются правом Союза и не подпадают под компетенцию Суда.

4. В соответствии с прецедентной судебной практикой (решения Суда от 28 декабря 2015 года и от 7 апреля 2016 года), сформированной на основании пункта 101 Статута, решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов, которые приведены в обоснование принятых к производству требований истца.

В решении от 21 февраля 2017 года Большая коллегия вышла за пределы судебного разбирательства. Это усматривается в пункте 8 решения, в котором Большая коллегия утверждает (без оценки данного вопроса с учетом позиций обеих сторон), что из заявления истца следуют обстоятельства, подтверждающие, что собственниками товаров (перевозчиками) и таможенными органами истца соблюдены необходимые требования положений таможенного законодательства.

Таким образом, Большая коллегия дала оценку правомерности поведения не только таможенных органов истца, но и соответствующих хозяйствующих субъектов, что полагаю совершенно неприемлемым с учетом пределов судебного разбирательства, а также компетенции Суда и судебных органов государств-членов.

В этой связи приходится констатировать, что согласно письму Северо-Западной оперативной таможни Федеральной таможенной службы Российской Федерации, направленному в ответ на обращение Ошмянской таможни Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, получатель товара в случаях транзита, рассмотренных Судом, действительно зарегистрирован в качестве субъекта хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации по указанному адресу, но фактически по нему не располагается и не является участником внешнеэкономической деятельности.

Согласно объяснениям значащегося по документам директора этой организации, он не знает ничего о фирме, а только предоставил свой паспорт и подписал соответствующие документы за вознаграждение от неустановленных лиц.

Полагаю, что данный факт с бесспорностью говорит о несоблюдении таможенного законодательства соответствующим отправителем и получателем товара.

В данной ситуации таможенные органы ответчика, действуя в общих интересах Союза и его государств-членов, обязаны были реагировать и пресекать незаконные поставки товаров. Что и было сделано в соответствии с законодательством Республики Беларусь об административных правонарушениях.

О выводах Суда по существу спора

5. Признанный решением Суда факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме статей 1, 3, 4, 25 Договора об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществлении единого таможенного регулирования интерпретирован (экстраполирован) через исполнение не в полном объеме требований статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения.

Для выводов о наличии либо отсутствии факта неисполнения Договора необходимо проанализировать допущено ли ответчиком неисполнение обязательств, предусмотренных таможенным законодательством Союза.

О соблюдении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения

6. В целях осуществления нормоконтроля и ответа на вопрос о соблюдении статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения следует определиться с нормативным содержанием указанных статей и, прежде всего, понятия «взаимное признание решений, принятых таможенными органами».

Таможенное законодательство не дает определение указанного понятия.

В международных договорах, заключенных в рамках Союза по вопросам таможенного регулирования, в дополнение к статье 125 Таможенного кодекса и статье 17 Соглашения имеется ряд положений о взаимном признании документов, которые составляют таможенные органы.

Так, в соответствии со статьей 2 Соглашения о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях от 5 июля 2010 года документы, изготовленные или засвидетельствованные учреждением или специально на то уполномоченным должностным лицом в пределах их компетенции и скрепленные гербовой печатью на территории одной из Сторон, принимаются на территории других Сторон без какого-либо специального удостоверения. Согласно статье 6 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года результаты проведения таможенного контроля, оформленные таможенными органами любой Стороны в соответствии с положениями Договора о Таможенном кодексе таможенного союза, а также результаты выполнения компетентным органом одной Стороны в соответствии с законодательством этой Стороны процессуальных действий на основании поручений компетентных органов другой Стороны признаются в качестве доказательств по уголовным делам и делам об административных правонарушениях и подлежат оценке при рассмотрении указанных дел наряду с другими доказательствами согласно законодательству Сторон.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Суд запрашивал мнения центральных таможенных органов о том, как они понимают институт взаимного признания решений таможенных органов и получил следующие пояснения.

Взаимное признание, по мнению Федеральной таможенной службы Российской Федерации, означает, что «решение, вынесенное/принятое компетентным органом

на территории одного государства – члена ЕАЭС в соответствии с ТК ТС и правом ЕАЭС, имеет юридическую силу (является обязательным для исполнения) в другом государстве – члене ЕАЭС и совершение дополнительных действий по его легализации (удостоверительных процедур) не требуется».

Данную позицию истца в целом разделяет и ответчик, который одновременно обращает внимание, что взаимное признание решений является частью взаимной административной помощи таможенных органов и инструментом таможенного контроля; взаимность признания решений предполагает, что таможенные органы признают решения друг друга, а не иных субъектов; неотъемлемой частью взаимного признания решений является их равная юридическая сила.

При этом, как указывает Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, положения статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения «носят вспомогательный характер – позволяют избежать излишних формальностей (легализация и верификация документов, проставление апостиля и т.п.) при получении документов и сведений от таможенных органов иных государств – членов ЕАЭС, либо с отметками таких органов».

В материалах дела ничего не указывает на то, что таможенные органы ответчика требовали легализацию решений таможенных органов истца.

Более того, из материалов дела видно, что решения таможенных органов Российской Федерации, выступавших при осуществлении таможенного транзита в роли таможенных органов отправления, были приняты как основание для оформления завершения таможенной процедуры таможенного транзита таможенными органами Республики Беларусь и таким образом были признаны в полном объеме.

7. Представляется неправильной трактовка взаимного признания решений таможенных органов как принципа, согласно которому соответствующий товар, по которому ранее было принято решение таможенного органа, не подлежит никаким формам последующего таможенного контроля.

В ходе судебного разбирательства стороны согласились, что таможенный орган назначения проводит и обязан проводить ряд форм таможенного контроля как перемещаемого товара, так и документов, в том числе с учетом системы управления рисками, необходимости защиты интересов Союза и его государств-членов.

При этом Таможенный кодекс, в том числе его раздел 3, не содержит каких-либо ограничений и изъятий по проведению таможенного контроля или по его формам в отношении товаров, перемещаемых на территорию или по территории одного государства-члена Союза по решению таможенного органа другого государства-члена Союза.

Нельзя не обратить внимание, что глава 17 Таможенного кодекса называется «Взаимная административная помощь таможенных органов» и находится в разделе 3 «Таможенный контроль». В статье 4 Таможенного кодекса дано определение понятия «таможенный контроль», а в статье 123 Таможенного кодекса – понятия «взаимная административная помощь». С учетом указанных положений Таможенного кодекса возможность применения статьи 125 Таможенного кодекса за рамками оказания административной помощи не предусматривается.

Даже если допустить применение положений статьи 125 за рамками главы 17 Таможенного кодекса, необходимо проанализировать сферу ее действия.

Статья 125 Таможенного кодекса и статья 17 Соглашения (применительно к рассмотренному спору) говорят о взаимном признании и равной юридической силе решений таможенных органов, принятых в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита.

В этой позиции заложено два обязательных условия:

товар перевозится в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита;

товар перевозится по таможенной территории Таможенного союза.

Таким образом, статья 125 Таможенного кодекса и статья 17 Соглашения ограничивают взаимное признание решениями в отношении товара, перемещаемого по процедуре таможенного транзита только по территории Таможенного союза. Это вполне понятно и объясняется тем, что перемещение товара через государство, которое не является членом Союза, сопряжено с дополнительными рисками и требует контроля при его ввозе с территории иного государства.

В оспариваемых случаях товар перевозился не только по территории России и Беларуси, но и по территории Литвы, которая не является государством – членом интеграционного объединения, поэтому спорные случаи не подпадали под регулирование статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения.

8. Решение Большой коллегии строится на тезисе о том, что таможенный орган назначения, проводя таможенный контроль, рассматривает и разрешает вопрос о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных таможенными органами отправления.

Полагаю данный тезис ошибочным. Среди указанных в пункте 2 статьи 95 Таможенного кодекса объектов таможенного контроля отсутствуют документы, выдаваемые таможенными органами.

Проведение таможенного контроля в отношении объектов, указанных в пункте 2 статьи 95 Таможенного кодекса, не ставит под сомнение решения таможенных органов, принятые в отношении соответствующих объектов ранее, не означает их непризнание, а является систематической работой по обеспечению соблюдения таможенного законодательства Союза и законодательства государств-членов.

В силу самой сущности института таможенного контроля такой контроль не направлен на проверку принятых ранее решений таможенных органов. При таможенном контроле проводится оценка не предшествующего поведения таможенных органов, а участников внешнеэкономической деятельности, лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела.

В спорной ситуации таможенные органы ответчика не оценивали решения таможенных органов истца, а, как было показано выше, признавали их в полном объеме.

9. Суд не смог установить наличие достаточного правового регулирования вопросов перемещения товаров Союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Союза через территорию государства, не являющегося членом Союза.

Как следует из материалов дела, в рамках досудебного урегулирования спора сторонами велась целенаправленная работа по подготовке Порядка совершения тамо-

женных операций при перемещении товаров Евразийского экономического союза между территорией Калининградской области Российской Федерации и остальной частью таможенной территории Евразийского экономического союза через территорию государства, не являющегося членом Евразийского экономического союза (далее – Порядок), который предполагалось утвердить постановлением Совета Министров Союзного государства.

Исходя из изложенного, а также протоколов консультаций сторон и различных редакций проекта Порядка можно сделать вывод о согласии сторон в отношении неурегулированности вопросов перемещения товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита через территорию иностранного государства и целесообразности, по мнению сторон, закрепления на уровне постановления Совета Министров Союзного государства указанных вопросов в качестве временной меры до урегулирования соответствующих вопросов в рамках права Союза.

Следовательно, сами стороны спора признали отсутствие достаточного правового регулирования вопросов перемещения товаров Союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита через территорию иностранного государства. У Большой коллегии отсутствовали правовые основания для восполнения указанного пробела в силу предписаний пункта 102 Статута, согласно которым решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

При таких обстоятельствах не представляется возможным установить факт исполнения ответчиком не в полном объеме положений статьи 125 Таможенного кодекса и статьи 17 Соглашения.

О соблюдении статьи 11 Соглашения

10. Статья 11 Соглашения устанавливает основания для направления поручений о проведении отдельных форм таможенного контроля и не регулирует права и обязанности по направлению таких поручений.

Следует исходить из того, что право таможенного органа на направление поручения предоставляется статьей 126 Таможенного кодекса, которая гласит, что в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза, а также предупреждения и пресечения нарушений таможенного законодательства таможенного союза таможенный орган одного из государств – членов таможенного союза вправе поручить таможенному органу другого государства – члена таможенного союза проведение отдельных форм таможенного контроля.

Однако невыполнение требований этой статьи ответчику никто не вменял.

В рамках судебного разбирательства было установлено, что таможенные органы Республики Беларусь не направляли поручения о проведении отдельных форм таможенного контроля.

В этой связи можно говорить о том, воспользовались или не воспользовались таможенные органы ответчика своим правом направить такое поручение. Если бы они направили поручение, то далее мог бы рассматриваться вопрос: соответствует ли поручение тем основаниям, которые изложены в статье 11 Соглашения. Но, если такого поручения не было, оно не направлялось, представляется невозможным установить соблюдение или несоблюдение оснований направления поручений.

Толкование положений статьи 11 Соглашения в совокупности с положениями статьи 126 Таможенного кодекса, на котором Стороны основывались при заключении Соглашения, позволяет заключить, что обращение за помощью в виде направления поручения является правом таможенного органа, а не его обязанностью.

Если таможенный орган не пользуется своим правом направления поручения, установленным статьей 126 Таможенного кодекса, то тем самым он не может нарушить положения указанной статьи Таможенного кодекса и принятого на их основании Соглашения в частности, положения статьи 11 Соглашения. Таким образом, таможенные органы Республики Беларусь не могли нарушить свои обязательства в рамках статьи 11 Соглашения, не направив на основании данного международного договора поручения таможенным органам Российской Федерации.

Руководствуясь изложенным, не могу согласиться с выводами Большой коллегии о том, что положения статьи 11 Соглашения содержат основания, «обязывающие таможенный орган одного государства-члена направлять указанные поручения таможенному органу другого государства-члена» и, соответственно, с выводом об исполнении Республикой Беларусь не в полном объеме положений статьи 11 Соглашения.

11. Полагаю, что при установленных Судом обстоятельствах производство по делу подлежало прекращению.

При принятии решения по существу спора Суду следовало отказать заявителю – Российской Федерации в удовлетворении его требований и установить факт соблюдения Республикой Беларусь Договора, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения в полном объеме.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

А.А.Федорцов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-1/1-16-БК)

город Минск

25 февраля 2017 года

1. 21 февраля 2017 года Большой Коллегией Суда Евразийского экономического союза вынесено решение по заявлению Российской Федерации (далее – истец) по спору о соблюдении Республикой Беларусь (далее – ответчик) статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о Союзе), статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – Таможенный кодекс), статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза (далее – Соглашение о взаимной административной помощи) в связи с непризнанием таможенным органом ответчика решений таможенного органа истца о выпуске товаров, произведенных в Особой экономической зоне Калининградской области, в таможенной процедуре реимпорта в статусе товаров таможенного союза, а также о помещении данных товаров под таможенную процедуру таможенного транзита для перемещения на остальную часть таможенной территории таможенного союза, что послужило нарушением принципов свободы движения товаров, функционирования единого внутреннего рынка и экономического пространства Союза.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Обстоятельства дела и доводы сторон

2. Хозяйствующие субъекты, зарегистрированные на территории Калининградской области Российской Федерации, ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» с территории третьих стран ввезли на территорию Особой экономической зоны Калининградской области и поместили под таможенную процедуру свободной таможенной зоны комплектующие товары, из которых впоследствии произведены холодильники, телевизоры и микроволновые печи.

По заявлениям ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» в соответствии с порядком, установленным статьей 19 Соглашения по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (далее – Соглашение о СЭЗ), торгово-промышленной палатой Калининградской области составлены акты экспертиз, подтверждающие, что произведенные товары отвечают критериям достаточной переработки, и они признаны товарами таможенного союза.

Поскольку товары не подлежали вывозу за пределы таможенной территории таможенного союза, таможенная процедура свободной таможенной зоны в соответствии с пунктом 8 статьи 17 Соглашения о СЭЗ 10 и 11 декабря 2014 года в отношении товаров ООО «Рубеж» завершена Калининградской областной таможней помещением их под таможенную процедуру реимпорта, а в отношении товаров ООО «Технопром» – 16 декабря 2014 года. В связи с выпуском товаров в процедуре реимпорта, они приобрели статус товаров таможенного союза для таможенных целей.

В связи с тем, что таможенная процедура реимпорта является оконченной в момент ее совершения, товары, выпущенные в таможенной процедуре реимпорта в статусе товаров таможенного союза, поступают в свободное обращение и могут перемещаться по территории таможенного союза в соответствии с принципом свободного движения товаров.

Для перемещения товаров из особой экономической зоны на остальную часть территории Российской Федерации товары ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» в соответствии с подпунктом 5 пункта 2 статьи 215 Таможенного кодекса помещены под таможенную процедуру таможенного транзита. В имеющихся в материалах дела транзитных декларациях содержатся сведения о наложении таможенными органами Российской Федерации на транспортные средства, перевозившие товары, идентификационных пломб, что свидетельствует о помещении их под таможенный контроль. В соответствии со статьей 220 Таможенного кодекса местом доставки товаров определена Ошмянская таможня Республики Беларусь.

При доставке товаров Ошмянской таможней информация о нарушении целостности средств идентификации в транзитные декларации не вносилась. В судебном заседании представитель Республики Беларусь подтвердил, что средства контроля не нарушались. Процедура таможенного транзита в отношении товаров ООО «Рубеж» завершена 16 и 17 декабря 2014 года и 23 декабря 2014 года – в отношении товаров ООО «Технопром».

Из материалов дела следует, что в январе 2015 года Ошмянской таможней в связи с недекларированием товаров ООО «Рубеж» и ООО «Технопром», подлежащих таможенному декларированию, возбуждены производства по делам об административных правонарушениях. Таможенными органами ответчика вышеуказанные товары задержаны и помещены на склад временного хранения.

12 февраля 2015 года Ошмянской таможней вынесены постановления по делам об административных правонарушениях в отношении ООО «Рубеж», в которых сделан вывод, что к таможенному оформлению представлены недействительные документы, в связи с чем в отношении товаров данного общества не произведено таможенное декларирование.

13 февраля 2015 года судом Ошмянского района вынесены постановления об обращении товаров ООО «Рубеж» в доход государства.

18 марта 2015 года Ошмянской таможней вынесено постановление о прекращении дела об административном правонарушении в отношении ООО «Технопром», в котором сделан вывод, что представленные для целей завершения таможенной процедуры таможенного транзита товары не декларировались как товары, не относящиеся к товарам таможенного союза. Дело прекращено в отношении неустановленного лица.

20 марта 2015 года судом Ошмянского района вынесено постановление об обращении товаров общества в доход государства в связи с недекларированием таможенному органу товаров, не относящихся к товарам таможенного союза.

2.1. С целью досудебного порядка урегулирования спора о нарушении ответчиком права Союза Российская Федерация обратилась к Республике Беларусь. В ходе двенадцати раундов переговоров сторонами взаимоприемлемое решение не найдено, что послужило основанием для обращения истца в Суд.

2.2. Республика Беларусь, не соглашаясь с доводами истца, изложенными в пункте 1 особого мнения, указала на отсутствие у Суда Союза компетенции *ratione temporis* (временной), поскольку Договор о Союзе вступил в силу с 1 января 2015 года, а все юридически значимые действия совершены ответчиком в 2014 году. Ответчик также настаивал на том, что Республика Беларусь при формировании договорно-правовой базы Евразийского экономического союза (далее – Союз), не предоставила Суду полномочий по разрешению споров, возникших до вступления в силу Договора о Союзе. По мнению ответчика, у Суда отсутствует компетенция *ratione materiae* (предметная), так как ведение административного процесса и привлечение к административной ответственности являются предметом регулирования национального законодательства. По утверждению Республики Беларусь, действия и решения ее таможенных органов совершены в целях защиты правопорядка в соответствии со статьей 29 Договора о Союзе, в связи с чем у Суда отсутствуют основания для установления факта несоблюдения ответчиком права Союза.

Оценка отдельных доводов Сторон

3. По доводу Республики Беларусь об отсутствии у Суда компетенции *ratione temporis*, исхожу из того, что несоблюдение ответчиком статей 1, 3, 4, 25 Договора о Союзе, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи является длящимся и состоит в длительном непрекращающемся невыполнении предусмотренных правом Союза обязанностей.

Считаю, что нарушение ответчиком права Союза применительно к товарам ООО «Рубеж» началось 16 и 17 декабря 2014 года, к товарам ООО «Технопром» – 23 декабря 2014 года. В указанные даты таможенными органами Республики Беларусь завершена таможенная процедура таможенного транзита, но товары задержаны в связи с проведением проверки их статуса как товаров таможенного союза.

Несоблюдение ответчиком права Союза в связи с непризнанием решений таможенных органов истца продолжилось в январе и феврале 2015 года, что подтверждается проведением различных форм таможенного контроля, предусмотренных статьей 110 Таможенного кодекса, и возбуждением производства по делам об административных правонарушениях.

Непризнание ответчиком решений таможенных органов истца в отношении товаров, принадлежащих ООО «Рубеж» и ООО «Технопром», также нашло подтверждение в постановлениях от 12 февраля 2015 года и от 18 марта 2015 года о прекращении производства по делам об административных правонарушениях.

В соответствии со статьей 4 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятого Комиссией по международному праву ООН и одобренного Генеральной Ассамблеей ООН резолюциями от 12 дека-

бря 2001 года № 6/83, от 2 декабря 2004 года № 59/35, от 6 декабря 2007 года № 62/61, от 6 декабря 2010 года № 65/19, поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву независимо от того, осуществляет ли этот орган законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные функции, независимо от положения, которое он занимает в системе государства.

При таких обстоятельствах несоблюдение Республикой Беларусь права Союза также имело место при вынесении судом Ошмянского района постановлений от 13 февраля 2015 года и от 20 марта 2015 года об обращении товаров ООО «Технопром» и ООО «Рубеж» в доход государства.

Вывод об ответственности государства за действия его судебных органов согласуется с международной практикой (решение Суда Европейского союза от 30 сентября 2003 года по делу C-224/01 *Kobler v Austria*).

Изложенное убедительно подтверждает наличие у Суда компетенции *ratione temporis* по рассмотрению настоящего спора.

3.1. Утверждение ответчика об отсутствии у Суда компетенции *ratione materiae* по рассмотрению настоящего дела подлежало отклонению в решении Большой коллегии Суда как противоречащее праву Союза.

Учредив на неограниченный срок Евразийский экономический союз, который является международной организацией региональной экономической интеграции, наделенной, в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Договора о Союзе, международной правосубъектностью и собственной системой институтов, государства – члены Союза наделили их реальными полномочиями, ограничив тем самым в строго определенных областях свои суверенные права и создав автономную совокупность правовых норм, являющихся обязательными для всех государств-членов.

Включение в правовые системы каждого государства-члена положений права Союза делает невозможным для государств-членов придание приоритета нормам национального права перед правом Союза, создаваемого государствами на основе взаимности.

Обязательность права Союза не может быть различной в государствах-членах в зависимости от наличия или последующего принятия внутренних актов, допускающих или прямо предусматривающих совершение действий или принятие решений, не соответствующих праву Союза. Иное толкование сделало бы обязательства по Договору о Союзе не безусловными, но лишь возможными и зависящими от обстоятельств. Данный подход согласуется с практикой Суда Европейских сообществ (решения от 15 июля 1964 года по делу 6/64 *Costa v. Enel*, от 9 марта 1978 года по делу 106/77 *Amministrazione delle finanze dello Stato v Simmenthal*).

Соответственно, в рамках иска о соблюдении государством-членом права Союза, Суд Союза вправе проверять на соответствие праву Союза действия и решения национальных органов власти, вне зависимости от того, явилось ли основанием для их совершения и принятия право Союза или положения национального законодательства, что свидетельствует о наличии у Суда Союза компетенции *ratione materiae*.

3.2. Соглашаясь с выводом Суда о нарушении ответчиком принципа свободы движения товаров, отмечаю, что в рассматриваемой ситуации товары ООО «Техно-

пром» и ООО «Рубеж» не предназначались к продаже на территории Республики Беларусь, а перемещались транзитом в Российскую Федерацию через территории Литовской Республики и ответчика.

Одним из проявлений принципа свободного движения товаров является свобода транзита, то есть когда товар таможенного союза следует из одного государства-члена в другое или в то же государство-член через территорию третьего государства. Свобода транзита возникает в силу факта существования таможенных союзов и соответствует интересам всех без исключения государств – членов интеграционного объединения.

Аналогичная правовая позиция выработана в Европейском союзе, где свобода транзита распространяется на все ситуации, при которых товар, произведенный или выпущенный в свободное обращение на территории одного государства-члена Союза, перевозится через территорию другого государства-члена Союза и охватывает также те случаи, когда товар, в рамках процедуры транзита, временно покидает территорию таможенного союза (решения Суда Европейского союза от 4 октября 1991 года по делу C-367/89 *Criminal proceedings against Aimé Richardt and Les Accessoires Scientifiques SNC*, от 26 сентября 2000 года по делу C-23/99 *Комиссия против Франции*, от 23 октября 2003 года по делу C-115/02 *Administration des douanes et droits indirects v Rioglass SA and Transremar SL*). Соответственно, задержание товара Союза таможенными органами государства, через территорию которого перемещается товар, которое к тому же может перерасти в полную блокировку перемещения товара в случае принятия компетентным органом решения о конфискации, уничтожении или обращении товара в доход государства, следует считать ограничением свободы транзита и, соответственно, свободного движения товаров. Подобные ограничения являются допустимыми в тех случаях, когда они непосредственно предусмотрены правом Союза и не выходят за рамки того, что необходимо для достижения предусмотренных этими актами задач.

Договор о Союзе не устанавливает никаких условий, при которых такие ограничения применительно к перемещению товаров Союза, выпущенных в свободное обращение на территории одного государства-члена, через территорию другого государства-члена могли бы быть оправданы. Статья 29 Договора о Союзе, на которую ссылается ответчик, содержит исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров во взаимной торговле между государствами-членами, но не при перемещении товаров Союза через территорию государства-члена.

Данная правовая позиция согласуется с нормами главы 32 «Таможенная процедура таможенного транзита» Таможенного кодекса, которая не предусматривает национальный режим ограничения или запрещения таможенного транзита товаров интеграционного объединения.

Таможенное регулирование в таможенном и Евразийском экономическом союзах отнесено к единой политике и регулируется правом Союза. Статьей 216 Таможенного кодекса определены исчерпывающие условия помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита. Право государства-члена вводить запрет перемещения товаров в связи с защитой правопорядка на территории одного из государств-членов правом Союза не предусмотрено.

По настоящему делу ответчик не представил Суду никаких доказательств в подтверждение наличия угрозы правопорядку Республики Беларусь в результате перемещения по ее территории бытовой техники. Более того, после обращения в доход государства холодильники, телевизоры и микроволновые печи поступили в гражданский оборот на территории ответчика.

Нормы процессуального права Союза в решении Суда

4. Статья 78 Регламента Суда определяет общие требования к структуре и содержанию решения Суда, в том числе принимаемого Судом по спору государств-членов. Пунктом 6 статьи 78 Регламента Суда установлено, что решение Суда должно быть логичным, не содержать внутренних противоречий, несовместимых положений. В этой связи резолютивная часть решения Суда должна соответствовать выводам, изложенным в мотивировочной части решения.

Большая коллегия Суда, исследовав доводы истца и ответчика, описав их в мотивировочной части решения, обоснованно не отклонила ни один довод Российской Федерации и в соответствии с правом Союза не согласилась ни с одним возражением Республики Беларусь (пункты 1 – 8 раздела 3 Выводы Суда).

Пунктом 5 статьи 78 Регламента Суда определено, что резолютивная часть решения Суда должна содержать выводы Суда в соответствии с пунктами 104 – 110 Статута Суда об удовлетворении требований истца или об отказе в их удовлетворении полностью или в части.

Согласно пункту 105 Статута Суда по результатам рассмотрения дела по заявлению государства-члена о соблюдении другим государством-членом Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и их отдельных положений Суд выносит одно из следующих решений:

- 1) об установлении факта соблюдения государством-членом (государствами-членами) Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров;
- 2) об установлении факта несоблюдения государством-членом (государствами-членами) Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров.

Учитывая изложенное полагаю, что резолютивная часть решения Большой коллегии Суда от 21 февраля 2017 года не только не соответствует установленным обстоятельствам дела и выводам мотивировочной части, но и процессуально не соотносится с требованиями пункта 105 Статута Суда и пунктом 5 статьи 78 Регламента Суда.

При таких обстоятельствах считаю, что Большой коллегии Суда следовало вынести решение об удовлетворении требований истца в полном объеме и установить факт несоблюдения Республикой Беларусь статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме
по делу №СЕ-1-1/1-16-БК
(Российская Федерация)

Ключевые слова:

Российская Федерация (государство) – Республика Беларусь (государство).

О соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза.

Транзит товаров – выпуск товаров; таможенная процедура транзита – таможенный контроль – статус товаров; признание товаров иностранными.

Взаимное признание решений таможенных органов – взаимная административная помощь; свободное движение товаров.

Таможенный кодекс таможенного союза – Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза.

Решение – удовлетворение заявления в части – установление факта исполнения не в полном объеме положений норм права Союза.

Описание:

Российская Федерация в лице Министерства юстиции обратилась в Суд с заявлением о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза от 21 мая 2010 года (далее – Соглашение от 21 мая 2010 года) в части непризнания решений таможенных органов Истца о выпуске товаров в соответствии с таможенными процедурами реимпорта и таможенного транзита, проведения проверки обоснованности их принятия, вынесения решений о признании товара иностранным.

21 февраля 2017 года Большая Коллегия Суда вынесла решение, в котором установила факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года об обеспечении свободы движения товаров, функционировании таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения от 21 мая 2010 года.

К решению Большой Коллегии приложены особые мнения судей Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Федорцова А.А., Чайки К.Л.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. В рамках практического применения статьи 125 ТК ТС к решениям могут быть отнесены как властно-распорядительные акты таможенных органов, составленные в форме конкретного (индивидуализированного) документа в печатном или электронном виде, так и решения, принимаемые по результатам проверки деклараций

на товар, начала (завершения) таможенных процедур и так далее, формализованные в виде проставления на соответствующих документах печатей, штампов, подписей должностных лиц таможенных органов. Основной признак, свойственный указанным решениям, – юридически значимые действия таможенных органов, совершаемые в рамках предоставленных им полномочий, и юридически значимые последствия для иных субъектов международных таможенных правоотношений в виде дозволений или ограничений на перемещаемый через таможенную границу Союза товар.

(см. абзацы 2, 3 пункта 2 Решения)

2. Взаимное признание решений таможенных органов не предполагает направления запросов, поручений, информации и совершения иных действий, предусмотренных для их выполнения.

Решения таможенных органов взаимно признаются в случаях, определенных таможенным законодательством таможенного союза по умолчанию, без оговорок и условий. Такие решения таможенных органов имеют презумпцию их полного соответствия предъявляемым требованиям, а значит соответствия таможенному законодательству таможенного союза, пока не доказано обратное.

(см. абзацы 4, 5 пункта 3 Решения)

3. При проведении таможенного контроля таможенные органы исходят из принципа выборочности и ограничиваются только теми формами таможенного контроля, которые достаточны для обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств – членов таможенного союза, контроль за исполнением которого возложен на таможенные органы.

(см. абзац 2 пункта 4 Решения)

4. При выборе объектов и форм таможенного контроля используется система управления рисками, которая применяется для определения товаров и транспортных средств международной перевозки, документов и лиц, подлежащих таможенному контролю, форм таможенного контроля, применимых к товарам, транспортным средствам международной перевозки, документам и лицам, а также степени проведения таможенного контроля. При этом вопросы регулирования применения системы управления рисками ТК ТС относят к компетенции государств-членов.

(см. абзац 4 пункта 4 Решения)

5. Анализ положений подпунктов 1 и 3 пункта 1 статьи 11 Соглашения от 21 мая 2010 года показывает, что данным международным договором, имеющим специальный предмет международно-правового регулирования, установлены не имеющие двойного смысла достаточные основания для направления соответствующих поручений таможенным органом одного государства-члена таможенному органу другого государства-члена. Указанные основания в контексте положений статьи 1 Соглашения от 21 мая 2010 года о проведении отдельных форм таможенного контроля в совокупности носят предписывающий характер.

Нормы данного международного договора подлежат непосредственному применению и в связи с его специальным характером имеют приоритетное значение при проведении таможенного контроля.

(см. абзацы 3, 6 пункта 5 Решения)

6. Действия любого из государств-членов по процедурам таможенного контроля, выходящие за рамки требований таможенного законодательства таможенного союза, не соответствуют принципам функционирования таможенного союза, установленным статьей 25 Договора о Союзе.

(см. абзац 8 пункта 5 Решения)

7. Таможенным органам государства-члена, проводящего таможенный контроль в отношении товаров таможенного союза, следующих в процедуре таможенного транзита из одного государства – члена Союза в другое государство – член Союза, целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных компетентными органами государства отправления.

(см. абзац 4 пункта 6 Решения)

8. По смыслу терминов статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года взаимно признаются и имеют равную юридическую силу на таможенной территории таможенного союза решения таможенных органов, принятые в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза при совершении таможенных операций в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию таможенного союза либо вывозимых за ее пределы, находящихся под таможенным контролем, перевозимых по таможенной территории таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, находящихся на временном хранении.

Положения статьи 17 Соглашения от 21 мая 2010 года имеют императивный характер, не содержат изъятий или отсылок и в этой связи должны применяться непосредственно.

(см. абзацы 3, 4 пункта 7 Решения)

9. Учитывая, что правом Союза определение статуса товара отнесено к ведению уполномоченного органа государства-члена, отсутствуют правовые основания для включения в данную сферу регулирования органов другого государства-члена и изменения ими статуса товара как «не товара таможенного союза».

(см. абзац 8 пункта 8 Решения)

10. Взаимное признание решений таможенных органов не препятствует проведению ими таможенного контроля в пределах их компетенции, а является вспомогательным правовым элементом, направленным на эффективное завершение процедуры таможенного транзита посредством взаимодействия таможенных органов в рамках взаимной административной помощи и признания решений.

Признание решения таможенного органа одного государства-члена и направление ему поручения со стороны таможенного органа другого государства-члена не означает уменьшения объема полномочий такого таможенного органа на проведение

таможенного контроля, но содействует взаимодействию таможенных органов государств – членов Союза по пресечению нарушений таможенного законодательства, установленному международными договорами в рамках Союза.

(см. абзацы 1-2 пункта 9 Решения)

**Summary
of case No. CE-1-1/1-16-BK
(Russian Federation)**

Keywords:

Russian Federation (Member State of the Union) – Republic of Belarus (Member State of the Union).

On compliance by the Republic of Belarus with the Treaty on the Eurasian Economic Union, Article 125 of the Customs Code of the Customs Union, Articles 11 and 17 of the Agreement on Mutual Administrative Assistance of Customs Authorities of Member States of the Customs Union.

Transit of goods – release of goods; transit customs procedure – customs control – status of goods; recognition of foreign origin of goods.

Mutual recognition of decisions taken by customs authorities – mutual administrative assistance; free movement of goods.

Customs Code of the Customs Union – Agreement on Mutual Administrative Assistance of Customs Authorities of Member States of the Customs Union.

Judgment – partial satisfaction of the application – establishment of the fact of incomplete compliance with the law of the Union.

Substance of the case:

The Russian Federation represented by the Ministry of Justice filed an application to the Court for the non-compliance by the Republic of Belarus with the Treaty on the Eurasian Economic Union, Article 125 of the Customs Code of the Customs Union, Articles 11 and 17 of the Agreement on Mutual Administrative Assistance of Customs Authorities of Member States of the Customs Union of May 21, 2010 (hereinafter referred to as the “Agreement of May 21, 2010”). It complained that the Republic of Belarus does not recognise the decisions taken by customs authorities of the Claimant on the release of goods in accordance with the customs procedures of reimport and customs transit, reviews the validity of such decisions and adopts decisions establishing the foreign origin of goods.

On February 21, 2017 the Grand Chamber of the Court delivered a judgment establishing the fact that the Republic of Belarus failed to fully comply with the provisions of Articles 1, 3, 4, 25 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 on the free movement of goods, the functioning of the Customs Union without exceptions and limitations upon completion of the transitional periods, commitment to the creation of a common market for goods, services, capital and labour resources within the Union, the application of a common customs regulation, Article 125 of the Customs Code of the Customs Union, Articles 11 and 17 of the Agreement of May 21, 2010.

Separate opinions of Judges D.G. Kolos, T.N. Neshataeva, V.Kh. Seitimova, A.A. Fedortsov, K.L. Chaika are attached to the judgment of the Grand Chamber of the Court.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. Within the framework of practical application of Article 125 of the Customs Code of the Customs Union, decisions may include executive orders of the customs authorities drawn up in the form of a specific (individualised) document in print or electronic format and also the decisions taken following the results of the check of the goods declarations, commencement (completion) of customs procedures, etc., formalised in the form of affixing seals, stamps, signatures of the customs officials on the relevant documents. The main feature characterising the above-mentioned decisions – legally significant acts of the customs authorities adopted within the limits of the powers granted to them, and legal implications for other subjects of international customs relations in the form of authorisations or restrictions with regard to the goods moved across the customs border of the Customs Union.

(see subparagraphs 2, 3 of paragraph 2 of the Judgment)

2. Mutual recognition of the decisions taken by the customs authorities does not imply the necessity of sending requests, instructions, information or undertaking other actions necessary for their application.

Decisions taken by customs authorities are mutually recognised in cases defined by customs legislation of the Customs Union by default, without reservations or conditions. Such decisions of the customs authorities are considered to be in full conformity with the specified requirements, i.e. with the legislation of the Customs Union, until proven otherwise.

(see subparagraphs 4, 5 of paragraph 3 of the Judgment)

3. During customs control the customs authorities rely on the selectivity principle and limit themselves to only those forms of customs control that are enough to ensure the observance of the customs legislation of the Customs Union and the legislation of the Customs Union Member States where the control of execution is vested in the customs bodies.

(see subparagraph 2 of paragraph 4 of the Judgment)

4. The risk management system is applied for selecting the objects and types of customs control in order to determine the goods and vehicles in international traffic, documents and persons subject to customs control, types of customs control applicable to goods, vehicles in international traffic, documents and persons, and also the extent of customs control. The Customs Code of the Customs Union establishes that the issues relating to risk management system application are within the competence of the Member States.

(see subparagraph 4 of paragraph 4 of the Judgment)

5. The analysis of the provisions of subparagraphs 1 and 3 of Article 11(1) of the Agreement of May 21, 2010 demonstrates that this international instrument having a special subject matter lists in an unambiguous manner sufficient grounds for a customs authority of one Member State to send the relevant assignments to a customs authority of another Member State. The above-mentioned grounds within the context of provisions of Article 1 of the Agreement of May 21, 2010 regarding the exercise of particular types of customs control are jointly binding.

The rules of this international treaty are directly applicable and due to their specific nature shall have a higher priority when conducting customs control procedures.

(see subparagraphs 3, 6 of paragraph 5 of the Judgment)

6. Any actions taken by Member States with regard to customs control procedures which go beyond the scope of the customs legislation of the Customs Union are not compatible with the principles of functioning of the Customs Union established by Article 25 of the Treaty on the Customs Union.

(see subparagraph 8 of paragraph 5 of the Judgment)

7. It would be advisable for the customs authorities of the Member State carrying out customs control of the goods of the Customs Union transported in accordance with the transit procedure from one Member State to another Member State to avoid taking unilateral decisions with regard to the accuracy, acceptability, sufficiency of the documents issued by the competent authorities of the state of departure.

(see subparagraph 4 of paragraph 6 of the Judgment)

8. Within the meaning of the terms of Article 17 of the Agreement of May 21, 2010, decisions taken by the customs authorities in accordance with the customs legislation of the Customs Union in the course of customs operation with regard to the goods which enter or leave the customs territory of the Customs Union, goods, which are under customs control and are transported across the customs territory of the Customs Union in accordance with the customs transit procedure, or have been put for customs warehousing are mutually recognised and have equal legal force within the customs territory of the Customs Union.

Provisions of Article 17 of the Agreement of May 21, 2010 are of mandatory nature, do not contain exemptions or references to other provisions and are therefore directly applicable.

(see subparagraphs 3, 4 of paragraph 7 of the Judgment)

9. Taking into account the fact that according to the legislation of the Customs Union the determination of the status of the goods is within the competence of the competent body of the Member State, there are no legal grounds for the involvement of authorities of other Member States in this regulatory scope and for them to change the status of the goods to “goods not originating in the Customs Union.”

(see subparagraph 8 of paragraph 8 of the Judgment)

10. Mutual recognition of the decisions taken by the customs authorities does not prevent them from carrying out customs control within the limits of their competence. It is considered to be an auxiliary legal element aimed at the efficient completion of the customs transit procedure by means of interaction between the customs authorities within the framework of mutual administrative assistance and recognition of decisions.

The recognition by a customs authority of one Member State of a decision taken by the customs authority of another Member State and sending them the relevant assignments does not entail the reduction of the scope of rights of such a customs authority with regard

to carrying out customs control. Instead, it facilitates the interaction between customs authorities of the Member States aimed at preventing violations of the customs legislation as provided for by international treaties within the Customs Union.

(see subparagraphs 1-2 of paragraph 9 of the Judgment)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1 ноября 2016 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Публичное акционерное общество «АрселорМиттал Кривой Рог» (далее – Истец) 20 октября 2016 года обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (далее – Решение Коллегии ЕЭК № 28).

Названным Решением Коллегии ЕЭК № 28 предусмотрено применение антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины сроком на 5 лет в отношении следующих товаров, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС): прутки стальные горячекатаные, имеющие одинаковое сплошное поперечное сечение по всей длине в форме кругов, в бухтах или разрезанных по заданной длине, которые могут иметь выемки, выступы, борозды или другие деформации, полученные в процессе прокатки, с дальнейшей обработкой или без нее (за исключением прутков из автоматной, быстрорежущей, инструментальной, подшипниковой и коррозионно-стойкой стали, кованных или после холодной деформации, полых прутков или прутков пустотелых для буровых работ).

Согласно Решению Коллегии ЕЭК № 28 в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, введена антидемпинговая пошлина, в том числе для Истца – 9, 32 % от таможенной стоимости товара. Истец указывает, что оспариваемое решение принято на

основании доклада Департамента защиты внутреннего рынка Евразийской Экономической Комиссии.

По мнению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог», Решение Коллегии ЕЭК № 28 не соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международным договорам, заключенным в рамках ЕАЭС, праву ВТО, а также нарушает права и законные интересы общества в связи со следующим:

- нарушены сроки проведения антидемпингового расследования, имеет место несоответствие введенной антидемпинговой пошлины целям введения антидемпинговых мер, а также нарушение принципов добросовестности и разумности, злоупотребление правом;

- антидемпинговое расследование проведено не в полном объеме с учетом присоединения к ЕАЭС Республики Армения и Кыргызской Республики до даты принятия решения по результатам антидемпингового расследования;

- при проведении антидемпингового расследования неправильно определены нормальная стоимость товара и демпинговая маржа;

- в ходе антидемпингового расследования не установлено достаточных данных, подтверждающих ущерб отрасли экономики государств – членов ЕАЭС, а также наличие причинно-следственной связи между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики ЕАЭС.

С учетом вышеизложенного, публичное акционерное общество «АрселорМиттал Кривой Рог» просит признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 28 от 29 марта 2016 года о применении антидемпинговой пошлины сроком на 5 лет в отношении ввозимых на территорию Евразийского экономического союза прутков, происходящих из Украины, не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

II. Выводы Коллегии Суда

Коллегия отмечает, что исходя из пунктов 1-3 статьи 33

Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), Суд полномочен рассмотреть заявление хозяйствующего субъекта при наличии следующих условий:

- рассмотрение спора относится к компетенции суда;
- соблюден установленный досудебный порядок урегулирования спора;
- соблюдены положения статьи 9 Регламента Суда, устанавливающей требования к заявлению хозяйствующего субъекта о разрешении спора.

Согласно пункту 41 Статута Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), (далее – Статут Суда), вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

В соответствии с абзацем 1 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, Суд по заявлению хозяйствующего субъекта рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации договора, международных договоров в рамках союза и (или) решений органов Союза, о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Согласно подпункта 2 пункта 39 Статута Суда под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства–члена или третьего государства.

Заявление в Суд поступило от публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог», зарегистрированного в соответствии с законодательством Украины, что подтверждается свидетельством о государственной регистрации юридического лица серии А01, № 565170, идентификационный код юридического лица 24432974. Истец соответствует понятию хозяйствующего субъекта по смыслу подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, имеющего право на обращение в Суд с заявлением о разрешении спора.

Оспариваемое Решение Коллегии ЕЭК № 28, как следует из его содержания, непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта (истца) в сфере предпринимательской и иной хозяйственной деятельности.

В заявлении Истца указано на существенное снижение объемов импорта товаров, в отношении которых установлены антидемпинговые пошлины.

Таким образом, в соответствии с абзацем 1 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, Истец вправе обратиться в суд с заявлением о разрешении спора.

Коллегия констатирует, что спор по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» возник по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза. Предметом спора, по мнению Истца, является несоответствие Решения Коллегии ЕЭК №28 Договору и международным договорам в рамках Союза.

Следовательно, рассмотрение спора по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» о несоответствии Решения Коллегии ЕЭК № 28 Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза относится к компетенции Суда.

Согласно пункту 43 Статута Суда спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение N 8 к Договору) не содержит исключений, допускаемых пунктом 43 Статута.

Подпункт 275 пункта 1 данного Протокола предусматривает, что порядок и особенности рассмотрения дел об оспаривании решения Комиссии и (или) действия (бездействия) Комиссии, связанных с применением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, определяется Статутом и Регламентом Суда Союза.

Из материалов, представленных публичным акционерным обществом «АрселорМиттал Кривой Рог», видно, что общество обращалось в Комиссию с заявлением об оспаривании Решения Коллегии ЕЭК № 28. Письмом от 28 сентября 2016 года №14-274 Комиссия отказала в удовлетворении обращения публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» об отмене Решения Коллегии ЕЭК № 28, что свидетельствует о соблюдении Истцом требований об обязательном досудебном урегулировании спора.

Содержание заявления публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» в Суд и приложенные к нему документы показывают, что Истцом соблюдены требования статьи 9 Регламента Суда.

Согласно пункту 2 статьи 32 Регламента Суда заявление подписано уполномоченным лицом.

В соответствии с пунктами 62, 63 Статута Суда обращение хозяйствующего субъекта в Суд облагается пошлиной, уплачиваемой до подачи заявления в Суд. Заявление Истца оплачено пошлиной в установленном порядке.

Согласно пункту 1 статьи 33 Регламента Суда, Суд выносит постановление о принятии заявления хозяйствующего субъекта к производству, если иное не предусмотрено пунктом 2 или 3 данной статьи, то есть при отсутствии оснований для отказа в принятии заявления к производству либо оставления заявления без движения.

Основания для отказа в принятии заявления к производству либо для оставления заявления без движения не установлены.

До вынесения постановления Суда о принятии заявления к производству от истца не поступило ходатайство об отзыве заявления; не имеется вступившего в силу решения Суда по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам.

Коллегия приходит к выводу, что заявление публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» подлежит принятию к производству.

На основании изложенного, и, руководствуясь абзацем 1 подпункта 2 пункта 39, пунктами 41, 43, 62, 63, 76 Статута Суда Евразийского экономического союза, пунктом 1 статьи 33, статьями 34, 36, 38 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского эконо-

мического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Евразийской экономической комиссии предложить в срок не позднее 15 календарных дней со дня получения уведомления Суда о принятии заявления к производству направить в Суд и истцу возражения на заявление.

Евразийской экономической комиссии в срок не позднее 1 декабря 2016 года представить в Суд материалы антидемпингового расследования, в том числе конфиденциальную и неконфиденциальную версии.

Информация о времени и месте проведения судебного заседания будет размещена на официальном сайте Суда.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 декабря 2016 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимо-
вой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А.,
при секретаре судебного заседания Назаровой Б.,
рассмотрев в открытом судебном заседании вопрос об утверждении размера средств,
необходимых для обеспечения деятельности экспертов специализированной груп-
пы, созданной постановлением Коллегии Суда от 5 декабря 2016 года,

УСТАНОВИЛА:

Постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 дека-
бря 2016 года создана специализированная группа из числа экспертов, представлен-
ных государствами-членами Евразийского экономического союза, для подготовки
заключения по делу по заявлению публичного акционерного общества «Арселор-
Миттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономиче-
ской комиссии от 29 марта 2016 года о введении антидемпинговой пошлины в отно-
шении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию
Евразийского экономического союза, Договору о Евразийском экономическом союзе
и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

В соответствии с пунктом 3 Решения Высшего Евразийского экономического со-
вета от 23 декабря 2014 года № 102 «О порядке оплаты услуг экспертов специализи-
рованных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках
рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы применения специаль-
ных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер» (далее – Решение Выс-
шего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 102) выплата
эксперту вознаграждения и оплата расходов, связанных с приобретением проездных
документов для проезда из места его постоянного проживания в г.Минск (Республи-
ка Беларусь) и обратно, а также с наймом жилых помещений в г.Минске на период
ознакомления с документами, необходимыми для подготовки заключения, и участия
в судебных заседаниях, осуществляются за счет средств заявителя, внесенных им на
отдельный целевой счет Суда Евразийского экономического союза.

Согласно пункту 2 Порядка оплаты услуг экспертов специализированных групп,
создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках рассмотрения
споров, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных,
антидемпинговых и компенсационных мер, утвержденного решением Высшего Ев-
разийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 102, Секретариатом
Суда подготовлена предварительная смета расходов на обеспечение деятельности

специализированной группы (далее – предварительная смета расходов, исходя из следующего:

- вознаграждение за подготовку заключения в размере 250 тысяч российских рублей каждому из 4 экспертов;
- расходы на оплату проезда из места постоянного проживания эксперта в г. Минск, из расчета 5 поездок туда и обратно на каждого иногороднего эксперта (по установленным нормам);
- расходы по найму жилого помещения (1-комнатного (1-местного) номера в гостинице категории «4 звезды» в г. Минске из расчета 30 календарных дней на каждого иногороднего эксперта.

На основании изложенного, и, руководствуясь статьями 82, 94 Статута Суда, статьи 52 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 102 «О порядке оплаты услуг экспертов специализированных групп, создаваемых Судом Евразийского экономического союза в рамках рассмотрения споров, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер», Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Утвердить размер средств, необходимых для обеспечения деятельности экспертов специализированной группы, созданной постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 декабря 2016 года, в сумме 2 255,00 тыс. российских рублей.
2. Установить заявителю – публичному акционерному обществу «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) срок до 4 января 2017 года на внесение указанной в пункте 1 настоящего постановления денежной суммы на отдельный целевой счет Суда Евразийского экономического союза.
3. Производство по делу приостановить .
4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Судьи

Г.А.Скрипкина

В.Х.Сейтимова
А.Э.Туманян
А.А.Федорцов
К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 декабря 2016 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство Евразийской экономической комиссии об отводе эксперта специализированной группы,

УСТАНОВИЛА:

Постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 декабря 2016 года создана специализированная группа из числа экспертов, представленных государствами-членами Евразийского экономического союза, для подготовки заключения по делу по заявлению публичного акционерного общества «Арселор-Миттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года о введении антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Указанным постановлением Коллегии Суда экспертам специализированной группы и сторонам установлен срок на подачу заявлений о самоотводе либо отводе экспертов специализированной группы соответственно, с изложением его оснований.

12 декабря 2016 г. в Суд поступило ходатайство Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), являющейся стороной по делу, об отводе эксперта специализированной группы от Российской Федерации – Косоурова Андрея Александровича.

Основаниями для отвода эксперта Косоурова А.А. Комиссия указывает те обстоятельства, что он является должностным лицом Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС России).

В настоящее время на рассмотрении ФАС России находятся дела о нарушении антимонопольного законодательства на рынке стальных прутков (арматуры), в отношении компаний-заявителей по делу об антидемпинговом расследовании в отношении прутков, происходящих из Украины, по результатам которого принято оспариваемое Истцом в Суде решение Комиссии от 29 марта 2016 года № 28. В связи с этим Комиссия считает, что участие эксперта Косоурова А.А. в составе специализированной группы по настоящему делу невозможно ввиду наличия конфликта интересов.

Коллегия Суда, изучив и проанализировав доводы Комиссии, материалы дела,

касающиеся формирования специализированной группы, приходит к выводу о том, что ходатайство об отводе эксперта специализированной группы Косоурова А.А. не подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Исходя из официального списка экспертов от Российской Федерации, как государства-члена Евразийского экономического союза, Косоуров А.А. включен в состав специализированной группы по спорам, предметом которых являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Из имеющихся в материалах дела и представленных Комиссией документов не усматривается наличие конфликта интересов у Косоурова А.А.

Тот факт, что Косоуров А.А. является должностным лицом государственного органа Российской Федерации, в частности ФАС России, не может являться достаточным основанием для отвода указанного эксперта.

Кроме того, тот факт, что в настоящее время в ФАС России находятся на рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства на рынке стальных прутков (арматуры), в отношении компаний, являвшихся инициаторами расследования в отношении прутков, происходящих из Украины, по результатам которого принято оспариваемое Истцом в Суде решение Комиссии от 29 марта 2016 года № 28, не свидетельствует о наличии конфликта интересов у Косоурова А.А.

Согласно ответу Истца – публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина), он также не усматривает никаких препятствий для участия Косоурова А.А. в составе специализированной группы в качестве эксперта.

Коллегия Суда также отмечает, что в силу пунктов 87, 88 Статута Суда Евразийского экономического союза в качестве экспертов выступают физические лица, являющиеся высококвалифицированными специалистами, обладающими специальными знаниями и опытом по вопросам, которые составляют предмет спора. Эксперты выступают в своем личном качестве, действуют независимо.

При таких обстоятельствах, Коллегия Суда находит ходатайство Комиссии об отводе эксперта специализированной группы Косоурова А.А. не подлежащим удовлетворению, ввиду отсутствия правовых оснований.

На основании изложенного, и, руководствуясь статьями 82, 84, 87, 88, 89, 90, 93 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 52, 57, 59 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Отказать в удовлетворении заявленного Евразийской экономической комиссией ходатайства об отводе эксперта Косоурова Андрея Александровича, включенного в состав специализированной группы из числа экспертов, представленных государствами-членами Евразийского экономического союза, для подготовки заключения по делу по заявлению публичного акционерного общества «Арселор-Миттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происхо-

дящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

2. Копию настоящего постановления направить сторонам и экспертам специализированной группы.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

24 января 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрев в открытом судебном заседании вопрос о возобновлении производства по делу по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза», Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

Постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 декабря 2016 года заявителю – публичному акционерному обществу «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) был установлен срок на внесение на отдельный целевой счет Суда Евразийского экономического союза денежной суммы в размере 2 255,00 тыс. российских рублей для обеспечения деятельности экспертов специализированной группы. Производство по делу было приостановлено.

20 января 2017 года заявитель – публичное акционерное общество «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) перечислил вышеуказанную сумму в полном размере на отдельный целевой счет Суда, что подтверждается платежным поручением № 000597 от 20 января 2017 года.

В соответствии с пунктами 2, 3 статьи 52 Регламента Суда Евразийского экономического союза Суд по заявлению сторон либо по своей инициативе возобновляет производство по делу после прекращения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления производства по делу, о чем выносит постановление.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом 2 пункта 95 Статута Суда, пунктами 2, 3 статьи 52 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Возобновить производство по делу по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении анти-

демпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза», Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 28 марта 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

20 февраля 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрев в открытом судебном заседании вопрос о продлении срока подготовки заключения специализированной группы по делу по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза», Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

УСТАНОВИЛА:

В соответствии с постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 5 декабря 2016 года создана специализированная группа из числа экспертов, представленных государствами-членами Евразийского экономического союза, для подготовки заключения по делу по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза», Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пунктом 6 вышеуказанного постановления Коллегии Суда от 5 декабря 2016 года экспертам специализированной группы установлен 30-дневный срок для подготовки заключения, начиная со дня внесения истцом – ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина), средств на отдельный целевой счет Суда.

20 января 2017 года истец перечислил вышеуказанную сумму в полном размере на отдельный целевой счет Суда. Таким образом, срок подготовки заключения специализированной группы истек 18 февраля 2017 года.

Постановлением Коллегии Суда от 24 января 2017 года производство по делу возобновлено и судебное заседание по рассмотрению дела по существу назначено на 28 марта 2017 года.

Эксперты специализированной группы приступили к подготовке заключения.

17 февраля 2017 года эксперты специализированной группы обратились с ходатайством в Коллегию Суда о продлении срока подготовки заключения специализированной группы по делу в связи с невозможностью завершить подготовку заключения в установленный срок.

В соответствии с пунктом 1 статьи 59 Регламента Суда Евразийского экономического союза срок подготовки заключения специализированной группы может быть продлен постановлением Коллегии Суда по мотивированному заявлению экспертов специализированной группы.

С учетом ходатайства экспертов специализированной группы, исходя из большого объема материалов дела, которые подлежат изучению и анализу экспертами, необходимости ознакомления в установленном порядке с документами, содержащими информацию ограниченного распространения, сложности вопросов, вытекающих из дела, изучения международной практики применения антидемпинговых мер и ряда других вопросов, которые должны быть отражены в заключении, в установленный Коллегией Суда срок подготовить заключение экспертами не представляется возможным.

Руководствуясь пунктом 90 Статута Суда, пунктом 1 статьи 59 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Ходатайство экспертов удовлетворить.

2. Продлить до 14 марта 2017 года срок подготовки заключения специализированной группы по делу по заявлению публичного акционерного общества «Арселор-Миттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза», Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

РЕШЕНИЕ

27 апреля 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., с участием:

представителя истца – публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) Ворончук И.О.,

представителей ответчика – Евразийской экономической комиссии Захарова А.В., Ильичева В.Е., Кирилеева Р.О. и Соколова Ю.Е.,

экспертов специализированной группы Абдимолдаевой Н.К., Еганяна А., Косоурова А.А., Машонского С.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (Украина) о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» Договору о Евразийском экономическом союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза,

исследовав состязательные документы, материалы антидемпингового расследования, предшествовавшего принятию оспариваемого решения, заключение специализированной группы и иные материалы дела,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

По заявлению предприятий-производителей Евразийского экономического союза Департамент защиты внутреннего рынка Евразийской экономической комиссии (далее – Департамент) 20 ноября 2013 года начал антидемпинговое расследование в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Срок проведения антидемпингового расследования продлен до 19 мая 2015 года включительно.

В рамках антидемпингового расследования Департаментом подготовлен Доклад о результатах антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Доклад о результатах расследования).

По результатам антидемпингового расследования Коллегией Комиссии Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Комиссии) 29 марта 2016 года при-

нято Решение № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 28).

Решением № 28 предусмотрено применение антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза прутков стальных горячекатаных, имеющих одинаковое сплошное поперечное сечение по всей длине в форме кругов, в бухтах или разрезанных по заданной длине, которые могут иметь выемки, выступы, борозды или другие деформации, полученные в процессе прокатки, с дальнейшей обработкой или без нее (за исключением прутков из автоматной, быстрорежущей, инструментальной, подшипниковой и коррозионностойкой стали, кованных или после холодной деформации, полых прутков или прутков пустотелых для буровых работ), происходящих из Украины, классифицируемых кодами 7213 10 000 0, 7213 91 100 0, 7213 91 410 0, 7213 91 490 0, 7213 91 700 0, 7213 91 900 0, 7213 99 100 0, 7213 99 900 0, 7214 20 000 0, 7214 99 100 0, 7214 99 390 0, 7214 99 790 0, 7227 20 000 0, 7227 90 100 0, 7227 90 950 0, 7228 20 910 0, 7228 20 990 0, 7228 30 690 0, 7228 30 890 0 и 7228 60 800 0 ТН ВЭД ЕАЭС, установив срок действия данной антидемпинговой меры 5 лет.

При этом ставка антидемпинговой пошлины установлена в размере 10,11 и 9,32 процентов от таможенной стоимости товара, в том числе, в отношении публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» (далее – ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», истец) – в размере 9,32 процентов.

Истец не согласился с указанным решением и в порядке досудебного урегулирования спора обжаловал его в Департамент Комиссии.

Департамент в своем ответе указал, что оснований для отмены обжалуемого Решения № 28 не имеется, считая, что при его принятии не было допущено нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему международными договорами, заключенными в рамках Евразийского экономического союза.

Истец обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением, в котором просит признать Решение № 28 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

2. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 1 ноября 2016 года заявление истца принято к производству.

Комиссией Евразийского экономического союза (далее – Комиссия, ответчик) представлены возражения на иск, материалы антидемпингового расследования.

Постановлением Коллегии Суда от 5 декабря 2016 года создана специализированная группа из числа экспертов, представленных государствами-членами Союза, для подготовки заключения по делу.

По запросу Суда стороны представили дополнительные материалы, которые приобщены к материалам дела.

Экспертами специализированной группы представлено соответствующее заключение.

В судебном заседании заслушаны пояснения представителей сторон, экспертов, оглашено и исследовано заключение экспертов специализированной группы, иные материалы дела.

Судом рассмотрено ходатайство ответчика об определении круга лиц, имеющих право знакомиться с материалами дела, содержащими информацию ограниченного характера (конфиденциальная информация).

3. Применимое право

Пункт 50 Статута Суда устанавливает, что Суд при осуществлении правосудия применяет:

- общепризнанные принципы и нормы международного права;
- Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства–стороны спора;
- решения и распоряжения органов Союза;
- международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Для разрешения спора необходимо учитывать нормы, которые связаны с вопросами применения антидемпинговых мер по отношению к третьим странам, полномочиями Комиссии в этой сфере, как в период антидемпингового расследования, так и в период принятия оспариваемого решения.

Антидемпинговое расследование в отношении прутков, происходящих из Украины, было начато Департаментом 20 ноября 2013 года, в период действия Соглашения о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам от 25 января 2008 года (далее – Соглашение от 25 января 2008 года).

В соответствии с Протоколом о прекращении действия международных договоров, заключенных в рамках формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства (приложение № 33 к Договору), Соглашение от 25 января 2008 года утратило силу.

Оспариваемое Решение № 28 от 29 марта 2016 года принималось ответчиком в период действия Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору; далее – Протокол).

В Договоре и Протоколе отсутствуют ретроактивные нормы, указывающие на распространение положений Договора и Протокола на соответствующие правоотношения, действовавшие до 1 января 2015 года, в части ранее начатых ответчиком антидемпинговых расследований.

В связи с этим правомерность и обоснованность всех действий ответчика при проведении антидемпингового расследования и принятии оспариваемого решения должны оцениваться как с точки зрения положений Соглашения от 25 января 2008 года, так и с позиции норм Протокола.

Согласно пункту 4 статьи 99 Договора, а также приложению № 31 к нему, действует Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года (далее – Договор от 19 мая 2011 года).

В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора от 19 мая 2011 года, с даты присоединения любого из государств – членов Таможенного союза (далее – ТС) к Всемирной торговой организации (далее – ВТО), положения Марракешского соглашения об учреждении ВТО (далее – Соглашение ВТО), как они определены в Протоколе о присоединении этого государства – члена Союза к ВТО, включающем обязательства, взятые в качестве условия его присоединения и относящиеся к правоотношениям, полномочия по урегулированию которых в рамках ТС делегированы государствами-членами органам Союза, и правоотношениям, урегулированным международными соглашениями, составляющими договорно-правовую базу ТС, становятся частью правовой системы Союза.

В силу вышеуказанных положений Договора от 19 мая 2011 года, в рамках рассматриваемых спорных правоотношений, учитываются, в том числе, положения Генерального соглашения по тарифам и торговле от 15 апреля 1994 года (далее – ГАТТ-1994) и Соглашение по применению статьи VI ГАТТ-1994 (далее – Антидемпинговое соглашение).

Вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам также регулируются следующими договорно-правовыми актами (их отдельными положениями), составляющими право Союза:

Договором о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о присоединении Республики Армения от 10 октября 2014 года);

Договором о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о присоединении Кыргызской Республики от 23 декабря 2014 года);

Протоколом об условиях и переходных положениях по применению Кыргызской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, отдельных международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, и актов органов Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Протокол о присоединении Кыргызской Республики от 8 мая 2015 года).

Пунктами 2 и 3 статьи 99 Договора предусматривается, что:

решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и Евразийской экономической комиссии, действующие на дату вступления в силу данного договора, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, не противоречащей ему;

Евразийская экономическая комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года (далее – Договор о Комиссии), осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором.

4. Доводы истца

По мнению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог», Решение № 28 от 29 марта 2016 года не соответствует Договору, международным договорам, заключенным в рамках Союза, праву ВТО, а также нарушает права и законные интересы общества в связи со следующим:

нарушены период и сроки проведения антидемпингового расследования, имеет место несоответствие введенной антидемпинговой пошлины целям введения антидемпинговых мер, а также принципы добросовестности, разумности, допущено злоупотребление правом;

антидемпинговое расследование проведено не в полном объеме с учетом присоединения к Евразийскому экономическому союзу Республики Армения и Кыргызской Республики до даты принятия решения по результатам антидемпингового расследования;

при проведении антидемпингового расследования неправильно определены нормальная стоимость товара и демпинговая маржа;

в ходе антидемпингового расследования не установлено достаточных данных, подтверждающих ущерб отрасли экономики государств-членов Союза, а также наличие причинно-следственной связи между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики Союза.

Обосновывая свой довод о нарушении ответчиком сроков проведения антидемпингового расследования, представитель истца назвал такой аргумент, как злоупотребление ответчиком правом, при отсутствии в законодательстве Союза установленного срока принятия решения по результатам антидемпингового расследования. По мнению истца, злоупотребление правом в данном случае выражается в следующих аспектах:

а) отсутствие в законодательстве Союза прямых норм, устанавливающих формальный срок для принятия решения после фактического завершения расследования и подготовки органом, проводящим расследования, соответствующего доклада;

б) в отсутствие прямо определенного срока принятия решения о применении антидемпинговой меры по истечении длительного времени с даты начала антидемпингового расследования и превышающего максимальный срок завершения расследования, в значительной степени нарушает права иностранных производителей и импортеров.

Представитель истца поддержал искимые требования, просил признать Решение № 28 не соответствующим Договору и международным договорам.

5. Возражения ответчика

По утверждению ответчика антидемпинговое расследование в отношении прутков, происходящих из Украины, проведено в соответствии с Соглашением от 25 января 2008 года, Протоколом. Реализованные в указанных Соглашении и Протоколе принципы проведения расследования соответствуют международной практике проведения антидемпинговых расследований, в том числе нормам и правилам ВТО.

Итоги анализа всей имеющейся в распоряжении Департамента и Комиссии информации отражены в Докладе о результатах антидемпингового расследования в

отношении прутков, происходящих из Украины, который был опубликован на официальном сайте ответчика.

В обоснование своих возражений на требования истца ответчик приводит следующие доводы.

В целях доказательства причинения материального ущерба отрасли экономики государств-членов Союза, выбор периода с 1 января 2010 года по 30 сентября 2013 года соответствует праву Союза, в частности, пункту 3 статьи 9 Соглашения от 25 января 2008 года.

Для анализа доказательства причинения материального ущерба отрасли экономики, в соответствии со статьей 13 Соглашения от 25 января 2008 года использовался период расследования и трехлетний период, за который учитываются тенденции на рынке.

Комиссия отмечает, что в соответствии с пунктом 68 Протокола период расследования, за который анализируются сведения, в целях определения наличия ущерба отрасли экономики государств-членов вследствие демпингового импорта, устанавливается органом, проводящим расследования.

Ответчик считает, что орган, проводящий расследования, установил анализируемый период и период расследования в полном соответствии как с Соглашением от 25 января 2008 года, так и с Протоколом.

Комиссия утверждает, что сроки проведения антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины, не были нарушены, антидемпинговое расследование было завершено в сроки, установленные соответствующими положениями Соглашения от 25 января 2008 года и Протоколом.

Ответчик не соглашается с доводами истца о том, что рассмотрение Доклада по результатам антидемпингового расследования, при наличии достаточных оснований, должно сопровождаться одновременно принятием решения о применении антидемпинговых мер, являющимся моментом юридического и фактического завершения антидемпингового расследования.

Ответчик считает, что принятие Коллегией Комиссии решения в соответствии с пунктом 107 Протокола и на основании Доклада по результатам расследования не может рассматриваться, как злоупотребление правом, так и нарушением норм международного права.

Факт отсутствия в законодательстве Союза прямых норм, устанавливающих формальный срок для принятия решения по результатам антидемпингового расследования не может расцениваться как злоупотребление правом со стороны ответчика.

Ответчик не согласен с доводом истца о неполноте антидемпингового расследования с учетом присоединения Республики Армения и Кыргызской Республики к Договору, так как в соответствии с Договором о присоединении Республики Армения от 10 октября 2014 года, Договором о присоединении Кыргызской Республики от 23 декабря 2014 года, Протоколом о присоединении Кыргызской Республики от 8 мая 2015 года, антидемпинговые меры, принятые на основании результатов антидемпинговых расследований, инициированных до присоединения указанных государств к Договору, подлежат непосредственному применению на территориях Республики Армения и Кыргызской Республики.

Ответчик считает, что в ходе антидемпингового расследования издержки, нормальная стоимость прутков и демпинговая маржа при поставках прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Союза, определены корректно, и оснований для их пересчета, и, соответственно, пересчета размера антидемпинговых пошлин, не имеется.

Также ответчик не соглашается с утверждением истца об отсутствии достаточных данных, подтверждающих ущерб отрасли экономики Союза.

В ходе антидемпингового расследования, орган, проводящий расследования, пришел к выводу о наличии в период расследования (с 1 января по 30 сентября 2013 года) материального ущерба отрасли экономики. В этой связи, по мнению ответчика, улучшение ряда экономических показателей в период с 2010 по 2012 годы, отмеченных в заявлении истцом, не свидетельствуют об отсутствии ущерба отрасли экономики в период расследования.

Ответчик считает, что при проведении антидемпингового расследования в отношении украинских прутков причинно-следственная связь между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики была установлена надлежащим образом и при этом, соблюдены в полной мере требования пункта 9 статьи 13 Соглашения от 25 января 2008 года, пункта 74 Протокола, статьи 3.5. Антидемпингового соглашения.

В судебном заседании представители ответчика подтвердили позицию о непризнании исковых требований, считая, что Решение № 28 соответствует положениям Договора, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и не нарушает права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

6. Компетенция Суда

В соответствии с пунктом 41 Статута Суда вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Согласно пункту 39 Статута, Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

На стадии принятия заявления к производству Коллегия Суда предварительно установила наличие по делу всех необходимых элементов компетенции Суда по рассмотрению спора.

В рамках судебного разбирательства данный вывод Суда не оспаривается сторонами.

Коллегия Суда подтверждает наличие у Суда компетенции по рассмотрению заявления.

В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Пунктом 2 статьи 45 Регламента Суда определено, что при рассмотрении спора, предметом которого являются вопросы применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, Суд не выходит за рамки указанных в заявлении фактических обстоятельств и доводов, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта, а также материалов расследования, предшествующего принятию оспариваемого решения Комиссии.

Проверка решения Комиссии, связанного с применением специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры ограничивается проверкой в соответствии с подпунктом «в» пункта 1 статьи 45 Регламента Суда:

- соблюдения Комиссией существенных процедурных требований, правильного применения норм права, предшествующих принятию оспариваемого решения;
- надлежащего использования Комиссией полученных сведений, надлежащего установления оснований для принятия оспариваемого решения, обоснованности соответствующих выводов, исходя из которых Комиссией в установленном порядке, принято оспариваемое решение.

С учетом пункта 101 Статута Суда, согласно которому решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов, Коллегия Суда считает, что судебной оценке могут быть подвергнуты только доводы и доказательства, которые приведены в обоснование принятых к производству требований об оспаривании Решения № 28.

7. Выводы Суда.

7.1. Полномочия Комиссии

Полномочия Комиссии на принятие оспариваемого решения определены:

пунктом 3 Положения о Комиссии, согласно которому Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных данным Договором о Комиссии и международными договорами в рамках Союза;

пунктом 13 Положения о Комиссии, в соответствии с которым в пределах своих полномочий Комиссия наделена правом принятия решений, имеющих обязательный характер, и рекомендаций, не носящих обязательного характера. Решения Комиссии

входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов Союза;

пунктом 1 статьи 48 Договора, согласно которой для защиты экономических интересов производителей товаров в Союзе могут вводиться меры защиты внутреннего рынка в отношении товаров, происходящих из третьих стран и ввозимых на таможенную территорию Союза, в виде специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер;

пунктом 2 статьи 48 Договора, определяющим, что решение о применении специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры, об изменении или об отмене специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры либо о неприменении меры принимает Комиссия;

пунктами 100-103, 107-108 Протокола, определяющими порядок принятия оспариваемого решения.

Исходя из вышеизложенного, и на основании анализа представленных Комиссией документов, Коллегия Суда считает, что Комиссия обладала полномочиями на принятие оспариваемого Решения № 28 от 29 марта 2016 года.

7.2. Проверка правомерности оспариваемого решения Комиссии

В отношении предусмотренной статьей 45 Регламента Суда судебной проверки факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Коллегия Суда придерживается позиции, сформулированной в решении Коллегии Суда от 7 апреля 2016 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Севлад» о том, что без оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Коллегия Суда полагает, что нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только действие (применение) решения Комиссии, не соответствующее праву Союза. Поэтому проверке факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществление проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии.

Применительно к рассматриваемому спору Коллегия Суда осуществляет проверку правомерности оспариваемого решения Комиссии (соответствия Договору и (или) международным договорам в рамках Союза) по направлениям и в последовательности, указанных в пункте 2 статьи 45 Регламента Суда, приведенном выше.

7.2.1. Проверка соблюдения Комиссией существенных процедурных требований, правильного применения норм права, предшествующих принятию оспариваемого решения

7.2.1.1. В соответствии с пунктом 1.4 Доклада о результатах расследования, в целях установления демпинга определен период с 1 января 2013 года по 30 сентября 2013 года.

Относительно периода расследования, за который анализируются сведения в целях установления наличия демпингового импорта, Коллегия Суда отмечает следующее.

В соответствии с пунктом 3 статьи 9 Соглашения от 25 января 2008 года для целей раздела III «Антидемпинговые меры» период расследования устанавливается равным, как правило, 12 месяцам, предшествующим дате подачи заявления о проведении расследования, но в любом случае этот период не должен быть менее 6 месяцев.

Как видно, указанная правовая норма устанавливает минимальный обязательный период антидемпингового расследования, который не может быть менее 6 месяцев.

Что касается максимального срока расследования, то он, как правило, устанавливается равным 12 месяцам, но в зависимости от определенных особых обстоятельств, он может быть и более длительным. При этом, если минимальный срок ограничен, то временной предел максимального срока Соглашением от 25 января 2008 года не ограничен.

Право установления периода расследования (пункт 4-1 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 г.), а значит и рассмотрение вопроса о наличии или отсутствии особых обстоятельств, входит в компетенцию органа, проводящего расследования, который учитывает тенденции на рынке государств Сторон за три года, предшествующих дате подачи заявления о начале расследования (абзац 2 пункта 3 статьи 13 Соглашения от 25 января 2008 г.).

Таким образом, Коллегия Суда считает, что орган, проводящий расследования, не нарушил норму права Союза, определяющую сроки периода расследования.

7.2.1.2. Исследуя и давая оценку доводам истца о неправильном установлении периода расследования в целях доказательства причинения материального ущерба отрасли экономики государств-членов Союза – с 1 января 2010 года по 30 сентября 2013 года, Коллегия Суда исходит из следующего.

В соответствии с пунктом 3 статьи 13 Соглашения от 25 января 2008 года ущерб отрасли экономики государств Сторон определяется за период расследования в ходе его проведения. В ходе расследования учитываются также тенденции на рынке государств Сторон за 3 года, предшествующие дате подачи заявления о начале расследования.

Согласно пункту 4-1 статьи 30 вышеназванного Соглашения период расследования, предшествующего применению специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры устанавливается органом, проводящим расследования.

Коллегия Суда исходит из дискреции органов, проводящих расследование по установлению периода расследования, за который анализируются сведения в целях определения наличия ущерба отрасли экономики государств-членов вследствие демпингового импорта (статья 68 Протокола).

В связи с этим, Коллегия Суда приходит к выводу, что в целях доказывания причинения ущерба отрасли экономики государств-членов Союза, в рамках рассматриваемого дела, ответчиком правомерно были учтены как данные за период расследо-

вания, так и сведения за три года, предшествующие дате подачи заявления о начале расследования, за которые имелись статистические данные.

Коллегия Суда также отмечает, что в ходе расследования, 1 января 2015 года, вступил в силу Протокол, в соответствии с пунктом 68 которого период расследования, за который анализируются сведения в целях определения наличия ущерба отрасли экономики государств-членов вследствие демпингового импорта, устанавливается органом, проводящим расследования; временные рамки названным актом не установлены.

Коллегия Суда отмечает, что в Антидемпинговом соглашении также не выделяется период, за который должен анализироваться ущерб экономике.

Коллегия Суда учитывает при этом правоприменительную практику органов по разрешению споров ВТО в части установления срока, за который должен анализироваться ущерб экономике.

В частности, панель Органа по разрешению споров ВТО (пункт 7.30 доклада от 27 января 2017 года по делу «Россия – антидемпинговые пошлины на экспорт малотоннажных грузовых автомобилей из Германии и Италии» (Russia – Anti-dumping duties on light commercial vehicles from Germany and Italy) подтвердила позицию о том, что Антидемпинговое соглашение не устанавливает какого-либо конкретного периода расследования или периода для сбора данных в процессе антидемпингового расследования. Выбор периода расследования и периода сбора данных для целей антидемпингового расследования и исследования причинения ущерба должен быть таким, чтобы позволить органу, производящему расследование, определить наличие ущерба на основе объективного исследования положительных (позитивных) доказательств, как это предусмотрено статьей 3.1. Антидемпингового соглашения.

В этой связи Коллегия Суда находит исследуемый довод истца несостоятельным, и по этим же причинам не соглашается с мнением экспертов специализированной группы о том, что в качестве периода для доказательства причинения материального ущерба отрасли экономики должен был быть определен период с 21 ноября 2010 года по 20 ноября 2013 года, а не период с 1 января 2010 года по 30 сентября 2013 года.

7.2.1.3. Применительно к доводу о том, что при наличии оснований для введения антидемпинговой пошлины, рассмотрение Доклада о результатах расследования должно сопровождаться принятием решения о введении антидемпинговой пошлины или иных мер, истец акцентирует внимание на том, что оспариваемое решение, которым были введены антидемпинговые пошлины (29 марта 2016 года), было принято по истечении 28 месяцев с даты начала антидемпингового расследования (20 ноября 2013 года).

Коллегия Суда исходит из того, что материалами дела установлены: начало антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины (20 ноября 2013 года), промежуточные сроки расследования (10 ноября 2014 года и 12 февраля 2015 года), окончательный срок расследования – 19 мая 2015 года.

Таким образом, формальный срок антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины, не превышает общий срок – 18 месяцев, установленный подпунктом 2 пункта 13 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 года,

подпунктом 2 пункта 217 Протокола, в соответствии с которыми срок проведения расследования не должен превышать 12 месяцев с даты начала расследования на основании заявления о применении антидемпинговой меры; этот срок может быть продлен органом, проводящим расследования, но не более чем на 6 месяцев.

Данный срок соответствует статье 5.10. Антидемпингового соглашения, предусматривающей, что расследование по общему правилу (за исключением особых обстоятельств) должно быть завершено в течение одного года и ни в коем случае не позднее 18 месяцев после его начала.

7.2.1.4. При этом Коллегия Суда обращает внимание, что для правильного решения вопроса о соблюдении формального срока расследования правоопределяющим является юридический момент завершения расследования.

В соответствии с пунктом 15 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 года и пунктом 219 Протокола датой завершения расследования является дата рассмотрения Комиссией Доклада по результатам расследования и проекта решения Комиссии.

Буквальное содержание указанной нормы не свидетельствует о том, что она связывает момент окончания расследования с вынесением решения о применении антидемпинговой меры. Более того, вышеназванные положения Соглашения от 25 января 2008 года и Протокола прямо указывают на конкретные действия, с которыми связывается момент завершения расследования: представление и рассмотрение доклада по результатам расследования с предложениями о целесообразности применения антидемпинговой меры, с приложением проекта соответствующего решения.

Взаимосвязанное прочтение пункта 15 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 года, пунктов 5, 7, 100-102, 105, 217 Протокола и Положения о Комиссии позволяет констатировать, что во всех анализируемых актах отсутствуют нормы, увязывающие дату завершения расследования с вынесением решения Комиссии, а также устанавливающие конкретные сроки для принятия Комиссией решения о применении антидемпинговой меры.

Представленные ответчиком материалы, в том числе конфиденциальные, подтверждают рассмотрение Комиссией 28 апреля 2015 года вопроса о применении антидемпинговой меры в отношении прутков, происходящих из Украины, на основании Доклада по результатам соответствующего антидемпингового расследования, проведенного Департаментом. Данные материалы свидетельствуют также о том, что отложение срока принятия решения Комиссии обусловлено особыми обстоятельствами.

7.2.1.5. Применительно к доводу истца о злоупотреблении Комиссией правом и нарушении прав иностранных производителей и импортеров, Коллегия Суда отмечает, что в соответствии с пунктами 42 и 102 Статута Суда в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, и решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

В соответствии с пунктами 215, 261 Протокола в ходе расследования всем заинтересованным лицам предоставляется возможность защитить свои интересы: орган, проводящий расследования, публикует на официальном сайте Союза в сети

Интернет уведомления о принимаемых в связи с расследованием решениях. Именно этими мотивами, как пояснил ответчик в ходе судебного разбирательства, он руководствовался, публикуя версии Доклада на официальном сайте Комиссии 4 сентября 2014 года (по предварительным результатам), 11 ноября 2014 года, 14 мая 2015 года и 31 марта 2016 года.

Согласно пункту 14 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 года и пункту 218 Протокола проведение расследования не препятствует совершению таможенных операций в отношении товара, являющегося объектом расследования. В данном случае имеет значение и норма пункта 17 Положения о Евразийской экономической комиссии о том, что решения Комиссии, ухудшающие положение физических и (или) юридических лиц, обратной силы не имеют.

В судебном заседании истец не представил доказательств причинения ущерба в связи с отложением Комиссией принятия решения о применении антидемпинговых мер в отношении ввозимого им товара.

Напротив, по свидетельству ответчика, данная ситуация в большей степени затрагивает интересы предприятий-производителей государств-членов Союза, не получающих длительное время возмещения ущерба вследствие демпинга.

Коллегия Суда соглашается с доводами ответчика и считает, что из такого понимания исходит и Протокол, в соответствии с пунктом 15 которого, в частности, в критических обстоятельствах, когда задержка применения антидемпинговой меры привела бы к причинению ущерба отрасли экономики государств-членов, который будет трудно устранить впоследствии, Комиссия до завершения соответствующего расследования может принять решение о введении предварительной специальной пошлины.

7.2.1.6. По поводу нарушения принципов добросовестности и разумности при принятии оспариваемого решения, Коллегия Суда отмечает, что истец не привел Суду аргументов в их обоснование и не смог опровергнуть представленные Суду ответчиком сведения об объективных и субъективных факторах, повлиявших на срок принятия решения о применении антидемпинговой меры после рассмотрения Доклада о результатах расследования.

7.2.2. Проверка надлежащего использования Комиссией полученных сведений, установления оснований для принятия оспариваемого решения, обоснованности выводов, исходя из которых Комиссией принято оспариваемое решение

7.2.2.1. В обоснование довода о неполноте антидемпингового расследования, истец указывает на отсутствие анализа данных по импорту товара – прутков стальных, за первое полугодие 2014 года в Республику Армения и Кыргызскую Республику, присоединившихся к Договору до даты принятия оспариваемого решения Комиссии, а также на тот факт, что в расследовании не были исследованы доли производителей из указанных государств-членов Союза в общем объеме производства товара на территории Союза для целей определения отрасли экономики государств-членов Союза.

Из анализа положений пункта 47 Договора о присоединении Республики Армения от 10 октября 2014 года и пункта 49 Протокола о присоединении Кыргызской

Республики от 8 мая 2015 года следует вывод, что антидемпинговые расследования проводятся исходя из количества участников Союза на дату его начала. Изменение количества государств-членов Союза и, соответственно, объема внутреннего рынка Союза, которое происходит в ходе антидемпингового расследования, тем более в его заключительной части, либо после его завершения, но до даты принятия решения о применении антидемпинговой меры, не должно влиять на критерии, по которым проводится, либо проводилось (в случае завершения) расследование.

Эксперты специализированной группы обоснованно пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для учета данных по рынкам Республики Армения и Кыргызской Республики при принятии оспариваемого решения.

Специализированная группа указала об отсутствии сведений, подтверждающих изменение оснований для введения антидемпинговой меры при учете данных рынков Республики Армения и Кыргызской Республики.

При этом Коллегия Суда отмечает, что в Докладе о результатах расследования, опубликованном 31 марта 2016 года на официальном сайте Комиссии, анализ данных относительно объема импорта товара из Украины в Республику Армения, ввоза прутков, происходящих из Украины на территорию Кыргызской Республики, в период с 2011 по 2013 годы не осуществлялся. Расчет доли импорта прутков из Украины на таможенную территорию Союза, необходимо рассматривать в соответствии с пояснениями ответчика в судебном заседании, как носящие информационный характер и не влияющие на выводы заключения по результатам расследования.

7.3. Неправильное определение нормальной стоимости товара и демпинговой маржи истец, в частности, обосновывает неверным определением ответчиком издержек производства товара-объекта расследования, неприятием органом, проводящим расследования, заявленных корректировок издержек производства в части амортизации и изменений в технологическом процессе производства металлопродукции.

Пунктами 59 и 60 Протокола определено, что себестоимость производства единицы аналогичного товара с учетом административных, торговых и общих издержек рассчитывается на основе данных, представленных экспортером или производителем товара, при условии, что такие данные соответствуют общепринятым принципам и правилам бухгалтерского учета и отчетности в экспортирующей третьей стране и полностью отражают издержки, связанные с производством и продажей товара. Орган, проводящий расследования, учитывает все имеющиеся в его распоряжении доказательства правильности распределения издержек производства, административных, торговых и общих издержек, включая данные, представленные экспортером или производителем товара, являющегося объектом расследования, при условии, что такое распределение издержек обычно практикуется этим экспортером или производителем товара, в частности в отношении установления соответствующего периода амортизации, отчислений на капиталовложения и покрытие других издержек на развитие производства.

Исследование материалов дела, пояснения представителей сторон в судебном заседании показывают, что ответчик в ходе проверочного визита дополнительно изучил финансовые документы истца и установил факт соответствия бухгалтерской отчет-

ности истца требованиям общепринятых принципов и правил бухгалтерского учета и отчетности в Украине, который полностью отражает фактические издержки по амортизации основных средств. После этого при определении ответчиком себестоимости производства прутков данные издержки были полностью учтены при расчетах, так как нашли свое отражение в автоматизированной системе бухгалтерского учета (SAP), являющейся официальной у истца, что полностью соответствует положениям статьи 11 Соглашения от 25 января 2008 года.

Орган, проводящий расследование, обоснованно не принял довод истца относительно корректировки издержек на изменения в технологическом процессе, поскольку новые данные по изменению коэффициентов трудоемкости не нашли своего отражения в системе SAP и пересмотрены не были, о чем обоснованно указано в заключении экспертов специализированной группы.

При этом Коллегия Суда учитывает выводы экспертов в заключении специализированной группы, из которых следует, что расчет нормальной стоимости товара-объекта расследования и демпинговой маржи для поставок прутков, произведенных на предприятиях заявителя, осуществлен ответчиком за период расследования в соответствии с положениями статьи 11 Соглашения от 25 января 2008 года.

В связи с изложенным, Коллегия Суда не принимает вышеуказанные доводы истца и считает, что Комиссия надлежащим образом использовала полученные сведения.

7.4. Исследуя и оценивая довод истца о недоказанности причинно-следственной связи между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики государств-членов Союза, Коллегия Суда исходит из материалов расследования, предшествующих принятию оспариваемого решения Комиссии, и на основании фактов, приведенных в открытой и конфиденциальной версиях Доклада о результатах расследования.

В соответствии с пунктом 1 статьи 6 ГАТТ-1994 Договаривающиеся Стороны признают, что демпинг, при котором товары одной страны поступают на рынок другой страны по цене ниже нормальной стоимости товаров, должен подлежать осуждению, если он причиняет или угрожает причинить материальный ущерб промышленности, созданной на территории Договаривающейся Стороны, или материально сдерживает создание отечественной промышленности.

Установление наличия ущерба для целей статьи VI ГАТТ-1994 основывается на положительном доказательстве и предполагает объективное изучение как а) объема демпингового импорта и влияния демпингового импорта на цены аналогичных товаров на внутреннем рынке, так и б) последующего влияния такого импорта на отечественных производителей таких товаров (пункт 3.1 статьи 3 Антидемпингового соглашения). В последующих статьях Антидемпингового соглашения определяется порядок установления материального ущерба отечественной отрасли, угрозы материального ущерба отечественной отрасли или существенного сдерживания в создании такой отрасли.

Указанные положения права ВТО имплементированы в право Союза. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 49 Договора антидемпинговая мера может быть применена к товару, являющемуся предметом демпингового импорта, в случае если по результатам расследования, проведенного органом, проводящим расследования,

установлено, что импорт такого товара на таможенную территорию Союза причиняет материальный ущерб отрасли экономики государств-членов, создает угрозу причинения такого ущерба или существенно замедляет создание отрасли экономики государств-членов. В пунктах 66-77 Протокола раскрываются вопросы установления ущерба отрасли экономики государств-членов вследствие демпингового импорта.

Пункт 73 Протокола устанавливает, что вывод о наличии причинно-следственной связи между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики государств-членов должен основываться на анализе всех доказательств и сведений, относящихся к делу и имеющихся в распоряжении органа, проводящего расследования.

Материалы дела, исследованные в судебном заседании, показывают, что при установлении факта причинения материального ущерба отрасли экономики государств-членов Союза органом, проводящим расследования, проведен анализ динамики объемов производства и реализации прутков из Украины, в том числе и ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», определено соотношение объемов производства прутков в Союзе и импорта на единую таможенную территорию Союза, установлено соотношение объема потребления прутков и объема импорта из Украины, оценено изменение товарных запасов и удельного веса товарных запасов на конец периода по отношению к объему производства отрасли экономики государств-членов Союза, анализировалась необходимая динамика экспорта аналогичного товара, степень загрузки производственных мощностей в отрасли экономики государств-членов Союза, себестоимость, цены, рентабельность производства и продаж прутков из Украины, в том числе ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог». В ходе расследования изучены показатели производительности труда, численности персонала, занятого на предприятиях отрасли экономики Союза, динамика инвестиций.

Из выводов экспертов специализированной группы видно, что в отношении достаточности данных в соответствии с пунктом 4 статьи 3 Антидемпингового соглашения, наличие всех перечисленных в нем признаков не является императивным требованием для признания установления или наличия ущерба отрасли экономики.

По результатам проведенного анализа указанных показателей Комиссия пришла к выводу о существенном ухудшении положения отрасли экономики Союза, как в анализируемый период, так и в период расследования. По большинству финансово-экономических показателей установлена отрицательная динамика.

Из Доклада следует, что в период с 2010 года по 2012 год объем импорта из Украины вырос на 72%, в период с января по сентябрь 2013 года по сравнению с аналогичным периодом 2012 года рост импорта прутков из Украины составил 56%.

По итогам 2013 года импорт украинских прутков на таможенную территорию Таможенного союза увеличился на 37,8% по сравнению с 2012 годом и в 2,4 раза по сравнению с 2010 годом.

Одновременно с ростом импорта прутков из Украины увеличилась и его доля в общем объеме импорта прутков – с 76,8% в 2010 году до 95,5% в январе-сентябре 2013 года.

Это позволило органу, проводящему расследования, сделать заключение о причинении материального ущерба отрасли экономики Союза.

Таким образом, с учетом того, что в период расследования финансовое положение предприятий отрасли экономики ухудшилось, несмотря на увеличение объемов производства, реализации товара, загрузки производственных мощностей, Департамент пришел к правильному выводу о наличии материального ущерба отрасли экономики Союза.

В Докладе для целей установления причинно-следственной связи между демпинговым импортом прутков из Украины, включая и ввезенные ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», и материальным ущербом отрасли экономики Союза приведены факторы, которые могли бы оказывать влияние на ухудшение ее состояния. При этом, отмечается, что за 9 месяцев 2013 года доля производителей Союза, не вошедших в отрасль экономики на рынке Союза по сравнению с аналогичным периодом 2012 года увеличилась на 1,5%, при этом доля предприятий отрасли экономики снизилась на 3,6%, что повлияло на совокупную долю прутков, произведенных на таможенной территории Союза, которая снизилась на 2,1%. Одновременно доля импортных прутков из Украины, в том числе ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», увеличилась на 3,1%.

Таким образом, на основании проведенного анализа, с учетом норм пункта 9 статьи 13 Соглашения от 25 января 2008 года, пункта 74 Протокола органом, проводящим расследование, вынесено обоснованное заключение о наличии демпингового импорта прутков из Украины, в том числе ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», материального ущерба отрасли экономики Союза, причинно-следственной связи между демпинговым импортом и материальным ущербом отрасли экономики Союза.

Проведенная Коллегией Суда на основании статьи 45 Регламента проверка показала, что Комиссией не нарушены (соблюдены) существенные процедурные требования, правильно применены нормы права, предшествующие принятию оспариваемого решения, надлежащим образом использованы полученные сведения и установлены основания для принятия оспариваемого решения; обоснованы соответствующие выводы, исходя из которых Комиссией в порядке, предусмотренном Протоколом о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, принято оспариваемое решение.

При этом Коллегия Суда учитывает норму пункта 8 статьи 78 Регламента Суда, предусматривающую, что в случае, если отсутствие выявленных Судом на основании статьи 45 Регламента (проверка решения Комиссии, связанного с применением специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры) нарушений не могло привести к иным результатам специального защитного, антидемпингового или компенсационного расследования, предшествующего принятию оспариваемого решения Комиссии, связанного с применением специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры, решение Комиссии может быть признано соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Руководствуясь пунктом 108 Статута, статьями 77, 78, 80, 82 Регламента, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении заявления публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог».

Признать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» – соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Пошлина, уплаченная ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» возврату не подлежит.

Решение Коллегии Суда может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда в течение 15 календарных дней со дня его вынесения.

Председательствующий

Г.А.Скрипкина

Судьи

В.Х.Сейтимова

А.Э.Туманян

А.А.Федорцов

К.Л.Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-1-2/4-16-КС)

город Минск

27 апреля 2017 года

1. 27 апреля 2017 года Коллегией Суда Евразийского экономического союза вынесено решение по заявлению публичного акционерного общества «АрселорМиттал Кривой Рог» о несоответствии решения Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (далее – решение о применении антидемпинговой меры) Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Соблюдение Комиссией срока антидемпингового расследования

2. Как указано в решении Коллегии Суда, ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» в качестве одного из доводов об оспаривании решения о применении антидемпинговой меры заявляло о несоблюдении Комиссией предельного срока проведения антидемпингового расследования.

Полагаю, что данный довод истца является обоснованным и Коллегии Суда следовало с ним согласиться.

Соглашаясь с позицией Коллегии Суда о том, что установленный подпунктом 2 пункта 217 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам, являющегося приложением № 8 к Договору о Союзе (далее – Протокол о применении специальных мер), срок проведения антидемпингового расследования не может превышать 18 месяцев (прекратительный срок), выражаю несогласие с выводом Коллегии Суда о том, что требование о соблюдении данного срока не налагает на Комиссию обязательство до его истечения принять решение о применении антидемпинговой меры.

Согласно пункту 4 статьи 48 Договора о Союзе, пункту 1 Решения Комиссии от 7 марта 2012 года № 1 «О некоторых вопросах применения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер на единой таможенной территории Таможенного союза», пункту 5 Протокола о применении специальных мер Департамент защиты внутреннего рынка (далее – Департамент), как уполномоченный Комиссией

орган по проведению расследования, по результатам расследования представляет в Комиссию доклад, содержащий предложения о целесообразности применения антидемпинговой меры с приложением проекта соответствующего решения Комиссии.

Пунктом 107 Протокола предусмотрено, что антидемпинговая мера применяется по решению Комиссии.

Системное толкование вышеуказанных норм свидетельствует о том, что полномочия по проведению расследования и по принятию решения о применении антидемпинговой меры правом Союза разделены между Департаментом и Комиссией.

Согласно части 1 пункта 219 Протокола о применении специальных мер датой завершения расследования является дата рассмотрения Комиссией доклада по результатам расследования и проекта акта Комиссии о применении антидемпинговой меры. Осуществляя толкование терминов «*рассмотрение Комиссией доклада*» в соответствии с их обычным значением на основании пункта 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, прихожу к выводу о том, что пункт 219 Протокола о применении специальных мер устанавливает не только обязательство Департамента не позднее истечения предельного срока представить в Комиссию доклад, содержащий предложения о целесообразности применения антидемпинговой меры, и проект решения Комиссии, но и обязательство Комиссии принять решение о применении или не применении антидемпинговой меры. Из смысла части 1 пункта 219 Протокола о применении специальных мер следует, что принятие Комиссией решения представляет собой завершающую стадию антидемпингового расследования.

Учитывая ранее сделанные выводы о разделении полномочий по проведению расследования и по принятию решения по его результатам между Департаментом и Комиссией, с одной стороны, и о том, что датой завершения расследования следует считать дату принятия Комиссией решения, отмечаю, что пресекательный срок антидемпингового расследования обязателен как для Департамента, так и для Комиссии.

Поскольку введение антидемпинговых мер регулируется правом Всемирной торговой организации и основано на Генеральном соглашении по тарифам и торговле от 15 апреля 1994 года, а также на Соглашении по применению статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года, при толковании аналогичных норм права Союза следует принимать во внимание правовые позиции иных интеграционных объединений.

С учетом изложенного отмечаю, что подход, согласно которому пресекательный срок антидемпингового расследования обязателен и для Департамента, и для Комиссии, подтверждается практикой Европейского союза. Полномочия по проведению антидемпингового расследования и введению антидемпинговой меры разделены между двумя институтами Европейского союза: Европейской комиссией и Советом Европейского союза. Именно последний принимает решения о введении антидемпинговых мер. При этом, основанием для отмены решения Совета Европейского союза о введении антидемпинговой меры могут являться как нарушения, допущенные Европейской комиссией в ходе расследования, так и недостатки, присущие самому решению Совета Европейского союза, в том числе, превышение срока расследования (решение Суда Европейского союза по делу C-76/01 P – *Eurocoton and Others*).

Из доклада Департамента о результатах антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на единую таможенную территорию Евразийского экономического союза, опубликованного 31 марта 2016 года (далее – доклад о результатах антидемпингового расследования), следует, что после истечения предельного срока Департаментом продолжено антидемпинговое расследование, что подтверждается материалами дела об истребовании и получении данных об объеме импорта и экспорта прутков из Республики Армения и Кыргызской Республики в связи с их присоединением к Договору о Союзе, проведением анализа рынка товара, являющегося предметом демпингового импорта, и дачей оценки влиянию демпингового импорта на рынок Союза с учетом присоединения новых государств-членов.

Как следует из материалов дела, в нарушение пунктов 261, 266 Протокола о применении специальных мер, уведомление о завершении антидемпингового расследования в отношении прутков, происходящих из Украины, которое бы подтверждало дату завершения расследования, Департаментом не опубликовано.

Отмечаю, что согласно установившейся правоприменительной практике Комиссии моментом завершения расследования считается не рассмотрение доклада органа расследования, а именно принятие решения, устанавливающего антидемпинговую меру. Указанное подтверждается анализом принятых в порядке, установленном Протоколом о применении специальных мер, уведомлений о завершении в 2015 – 2017 годах антидемпинговых расследований, опубликованных на официальном сайте Комиссии, согласно которым расследование считается завершенным на дату принятия Комиссией решения о применении антидемпинговой меры.

На основании изложенного прихожу к выводу о том, что решение Комиссии от 29 марта 2016 года, принятое после истечения пресекающего срока, не соответствует праву Союза. Исходя из доктринального подхода, согласно которому пресекающий срок предоставляет уполномоченному органу строго определенное время для реализации своего права и имеет своей целью досрочное прекращение данного права в случае его неосуществления, считаю, что истечение пресекающего срока проведения антидемпингового расследования означает фактическое прекращение данного расследования и влечет невозможность принятия Комиссией решения о введении антидемпинговой меры или о неприменении антидемпинговой меры. Данный вывод согласуется с устойчивой практикой Суда Европейского союза и Совета Европейского Союза (решения по делам C-76/01 P – *Eurocoton and Others*, T-177/00 – *Koninklijke Philips Electronics NV v Council*).

В соответствии с пунктом 8 статьи 78 Регламента Суда в случае если отсутствие выявленных Судом на основании статьи 45 Регламента Суда нарушений не могло привести к иным результатам антидемпингового расследования, предшествовавшего принятию оспариваемого решения Комиссии, связанного с применением антидемпинговой меры, решение Комиссии может быть признано соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Согласно части 2 пункта 2 статьи 45 Регламента Суда Союза проверка решения Комиссии, связанного с применением антидемпинговой меры, включает, в первую очередь, проверку соблюдения Комиссией существенных процедурных требований.

Осуществляя грамматическое толкование данной нормы, отмечаю, что слово «*существенный*» относится не к предполагаемому нарушению, а к характеру процедурных требований. В свою очередь, под процедурными требованиями понимаются нормы права Союза, которые регламентируют порядок осуществления возложенных на Комиссию функций. Применительно к антидемпинговому расследованию процедурные требования – это нормы, которые определяют проведение Департаментом расследования и принятие Комиссией решения по его результатам.

Существенными процедурными требованиями являются те нормы, которые создают права и содействуют правовой определенности частных лиц. В свою очередь, к числу несущественных процедурных требований относятся нормы, которые касаются функционирования Департамента и Комиссии, в связи с чем не могут влиять на правовое положение частных лиц. Аналогичная позиция изложена в решениях Суда Европейского союза по делам C-69/89 – *Nakajima v Council* и T-443/11 – *Gold East Paper and Gold Huasheng Paper v Council*.

Квалификация процедурного требования в качестве существенного свидетельствует о том, что от его соблюдения зависит правомерность и окончательное содержание принятого по результатам соответствующей процедуры акта. Данный вывод согласуется с позицией Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П, а также с доктринальными подходами (Кононов П.И. Основные категории административного права и процесса. М., 2013. С. 131 – 132; Т.С. Hartley. *The Foundations of European Community Law*. 7 edn. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 422).

Признание процедурного требования в качестве существенного означает его возможность повлиять на содержание решения. Применительно к антидемпинговому расследованию это исключает необходимость доказывать, что в отсутствие нарушения существенного процедурного требования, результат был бы иным. При таких обстоятельствах пункт 8 статьи 78 Регламента Суда не подлежит применению в случаях, когда Судом установлено нарушение существенного процедурного требования.

Данный вывод согласуется с практикой Суда Европейского союза, согласно которой нарушение существенных процедурных требований, установленных для обеспечения правовой определенности, влечёт аннулирование оспариваемого акта, и не имеет никакого значения, что в отсутствие нарушения мог быть принят аналогичный по содержанию акт (решения по делам T-113/05 – *Angelidis против Парламента*, C-138/79 – *Roquette Freres v Council*).

Отличительной особенностью существенного процедурного требования также является возможность устранить недостатки акта, принятого с нарушением такого требования, исключительно посредством его отмены. Аналогичное правило содержится в пункте 14 статьи 101, пункте 12 статьи 101.4 Налогового кодекса Российской Федерации, пункте 4 части 1 статьи 30.7, пункте 3 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в пункте 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10.

Считаю, что пресекательный срок антидемпингового расследования является существенным процедурным требованием по следующим причинам.

Норма о предельном сроке антидемпингового расследования гарантирует правовую определенность как хозяйствующим субъектам – производителям товара, аналогичного товару, являющемуся объектом антидемпингового расследования, так и хозяйствующим субъектам, в отношении которых проводилось расследование.

Предельный срок проведения расследования призван обеспечить актуальность данных, полученных в пределах периода расследования, о наличии демпингового импорта и размере демпинговой маржи. При таких обстоятельствах нарушение предельного срока способно привести к искажению размера демпинговой маржи и определяемого с ее учетом в соответствии с пунктом 101 Протокола о применении специальных мер размера антидемпинговой пошлины, и, как следствие, повлиять на содержание решения и его соответствие праву Союза.

По причине факта его истечения нарушение пресекательного срока антидемпингового расследования не может быть устранено никаким иным образом, кроме отмены решения, принятого с таким нарушением.

Особо отмечаю, что нарушение пресекательного срока антидемпингового расследования противоречит общим принципам применения антидемпинговой меры, закрепленным в пункте 2 статьи 49 Договора о Союзе, а также в пунктах 40, 41 Протокола о применении специальных мер, из которых следует, что определение товара, являющегося предметом демпингового импорта, а также установление материального ущерба отрасли экономики государств – членов Союза осуществляются в рамках антидемпингового расследования. При таких обстоятельствах несоблюдение срока антидемпингового расследования влияет на правильность определения предмета демпингового импорта и ущерба отрасли экономики, а, как следствие, – на соответствие праву Союза решения о применении антидемпинговой меры.

С учетом изложенного считаю, что нарушение Комиссией предельного срока проведения антидемпингового расследования как существенного процедурного требования является самостоятельным основанием для признания решения Комиссии не соответствующим пункту 2 статьи 49 Договора о Союзе, пунктам 40, 41, 217, 219 Протокола о применении специальных мер. Этот подход согласуется с позицией Суда Европейского союза, изложенной в решении по делу T-163/94 и T-165/94 *NTN Corporation and Koyo Seiko Co. Ltd.* Данный вывод подтверждается и позицией экспертов специализированной группы, которые в заключении также установили превышение пресекательного срока антидемпингового расследования.

Компетенция Суда и нормы процессуального права в решении Коллегии Суда

3. Согласно подпункту 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), Суд наделен компетенцией по рассмотрению споров по заявлениям хозяйствующих субъектов о соответствии праву Союза только тех решений Комиссии, которые нарушают права и законные интересы хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Толкование данной нормы свидетельствует о том, что хозяйствующий субъект при оспаривании решения Комиссии не вправе действовать в интересах третьих лиц или неограниченного круга лиц.

Согласно пунктам 48, 52 Протокола о применении специальных мер орган, проводящий расследования определяет индивидуальную демпинговую маржу для каж-

дого производителя товара, представившего необходимые сведения, а также может определить единую демпинговую маржу для всех других производителей товара, являющегося объектом расследования, на основе наивысшей демпинговой маржи, определенной в ходе расследования.

Комиссия, в соответствии с пунктами 102, 103 Протокола о применении специальных мер, устанавливает как индивидуальный размер ставки антидемпинговой пошлины в отношении товара, являющегося предметом демпингового импорта, поставляемого каждым производителем товара, для которого рассчитана индивидуальная демпинговая маржа, так и единую ставку антидемпинговой пошлины на товар, поставляемый всеми другими экспортерами или производителями товара, для которых не рассчитана индивидуальная демпинговая маржа, на основе наивысшей демпинговой маржи, рассчитанной в ходе расследования.

Как видно из доклада о результатах антидемпингового расследования, Департаментом рассчитана индивидуальная демпинговая маржа для ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» и для предприятий, входящих в группу компаний «МЕТИНВЕСТ» (ПАО «Енакиевский металлургический завод» и связанных с ним лиц). Кроме того, Департаментом определена единая демпинговая маржа для прочих экспортеров и производителей товара, происходящего из Украины. При расчете индивидуальной демпинговой маржи Департаментом учтены издержки производства, нормальная стоимость и экспортная цена товара для каждого производителя товара.

На основании доклада о результатах антидемпингового расследования решением о применении антидемпинговой меры Комиссией установлена индивидуальная ставка антидемпинговой пошлины в размере 9,32 процента от таможенной стоимости товара для ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», а также в размере – 10,11 процентов от таможенной стоимости товара для ПАО «Енакиевский металлургический завод» и прочих производителей из Украины.

С учетом требований подпункта 2 пункта 39 Статута Суда, пункта 1 и подпункта а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда считаю, что Коллегии Суда надлежало принять к производству заявление истца только в части установления индивидуальной антидемпинговой пошлины в отношении ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог», а в остальной части отказать в принятии заявления к производству в связи с отсутствием компетенции. Между тем, Коллегия Суда не только приняла к производству заявление истца, в том числе в части, не затрагивающей его права и законные интересы, но и не конкретизировала предмет спора ни в ходе подготовки дела к рассмотрению, ни в судебном заседании.

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении спора, предметом которого являются вопросы применения антидемпинговых мер, Суд не выходит за рамки указанных в заявлении фактических обстоятельств и доводов, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта.

ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» в заявлении приводило доводы и ссылалось на фактические обстоятельства, которые касаются только данного предприятия.

Как следует из материалов дела, Коллегия Суда запросила у Комиссии и дала оценку только документам, относящимся к антидемпинговому расследованию в отношении ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог». Какие-либо доказательства, подтверж-

дающие правильность определения демпинговой маржи и размера антидемпинговой пошлины применительно к другим предприятиям Коллегией Суда не исследовались.

В связи с изложенным считаю, что Коллегия Суда, признав в полном объеме решение о применении антидемпинговой меры соответствующим праву Союза, в том числе в части предприятий, которые не оспаривали данное решение, превысила компетенцию, вышла за рамки указанных в заявлении истца фактических обстоятельств и доводов, а также нарушила права других хозяйствующих субъектов, не участвующих в деле, в отношении которых разрешила спор.

Полагаю, что решение Суда о признании решения о применении антидемпинговой меры соответствующим или не соответствующим Договору о Союзе должно касаться только истца. В остальной части решение о применении антидемпинговой меры считается соответствующим Договору о Союзе и сохраняет свою юридическую силу в отношении остальных лиц до тех пор, пока не будет оспорено по их заявлениям и по ним не будет принято Судом соответствующих решений.

Считаю, что признание решения Комиссии о введении антидемпинговой меры соответствующим Договору о Союзе по заявлению хозяйствующего субъекта не должно препятствовать другим хозяйствующим субъектам обжаловать это решение по тем же или иным основаниям, что подтверждается подпунктом г) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда.

При таких обстоятельствах и учитывая ранее сделанный вывод о нарушении Комиссией пресекающего срока расследования как существенного процедурного требования считаю, что Коллегии Суда следовало признать решение о применении антидемпинговой меры в отношении ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» не соответствующим пункту 2 статьи 49 Договора о Союзе, пунктам 40, 41, 217, 219 Протокола о применении специальных мер и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме
по делу № СЕ-1-2/4-16-КС
(ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог»)

Ключевые слова:

Публичное акционерное общество «АрселорМиттал Кривой Рог» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза».

Демпинг – процедура проведения антидемпингового расследования – срок антидемпингового расследования – период антидемпингового расследования – полнота антидемпингового расследования; учет присоединения Республики Армения к Договору; присоединение Кыргызской Республики к Договору – причинно-следственная связь между демпинговым импортом и ущербом отрасли экономики государств-членов Союза – определение нормальной стоимости товара – определение демпинговой маржи; учет издержек; корректировка издержек.

Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам – Соглашение о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам от 25 января 2008 года – Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 15 апреля 1994 года (ГАТТ-1994) – Соглашение по применению статьи VI ГАТТ (Антидемпинговое соглашение).

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований – признание решения ЕЭК соответствующим Договору.

Описание:

Публичное акционерное общество «АрселорМиттал Кривой Рог» 20 октября 2016 года обратилось в Суд Союза с заявлением об оспаривании решения Коллегии ЕЭК от 29 марта 2016 года № 28 «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении прутков, происходящих из Украины и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза». Решением было предусмотрено введение антидемпинговой пошлины сроком на 5 лет в отношении ввозимой истцом продукции на таможенную территорию Евразийского экономического союза.

27 апреля 2017 года Коллегия Суда вынесла решение, в котором отказала в удовлетворении заявления ПАО «АрселорМиттал Кривой Рог» и признала Решение Коллегии ЕЭК от 29 марта 2016 года № 28 соответствующим Договору, международным договорам в рамках Союза.

В своем решении Коллегия Суда указала, что органом, проводящим расследование, не были нарушены нормы права Союза, определяющие период и сроки проведения антидемпингового расследования. В отношении периода расследования, за

который анализируются сведения, в целях доказательства причинения материального ущерба отрасли экономики государств-членов Союза, Коллегия Суда указала на дискрецию органов, проводящих антидемпинговое расследование, в части установления периода расследования. Опираясь на правоприменительную практику органов по разрешению споров ВТО, Суд пришел к выводу, что Комиссия была вправе учитывать как данные за период расследования, так и сведения за три года, предшествующие дате подачи заявления о начале расследования, за которые имелись статистические данные.

Относительно сроков расследования Коллегия Суда пришла к выводу, что Комиссией не был превышен предусмотренный правом Союза срок антидемпингового расследования. При этом она не согласилась с доводами заявителя о том, что датой завершения расследования должна считаться дата принятия решения, указав, что в праве Союза датой завершения расследования является дата рассмотрения Комиссией Доклада по результатам расследования и проекта решения Комиссии.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Чайки К.Л.

Правовые позиции Коллегии Суда:

1. Для разрешения спора необходимо учитывать нормы, связанные с вопросами применения антидемпинговых мер по отношению к третьим странам, полномочиями Комиссии в этой сфере, как в период антидемпингового расследования, так и в период принятия оспариваемого решения.

(абзац 2 пункта 3 «Применимое право» решения Коллегии Суда)

2. Без оценки соответствия решения Комиссии праву Союза не представляется возможным установить факт нарушения прав и законных интересов субъекта хозяйствования, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Нарушение прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только действие (применение) решения Комиссии, не соответствующее праву Союза. Поэтому проверке факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществление проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии.

(абзац 1-2 пункта 7.2 «Выводы Суда» решения Коллегии Суда; см. также абзац 2 пункта 7.2.1 «Выводы Суда» решения Коллегии Суда по делу № СЕ-1-2/1-16-КС (ООО «Севлад»))

3. Выбор периода расследования и периода сбора данных для целей антидемпингового расследования и исследования причинения ущерба должен быть таким, чтобы позволить органу, производящему расследование, определить наличие ущерба на основе объективного исследования положительных (позитивных) доказательств, как это предусмотрено статьей 3.1. Антидемпингового соглашения.

(абзац 9 пункта 7.2.1.2. «Выводы Суда» решения Коллегии Суда)

4. Для правильного решения вопроса о соблюдении формального срока расследования правоопределяющим является юридический момент завершения расследования.

В соответствии с пунктом 15 статьи 30 Соглашения от 25 января 2008 года и пунктом 219 Протокола датой завершения расследования является дата рассмотрения Комиссией Доклада по результатам расследования и проекта решения Комиссии.

Буквальное содержание указанной нормы не свидетельствует о том, что она связывает момент окончания расследования с вынесением решения о применении антидемпинговой меры. Более того, вышеназванные положения Соглашения от 25 января 2008 года и Протокола прямо указывают на конкретные действия, с которыми связывается момент завершения расследования: представление и рассмотрение доклада по результатам расследования с предложениями о целесообразности применения антидемпинговой меры, с приложением проекта соответствующего решения.

(абзац 1, 2, 3 пункта 7.2.1.4. «Выводы Суда» решения Коллегии Суда)

5. С учетом анализа положений пункта 47 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункта 49 Протокола об условиях и переходных положениях по применению Кыргызской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, отдельных международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, и актов органов Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, антидемпинговые расследования проводятся исходя из количества участников Союза на дату его начала, в связи с чем изменение количества государств-членов Союза и, соответственно, объема внутреннего рынка Союза, которое происходит в ходе антидемпингового расследования, тем более в его заключительной части, либо после его завершения, но до даты принятия решения о применении антидемпинговой меры, не должно влиять на критерии, по которым проводится, либо проводилось (в случае завершения) расследование.

(абзац 2 пункта 7.2.2.1. «Выводы Суда» решения Коллегии Суда)

Summary
of case No. CE-1-2/4-16-KC
(PJSC “ArcelorMittal Kryvyi Rih”)

Keywords:

Public Joint-Stock Company “ArcelorMittal Kryvyi Rih” (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On challenging the Decision No. 28 of the Board of the Eurasian Economic Commission of March 29, 2016 “On the Application of Anti-Dumping Measure through Introduction of Anti-Dumping Duty with regard to Bars Originating from Ukraine and Imported into the Customs Territory of the Eurasian Economic Union”.

Dumping – procedure for anti-dumping investigation – duration of anti-dumping investigation – period of anti-dumping investigation – completeness of anti-dumping investigation; taking into account the accession of the Republic of Armenia to the Treaty; accession of Kyrgyz Republic to the Treaty – cause-effect relationship between dumping import and material injury to the domestic industry of the EAEU Member States – determination of the normal value of goods – determination of dumping margin; cost accounting; cost adjustment.

Protocol on the Application of Safeguard Anti-dumping and Countervailing Measures To Third Countries – Agreement on the Application of Safeguard Anti-dumping and Countervailing Measures To Third Countries of January 25, 2008 – The General Agreement On Tariffs And Trade of April 15, 1994 (GATT-1994) – Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994 (Anti-Dumping Agreement).

Judgment of the Chamber of the Court – rejection of the claims – recognition of the conformity of the EEC decision to the Treaty.

Substance of the case:

On October 20, 2016 Public Joint-Stock Company “ArcelorMittal Kryvyi Rih” applied to the Court of the Union challenging the Decision No. 28 of the Board of the Eurasian Economic Commission of March 29, 2016 “On the Application of Anti-Dumping Measures through Introduction of Anti-Dumping Duty with regard to Bars Originating from Ukraine and Imported into the Customs Territory of the Eurasian Economic Union”. The Decision provided for the introduction of an anti-dumping duty for a period of 5 years with regard to products imported by the Claimant into the customs territory of the Eurasian Economic Union.

On April 27, 2017 the Chamber of the Court delivered a judgment rejecting the claims of PJSC “ArcelorMittal Kryvyi Rih” and recognized the Decision No. 28 of the Board of the Eurasian Economic Commission of March 29, 2016 to be in line with the Treaty and international treaties within the Union.

In its judgment, the Chamber of the Court stated that the investigating authority did not violate the provisions of the Union law determining the duration and period of anti-dumping investigation. As to the period of the investigation, with regard to which the data is analysed for the purpose of proving material injury to the domestic industry of the EAEU

Member States, the Chamber of the Court recognised the discretion of the investigating authorities regarding its determination. Taking into account the law enforcement practice of the WTO Dispute Settlement Body and the WTO Appellate Body, the Court reached the conclusion that the Commission was entitled to take into account both the data for the period of investigation and for the three years period preceding the date of the submission of a statement on the initiation of the investigation, for which statistical data was available.

Regarding the duration of the investigation, the Chamber of the Court held that the Commission did not exceed the duration of anti-dumping investigation provided for by the Union law. In doing so it rejected with the Claimant's arguments that the date of the adoption of the decision shall be deemed to be the date of the termination of the investigation. The Court specified that according to the Union law the date of termination of investigation is the date when the Commission examines the Report on the results of investigation and the draft decision of the Commission.

Separate opinion of Judge K.L. Chaika is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

Legal findings of the Chamber of the Court:

1. In order to resolve the dispute it is necessary to take into account the legal provisions related to the issues of the application of anti-dumping measures with regard to third countries and to the powers of the Commission in this sphere both during the period of anti-dumping investigation and the period when the contested decision was adopted.

(see subparagraph 2 of paragraph 3 "Applicable Law" of the judgment of the Chamber of the Court)

2. It is not possible to establish the fact of violation of rights and legitimate interests of an economic entity granted by the Treaty and (or) international treaties within the Union without the assessment of the compliance of the EEC decision with the Union law.

The violation of the rights and legitimate interests of the applicant in the area of business and other economic activities can be caused only by the execution (application) of a decision of the Commission, which is not in line with the Union law.

Therefore, the verification of the fact of violation of the applicant's rights and legitimate interests in the area of business and other economic activities granted by the Treaty and (or) international treaties within the Union shall be preceded by the verification of the legality of the contested act of the Commission.

(see subparagraphs 1-2 of paragraph 7.2 "Conclusions of the Court" of the judgment of the Chamber of the Court ; see also subparagraph 2 of paragraph 7.2.1 "Conclusions of the Court" of the judgment of the Chamber of the Court in case No. CE-1-2/1-16-KC (Sevlad LLC))

3. The choice of the period of investigation and period of the data collection for the purposes of anti-dumping investigation and study of injury shall be established in such a manner so as to allow the investigating authority to determine the injury on the ground of objective study of positive evidence as provided for by Article 3.1 of the Anti-Dumping Agreement.

(see subparagraph 9 of paragraph 7.2.1.2 "Conclusions of the Court" of the judgment of the Chamber of the Court)

4. In order to determine whether the formal limit of the duration of investigation has been observed, the moment of the legal completion of the investigation is defining.

Pursuant to Article 30(15) of the Agreement of January 25, 2008 and paragraph 219 of the Protocol, the investigation termination date is the date when the Report on the results of investigation and the draft decision are examined by the Commission.

Literal content of the said provision does not indicate that it links the termination of the investigation with the adoption of the decision on the application of anti-dumping measure. Moreover, the above mentioned provisions of the Agreement of January 25, 2008 and the Protocol explicitly state the specific actions that are associated with the moment of investigation completion: submission and examination of the report on the outcome of the investigation with the proposal on whether the application of an anti-dumping measure is appropriate with the attached draft of the relevant decision.

(see subparagraphs 1–3 of paragraph 7.2.1.4 “Conclusions of the Court” of the judgment of the Chamber of the Court)

5. Taking into account the analysis of the provisions of paragraph 47 of the Treaty on the accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and paragraph 49 of the Protocol on the conditions and transitional provisions on the application by the Kyrgyz Republic of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, several international treaties being part of the law of the Eurasian Economic Union and acts of the bodies of the Eurasian Economic Union due to the accession of Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, anti-dumping investigations are conducted based on the number of Member States of the Union on the date of their commencement. Therefore, the change in the number of Member States of the Union and, respectively, the scope of the internal market of the Union that occur during an anti-dumping investigation shall not affect the criteria by which the investigation is or was conducted. It is all the more the case where such a change occurred during the final phase or upon the completion of the investigation, but before the adoption of the decision on the application of the anti-dumping measure.

(see subparagraph 2 of paragraph 7.2.2.1 “Conclusions of the Court” of the judgment of the Chamber of the Court)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 января 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Панове А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Министерство юстиции Республики Беларусь (далее – заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статей 74 и 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), подпункта 2 пункта 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося приложением № 19 к Договору (далее – Протокол).

Согласно пункту 4 статьи 76 запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, соответствующих критериям допустимости, установленным Протоколом.

В пункте 6 раздела II Протокола установлены следующие критерии допустимости «вертикальных» соглашений: такие соглашения являются договорами коммерческой концессии; доля каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения, на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения, не превышает 20 процентов.

Имея в виду, что в соответствии с пунктом 3 статьи 74 Договора в части правил конкуренции государства-члены вправе устанавливать в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора, заявитель просит Суд разъяснить указанные положения на предмет возможности установления в национальном законодательстве иных критериев допустимости «вертикальных» соглашений.

При этом заявитель указывает возможную редакцию нормы национального законодательства, устанавливающей следующие условия заключения «вертикальных» соглашений: «допускаются «вертикальные» соглашения, если доля каждого хозяй-

ствующего субъекта, являющегося участником такого соглашения, на любом товарном рынке не превышает 15 процентов».

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена или органа Евразийского экономического союза (далее – Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (далее – разъяснение).

Согласно пункту 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 27 февраля 2015 года № 18-31/4374 Министерство иностранных дел Республики Беларусь уведомило Суд, что пунктом 1 Указа Президента Республики Беларусь от 30 января 2015 года № 43 «О мерах по реализации Договора о Евразийском экономическом союзе» установлено, что Министерство юстиции Республики Беларусь является органом, уполномоченным на обращение от имени Республики Беларусь в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

В силу пункта 2 статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда. Согласно подпункту б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов, Комиссии в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута Суда.

Заявление подписано министром юстиции Республики Беларусь – руководителем органа, уполномоченного на обращение в Суд в порядке, предусмотренным пунктами 46 и 49 Статута Суда.

Таким образом, заявление соответствует требованиям указанных норм Регламента Суда.

В заявлении испрашивается разъяснение статей 74, 76 Договора, подпункта 2 пункта 6 раздела II Протокола, что соответствует компетенции Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Требования, предъявляемые к содержанию заявления государства-члена или органа Союза о разъяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что заявление Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 27 февраля 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Д.Г. Колос
Т.Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

4 апреля 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
Председательствующего Федорцова А.А.,
судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Сейтимо-
вой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Панове А.А., исследовав материалы дела, за-
слушав судью-докладчика,
руководствуясь пунктами 46, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского эко-
номического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического
союза,
предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Респуб-
лики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая
2014 года.

I. Вопрос заявителя

Министерство юстиции Республики Беларусь (далее – заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Согласно пункту 4 статьи 76 Договора запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «верти-
кальных» соглашений, соответствующих критериям допустимости, установленным
Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции, являющимся приложе-
нием № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (да-
лее – Протокол).

В пункте 6 раздела II Протокола установлено, что «вертикальные» соглашения допускаются, если являются договорами коммерческой концессии; доля каждого хо-
зяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглаше-
ния, на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглаше-
ния, не превышает 20 процентов.

Заявитель просит Суд разъяснить указанные положения на предмет возможно-
сти установления в законодательстве государств – членов Евразийского экономиче-
ского союза (далее – ЕАЭС, Союз) иных критериев допустимости «вертикальных»
соглашений.

II. Компетенция Суда

Согласно статье 72 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 де-

кабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), судопроизводство по заявлениям о разъяснении включает подачу заявления о разъяснении, иных документов и материалов, относящихся к обозначенному в заявлении о разъяснении вопросу, либо заверенных копий таких документов и материалов, а также подготовку Судом консультативного заключения.

Постановлением от 11 января 2017 года Суд принял к рассмотрению запрос Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора, отметив следующее.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

Согласно пункту 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 27 февраля 2015 года № 18-31/4374 Министерство иностранных дел Республики Беларусь уведомило Суд, что пунктом 1 Указа Президента Республики Беларусь от 30 января 2015 года № 43 «О мерах по реализации Договора о Евразийском экономическом союзе» установлено, что Министерство юстиции Республики Беларусь является органом, уполномоченным на обращение от имени Республики Беларусь в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

В силу пункта 2 статьи 10 Регламента Суда заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда.

Согласно подпункту б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута Суда. Заявление подписано министром юстиции Республики Беларусь – руководителем органа, уполномоченного на обращение в Суд в порядке, предусмотренном пунктами 46 и 49 Статута Суда.

III. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда.

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Судом были направлены запросы в адрес Евразийской экономической комиссии, министерств и ведомств государств-чле-

нов, ответственных за контроль в сфере конкуренции, научных учреждений, исследующих вопросы антимонопольного регулирования и защиты конкуренции, и получены ответы от Государственного агентства антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики, Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения, Института экономики имени академика Д.А. Алышбаева Национальной академии наук Кыргызской Республики, Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Федеральной антимонопольной службы России, Государственной комиссии по защите экономической конкуренции Республики Армения, Министерства национальной экономики Республики Казахстан, Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара.

Министерство юстиции Республики Беларусь направило в Суд заключения Министерства иностранных дел Республики Беларусь, Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь и Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Евразийская экономическая комиссия направила в Суд свои заключения и запрошенные Судом дополнительные документы.

IV. Выводы Суда

Большая коллегия Суда отмечает, что осуществляет разъяснение международно-правовых норм с учетом статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

1. Суду следует установить, относится ли сфера антимонопольного регулирования к компетенции Союза, или государства – члены Союза в данной сфере могут принимать нормы национального законодательства.

Согласно статье 3 Договора Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором, на основе, среди прочего, соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции.

Статьей 1 Договора установлено, что в Союзе реализуется скоординированная, согласованная или единая политика, что предусматривает различную степень единообразия правового регулирования.

В статье 2 Договора «единая политика» определяется как политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

«Согласованная политика» означает политику, осуществляемую государствами-членами в различных сферах, предполагающую гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

«Скоординированная политика» – это политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в

рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных Договором.

Статья 2 Договора позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод о том, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям:

- 1) наличие унифицированного правового регулирования;
- 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Для отнесения сферы общественных отношений к скоординированной политике достаточно установления общих подходов, в том числе одобренных в органах Союза, и направленность их на достижение целей Союза.

Унификация в сфере антимонопольного регулирования производится в рамках статьи 76 Договора, а также Протокола, которые, согласно пункту 2 статьи 74 Договора, устанавливают общие правила конкуренции на трансграничных рынках. В соответствии с пунктом 2 статьи 74 Договора, пункта 2 решения Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 «Об утверждении критериев отнесения рынка к трансграничному» рынок считается трансграничным, если его географические границы охватывают территории двух и более государств-членов.

О наличии компетенции наднационального органа в сфере конкурентной политики на трансграничных рынках свидетельствует делегирование государствами-членами Евразийской экономической комиссии – органу Союза – полномочий по контролю за соблюдением общих правил конкуренции в форме пресечения нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках, в частности в форме применения штрафных санкций (пункт 1 Протокола).

Таким образом, правила в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках урегулированы правом Союза и относятся к единой политике (наднациональное регулирование).

Применительно к защите конкуренции на национальных рынках Большая коллегия Суда отмечает, что правовое регулирование в данной сфере установлено статьями 75–76 Договора посредством закрепления общих принципов и правил конкуренции, которые могут быть развиты в законодательстве государств-членов.

При этом пункт 3 статьи 74 Договора наделяет государства-члены правом устанавливать в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора.

Компаративный анализ вышеприведенных норм права позволяет сделать вывод о том, что защита конкуренции на трансграничных рынках представляет собой единую политику Союза, в то время как защита конкуренции на национальных рынках – скоординированную политику.

В свою очередь, в соответствии с пунктом 4 статьи 74 Договора государства-члены проводят согласованную конкурентную (антимонопольную) политику в отношении действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьих стран, если такие действия могут оказать негативное влияние на состояние конкуренции на товарных рынках государств-членов.

Таким образом, конкурентное право Союза включает все три вида политик, применение которых зависит от таких критериев, как 1) характер рынка (национальный или трансграничный) и 2) национальность хозяйствующего субъекта (субъект рынка государства-члена или субъект рынка третьих стран).

2. Вышеизложенное позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод о том, что общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закрепленные в международном договоре.

В свою очередь, национальное законодательство может содержать дополнительные требования, ограничения и запреты по отношению к установленным общим подходам (пункт 3 статьи 74 Договора).

Применительно к регулированию конкуренции в Союзе Большая коллегия Суда отмечает, что статья 74 Договора предоставляет государствам-членам определенную свободу усмотрения при регулировании отношений конкуренции на своем внутреннем рынке.

Эта свобода усмотрения предполагает, что при принятии норм права государства должны находить разумный баланс между развитием своего внутреннего рынка и эффективным функционированием трансграничного рынка, предполагая, что ни государства-члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга.

Учитывая, что государства – члены Союза в статье 4 Договора заявили о своем стремлении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, Большая коллегия Суда полагает, что для этого государствам – членам Союза следует гармонизировать законодательство таким образом, чтобы избежать формирования различной правоприменительной практики и, как следствие, создания неравных условий для осуществления предпринимательской деятельности на территории Союза.

3. Пункт 1 статьи 74 Договора указывает, что предметом раздела XVIII Договора является установление общих принципов и правил конкуренции, обеспечивающих выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов.

Договор предусматривает, что в нем содержатся общие принципы и правила, регулирующие вопросы конкуренции как на территориях государств-членов, так и на трансграничных рынках.

В силу пункта 7 статьи 74 Договора реализация положений раздела XVIII Договора осуществляется согласно Протоколу.

Пункт 1 Протокола указывает, что данный Протокол, среди прочего, разработан в соответствии с разделом XVIII Договора, и, развивая его положения, Прото-

кол устанавливает критерии допустимости «вертикальных» соглашений следующим способом.

Согласно подпункту 1 пункта 2 Протокола под «вертикальным» соглашением понимается соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом.

Согласно пункту 4 статьи 76 Договора запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом.

В Договоре запреты в отношении «вертикальных» соглашений изложены в пункте 4 статьи 76 и касаются содержания соглашений:

1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца.

Соглашения, содержащие перечисленные условия, являются запрещенными, за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом.

В пункте 6 Протокола закреплено два критерия допустимости «вертикальных» соглашений:

1) такие соглашения являются договорами коммерческой концессии;

2) доля каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения, на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения, не превышает 20 процентов.

Большая коллегия Суда отмечает, что второй из перечисленных критериев рассчитывается исходя из:

характеристики субъекта – хозяйствующий субъект (субъект рынка), являющийся участником такого соглашения;

характеристики товарного рынка – товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального соглашения».

Таким образом, нормы права ЕАЭС разделяют понятия «критерий допустимости» и «запрет», при этом список критериев допустимости не содержит запретов, которые закреплены в пункте 4 статьи 76 Договора.

Критерии допустимости устанавливаются лишь для «вертикальных» соглашений, обладают императивным характером и имеют важное значение для оценки законности и разумности действий хозяйствующего субъекта, но также являются инструментом, обеспечивающим как фактическое равенство участников на товарном рынке, так и единообразное правовое регулирование «вертикальных» соглашений в рамках ЕАЭС.

В свою очередь, учитывая, что статья 76 Договора устанавливает запреты в отношении некоторых категорий хозяйствующих субъектов, товаров и соглашений,

следует сделать вывод, что в гармонизированном национальном законодательстве в дополнение к указанному требованию в этих же категориях могут быть установлены дополнительные требования, ограничения и запреты, учитывающие условия функционирования внутреннего товарного рынка государств.

Для толкования данной нормы принципиальным является понимание в соответствии с обычным значением использованных в ней терминов «запрет» и «критерий допустимости». Кроме того, следует определить разницу между прилагательными «дополнительный» и «иной».

«Запрет» – неразрешение делать что-либо, воспрещение; а «критерий допустимости» можно определить как «признак, на основании которого производится оценка разрешимого, допустимого, возможного, дозволенного». Дополнительно следует отметить, что используемые в соответствующем контексте термины «требование» и «ограничение» имеют следующие значения: требование – «норма, условие, совокупность условий, которым кто- или что-либо должны соответствовать»; ограничение – «то, что стесняет, ставит кого-, что-либо в какие-либо границы, рамки» («Словарь русского языка» в четырех томах, под редакцией А.П. Евгеньевой).

Таким образом, буквальное уяснение нормы пункта 3 статьи 74 Договора позволяет сделать вывод, что данная норма наделяет государства-члены компетенцией устанавливать нормы-запреты, а не нормы-дозволения.

Большая коллегия Суда обращает внимание, что заявитель просит разъяснить положения Договора на предмет возможности установления в национальном законодательстве иных критериев допустимости.

Согласно определениям, приведенным в указанном словаре, прилагательное «дополнительный» означает «являющийся дополнением к чему-либо, добавочный», а слово «иной» – «другой, не тот, не такой, отличающийся от этого (или от прежнего)».

Следовательно, нормой пункта 3 статьи 74 Договора государствам-членам предоставляется право дополнить в своем национальном законодательстве перечень запретов, а также требований и ограничений в отношении запретов, предусмотренных статьями 75–76 Договора.

Договор не содержит положений, позволяющих установить в нормах законодательства государств-членов иные критерии допустимости «вертикальных» соглашений.

4. Большая коллегия Суда полагает необходимым разъяснить также вопрос о соотношении понятий «любой товарный рынок» и «товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения».

Подпункт 19 пункта 2 Протокола содержит определение «товарного рынка» как сферы обращения товара, который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географической), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами.

Подпункт 2 пункта 6 раздела II Протокола содержит норму о товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения, но не о любом товарном рынке.

В этой связи Большая коллегия Суда отмечает, что право Союза оперирует понятием «товарный рынок товара», который определяется исходя из двух составляющих: продуктовых границ (товарной группы, состоящей из товаров-заменителей, рынки которых оцениваются как один товарный рынок) и географических границ (территории, на которой у покупателя существует экономическая целесообразность приобретения товаров).

Таким образом, по мнению Большой коллегии Суда, установление в национальном законодательстве правила о том, что доля хозяйствующего субъекта должна анализироваться на любом товарном рынке, будет означать, что нарушение правил конкуренции на товарном рынке одного товара может влечь наступление ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности на другом товарном рынке, на котором хозяйствующие субъекты действуют добросовестно. Последнее не соответствует принципу правовой определенности и предоставит государственным органам неограниченную дискрецию при контроле за соблюдением антимонопольного законодательства, а также возложит на хозяйствующих субъектов обязанность по структурированию своей деятельности таким образом, чтобы не занимать более определенного процента любого товарного рынка, что не соответствует основным целям Союза согласно статье 4 Договора.

Вывод

5. Таким образом, Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что взаимосвязанное прочтение статьи 4, статей 74–76 Договора, раздела II Протокола не предусматривает право государств – членов Союза изменять установленные критерии допустимости «вертикальных» соглашений.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судья-докладчик

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Д.Г. Колос
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Айриян Э.В.
(дело № СЕ-2-1/1-17-БК)

4 апреля 2017 года

город Минск

Большой Коллегией Суда Евразийского экономического союза 4 апреля 2017 года предоставлено Консультативное заключение по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В целом соглашаясь с Консультативным заключением, полагаю, что в основу мотивировочной части судебного акта могут быть положены и иные правовые позиции и «quaestio juris» (вопросы права), имеющие более конкретный «in essentialibus» (по существу) и юридически определенный характер применительно к специфике заявления о разъяснении.

1. Предметом обращения Республики Беларусь (далее – Заявитель) является разъяснение положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года) относительно возможности установления в национальном законодательстве иных критериев допустимости «вертикальных» соглашений.

В контексте данного вопроса Заявитель указывает возможную редакцию нормы национального законодательства, устанавливающую критерии допустимости «вертикальных» соглашений:

«Допускаются «вертикальные» соглашения, если доля каждого хозяйствующего субъекта, являющегося участником такого соглашения, на любом товарном рынке не превышает 15 процентов».

Из материалов дела следует, что вопрос, сформулированный для разъяснения, в правоприменительной практике не возникал. Основанием для обращения за разъяснением явились неясности, возникшие в нормотворческой деятельности в рамках национального законодательства.

Отдельные термины, подлежащие первоочередному разъяснению, содержащиеся в заявлении, отсутствуют в Договоре от 29 мая 2014 года и не являются тождественными формулировкам положений статей 74-76 Договора от 29 мая 2014 года, подпункта 2 пункта 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, являющегося Приложением № 19 к Договору от 29 мая 2014 года (далее – Протокол).

В соответствии с пунктом 3 статьи 74 Договора от 29 мая 2014 года государства-члены вправе устанавливать в своем законодательстве **дополнительные запреты**, а также **дополнительные требования и ограничения в отношении запретов**, предусмотренных статьями 75 и 76 настоящего Договора.

Заявитель просит разъяснить данную норму права на предмет возможности установления в национальном законодательстве **иных критериев допустимости «вертикальных» соглашений.**

Положение подпункта 2 пункта 6 Протокола содержит условие относительно доли каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения, **на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения.**

В заявлении Республики Беларусь в части доли (не превышающей 15 процентов) каждого хозяйствующего субъекта, являющегося участником такого соглашения, указан **любой товарный рынок.**

1.1. Суд Союза осуществляет разъяснение положений актов права Союза. Положение статьи 6 Договора от 29 мая 2014 года содержит исчерпывающий перечень институциональных составляющих права Союза, к которому не отнесены возможные редакции норм национального законодательства государств-членов Союза.

В соответствии с пунктом 46 Статута институт разъяснения Судом по заявлению государства-члена или органа Союза положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями, устанавливает пределы компетенции Суда по объекту разъяснения и субъектам обращения.

Объектом разъяснения (применительно к заявлению Республики Беларусь) являются положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решения органов Союза в их официальных редакциях.

Норма подпункта в) пункта 1 статьи 10 Регламента Суда устанавливает, что в заявлении государства-члена или органа Союза о разъяснении указываются положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, по которым требуется разъяснение.

Указанная норма Регламента Суда устанавливает **пределы заявления о разъяснении по целевому объекту**, ограничивая его положениями Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, исключая априори из предмета обращений в Суд возможные редакции норм национального законодательства, а также инициативу субъекта обращения в части терминологической интерпретации соответствующих норм права Союза.

1.2. Норма пункта 46 Статута Суда носит императивный характер и соотносится с нормой пункта 101 Статута Суда, согласно которой решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов.

Вопрос Заявителя в части разъяснения возможной редакции нормы национального законодательства **предполагает оценку Судом Союза проекта нормы национального закона на предмет соответствия праву Союза** и в этой связи не относится к компетенции Суда Союза, находится «extra jus» (за пределами права Суда) и подлежит разрешению в рамках национальных правовых процедур.

В соответствии с положениями статьи 49 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10 января 2000 года № 361-З проект нормативного правового акта подлежит обязательной юридической экспертизе.

Обязательная юридическая экспертиза в зависимости от вида нормативного правового акта проводится:

проектов законов, вносимых в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, а также изменений и (или) дополнений, внесенных в законопроект в Палате представителей, – **Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь** (далее – НЦЗПИ). Поступившие в Палату представителей проекты законов направляются в уполномоченное структурное подразделение Секретариата Палаты представителей для подготовки соответствующего заключения.

По решению нормотворческого либо иного уполномоченного законодательными актами Республики Беларусь государственного органа (должностного лица) проект нормативного правового акта может быть подвергнут иной экспертизе (**финансовой, экономической, экологической, криминологической и т.д.**), за исключением случаев, когда данным Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь предусмотрено проведение экспертизы в обязательном порядке.

Порядок проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов определяется законодательством Республики Беларусь.

В материалах дела содержится письмо НЦЗПИ от 25 января 2017 года за исх. № 02-02-8/_113_ в адрес Министерства юстиции Республики Беларусь «О необходимой для направления в Суд ЕАЭС информации».

По мнению НЦЗПИ, закрепление в национальном законодательстве доли участия хозяйствующих субъектов, при которой допускаются «вертикальные» соглашения в размере, не превышающем 15 процентов, **не в полной мере согласуется с подпунктом 2 пункта 6 Протокола.**

В отношении трактовки пункта 3 статьи 74 Договора от 29 мая 2014 года НЦЗПИ отмечает, что установление в национальном законодательстве допустимости «вертикальных» соглашений, если доля каждого хозяйствующего субъекта, являющегося участником такого соглашения, на любом товарном рынке не превышает 15 процентов, **не может рассматриваться как дополнительный запрет в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора от 29 мая 2014 года.**

НЦЗПИ полагает, что в рассматриваемом случае следует вести речь не **о дополнительном запрете** по отношению к пункту 4 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года и подпункту 2 пункта 6 Протокола, а **о том же самом запрете, в котором, однако, по разному сформулирована одна из составляющих:** доли процентов участия, при которых в качестве изъятия из общего правила допускается заключение «вертикальных» соглашений.

По мнению НЦЗПИ, как уполномоченного органа Республики Беларусь, закрепление в национальном законодательстве доли участия хозяйствующих субъектов, при которой допускаются «вертикальные» соглашения, в размере, не превышающем 15 процентов, приведет не к ограничению, а к расширению запрета, предусмотренного в пункте 4 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года и подпункте 2 пункта 6 Протокола.

Письмо НЦЗПИ имеет характер официального документа компетентного государственного органа, в котором содержится экспертная позиция данного органа в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В этой связи разъяснение Судом Союза заявления Республики Беларусь, направленном в Суд Союза Министерством юстиции Республики Беларусь, в части возможной редакции нормы на-

ционального законодательства, означает предварительный международно-судебный контроль и правовую ревизию официальной позиции органа государства-члена Союза в нарушение принципа «*quaelibet jurisdiction caucellos suos habet*» (каждая юрисдикция имеет свои границы).

1.3. С учетом того обстоятельства, что к компетенции Суда Союза не отнесено разъяснение положений Договора от 29 мая 2014 года на предмет возможности установления в национальном законодательстве государства-члена Союза норм права иных, чем содержащихся в данном Договоре, разъяснение Судом Союза вышеуказанных положений Договора от 29 мая 2014 года, на наш взгляд, должно осуществляться в соответствии с целевым, правовым и лексическим смыслом и контекстом, которые вкладывались в них государствами-членами Союза, а также **без привязки к законодательству государства-заявителя и иных государств-членов Союза и не затрагивать положения актов права государств-членов.**

2. Статьи 74-76 Договора от 29 мая 2014 года включены в Раздел XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции». Согласно пункту 1 статьи 74 предметом настоящего раздела является **установление общих принципов и правил конкуренции**, обеспечивающих выявление и пресечение антиконкурентных действий на территориях государств-членов, и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств-членов.

Положения раздела распространяются:

на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территориях государств-членов,

на отношения с участием хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на **трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов.**

Соответственно, государства-члены Союза делегировали к ведению Союза правовое регулирование в указанной части.

Статья 75 Договора от 29 мая 2014 года содержит **общие** принципы конкуренции, а статья 76 Договора устанавливает **общие** правила конкуренции.

3. Протокол разработан в соответствии с разделом XVIII Договора и определяет: особенности его применения,

штрафные санкции за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов,

порядок осуществления Комиссией контроля за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках (включая взаимодействие с уполномоченными органами государств-членов), взаимодействия уполномоченных органов государств-членов между собой при осуществлении контроля за соблюдением конкурентного (антимонопольного) законодательства, а также введения государственного ценового регулирования и оспаривания решений государств-членов о его введении.

4. Для разъяснения точного смысла и правового содержания ключевых терминов, содержащихся в положениях статей 74-76 Договора от 29 мая 2014 года, подпункта 2 пункта 6 Протокола, необходимо взаимосвязанное прочтение соответствующих положений Договора от 29 мая 2014 года в комплексе с семантическим анализом применяемой терминологии «*ex lege*» (в соответствии с правом, по закону).

Положение пункта 3 статьи 74 Договора от 29 мая 2014 года содержит термины «дополнительные запреты», «дополнительные требования и ограничения в отношении запретов».

Общеизвестно, что запрет является способом правового регулирования, который представляет собой властное веление, указывающее на недопустимость определенного поведения под угрозой наступления ответственности, закрепляющее юридическую невозможность реально возможного поведения, причиняющего ущерб чьим-либо интересам.

Юридические запреты есть правовые обязанности пассивного характера, т.е. обязанности воздерживаться от действий определенного рода.

Наряду с общими признаками обязанностей – принципиальной однозначностью, императивной категоричностью, обеспечением действенными юридическими механизмами, запреты имеют свою специфику. Они воплощаются в особой разновидности юридических норм – запрещающих, им соответствует свой способ реализации – соблюдение; запреты неразрывно связаны с таким правовым явлением, как юридическая ответственность.

Функциональным назначением запретов является не непосредственное регулирование определенного рода отношений, а предотвращение их возникновения. Запрещающие нормы существуют для того, чтобы в установленных случаях субъекты права не превращались в субъектов правоотношения. Непосредственная цель запрета – удержать от неправомерного поступка, не допустить его и тем самым способствовать поддержанию нормального состояния конкурентных отношений.

Запреты классифицируются на **общие**, т.е. адресованные всем без исключения лицам, и **специальные**, которые рассчитаны на определенную ситуацию и подлежат исполнению не всеми субъектами права, а только теми, которые указаны в соответствующих правовых нормах.

Положения статей 75-76 Договора от 29 мая 2014 года содержат ряд специальных запретов для отдельных субъектов права – обязанности воздерживаться от действий определенного рода. Данные запреты устанавливаются государствами-членами в национальном праве. Перечень таких запретов содержится в подпунктах 1) и 2) пункта 2 статьи 75; пунктах 1-6 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года (пункт 4 содержит бланкетную норму к Приложению № 19).

Указанные запреты являются **основными**, поскольку прямо перечислены в тексте международного договора.

Термин «**дополнительный**» означает являющийся дополнением к чему-либо, дополнительное обязательство. Исходя из смысла разъясняемых положений и контекста раздела в целом, данный термин означает запрет, который государства-члены вправе (но не обязаны) устанавливать в своем законодательстве в дополнение к вышеупомянутому перечню запретов без изменения их смысла и целевого назначения «*infra jurisdictionem*» (в пределах юрисдикции).

Квалифицирующим признаком **дополнительных запретов** (в рамках Раздела XVIII Договора от 29 мая 2014 года), отличающим их от **иных запретов**, является признак факультативности (необязательный, служащий для дополнительной специализации). К дополнительным запретам могут быть отнесены только те обязанности субъектов права воздерживаться от действий определенного рода, которые дополня-

ют запреты, указанные в подпунктах 1) и 2) пункта 2 статьи 75; пунктах 1-6 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года.

5. Непосредственной целью запретов по смыслу положений Раздела XVIII Договора от 29 мая 2014 года является удержание от действий, влияющих на нормальное состояние конкурентных отношений. В этой связи дефиниция запрета может включать в себя его структурный элемент – **требование**, то есть выраженное в решительной, категорической форме **распоряжение, условие**, обязательное для выполнения. В отличие от запрета, требование может носить как запретительный, так и предписывающий, а также допустимый характер. Родовым признаком, объединяющим запрет и требование, является императивность, то есть обязательность выполнения.

Применительно к положениям статей 75-76 Договора от 29 мая 2014 года, содержащиеся в них нормы международного права, могут и не содержать требования в отношении установленных запретов, но включать в себя **ограничения**, т.е. правила, ограничивающие, уменьшающие, пресекающие какие-либо действия в целях исключения наступления отрицательного правового результата.

Так, пункт 1 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года содержит **запрет** действий (бездействия) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц, в том числе следующие действия (бездействие)¹ :

- 1) установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара;
- 2) изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара;
- и др.

6. Норма пункта 3 статьи 74 Договора от 29 мая 2014 года относит к ведению государств-членов правомочия по установлению в своем законодательстве дополнительных запретов, а также дополнительных требований и ограничений в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 настоящего Договора.

Положение пункта 4 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года, кроме запрета на «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами, содержит исключение из данного запрета и отсылочную норму к таким соглашениям в рамках критериев допустимости, установленных Приложением № 19 (Протоколом).

Норма пункта 6 Протокола не содержит запретов по смыслу Раздела XVIII, устанавливая критерии допустимости «вертикальных» соглашений, которые могут рассматриваться как правовые ограничения.

В соответствии с пунктами 1-2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года в целях достижения правовой определенности, вопрос, сформулированный в заявлении, необходимо разъяснить в неразрывном контексте всех положений пункта 6 Протокола, без изъятия из него подпункта 1 и с учетом пунктов 5 и 7 Протокола. Заявитель просит разъяснить положения Договора

¹В указанной правовой норме ограничения включены в виде перечня по подпунктам

от 29 мая 2014 года на предмет возможности установления в национальном законодательстве **иных критериев допустимости** «вертикальных» соглашений.

Термин «**иные критерии допустимости**» «вертикальных» соглашений в Договоре от 29 мая 2014 года не применяется. Данный термин по смыслу разъясняемых положений означает критерии допустимости, то есть правовые ограничения, отличающиеся от критериев допустимости, установленных Приложением № 19 (Протоколом). Однако пунктом 3 статьи 74 Договора от 29 мая 2014 года к ведению государств-членов не отнесено правомочие по установлению в своем законодательстве **иных критериев допустимости** «вертикальных» соглашений.

Указанная норма устанавливает возможность применения **дополнительных требований и ограничений** в отношении ранее установленных запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора от 29 мая 2014 года. При этом требования и ограничения могут носить исключительно **дополнительный**, но не **иной** характер, то есть могут дополнять объем правового содержания **ранее установленных требований и ограничений**, но не изменять его в **иную** сторону. Исходя из контекста данной нормы, представляется целесообразным сделать вывод о том, что слово «дополнительных» относится к словам «требований и ограничений» и данные слова необходимо рассматривать как единый термин «sensu honesto» (в соответствии с истинным смыслом).

В общие принципы конкуренции, содержащиеся в диспозиции статьи 75 Договора от 29 мая 2014 года включены нормы рамочного характера, предоставляющие государствам-членам Союза определенный круг полномочий по установлению в национальном законодательстве конкретных категорий запретов, мер пресекающего и обеспечительного характера в сфере конкурентных правоотношений, санкций за совершение антиконкурентных действий, информационной политики и взаимодействия уполномоченных органов.

7. Взаимосвязанное понимание термина «**критерии допустимости**» следует из норм Протокола «Допустимость соглашений и изъятий».

Разрешение вопросов антимонопольного регулирования «вертикальных» соглашений осуществляется путем введения критериев «допустимости» таких соглашений **как специальных пороговых значений в виде долей рынка участников соглашения**, а также выделения тех антиконкурентных положений, которые запрещены «per se» (безусловно) и к которым не применимы соответствующие критерии допустимости.

Под критерием понимается **признак**, на основании которого производится оценка, определение, классификация чего-нибудь.

В привязке к критериям под термином «допустимость» следует понимать объективную возможность, дозволенность.

В этой связи **под критериями допустимости** «вертикальных» соглашений понимаются **признаки их дозволенности**.

Диспозиция пункта 5 Протокола устанавливает норму о том, что соглашения, предусмотренные пунктами 4 и 5 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года, а также соглашения хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) **о совместной деятельности**, которые могут привести к последствиям, указанным в пункте 3 статьи 76 Договора от 29 мая 2014 года, **могут быть признаны допустимыми**, если они не накладывают

на хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) ограничения, не являющиеся необходимыми для достижения целей этих соглашений, и не создают возможность для устранения конкуренции **на соответствующем товарном рынке** и если хозяйствующие субъекты (субъекты рынка) докажут, что такие соглашения имеют или могут иметь своим результатом:

1) совершенствование производства (реализации) товаров или стимулирование технического (экономического) прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров производства государств-членов на мировом товарном рынке;

2) получение потребителями соразмерной части преимуществ (выгод), которые приобретаются соответствующими лицами от совершения таких действий.

8. Пункт 6 Протокола включен в раздел II. «Допустимость соглашений и изъятия». Согласно указанной норме, **допускаются «вертикальные» соглашения**, если:

1) такие соглашения являются **договорами коммерческой концессии**;

2) доля каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения, **на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения**, не превышает 20 процентов.

Положение пункта 6 Протокола устанавливает разрешительный характер международно-правовой нормы, допускающей заключение «вертикальных» соглашений, не противоречащих антимонопольному законодательству Союза при соблюдении вышеуказанных условий.

Норма подпункта 2) пункта 6 Протокола носит комплексный характер и содержит ряд обязательных условий, только при одновременном соблюдении которых Протокол допускает совершение юридически значимых действий по заключению «вертикальных» соглашений:

1. доля каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), являющегося участником такого соглашения не превышает 20 процентов;

2. указанная доля учитывается только **на товарном рынке товара**;

3. данный товарный рынок товара **является предметом «вертикального» соглашения**.

9. Следует учитывать, что указанные выше условия допустимости, т.е. признаки дозволенности соглашений отнесены нормой пункта 5 Протокола **к соответствующим товарным рынкам**, под которыми положением подпункта 19) пункта 2 Протокола определена **сфера обращения товара, который не может быть заменен другим товаром**, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географической), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами.

В заявлении Республики Беларусь в возможной редакции нормы национального законодательства указаны любые товарные рынки. Термин **«любой товарный рынок»** имеет в своей основе более широкий объем правового содержания, чем термин **«соответствующий товарный рынок»**, имеющий определенные международным договором ограничения применительно к конкретному виду (видам) товара. Следует отметить, что использование в нормах права, регулирующих критерии допустимости «вертикальных» соглашений термина «любой товарный рынок», вносит эле-

мент правовой неопределенности, поскольку к любому товарному рынку относятся все товарные рынки без исключения, независимо от сферы обращения конкретного товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения. Указанная терминологическая и правовая неопределенность нивелирует целевое назначение института допустимости «вертикальных» соглашений «in toto» (в целом).

Вместе с тем подпункт 2) пункта 6 Протокола содержит указание на товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения.

Термины «**товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения**» и «**любой товарный рынок**» не являются тождественными, исключают паритет содержащихся в них правовых норм, образующих соответствующие критерии допустимости.

Термин «товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения», является элементом критерия допустимости, сформулированного в подпункте 2) пункта 6 Протокола. Изменение критериев допустимости, содержащихся в Протоколе и образующих правовой состав запретов, а также требований и ограничений в отношении запретов не предусмотрено положением пункта 3 статьи 74 Договора.

Закономерно, что норма пункта 6 Протокола не подлежит изменению в части перекалфикации критерия товарного рынка для участников «вертикального» соглашения с **товарного рынка товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения на любой товарный рынок**, как это указано в заявлении.

Правовое и смысловое содержание термина «любой товарный рынок» включает в свой состав также трансграничные рынки, к которым относятся рынки в том случае, если географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более Сторон².

В этой связи возможная норма национального законодательства, содержащаяся в заявлении, не соответствует по квалифицирующим признакам и по целевому назначению норме подпункта 2) пункта 6 Протокола и установление порогового критерия в 15% доли каждого хозяйствующего субъекта, согласно заявлению Республики Беларусь, не соотносится с нормой подпункта 2) пункта 6 Протокола, устанавливающей пороговый критерий в 20% доли каждого хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) исключительно на товарном рынке товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения.

Вышеуказанная перекалфикация может послужить правовым основанием для ухудшения положения конкурирующих хозяйствующих субъектов, поскольку термин «любой товарный рынок» включает в свой объектный и субъектный состав все товарные рынки для всех видов и категорий товаров и хозяйствующих субъектов. Кроме того, данная перекалфикация вступает в противоречие с целями Договора от 29 мая 2014 года, изложенными в абзаце 6 Преамбулы данного Договора о гарантиях сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции.

Судья

Э.В.Айриян

²Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 «Об утверждении критериев отнесения рынка к трансграничному»

Резюме
по делу № СЕ-2-1/1-17-БК
(разъяснение по запросу
Министерства юстиции Республики Беларусь)

Ключевые слова:

Министерство юстиции Республики Беларусь (государство – член).

О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Общие принципы и правила конкуренции – защита конкуренции на национальных рынках – вертикальные соглашения – критерии допустимости – возможность установления государствами-членами Союза иных критериев.

Протокол об общих принципах и правилах конкуренции.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора о Евразийском экономическом союзе.

Описание:

Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, посвящённых общим принципам и правилам конкуренции. Пункт 3 статьи 74 предоставляет государствам-членам право закреплять в своем законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных статьями 75 и 76 Договора. В своем запросе заявитель просил разъяснить, вправе ли государство – член устанавливать в национальном законодательстве иные критерии допустимости «вертикальных соглашений».

4 апреля 2017 года Большая Коллегия вынесла консультативное заключение, в котором указала, что взаимосвязанное прочтение статьи 4, статей 74–76 Договора, а также раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (Приложение № 19 к Договору о Союзе) не предусматривает право государств – членом Союза изменять установленные критерии допустимости «вертикальных» соглашений.

К консультативному заключению Суда приложено особое мнение судьи Э.В. Айриян.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Статья 2 Договора позволяет сделать вывод о том, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Защита конкуренции на трансграничных рынках отнесена к единой политике Союза. Правила в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках урегули-

рованы правом Союза и относятся к единой политике (наднациональное регулирование).

(см. абзацы 7, 11, 14 пункта 1 Консультативного заключения)

2. Конкурентное право Союза включает все три вида политик, применение которых зависит от таких критериев, как 1) характер рынка (национальный или трансграничный) и 2) национальность хозяйствующего субъекта (субъект рынка государства-члена или субъект рынка третьих стран).

(см. абзац 16 пункта 1 Консультативного заключения)

3. Общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закрепленные в международном договоре.

В свою очередь, национальное законодательство может содержать дополнительные требования, ограничения и запреты по отношению к установленным общим подходам (пункт 3 статьи 74 Договора).

(см. абзацы 1-2 пункта 2 Консультативного заключения)

4. Статья 74 Договора предоставляет государствам-членам определенную свободу усмотрения при регулировании отношений конкуренции на своем внутреннем рынке.

Эта свобода усмотрения предполагает, что при принятии норм права государства должны находить разумный баланс между развитием своего внутреннего рынка и эффективным функционированием трансграничного рынка, предполагающий, что ни государства-члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга.

(см. абзацы 3, 4 пункта 2 Консультативного заключения)

5. Нормой пункта 3 статьи 74 Договора государствам-членам предоставляется право дополнить в своем национальном законодательстве перечень запретов, а также требований и ограничений в отношении запретов, предусмотренных статьями 75–76 Договора.

(см. абзац 19 пункта 3 Консультативного заключения)

6. Право Союза оперирует понятием «товарный рынок товара», который определяется исходя из двух составляющих: продуктовых границ и географических границ.

Установление в национальном законодательстве правила о том, что доля хозяйствующего субъекта должна анализироваться на любом товарном рынке, будет означать, что нарушение правил конкуренции на товарном рынке одного товара может влечь наступление ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности на другом товарном рынке, на котором хозяйствующие субъекты действуют добросовестно. Последнее не соответствует принципу правовой определенности и предоставит государственным органам неограниченную дискрецию при контроле за соблюдением антимонопольного законодательства, а также возложит на хозяйствующих субъектов обязанность по структурированию своей деятельности таким

образом, чтобы не занимать более определенного процента любого товарного рынка, что не соответствует основным целям Союза согласно статье 4 Договора.

(см. абзацы 4, 5 пункта 4 Консультативного заключения)

7. Взаимосвязанное прочтение статьи 4, статей 74–76 Договора, раздела II Протокола не предусматривает право государств – членов Союза изменять установленные критерии допустимости «вертикальных» соглашений.

(см. пункт 5 «Вывод» Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-1/1-17-BK
(clarification upon the request of the Ministry of Justice of the
Republic of Belarus)

Keywords:

Ministry of Justice of the Republic of Belarus (Member State).

On clarification of the provisions of Articles 74, 75, 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

General principles and rules of competition – protection of competition in national markets – vertical agreements – admissibility criteria – possibility for the Member States to set different criteria.

Protocol on General Principles and Rules of Competition (Annex 19 to the Treaty on the Eurasian Economic Union).

Advisory Opinion – clarification of the Treaty provisions.

Substance of the case:

The Ministry of Justice of the Republic of Belarus submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union asking to clarify the provisions of Articles 74, 75, 76 of the Treaty of the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 relating to general principles and rules of competition. Paragraph 3 of Article 74 allows Member States to determine in their legislation further prohibitions, as well as additional requirements and restrictions with regard to the prohibitions set out in Articles 75 and 76 of the Treaty. In its application the Ministry of Justice asked whether a Member State is allowed to set in its national legislation different criteria of admissibility of vertical agreements.

In its Advisory Opinion of April 4, 2017 the Grand Chamber of the Court indicated that Article 4, Articles 74-76 of the Treaty and the provisions of section II of the Protocol on General Principles and Rules of Competition (Annex 19 to the Treaty), read jointly, do not allow the Member States to modify the prescribed admissibility criteria of vertical agreements.

The separate opinion of the Judge E.V. Airiyan is attached to the Advisory Opinion of the Court.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. Article 2 of the Treaty allows to conclude that the following criteria should be met for a certain sphere to be attributed to the common policy: 1) the presence of a unified legal regulation; 2) the transfer by the Member States of competence in this sphere to the bodies of the Union in the framework of their supranational powers. The protection of competition in transboundary markets falls within the common policy of the Union. The rules in the sphere of competition protection in transboundary markets are determined by Union law and come under the common policy (supranational regulation).

(see subparagraphs 7, 11, 14 of paragraph 1 of the Advisory Opinion)

2. The competition law of the Union encompasses all three types of policies, which are applied in accordance with such criteria as 1) the nature of the market (national or transboundary) and 2) the nationality of the economic entity (market participant of a Member State or market participant of a third country).

(see subparagraphs 16 of paragraph 1 of the Advisory Opinion)

3. General rules of competition have direct effect and shall be directly applicable by Member States as rules enshrined in an international treaty.

In its turn, the national legislation may contain additional prohibitions, requirements and restrictions with regard to the prescribed common approaches (paragraph 3 of Article 74 of the Treaty).

(see subparagraphs 1-2 of paragraph 2 of the Advisory Opinion)

4. Article 74 provides Member States with a certain margin of discretion regarding the regulation of competition on their internal markets. This margin of discretion supposes that in the process of enacting rules of law the states shall find a reasonable balance between the development of their internal markets and the efficient functioning of the transboundary market, meaning that neither the Member States nor the bodies of the Union shall encroach on the competence of one another.

(see subparagraphs 3, 4 of paragraph 2 of the Advisory Opinion)

5. Paragraph 3 of Article 74 of the Treaty allows the Member States to complement in their national legislation the list of prohibitions, as well as the lists of requirements and restrictions with regard to prohibitions provided for by Articles 75-76 of the Treaty.

(see subparagraphs 19 of paragraph 2 of the Advisory Opinion)

6. The law of the Union uses the notion of the “commodity market of goods”, which is determined on the basis on two components: the scope of the product market and the scope of the geographical market.

The enactment in the national legislation of a rule that the market share of an economic entity shall be analysed in any product market will result in a situation where the violation of competition rules in one product market could lead to the liability of an economic entity in another market where the economic entity is acting in good faith. The latter is not in conformity with the principle of legal certainty and will grant state authorities unlimited discretion in supervising the compliance with the antimonopoly legislation. It will also impose on economic entities the obligation to structure their activity in such a way as not to get more than a certain percentage of any product market, which is contrary to the main objectives of the Union under Article 4 of the Treaty.

(see subparagraphs 4, 5 of paragraph 4 of the Advisory Opinion)

7. Article 4, Articles 74-76 of the Treaty and the provisions of section II of the Protocol on General Principles and Rules of Competition, read jointly, do not allow the Member States to modify the prescribed admissibility criteria of vertical agreements.

(see subparagraph 5 “Conclusion” of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 апреля 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., под председательством судьи-докладчика Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества совместного предприятия «Брянксельмаш» об оспаривании действия Евразийской экономической комиссии, о несоблюдении государством–членом Евразийского экономического союза решений органов Евразийского экономического союза, а также о возложении на Российскую Федерацию обязанности предоставить закрытому акционерному обществу совместному предприятию «Брянксельмаш» промышленную субсидию в отношении произведенной им сельскохозяйственной техники,

УСТАНОВИЛА:

1. Закрытое акционерное общество совместное предприятие «Брянксельмаш» (далее – истец, ЗАО СП «Брянксельмаш») обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании действия Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), выразившегося в неисполнении возложенных на нее функций, не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Также истец просит Суд рассмотреть требование о несоблюдении государством–членом Евразийского экономического союза (далее – Союз) решений органов Союза и обязать Российскую Федерацию в лице Министерства промышленности и торговли принять решение о предоставлении промышленной субсидии в отношении сельскохозяйственной техники, произведенной ЗАО СП «Брянксельмаш».

Из заявления и материалов, представленных истцом, следует, что ЗАО СП «Брянксельмаш» является юридическим лицом, зарегистрированным на территории Российской Федерации, производит сельскохозяйственную технику, в том числе зерноуборочные комбайны.

23 августа 2016 года Министерством промышленности и торговли Российской Федерации принято заключение № МА-52973/07, согласно которому ЗАО СП «Брянксельмаш» признано соответствующим критериям, установленным Правилами предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники, при условии направления истцом в Министерство промышленности и торговли на регулярной основе документов, подтверждающих преимущественное использование сырья и

материалов Российской Федерации, при осуществлении технологических операций на территории Республики Беларусь.

14 ноября и 19 декабря 2016 года Министерством промышленности и торговли Российской Федерации выданы заключения №№ 72223/07 и 82276/07 о несоответствии заявленных ЗАО СП «Брянксельмаш» моделей зерноуборочных комбайнов критериям, установленным Правилами предоставления субсидий, а также требованиям, содержащимся в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП.

Не согласившись с вышеуказанными решениями, истец 14 декабря 2016 года обратился с жалобой в Комиссию. В жалобе ЗАО СП «Брянксельмаш» указало, что Министерством промышленности и торговли Российской Федерации при вынесении указанных заключений не учтены требования Рекомендации Евразийской экономической комиссии от 12 июля 2016 года № 11ДСП «О некоторых вопросах реализации Решения Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП «О порядке осуществления технологических операций при производстве промышленных товаров на территориях государств-членов Евразийского экономического союза» (далее – Рекомендация Комиссии от 12 июля 2016 года № 11ДСП) в части применения критериев преимущественного использования сырья и материалов и выполнения отдельных операций в субсидирующем государстве и просило обязать Министерство промышленности и торговли принять решение о предоставлении субсидии в отношении сельскохозяйственной техники, произведенной истцом.

31 января 2017 года Комиссией проведены консультации с представителями Министерства промышленности Республики Беларусь, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации и ЗАО СП «Брянксельмаш». По итогам консультаций составлен протокол, в котором определена позиция Комиссии о том, что субъектами применения Решения Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП являются государства – члены Союза, а к полномочиям Комиссии не отнесено рассмотрение жалоб хозяйствующих субъектов на решения, действие (бездействие) органов государственной власти государств – членов Союза.

Не согласившись с позицией Комиссии, ЗАО СП «Брянксельмаш» обратилось в Суд с вышеуказанными требованиями.

2. Заслушав судью-докладчика, рассмотрев заявление ЗАО СП «Брянксельмаш» и прилагаемые к нему документы, изучив международные договоры Союза, Коллегия Суда считает необходимым отказать в принятии заявления к производству.

В соответствии с абзацем 2 подпункта 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющего приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), Суд по заявлению хозяйствующего субъекта рассматривает споры об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающие права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пунктом 41 Статута Суда предусмотрено, что вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом на основании Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и (или) международных договоров Союза с третьей стороной.

Согласно пункту 52 Статута Суда Коллегия Суда рассматривает споры по заявлениям хозяйствующих субъектов в порядке, определяемом Регламентом Суда, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

3. В обоснование требования о признании действия Комиссии не соответствующим Договору о Союзе истец указал, что консультации, проведенные Комиссией и оформленные протоколом от 31 января 2017 года, не свидетельствуют о рассмотрении по существу жалобы ЗАО СП «Брянксельмаш». Данный довод истец обосновывает тем, что Комиссией не принято решение, которое возложило на Российскую Федерацию в лице Министерства промышленности и торговли обязанность предоставить ЗАО СП «Брянксельмаш» промышленную субсидию в отношении произведенной им сельскохозяйственной техники, с учетом Решения Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП и Рекомендации Комиссии от 12 июля 2016 года № 11ДСП.

Между тем, в указанных заявителем нормах Договора о Союзе не содержится положений, определяющих действия Комиссии по рассмотрению жалоб хозяйствующих субъектов о несоблюдении государством – членом Союза решений органов Союза.

Учитывая, что Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП регулирует исключительно условия получения специфической субсидии, Коллегия Суда исходит из того, что при рассмотрении настоящего заявления подлежат учету нормы права Союза, касающиеся предоставления специфических субсидий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Договора о Союзе, пунктом 3 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе (далее – Положение о Комиссии), Комиссия осуществляет свою деятельность в пределах полномочий, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза. Подпунктом 10 пункта 3 Положения о Комиссии установлено, что Комиссия осуществляет деятельность в сфере промышленных и сельскохозяйственных субсидий.

Согласно части 2 пункта 6 статьи 93, пункту 1 статьи 105 Договора о Союзе Комиссия наделяется полномочиями по регулированию и контролю за предоставлением государствами–членами Союза специфических субсидий, установленными подпунктами 3, 4 пункта 6 статьи 93 Договора о Союзе, пунктами 6, 15, 20, 87 и 97 Протокола о единых правилах предоставления промышленных субсидий, являющегося приложением № 28 к Договору о Союзе (далее – Протокол о предоставлении субсидий), с даты вступления в силу международного договора, предусмотренного пунктом 7 Протокола о предоставлении субсидий, но не ранее 1 января 2017 года.

Международный договор, принятие которого предусмотрено пунктом 7 Протокола о предоставлении субсидий и который наделяет Комиссию полномочиями по

регулированию правоотношений в сфере специфических промышленных субсидий, до настоящего времени государствами-членами не подписан, а на момент обращения истца в Комиссию в декабре 2016 года соответствующие полномочия в силу пункта 1 статьи 105 Договора о Союзе Комиссии не переданы.

Таким образом, в праве Союза отсутствует норма, предусматривающая указанное в заявлении ЗАО СП «Брянсксельмаш» действие Комиссии, на соответствие которой Суд должен проводить проверку.

В соответствии с пунктами 42 и 102 Статута Суда в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза, а решение Суда не может изменять и отменять действующие нормы права Союза, законодательства государств-членов, а также создавать новые нормы права.

Из смыслового содержания вышеуказанных норм Статута Суда следует, что Суд не вправе наделять Комиссию полномочиями по регулированию правоотношений в сфере специфических промышленных субсидий ранее сроков, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

В связи с изложенным Коллегия Суда приходит к выводу об отсутствии у Суда темпоральной компетенции (*ratione temporis*) по рассмотрению данного требования истца.

4. В части требований ЗАО СП «Брянсксельмаш» о принятии к рассмотрению заявления о несоблюдении государством-членом Союза решений органов Союза и о возложении на Российскую Федерацию обязанности предоставить промышленную субсидию в отношении произведенной истцом техники, Коллегия Суда отмечает следующее.

Согласно пункту 39 Статута Суда, пункту 2 статьи 9 Регламента Суда Суд наделен правом рассмотрения споров по заявлению государства – члена Союза о соблюдении другим государством-членом права Союза, а по заявлению хозяйствующего субъекта – только споров о соответствии решения, действия (бездействия) Комиссии праву Союза.

Изложенное позволяет Коллегии Суда сделать вывод об отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению заявления истца в части несоблюдения государством-членом Союза решений органов Союза и возложения на Российскую Федерацию в лице Министерства промышленности и торговли обязанности по предоставлению ЗАО СП «Брянсксельмаш» промышленной субсидии в отношении произведенной им техники.

Коллегия Суда также констатирует, что заявление ЗАО СП «Брянсксельмаш» с учетом принципа процессуальной экономии не подлежит принятию к производству.

На основании изложенного, руководствуясь положениями пункта 41, подпункта 1 пункта 95 Статута Суда, подпункта а) пункта 2 статьи 33, пункта 4 статьи 84 Регламента, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества совместного предприятия «Брянсксельмаш».

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию постановления направить сторонам по делу.

Председательствующий

К.Л. Чайка

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 17 апреля 2017 года

Резюме
по делу № СЕ-3/1-17-КС
(ЗАО «Брянксельмаш»)

Ключевые слова:

ЗАО «Брянксельмаш» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании действия Комиссии не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе.

Промышленные субсидии; сельскохозяйственная деятельность – сельскохозяйственная техника – специфические субсидии – контроль за предоставлением государствами–членами Союза специфических субсидий; полномочия Комиссии.

Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий (Приложение № 28 к Договору) – Рекомендации Евразийской экономической комиссии от 12 июля 2016 года № 11ДСП «О некоторых вопросах реализации Решения Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 73ДСП «О порядке осуществления технологических операций при производстве промышленных товаров на территориях государств–членов Евразийского экономического союза».

Постановление Коллегии Суда – отказ в принятии к производству.

Описание:

Закрытое акционерное общество совместное предприятие «Брянксельмаш» (далее – истец, ЗАО СП «Брянксельмаш») обратилось в Суд с заявлением о признании действия ЕЭК, выразившегося в неисполнении возложенных на нее функций, не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Также истец просил Суд рассмотреть требование о несоблюдении государством–членом ЕАЭС решений органов Союза и обязать Российскую Федерацию в лице Министерства промышленности и торговли принять решение о предоставлении промышленной субсидии в отношении сельскохозяйственной техники, произведенной ЗАО СП «Брянксельмаш».

17 апреля 2017 года Коллегия Суда отказала в принятии заявления к производству. В своем постановлении Коллегия Суда указала, что согласно Договору о Союзе Комиссия наделена полномочиями по регулированию и контролю за предоставлением государствами–членами Союза специфических субсидий с даты вступления в силу международного договора, предусмотренного пунктом 7 Протокола о предоставлении субсидий, но не ранее 1 января 2017 года. Такой международный договор до настоящего времени государствами–членами не подписан, а на момент обращения истца в Комиссию в декабре 2016 года соответствующие полномочия Комиссии не переданы.

Коллегия Суда пришла к выводу, что в праве Союза отсутствует норма, предусматривающая указанное в заявлении ЗАО СП «Брянксельмаш» действие Комиссии, на соответствие которой Суд должен проводить проверку. Коллегия Суда также сделала

вывод об отсутствии у Суда компетенции по рассмотрению заявления истца в части несоблюдения государством–членом Союза решений органов Союза и возложения на Российскую Федерацию в лице Министерства промышленности и торговли обязанности по предоставлению ЗАО СП «Брянксельмаш» промышленной субсидии в отношении произведенной им техники.

Summary
of case No. CE-3/1-17-KC
(Bryanskselmash CJSC)

Keywords:

ZAO Bryanskselmash (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring the action of the EEC not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union.

Industrial subsidies; agricultural activities – agricultural equipment – specific subsidies – control over the granting of specific subsidies by Member States; authorities of the Commission.

Protocol on the common rules for granting of industrial subsidies (Annex No. 28 to the Treaty) – Recommendations of the Eurasian Economic Commission of July 12, 2016 No. 11 DSP “On some issues regarding the implementation of the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of May 29, 2014 No. 73 DSP “On the order of realisation of technological operations in the manufacture of the industrial goods in the territories of the Member States of the Eurasian Economic Union”.

Order of the Chamber of the Court – Dismissal of the application.

Substance of the case:

Closed Joint-Stock Company Joint Venture “Bryanskselmash” (hereinafter – the claimant, ZAO SP “Bryanskselmash”) applied to the Court for declaring the action of the Eurasian Economic Commission, expressed in its failure to perform its duties, not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, and violating the claimant’s rights and legitimate interests in the area of business and other economic activities. The claimant also asked the Court to consider the demand on non-observance by the Member State of the EAEU of decisions of the EAEU bodies and to oblige the Russian Federation, represented by the Ministry of Industry and Trade, to adopt a decision on granting an industrial subsidy in respect of agricultural equipment, manufactured by ZAO SP “Bryanskselmash”.

On April 17, 2017, the Chamber of the Court dismissed the application. The Chamber of the Court indicated in its Order, that in accordance with the Treaty on the EAEU, the Commission is authorized to regulate and monitor the granting of specific subsidies by the Member States of the EAEU from the date of entry into force of the international treaty, provided for in paragraph 7 of the Protocol on granting of subsidies, but not earlier than January 1, 2017. This international treaty has not been signed by the Member States yet, and at the time of the claimant’s request to the Commission in December 2016, the respective powers have not been assigned to the Commission.

The Chamber of the Court found that there is no rule in the Union law which prescribes the action of the Commission indicated in the application of ZAO SP “Bryanskselmash”, and the compliance with which must be verified by the Court. The Chamber of the Court also

concluded that the Court has no jurisdiction to consider the claimant's application in the part regarding non-observance by the Member State of the EAEU of decisions of the EAEU bodies and to oblige the Russian Federation, represented by the Ministry of Industry and Trade, to grant an industrial subsidy to ZAO SP "Bryanskselmash" in respect of agricultural equipment manufactured by it.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 июня 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Сейтимова В.Х., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Даулиеве Р. Г., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства обращения и положения, требующие разъяснения

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, ЕЭК, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указывается, что в практике работы Комиссии возникают спорные вопросы, связанные с применением положений Договора в случае необходимости изменения или прекращения трудовых правоотношений между сотрудниками Комиссии и Комиссией. К таким вопросам, в частности, заявитель относит изменение или прекращение трудовых правоотношений по инициативе Комиссии, например, при проведении организационно-штатных мероприятий.

В обоснование спорного характера указанных вопросов и необходимости разъяснения соответствующих положений Договора в заявлении приводится следующее.

Согласно императивному, по мнению заявителя, предписанию пункта 3 статьи 9 Договора отбор кандидатов на занятие должностей в департаментах Комиссии осуществляется исключительно на конкурсной основе. Аналогичная по своему содержанию норма, как считает заявитель, закреплена и в пункте 54 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) (далее – Положение о Комиссии), в соответствии с которым департаменты Комиссии комплектуются сотрудниками на конкурсной основе из числа граждан государств-членов, которые отвечают соответствующим квалификационным требованиям к занимаемой должности, утверждаемым Советом Комиссии.

Вместе с тем, как указывает заявитель, в Договоре и Положении о Комиссии не установлены особенности назначения сотрудников на соответствующие их квалификации должности в зависимости от того, является ли назначение на должность

первичным (в случае первоначального приема на работу), либо при необходимости изменения или прекращения трудовых правоотношений, например, в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

Согласно пункту 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору) (далее – Положение) трудовые отношения членов Коллегии Комиссии, судей Суда Евразийского экономического союза, должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм Положения.

Заявитель отмечает, что трудовым законодательством Российской Федерации (государства пребывания Комиссии) установлены определенные гарантии работникам, чьи должности подлежат сокращению при проведении организационно-штатных мероприятий, в частности, обязанность работодателя предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность) либо выплатить ему выходное пособие. Необходимость или возможность проведения при этом конкурсных процедур трудовым законодательством Российской Федерации не установлена. Заявитель ссылается на статьи 81 и 180 Трудового кодекса Российской Федерации, которыми предусмотрена обязанность работодателя предлагать сокращаемому работнику все вакансии, соответствующие его квалификации; в случае, если по каким-либо причинам предложить имеющуюся у работодателя вакансию невозможно, трудовой договор с работником расторгается и ему выплачивается выходное пособие (в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения).

С учетом этих норм заявитель делает вывод о том, что положения пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Комиссии о конкурсном формировании штата не сочетаются с положениями трудового законодательства Российской Федерации, устанавливающего гарантии работнику, должность которого подлежит сокращению, в виде обязанности работодателя предложить ему другую вакантную должность, и при условии согласия работника назначить его на эту должность без проведения каких-либо дополнительных конкурсных процедур.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 46 Статута Суда, Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по вопросу применения положений пункта 3 статьи 9 Договора, в их системной взаимосвязи с нормами пункта 43 Положения в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений (между сотрудниками и Комиссией) и возможности занятия должностей в структурных подразделениях Комиссии без соблюдения требований пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Комиссии.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Евразийского экономического союза (далее – Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (далее – разъяснение).

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Евразийская экономическая комиссия является органом Союза, уполномоченным пунктом 46 Статута Суда на обращение в Суд с заявлением о разъяснении.

Разъяснение положений пункта 3 статьи 9 Договора, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору) и пункта 54 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) входит в компетенцию Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Согласно пункту 2 статьи 10 Регламента Суда заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда.

В силу подпункта в) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителем Комиссии в Суде может выступать Председатель Коллегии Комиссии.

Заявление подписано Председателем Коллегии Комиссии Т. С. Саркисяном, в подтверждение полномочий которого к заявлению приложена аутентичная копия Решения Высшего Евразийского экономического совета №24 от 16 октября 2015 года «О Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии».

Заявителем соблюдены требования пункта 1 статьи 10 Регламента Суда об указании положений Договора, по которым требуется разъяснение, и наличии необходимых реквизитов заявления.

Большая коллегия Суда считает, что заявление ЕЭК о разъяснении соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда, поступило от надлежащего заявителя, указанного в пункте 46 Статута Суда.

Ранее по вопросу, указанному в заявлении Комиссии, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом не принималось.

Основания для отказа в принятии заявления Комиссии о разъяснении к производству, предусмотренные статьей 73 Регламента, отсутствуют.

Руководствуясь пунктами 46, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 12 сентября 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

12 сентября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:

председательствующего Федорцова А. А.,

судьи-докладчика Сейтимовой В.Х.,

судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К. Л.,

при секретаре судебного заседания Даулиеве Р.Г., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика,

руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, ЕЭК, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указывается, что в практике работы Комиссии возникают спорные вопросы, связанные с применением положений Договора в случае необходимости изменения или прекращения трудовых правоотношений между сотрудниками Комиссии и Комиссией. К таким вопросам, в частности, заявитель относит изменение или прекращение трудовых правоотношений по инициативе Комиссии, например, при проведении организационно-штатных мероприятий.

Заявитель полагает, что пункт 3 статьи 9 Договора содержит обязательную норму об отборе кандидатов на занятие должностей в департаментах Комиссии исключительно на конкурсной основе. Аналогично пункт 54 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии) закрепляет, что департаменты Комиссии комплектуются сотрудниками на конкурсной основе из числа граждан государств-членов, которые отвечают соответствующим квалификационным требованиям к занимаемой должности, утвержденным Советом Комиссии.

В заявлении указано, что согласно пункту 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору; далее – Положение о социальных гарантиях) трудовые отношения членов Коллегии Комиссии, судей Суда, должностных лиц и сотрудников регулируются

ются законодательством государства пребывания с учетом норм данного Положения.

Трудовым законодательством Российской Федерации как государства пребывания Комиссии (статьи 81 и 180 Трудового кодекса Российской Федерации), как отмечает заявитель, предусмотрена обязанность работодателя предлагать сокращаемому работнику все вакансии, соответствующие его квалификации; в случае, если по каким-либо причинам предложить имеющуюся у работодателя вакансию невозможно, трудовой договор с работником расторгается и ему выплачивается выходное пособие.

Заявитель делает вывод о том, что положения пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Комиссии о конкурсном формировании штата не сочетаются с положениями трудового законодательства Российской Федерации, устанавливающего гарантии работнику, должность которого подлежит сокращению, в виде обязанности работодателя предложить ему другую вакантную должность, и при условии согласия работника назначить его на эту должность без проведения каких-либо дополнительных конкурсных процедур.

Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по вопросу применения положений пункта 3 статьи 9 Договора, в их системной взаимосвязи с нормами пункта 43 Положения о социальных гарантиях в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений (между сотрудниками и Комиссией) и возможности занятия должностей в структурных подразделениях Комиссии без соблюдения требований пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Комиссии.

II. Компетенция Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Евразийского экономического союза (далее – Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (далее – разъяснение).

Предметная и субъектная юрисдикция Суда в отношении вынесения запрошенного Комиссией консультативного заключения установлена на основании указанной нормы в постановлении Суда от 5 июня 2017 года о принятии к рассмотрению заявления ЕЭК о разъяснении Договора.

III. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда направлены запросы и получены ответы от Министерства юстиции Республики Армения, Министерства юстиции Кыргызской Республики, Министер-

ства труда и социальных вопросов Республики Армения, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, Министерства труда и социального развития Кыргызской Республики, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Института философии, социологии и права Национальной Академии Наук Республики Армения, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Института законодательства Республики Казахстан (при Министерстве юстиции), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Административного трибунала Международной организации труда, Апелляционного трибунала ООН, Генерального директората по управлению персоналом и безопасности Европейской Комиссии, Директората человеческих ресурсов Генеральной дирекции Управления делами Совета Европы.

ЕЭК дополнительно представлены решения Советского районного суда г. Тулы от 08.02.2017 и Хамовнического районного суда г. Москвы от 13.01.2017.

IV. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Суд осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи между собой и с решениями органов Союза, на основе общепризнанных принципов и норм международного права, с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

1. Статьей 9 Договора, пункт 3 которой заявлен к разъяснению, регулируется занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза.

Комиссия относится к постоянно действующим органам Союза и состоит из Совета и Коллегии (статьи 8, 18 Договора). В соответствии с пунктом 54 Положения о Комиссии, обеспечение деятельности Совета Комиссии и Коллегии Комиссии осуществляется департаментами Комиссии; в состав департаментов Комиссии входят должностные лица и сотрудники.

Должностные лица Комиссии, как следует из абзаца 4 статьи 2 Договора, – это граждане государств-членов, назначенные на должности директоров департаментов ЕЭК и заместителей директоров департаментов Комиссии. В соответствии с абзацем 14 статьи 2 Договора сотрудниками являются граждане государств-членов, работающие в органах Союза на основе заключаемых с ними трудовых договоров (контрактов) и не являющиеся должностными лицами.

Пункт 2 статьи 9 Договора регламентирует порядок отбора кандидатов на занятие должностей должностных лиц департаментов Комиссии. Пункт 3 статьи 9 Договора регулирует «отбор кандидатов на занятие других должностей».

Исходя из пункта 2 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Комиссии под другими должностями в пункте 3 статьи 9 Договора имеются в виду должности сотрудников Комиссии. Содержание заявления ЕЭК также свидетельствует, что разъяснению подлежат нормы, касающиеся занятия должностей в Комиссии сотрудниками.

2. Согласно пункту 3 статьи 9 Договора отбор кандидатов на занятие должностей сотрудников в департаментах Комиссии осуществляется ЕЭК на конкурсной основе с учетом долевого участия государств – членов Союза в финансировании Комиссии.

Положения пункта 3 статьи 9 Договора о конкурсном отборе являются общеобязательным правилом, применимым ко всем случаям отбора кандидатов на занятие вакантных должностей сотрудников в департаментах Комиссии.

Договором не установлено особенностей переходного периода по вопросам занятия должностей в департаментах Комиссии: в пункте 3 статьи 99 Договора указано, что замещение вакантных должностей в структурных подразделениях Комиссии осуществляется в порядке, предусмотренном Договором.

Правило о конкурсном отборе не применяется в случаях, установленных специальными актами внутреннего права Союза, принятыми в соответствии со статьей 9 Договора и пунктом 54 Положения о Комиссии.

Частью 8 пункта 54 Положения о Комиссии предусмотрено, что сотрудники Комиссии принимаются на работу на основе трудовых договоров (контрактов), заключаемых с Председателем Коллегии Комиссии. Порядок заключения трудового договора, его продления и основания для его расторжения, утверждается Советом Комиссии (часть 9).

Пункт 3 Порядка заключения трудового договора (контракта), его продления и основания для его расторжения в Евразийской экономической комиссии (далее – Порядок заключения трудового договора), утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии «Вопросы замещения должностей в Евразийской экономической комиссии» от 12.11.2014 № 99 (далее – Решение № 99) предусматривает, что решение по результатам проведения конкурса на замещение вакантной должности сотрудника в структурном подразделении Комиссии является основанием для заключения с победителем трудового договора (контракта).

Исключение допускается пунктом 5 Порядка заключения трудового договора. Председатель Коллегии вправе принять решение о заключении трудового договора (контракта) без прохождения конкурсных процедур:

в отношении должностей должностных лиц (руководителя Секретариата Председателя Коллегии, помощника Председателя Коллегии) и сотрудников Секретариата Председателя Коллегии – самостоятельно;

в отношении должностей должностных лиц секретариатов (руководителей секретариатов, помощников членов Коллегии Комиссии) и сотрудников секретариатов членов Коллегии Комиссии – по представлению соответствующего члена Коллегии Комиссии.

При этом предел усмотрения правоприменителя, санкционированный Договором, ограничен не только специально определенными ситуациями, но и сроками заключаемого контракта. В то время как с лицом, победившим в конкурсе на замещение вакантной должности сотрудника, трудовой договор (контракт) заключается на неопределенный срок, с лицами, не проходившими конкурс, – на период исполнения соответственно Председателем Коллегии и членами Коллегии Комиссии своих полномочий.

3. Применение положений пункта 3 статьи 9 Договора требует уяснения категории «занятие должностей».

Как отмечает заявитель, в Договоре и Положении о Комиссии не установлены особенности назначения сотрудников на соответствующие их квалификации должности в зависимости от того, является ли назначение на должность первичным (в случае первоначального приема на работу), либо при необходимости изменения или прекращения трудовых правоотношений, например, в связи с проведением организационно-штатных мероприятий.

В части 3 пункта 54 Положения о Комиссии указано, что прием на работу сотрудников осуществляется в соответствии со статьей 9 Договора, которая содержит общее предписание о конкурсном отборе. В части 6 пункта 54 Положения о Комиссии установлено, что департаменты Комиссии комплектуются сотрудниками на конкурсной основе из числа граждан государств-членов.

Наряду с этим термином в статье 99 Договора и специальных актах внутреннего права Союза, разработанных в соответствии со статьей 9 Договора и пунктом 54 Положения о Комиссии, употребляется понятие «замещение должностей» (Порядок проведения конкурса на замещение вакантной должности сотрудника в структурном подразделении Евразийской экономической комиссии (приложение к Порядку заключения трудового договора; далее – Порядок проведения конкурса); Квалификационные требования к кандидатам на замещение вакантных должностей должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии, утвержденные Решением № 99).

Системное, грамматическое и телеологическое толкование данных терминов дает Большой коллегии основание заключить, что понятия «занятие должностей» и «замещение должностей» используются в рассматриваемых нормах права Союза как равнозначные по смыслу и объему; при этом способы занятия предшествуют занятию (замещению) должности.

Аналогичная точка зрения выражена в письме Института законодательства Республики Казахстан № 19-05-3/4-4469 от 05.07.2017. По мнению, изложенному в письме Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации № 01-17/14 от 13.07.2017, понятия «занятие должности», «замещение должности» охватывают любые способы и формы независимо от того, назначается лицо на должность впервые либо повторно, независимо от оснований такого перевода либо назначения.

Необходимо учитывать при этом, что в пункте 54 Положения о Комиссии содержится предписание о комплектации департаментов Комиссии на конкурсной основе сотрудниками, которые соответствуют квалификационным требованиям к занимаемой должности, утвержденным Советом Комиссии.

В консультативном заключении по делу по заявлению сотрудников ЕЭК от 3 июня 2016 года Судом отмечено, что соответствие сотрудника квалификационным требованиям, предъявляемым к замещаемой должности, определяется с учетом требований трудового договора (контракта), умений, профессиональных навыков и опыта работы в соотношении их с замещаемой им должностью. «Требование» как таковое означает долженствование, обязательность соответствовать, на что обращено

внимание в консультативном заключении по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь от 4 апреля 2017 года.

Согласно части второй пункта 14 Порядка проведения конкурса конкурс заключается в сравнительной оценке профессионального уровня кандидатов и их соответствия квалификационным требованиям и дополнительным требованиям (при наличии); при этом конкурсной комиссией устанавливается единая для всех кандидатов форма оценки при проведении конкурса.

С этих позиций укомплектование на конкурсной основе означает заполнение вакантных мест путем конкурсного отбора независимо от способа занятия должности – первичного или последующего.

Иное толкование, по мнению Большой коллегии Суда, затруднит принятие в Комиссию новых высококвалифицированных кадров, что противоречит принципу эффективности функционирования международной организации.

Предоставление новой вакантной должности, открытой к конкурсу, сотруднику Комиссии без прохождения такого конкурса означало бы нарушение прав иных потенциальных претендентов на должность.

Большая коллегия Суда считает, что занятие должностей (замещение должностей) на конкурсной основе подразумевает не только первичный прием на работу, но и любое перемещение в должностях. Таким образом обеспечивается найм наиболее квалифицированного персонала и проверка соответствия всех сотрудников требованиям, установленным в отношении замещаемых должностей.

4. Большая коллегия Суда обращает внимание на то, что избрание по конкурсу предшествует заключению трудового договора с сотрудником. Согласно пункту 3 Порядка заключения трудового договора решение по результатам проведения конкурса на замещение вакантной должности сотрудника в структурном подразделении Комиссии является основанием для заключения с победителем трудового договора (контракта).

В соответствии с пунктом 4 Порядка заключения трудового договора конкурс на замещение вакантной должности сотрудника проводится согласно Порядку проведения конкурса. Пункт 15 Порядка проведения конкурса устанавливает, что решение по результатам проведения конкурса принимается конкурсной комиссией и является основанием для назначения победившего в конкурсе кандидата на вакантную должность сотрудника.

Изложенное позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод, что по общему правилу трудовые отношения между Комиссией и сотрудниками структурных подразделений ЕЭК возникают на основании трудового договора (контракта) в результате отбора по конкурсу на замещение соответствующей должности с определенными квалификационными требованиями.

5. В связи с тем, что интересующая заявителя ситуация указана как изменение или прекращение трудовых правоотношений по инициативе Комиссии при проведении организационно-штатных мероприятий, необходимо установление сферы применения разъясняемых норм.

Объем понятия «организационно-штатные мероприятия», так же как и сам термин, в праве Союза не определены, равно как и в законодательстве государств-членов Союза.

Данный термин используется в некоторых актах судов государств-членов Союза, в частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 16.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Чеботарского»; к организационно-штатным мероприятиям в нем относится, в том числе, сокращение численности или штата сотрудников.

Во внутренних актах международных организаций отсутствует термин «организационно-штатные мероприятия» и употребляются такие понятия как «упразднение должности» или «сокращение штата (численности) сотрудников» (подпункт «i» пункта «а» Положения 9.3 Правил о персонале и положений о персонале Организации Объединенных Наций от 01.01.2014 года (*Staff Rules and Staff Regulations of the United Nations 2014, Regulation 9.3 a) (i)*); статья 41 Положения о персонале для служащих ЕС, установленного Регламентом № 31 для ЕЭС и № 11 для ЕАЭС (в редакции Регламента (ЕС) № 423/2014 от 16.04.2014 года) (*Staff Regulations of Officials of the European Union laid down by Regulation № 31 (EEC), 11 (EAEC) amended by Regulation (EU) № 423/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014, Article 41*); правило 4.02.2 положения 4.02 Положений и правил о персонале ОБСЕ, в редакции от 01.01.2017 года (*OSCE Staff Regulations and Staff Rules 2016, Rule 4.02.2 Regulation 4.02*).

Под организационно-штатными мероприятиями, как правило, подразумевают изменение штатного расписания путем сокращения штатной численности, отдельных должностей, в некоторых случаях – структурные изменения, реорганизацию, ликвидацию (письмо Института законодательства Республики Казахстан от 05.07.2017 № 19-05-3/4-4469, письмо Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 13.07.2017 № 01-17/14).

Следовательно, понятие организационно-штатные мероприятия является общим по отношению к сокращению численности или штата сотрудников. Большая коллегия Суда исходит из того, что сокращение численности – это уменьшение количества сотрудников, сокращение штата – изменение штатного расписания за счет ликвидации определенных должностей.

В соответствии с положениями части второй пункта 10 Порядка заключения трудового договора одним из оснований расторжения трудового договора (контракта) является изменение структуры и (или) штатной численности структурных подразделений Комиссии и сокращение должности (должностей) в структурных подразделениях Комиссии, осуществляемые по решению Совета Комиссии.

С учетом изложенного, указанные случаи по существу относятся к организационно-штатным мероприятиям, связанным с прекращением трудовых отношений по инициативе Комиссии.

6. Проведение организационно-штатных мероприятий в силу описанных характеристик данного явления, как правило, сопровождается необходимостью высвобождения сотрудников.

Большая коллегия Суда полагает необходимым отметить в связи с этим, что сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала. Это подтверждено наличием стандартных положений такого рода в правилах для персонала международных организаций (например, подпункт «i» пункта «а» Положения 9.3 Правил о персонале и положений о персонале Организации Объединенных Наций от 01.01.2014 года (*Staff Rules and Staff Regulations of the United Nations 2014, Regulation 9.3 a) (i)*), а также международной судебной практикой.

Вместе с тем, Большая коллегия Суда считает необходимым указать, что дискреция организации имеет свои пределы, обусловленные критериями обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) сотрудникам.

Обоснованность как критерий принятия решений о сокращении положена в основу решения Административного трибунала МОТ № 1231 по делу *Yves Richard v. the International Criminal Police Organization (Interpol)* (пункт 23).

Критерий объективности использован Административным трибуналом МОТ в решениях № 334 по делу *Mr. Celal Caglar v. the International Telecommunication Union (ITU)* (пункт 5), № 807 по делу *Mr. Victor Pereira da Cruz v. the Interim Commission for the International Trade Organization/General Agreement on Tariffs and Trade (ICITO/GATT)* (пункты 16 и 17), а также Судом Европейского Союза в решении по делу *C-131/82 - Angelini v Commission*, ECLI:EU:C:1983:249 (пункт 10).

Недискриминационная основа, обоснованность, законность упоминаются как критерии пределов дискреции в решениях Административного трибунала ООН (пункт VII решения № 981, *Masri*, пункт X решения № 1163, *Seaforth*).

Принцип недискриминации провозглашен в Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий от 25 июня 1958 года (далее – Конвенция № 111), участниками которой являются 175 государств, в том числе все государства-члены Союза; нормы Конвенции № 111 относятся, тем самым, к праву, применимому при отправлении правосудия в рамках Союза, как общепризнанные нормы, а также как международный договор, участниками которого являются государства-члены. Указанный принцип тесным образом связан с принципом равенства перед законом и правом на равную, без всякого различия, защиту закона, равную защиту от дискриминации, закрепленным Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 года (статья 7).

Исключением из принципа равенства являются случаи правомерной дискриминации, когда та или иная группа лиц выделяется в качестве бенефициара каких-либо льгот, на основании особой уязвимости своего положения. Необходимо учитывать, однако, что и в основе привилегий для таких лиц лежит равенство как основа трудового статуса, как, например, для приравненных категорий лиц в Союзе, в соответствии с пунктами 18, 48 Положения о социальных гарантиях.

Запрещение дискриминации и/или равенство прав и возможностей работников закреплено во всех трудовых кодексах государств-членов Союза (статья 3 Трудового

кодекса Армении, статья 14 Трудового кодекса Республики Беларусь, статья 4 Трудового кодекса Республики Казахстан, статья 9 Трудового кодекса Кыргызской Республики, статья 2 Трудового кодекса Российской Федерации).

Проверка законности сокращения численности или штата работников описана как алгоритм действий судов и в правоприменительных актах государств-членов Союза (пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 28 ноября 2013 года № 11, пункт 11 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 19 декабря 2003 года № 9).

На стабильность, как основу международной гражданской службы ссылается Административный трибунал ООН (пункт 2 решения № 29, *Gordon*).

Обязанности органов управления организации по соблюдению установленных гарантий при сокращении штатных единиц (упразднении должностей) дифференцируются в зависимости от внутренних правил о персонале: например, уведомление о возможных вакансиях, на которые может претендовать сотрудник, чья должность подпадает под сокращение (решение Административного трибунала МОТ № 2902 по делу *Mr. E. A. v. the United Nations Industrial Development Organization (UNIDO)*, пункт 14), предложение прохождения конкурса и квалификационный отбор на новые должности при реформировании структуры (решение Административного трибунала МОТ № 1787 по делу *Mr. Marco Antonio Gramigna v. the International Organization for Migration (IOM)*, пункт 1).

С учетом приведенных подходов Большая коллегия Суда, давая разъяснение, исходит из того, что при проведении ЕЭК организационно-штатных мероприятий должен обеспечиваться баланс институциональных интересов, с одной стороны, и прав и гарантий сотрудников, с другой:

сокращение численности или штата, структурные преобразования должны происходить на недискриминационной основе с учетом обоснованности таких мероприятий и на основании предусмотренного правового акта;

в случаях прекращения трудовых отношений с сотрудниками необходимо соблюдать установленные гарантии и обеспечить защиту социально-трудовых прав высвобождаемых (сокращаемых) сотрудников.

7. В разъясняемых нормах права Союза содержатся отсылки к национальному законодательству. Помимо указания в части 2 пункта 10 Порядка заключения трудового договора специальных оснований расторжения трудового договора, часть 1 данного пункта отсылает к законодательству государства пребывания Комиссии, регулирующему трудовые отношения, в том, что касается оснований прекращения (расторжения) трудового договора. Пункт 2 данного Порядка также содержит отсылку к законодательству государства пребывания Комиссии по вопросам заключения, продления и расторжения трудового договора. При этом предписывается учитывать нормы Положения о социальных гарантиях.

Согласно пункту 43 Положения о социальных гарантиях, заявленного к разъяснению, трудовые отношения сотрудников ЕЭК, равно как и должностных лиц ЕЭК и Суда, регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм данного Положения.

В связи с тем, что отсылка к национальному законодательству содержится в самом Договоре, нормы которого регламентируют основания возникновения и изменения трудовых отношений с участием сотрудников Комиссии, специфику их трудовых функций и объем специальной правосубъектности (статьи 9, 99 Договора, пункт 54 и др. Положения о Комиссии), Большая коллегия Суда считает, что нормы законодательства государства пребывания ЕЭК как органа Союза применяются к тем элементам трудового статуса сотрудников Комиссии, которые не урегулированы правом Союза.

При этом немаловажным является то, что государства-члены Союза, согласно абзацу третьему преамбулы Договора, руководствуются необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этом отношении права и гарантии, которыми субъекты наделяются в силу отсылки к национальному праву, направлены на контекстную реализацию основных прав и свобод. Соответственно, элементы трудового статуса сотрудников органов Союза, которые не урегулированы правом Союза и к которым применяются нормы национального законодательства, базируются на основополагающих нормах-целях, нормах-принципах учредительных актов Союза.

Национальные нормы применимы к трудовым отношениям с участием органов Союза в пределах, установленных правом Союза. В этой связи Большая коллегия Суда исходит из приоритета норм Договора.

С данным утверждением корреспондируют нормы части второй статьи 10 и статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которым «если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора», «на территории Российской Федерации правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием международных организаций, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

В этом же контексте сформировано трудовое законодательство других государств-членов, компаративный анализ которого Большой коллегией Суда осуществляется исходя из потенциальной возможности каждого из государств быть определенным, в настоящем (Республика Беларусь – в отношении Суда) или будущем, в качестве государства пребывания органа Союза. Приоритет международных договоров в целом, и в том числе Договора, над нормами трудовых кодексов устанавливается в статье 9 Трудового кодекса Армении, части 2 статьи 8 Трудового кодекса Республики Беларусь, пункте 3 статьи 2 Трудового кодекса Республики Казахстан, части 3 статьи 3 Трудового кодекса Кыргызской Республики.

Приоритет норм Положения о социальных гарантиях как неотъемлемой части Договора состоит в том, что установленная в пункте 43 Положения о социальных гарантиях, пунктах 2 и 10 Порядка заключения трудового договора отсылка к национальному законодательству действует с учетом норм указанного Положения.

Данный приоритет Большая коллегия Суда рассматривает с позиций изъятий, обусловленных международно-правовым статусом Комиссии и сотрудников.

8. Согласно пункту 2 Положения о социальных гарантиях сотрудники ЕЭК, как органа Союза, являются международными служащими; при выполнении своих полномочий (исполнении должностных (служебных) обязанностей) они не должны запрашивать или получать указания от органов государственной власти или официальных лиц государств-членов. Следовательно, применимость к сотрудникам Комиссии норм законодательства государства пребывания, регулирующих трудовые отношения, должна определяться в том числе с учетом их правового статуса международных служащих.

Приоритет права Союза в вопросах регулирования внутрисоюзных правоотношений важен и с точки зрения независимого исполнения функций органами Союза и базовой характеристики деятельности международной организации – функционального иммунитета, присущего в силу правовой природы международной организации как субъекта международного права.

Органы Союза, как международной организации региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, пользуются иммунитетом, поскольку это предусмотрено Договором и международными соглашениями с государствами пребывания.

Таким образом, иммунитет органов Союза имеет договорную основу и предоставлен им государствами-членами в силу функциональной необходимости.

Согласно нормам Положения о социальных гарантиях, имущество и активы ЕЭК, как органа Союза, пользуются иммунитетом от любой формы административного или судебного вмешательства, за исключением случаев, когда Союз сам отказывается от иммунитета (пункт 4).

Положениями абзаца 1 статьи 12 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссии об условиях пребывания Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации от 8 июня 2012 года установлено, что имущество Комиссии, находящееся на территории Российской Федерации, неприкосновенно и не подлежит обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации и какой-либо другой форме вмешательства путем исполнительных, административных или судебных действий, за исключением случаев, когда Комиссия сама отказывается от иммунитета.

9. Нормы Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующие расторжение трудового договора в связи с сокращением численности или штата, содержат положения о предоставлении работникам, чьи должности сокращаются, ряда гарантий: выходные пособия (статья 178), преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников (статья 179), предложение вакантных должностей (часть первая статьи 180), предварительное предупреждение об увольнении (часть вторая статьи 180), дополнительная компенсация при расторжении трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении (часть третья статьи 180).

В целом аналогичные гарантии присущи правовому регулированию и в других государствах-членах (статьи 113, 129 Трудового кодекса Республики Армения, статьи 43, 45, 48 Трудового кодекса Республики Беларусь, статья 53 Трудового кодекса Республики Казахстан, статья 85 Трудового кодекса Кыргызской Республики).

Схожая нормативная практика сложилась и в региональных интеграционных объединениях (например, часть 4 статьи 64 Регламента Генерального секретариата Андского сообщества, утвержденного Резолюцией Генерального секретариата Андского сообщества № 279 от 07.09.1999 (*Reglamento Interno de la Secretaria General, Resolucion 279 07/09/1999, Artículo 64*)).

Предмет рассматриваемого обращения Комиссии в Суд касается гарантии, предусмотренной частью первой статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации об обязанности работодателя при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников организации предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность).

Порядок реализации данной гарантии предусмотрен в общей норме части 3 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которой увольнение по указанному основанию допускается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья.

Большая коллегия Суда, исходя из позиций, высказанных в пунктах 7 и 8 настоящего Консультативного заключения, приходит к выводу, что к сотрудникам ЕЭК приведенные нормы Трудового кодекса Российской Федерации не могут быть применимы, поскольку это обусловлено особым порядком занятия (замещения) должностей, основанном на конкурсном отборе. Нормативно установленная необходимость прохождения конкурса делает перевод на другую имеющуюся в департаментах Комиссии должность невозможным без прохождения конкурсного отбора.

Большая коллегия Суда отмечает, что действия органа международной организации должны быть направлены на максимальное и добросовестное выполнение обязательств по отношению к высвобождаемым сотрудникам, однако при этом они не могут выходить за рамки компетенции.

Действия Комиссии, таким образом, считаются выполненными добросовестно (*bona fide*) в пределах, установленных правом Союза, в соответствии с предусмотренной компетенцией. ЕЭК не вправе переводить на вакантные должности сотрудников структурных подразделений Комиссии, занимаемые по конкурсу, без прохождения общеобязательной процедуры конкурса, открытой для участия и других кандидатов.

10. В рамках разъяснения пункта 43 Положения о социальных гарантиях, с учетом правового статуса сотрудников ЕЭК, как международных служащих, Большая коллегия Суда обращает внимание, что в праве международных организаций, как правило, предусмотрено либо проведение внутренних конкурсов, открытых только для сотрудников международной организации (например, статьи 4 и 29 Положения о персонале для служащих ЕС, установленном Регламентом № 31 ЕЭС и № 11 для ЕАЭС (в редакции Регламента (ЕС) № 423/2014 от 16.04.2014 года) (*Staff Regulations of Officials of the European Union laid down by Regulation № 31 (EEC), 11 (EAEC), amended by Regulation (EU) №423/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014, Articles 4, 29*), либо приоритетное право на оставление на службе в зависимости от условий назначения, срочности контрактов, компетентности и иных факторов (на-

пример, подпункт «е» Правила 9.6 и подпункт «d» Правила 13.1 Правил о персонале ООН и положений о персонале ООН от 01.01.2014 (*Staff Rules and Staff Regulations of the United Nations 2014, Rules 9.6 (e) and 13.1(d)*). Соответственно позиция добросовестного выполнения органами управления международной организации по отношению к высвобождаемым сотрудникам дополняется обязанностью по соблюдению приоритетного положения штатных сотрудников (подпункты 53, 58 пункта 90 решения Трибунала по спорам ООН № UNDT/2016/204 *Nakhlawi*).

De lege lata (с точки зрения закона действующего, существующего) в праве Союза такие механизмы в настоящее время не предусмотрены.

De lege ferenda (с точки зрения закона, издание которого желательно) установление таких положений в праве Союза обеспечило бы преемственность и стабильность международной службы.

11. Изложенное позволяет Большой коллегии Суда заключить следующее:

Применение конкурсных процедур для отбора на должности сотрудников департамента Комиссии является обязательным во всех ситуациях, в том числе в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений между указанными сотрудниками и Комиссией.

12. При этом Большая коллегия Суда считает необходимым отметить целесообразность развития внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза и последовательный уход от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом.

Отсылка к национальному регулированию трудовых отношений правомерна постольку, поскольку согласована и закреплена государствами-членами в учредительном акте созданной ими международной организации.

В случае, когда отсылка к национальному законодательству будет применима к нескольким государствам-членам Союза (например, государствам пребывания различных органов Союза), правовое регулирование трудовых отношений внутренним законодательством может привести к дифференциации и отличиям правового статуса лиц, занимающих равнозначные и аналогичные должности сотрудников, поскольку национальное трудовое законодательство не унифицировано. Это нарушит принцип равенства, единства правового регулирования, принцип эффективности функционирования международной организации.

В Консультативном заключении Суда по делу по заявлению сотрудников ЕЭК от 3 июня 2016 года указывается, что внутреннее право международной организации в части регулирования отношений по вопросам международной гражданской службы направлено на исключение влияния на служащего национального права, вследствие чего обеспечивается независимость соответствующего служащего при принятии им решений; во внутреннем праве международных организаций необходимо закрепление норм, охватывающих максимальный круг отношений по вопросам несения службы.

Следуя принципу преемственности правоприменительной практики, Большая коллегия Суда придерживается приведенной позиции в качестве основополагающей для формирования эффективной международной гражданской службы в рамках Союза и развития Союза как международной организации.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.
Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

А. А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э. В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Д. Г. Колос
Т. Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г. А. Скрипкина
А. Э. Туманян
К. Л. Чайка

Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 года

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/1-17-БК)

город Минск

12 сентября 2017 года

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, ЕЭК, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Комиссия, руководствуясь пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), просила Суд вынести консультативное заключение по вопросу применения положений пункта 3 статьи 9 Договора в их системной взаимосвязи с нормами пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору; далее – Положение) в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений (между сотрудниками и Комиссией) и возможности занятия должностей в структурных подразделениях Комиссии без соблюдения требований пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 54 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии).

Не соглашаюсь с выводами консультативного заключения и в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение.

В настоящем деле Суду требовалось установить пределы действия национального законодательства при регулировании трудовых отношений в наднациональной организации, Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз), а также разъяснить отдельные вопросы реализации субъективных прав международных гражданских служащих в Союзе.

Ключевым являлся вопрос, применимы ли гарантии увольняемому международному служащему, предусмотренные трудовым законодательством Российской Федерации, и при каких условиях национальное законодательство Российской Федерации вводится в право Союза. К сожалению, четко Суд на эти вопросы не ответил.

Истолкованию подлежал пункт 43 Положения, согласно которому трудовые отношения членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм данного Положения.

Суд должен был оценить общую коллизионную отсылку к национальному законодательству, содержащуюся в Положении, с учетом принципа функционального иммунитета международной организации, закрепленного в иных статьях. Суду следовало выяснить, позволяет ли принцип международного права и права международных организаций автоматическое действие национального законодательства в праве Союза через закрепление общей отсылки.

Международные служащие обладают широким кругом привилегий и иммунитетов, поэтому автоматическое применение гарантий из национального права к таким служащим недопустимо. Такие гарантии применимы, если отсылка к ним носит не общий характер, но конкретизирована в правовой системе Союза: в Договоре, решениях органа Союза или в трудовом контракте и т.д.

Такой подход сформировался в международном праве в связи с появлением международных организаций, в праве которых существуют правила, согласно которым трудовые отношения служащих международных организаций регулируются не национальным законодательством, а международным правом и правом международных организаций. Данный подход признается государствами и основывается на том, что международная гражданская служба имеет свои особенности, а должностные лица и сотрудники должны иметь возможность осуществлять свои полномочия независимо, не руководствуясь особенностями политики отдельных государств, включая вопросы регулирования трудовых правоотношений. В случае регулирования вопросов несения службы в международной организации национальным законодательством какого-либо из государств данное государство осуществляло бы свою юрисдикцию по регулированию отношений, возникающих вследствие несения службы в рамках независимого субъекта международного права – международной организации. Последнее противоречит принципу функционального иммунитета международной организации, закрепленному как в общем международном праве (раздел 14 статьи IV Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных наций от 13 февраля 1946 года), так и учредительных документах организаций и т.д.

Соответственно, правовое регулирование функционирования аппаратов международных организаций в настоящее время осуществляется на основании учредительных договоров международных организаций, международных обычаев, положений о привилегиях и иммунитетах, соглашений об условиях пребывания органов организаций в соответствующем государстве, а также правил внутреннего распорядка организаций (Staff Rules), принимаемых самими международными организациями или их органами. Такие акты регулируют широкий круг отношений, возникающих в ходе работы международных организаций, включая трудовые правоотношения.

Из сказанного следует, что регулирование отношений несения службы в международных организациях международным правом и правом международных организаций предполагает, что государства признают неподчинение международных организаций национальному правопорядку в контексте внутреннего функционирования последних, а также международную правосубъектность международных организаций, то есть их способность независимо от государств-членов приобретать права и нести обязанности.

Нормы, регулирующие трудовые отношения, возникающие в ходе службы в органах Союза, закреплены в Договоре, Положении, Соглашении между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссией об условиях пребывания Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации от 8 июня 2012 года, Соглашении между Евразийским экономическим союзом и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь от 29 апреля 2016 года и актах органов Союза.

При этом пунктом 43 Положения установлено, что трудовые отношения членов Комиссии, судей Суда, должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм Положения.

Следовательно, нормы права, регулирующие трудовые правоотношения, возникающие в ходе несения службы в органах Союза, содержатся в праве Союза. Таким образом, нормы национального законодательства государства пребывания соответствующего органа Союза вводятся лишь актами Союза (статья 6 Договора).

Правила толкования международных договоров, содержащиеся в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), предполагают, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Применение пункта 1 статьи 31 Венской конвенции позволяет разъяснить, что пункт 43 Положения устанавливает, что нормы национального законодательства должны применяться таким образом, чтобы исключить возможность коллизий между национальным законодательством и правом Союза ввиду разницы в предмете их правового регулирования, а также ввиду особенностей статуса Союза и его служащих.

Так, трудовое законодательство государства пребывания принималось для регулирования трудовых правоотношений в рамках юрисдикции одного государства (при осуществлении деятельности в национальных государственных органах, юридических лицах). Однако трудовая деятельность в наднациональной организации предполагает наличие особых полномочий и компетенций, закрепленных государствами-членами Союза в нормах международного права, требующих от должностных лиц и сотрудников органов Союза исполнения публичных функций в интересах объединения государств. Процесс создания международной организации, включая создание ее аппарата, есть процесс международный по своей сути, в котором участвуют несколько суверенных образований, объединенных единым интересом. Аппарат международной организации при этом является инструментом, обеспечивающим функционирование соответствующей международной организации, а его служащие обладают гарантиями, привилегиями и иммунитетами, установленными правом Союза, предоставляемыми международным служащим с целью исключения какого-либо влияния со стороны государств на принимаемые ими решения.

Суду следовало исходить из того, что согласно пункту 1 статьи 1 Договора государства-члены учреждают Евразийский экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. В силу пункта 2 статьи 1 Договора Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора органами Союза являются Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд Евразийского экономического союза.

В силу пункта 1 статьи 18 Договора Комиссия является постоянно действующим регулирующим органом Союза. Согласно пункту 56 Положения о Комиссии должностные лица и сотрудники Комиссии являются международными служащими.

Согласно пункту 3 Положения каждое государство-член обязуется неукоснительно уважать международный характер полномочий членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников и не оказывать на них влияния при исполнении ими служебных обязанностей. Положение также устанавливает гарантии, привилегии и иммунитеты, предоставляемые международным служащим.

Согласно подпункту 16) пункта 2 статьи 12 Договора Высший Евразийский экономический совет утверждает общую штатную численность органов Союза, параметры представленности должностных лиц из числа граждан государств-членов в органах Союза, направляемых по представлению государств-членов на конкурсной основе.

Взаимосвязанное прочтение приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что государства-члены подчеркивают особый статус международных служащих Комиссии, из чего следует, что автоматическое применение законодательства одного из государств к трудовым правоотношениям международных служащих невозможно, вследствие чего правоприменительным органам следует устанавливать баланс между правопорядком Союза и национальным правопорядком в конкретной ситуации. При этом в случае установления противоречия между нормами права Союза и национальным законодательством применению подлежит право Союза, поскольку международные служащие призваны обеспечивать функционирование независимого субъекта международного права, международную организацию, а их статус исчерпывающим образом урегулирован правом Союза, в особенности, процесс замещения вакантных должностей.

При этом согласно абзацу второму пункта 56 Положения о Комиссии при исполнении своих служебных обязанностей должностные лица и сотрудники Комиссии независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов и не могут запрашивать или получать указания от органов власти или должностных лиц государств-членов.

В то же время пунктом 25 Положения установлено, что сотрудники не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых при непосредственном выполнении ими служебных обязанностей, кроме случаев предъявления:

1) исков о возмещении ущерба в связи с дорожно-транспортным происшествием, вызванным транспортным средством, принадлежащим сотруднику либо управлявшимся им;

2) исков в связи со смертью или телесным повреждением, вызванными действиями сотрудников.

Последнее особо подчеркивает иммунитет международных служащих и является важнейшей гарантией их статуса. Таким образом, трудовые гарантии международных служащих носят международный характер и закрепляются в праве международных организаций.

Указанные нормы позволяют заключить, что с точки зрения Договора законодательство государства пребывания применяется к трудовым правоотношениям с уча-

ствием членов Комиссии, судей Суда Евразийского экономического союза, должностных лиц и сотрудников ограничено, то есть в том случае, если оно соответствует нормативным предписаниям, закрепленным в праве Союза, и если оно не содержит дополнительных гарантий.

Из сказанного следует, что Суду требовалось установить, возможно ли применение норм статей 81, 180 Трудового кодекса Российской Федерации в части обязанности работодателя в случае проведения организационно-штатных мероприятий предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность) либо выплатить ему выходное пособие (в размере среднего месячного заработка с сохранением среднего месячного заработка на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения) без проведения конкурсных процедур, предусмотренных пунктом 3 статьи 9 Договора и пунктом 54 Положения о Комиссии.

Действующее право Союза не возлагает на Комиссию обязанность предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность) либо выплатить ему выходное пособие (в размере среднего месячного заработка с сохранением среднего месячного заработка на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения) без проведения конкурсных процедур. Однако *de lege ferenda* отмечаю, что право Союза не содержит каких-либо запретов на установление специальных правил и гарантий для служащих Союза на случай проведения организационно-штатных мероприятий с учетом императивных предписаний норм права Союза, включая выплаты пособий или создания резерва кадров Союза. Такие гарантии могут быть предусмотрены решением органа самого Союза на случай наступления для должностных лиц и сотрудников Союза негативных последствий при проведении организационно-штатных мероприятий.

В то же время пунктом 54 Положения о Комиссии установлено общее правило, согласно которому департаменты Комиссии комплектуются сотрудниками на конкурсной основе из числа граждан государств-членов, которые отвечают соответствующим квалификационным требованиям к занимаемой должности, утверждаемым Советом Комиссии.

При этом пункт 3 статьи 9 Договора предусматривает, что отбор кандидатов на занятие других должностей в департаментах Комиссии осуществляется ЕЭК на конкурсной основе с учетом долевого участия Сторон в финансировании Комиссии.

В таком контексте применение национального законодательства исключается, ибо применение статьи 181 Трудового кодекса Российской Федерации предполагает, что Комиссия обязана предоставить работнику соответствующую должность на основе нормы законодательства одного из государств, без учета основополагающих норм права Союза касательно формирования аппарата на конкурсной основе и долевого участия государств в бюджете Союза, что невозможно с точки зрения Договора, сущности международной гражданской службы, а также процесса установления гарантий, привилегий и иммунитетов международным гражданским служащим (согласно нормам международного права).

Суд оставил без внимания тот факт, что защита субъективных прав, гарантированных сотрудникам органов Союза международными договорами и национальным законодательством, должна осуществляться с учетом особенностей статуса Союза

как международной наднациональной организации, в частности правил о юрисдикционном иммунитете, закрепленных в международном обычае, праве Союза, национальном процессуальном законодательстве.

В настоящее время международное право и практика государств исходит из того, что международные организации пользуются юрисдикционными иммунитетами для целей выполнения своих функций, но не пользуются таковыми при участии в обычном гражданском обороте. В частности, суды выработали правовую позицию, согласно которой международные организации не обладают абсолютным юрисдикционным иммунитетом, но обладают функциональным, благодаря чему государственные суды рассматривают споры, возникающие из гражданских правоотношений, в которых международные организации являются ответчиками (*acta jura gestionis*), но отказываются рассматривать споры, в которых заявители оспаривают действия международной организации, выполняемые вследствие возложенных на нее функций (*acta jura imperii*). При этом национальные судебные органы отказывают в рассмотрении споров международных гражданских служащих с международными организациями в случае, если предметом рассмотрения в суде становятся вопросы функционирования организации, в том числе в вопросе увольнения сотрудников, поскольку указанные ситуации связаны с реализацией международными организациями своих функций.

Право Союза также устанавливает иммунитеты Союза, предоставленные ему с целью исполнения им своих функций. В частности, пункты 4-7 Положения предусматривают, что имущество и активы органов Союза пользуются иммунитетом от любой формы административного или судебного вмешательства, за исключением случаев, когда Союз сам отказывается от иммунитета. Помещения органов Союза, а также их архивы и документы, в том числе служебная корреспонденция, вне зависимости от места нахождения, не подлежат обыску, реквизиции, конфискации или любой другой форме вмешательства, препятствующего нормальной деятельности этих органов. Представители соответствующих органов государственной власти и управления государства пребывания не могут вступать в помещения органов Союза иначе как с согласия Председателя Коллегии Комиссии, Председателя Суда Союза или лиц, их замещающих, и на условиях, ими одобренных, за исключением случаев пожара или других обстоятельств, требующих безотлагательных мер защиты. Исполнение любых действий по решению соответствующих органов государственной власти и управления государства пребывания может иметь место в помещениях органов Союза только с согласия Председателя Коллегии Комиссии, Председателя Суда Союза или лиц, их замещающих.

При этом Суду следовало отметить, что в силу статьи 12 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссией об условиях пребывания Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации от 8 июня 2012 года государство пребывания не вправе лишать Комиссию иммунитета, в то время как Комиссия может от него отказываться самостоятельно.

Данные правила распространяются на споры между должностными лицами, сотрудниками Комиссии и лицами, ранее занимавшими соответствующие должности

в Комиссии. Следовательно, указанные споры не являются подсудными национальным судебным органам государства пребывания Комиссии, а также какого-либо государства Союза. В развитие этого положения Договор предусматривает иную форму разрешения конфликтов в Союзе – вынесение Судом консультативного заключения по вопросу трудовых правоотношений и разрешение конфликта на основе предписания Суда в органах Союза с учетом принципа функционального иммунитета. Впоследствии возможно развитие процедуры в судебную, аналогичную той, которая сформировалась в Европейском союзе в настоящее время. Иной подход может привести к невозможности выполнения международной организацией возложенных на нее функций.

С учетом того, что в международном праве сформировалась норма о том, что в отсутствие механизма обжалования решений соответствующих органов публичной власти государства несут обязанность создать соответствующий юрисдикционный орган, обладающий полной компетенцией по рассмотрению такой категории дел, Суду следовало заключить, что указанная категория дел входит в его компетенцию в процедуре консультативного заключения.

Вывод

Учитывая принцип функционального иммунитета международной организации, следует сделать вывод, что все гарантии, привилегии и иммунитеты международных служащих Союза установлены в праве Союза, а применение дополнительных гарантий, содержащихся в национальном законодательстве, возможно в случае указания на такие гарантии в праве Союза согласно статье 6 Договора. Отказ от иммунитетов возможен лишь в порядке, предусмотренном Договором.

Гарантии, установленные статьями 80, 181 Трудового кодекса Российской Федерации, не применяются к международным служащим Союза при отсутствии указания на то в праве Союза.

Судья

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по делу № СЕ-2-2/1-17-БК
(разъяснение по запросу Евразийской экономической комиссии)

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пункта 3 статьи 9 Договора и пункта 43 Положения о социальных гарантиях.

Изменение или прекращение трудовых отношений по инициативе Комиссии; проведение организационно-штатных мероприятий – необходимость проведения конкурса – гарантии работникам; возможность предоставления иной должности без проведения конкурса.

Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору); Положение о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору); Трудовой кодекс Российской Федерации.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора о Евразийском экономическом союзе.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении пункта 3 статьи 9 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, предусматривающего замещение должностей в департаментах Комиссии на конкурсной основе, в системной взаимосвязи с пунктом 43 Положения о социальных гарантиях (Приложение № 32 к Договору о Союзе), согласно которому регулирование трудовых отношений сотрудников органов Союза осуществляется законодательством государства пребывания. Вопрос Комиссии касался применения вышеуказанных положений в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений между сотрудниками и Комиссией и возможности занятия должностей в структурных подразделениях Комиссии без соблюдения требований пункта 3 статьи 9 Договора о проведении конкурса.

В своем консультативном заключении от 12 сентября 2017 года большая Коллегия Суда указала, что применение конкурсных процедур для отбора на должности сотрудников департамента Комиссии является обязательным во всех ситуациях, в том числе в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений между указанными сотрудниками и Комиссией. Суд посчитал, что иное толкование затруднит принятие в Комиссию новых высококвалифицированных кадров, что противоречит принципу эффективности функционирования международной организации. Предоставление новой вакантной должности, открытой к конкурсу, сотруднику Комиссии без прохождения такого конкурса означало бы нарушение прав иных потенциальных претендентов на должность.

Вместе с тем Большая Коллегия Суда отметила целесообразность развития внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза и последовательный уход

от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом. Суд пришел к выводу, что во внутреннем праве международных организаций необходимо закрепление норм, охватывающих максимальный круг отношений по вопросам несения службы. Данная позиция является основополагающей для формирования эффективной международной гражданской службы в рамках Союза и развития Союза как международной организации.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Положения пункта 3 статьи 9 Договора о конкурсном отборе являются общеобязательным правилом, применимым ко всем случаям отбора кандидатов на занятие вакантных должностей сотрудников в департаментах Комиссии.

Укомплектование на конкурсной основе означает заполнение вакантных мест путем конкурсного отбора независимо от способа занятия должности – первичного или последующего. Таким образом обеспечивается найм наиболее квалифицированного персонала и проверка соответствия всех сотрудников требованиям, установленным в отношении замещаемых должностей.

(см. абзац 2 пункта 2, абзацы 10, 13 пункта 3 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

2. Сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала. Вместе с тем дискреция организации имеет свои пределы, обусловленные критериями обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) сотрудникам.

При проведении ЕЭК организационно-штатных мероприятий должен обеспечиваться баланс институциональных интересов, с одной стороны, и прав и гарантий сотрудников, с другой: сокращение численности или штата, структурные преобразования должны происходить на недискриминационной основе с учетом обоснованности таких мероприятий и на основании предусмотренного правового акта; в случаях прекращения трудовых отношений с сотрудниками необходимо соблюдать установленные гарантии и обеспечить защиту социально-трудовых прав высвобождаемых (сокращаемых) сотрудников.

(см. абзацы 2, 3, 13 пункта 6 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

3. В связи с тем, что отсылка к национальному законодательству содержится в самом Договоре, нормы которого регламентируют основания возникновения и изменения трудовых отношений с участием сотрудников Комиссии, специфику их трудовых функций и объем специальной правосубъектности (статьи 9, 99 Договора, пункт 54 и др. Положения о Комиссии), нормы законодательства государства пребывания ЕЭК как органа Союза применяются к тем элементам трудового статуса сотрудников Комиссии, которые не урегулированы правом Союза.

(см. абзац 3 пункта 7 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

4. Национальные нормы применимы к трудовым отношениям с участием органов Союза в пределах, установленных правом Союза. В этой связи Суд исходит из приоритета норм Договора.

Приоритет норм Положения о социальных гарантиях как неотъемлемой части Договора состоит в том, что установленная в пункте 43 Положения о социальных гарантиях, пунктах 2 и 10 Порядка заключения трудового договора отсылка к национальному законодательству действует с учетом норм указанного Положения.

(см. абзацы 5, 8 пункта 7 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

5. Часть первая статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации об обязанности работодателя при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников организации предложить работнику другую имеющуюся работу (вакантную должность) и часть 3 статьи 81, предусматривающая порядок реализации данной нормы, не могут быть применены к сотрудникам ЕЭК, поскольку это обусловлено особым порядком занятия (замещения) должностей, основанном на конкурсном отборе. В связи с этим, ЕЭК не вправе переводить на вакантные должности сотрудников структурных подразделений Комиссии, занимаемые по конкурсу, без прохождения общеобязательной процедуры конкурса, открытой для участия и других кандидатов.

(см. абзацы 4-6 пункта 9 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

6. Применение конкурсных процедур для отбора на должности сотрудников департамента Комиссии является обязательным во всех ситуациях, в том числе в случае изменения или прекращения трудовых правоотношений между указанными сотрудниками и Комиссией.

(см. пункт 11 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-2/1-17-BK
(clarification upon the request of the Eurasian Economic Commission)

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC).

On clarification of Article 9(3) of the Treaty and paragraph 43 of the Regulation on Social Guarantees.

Modification or termination of labour relation at the initiative of the Commission; staffing measures – necessity to conduct a competition – guarantees of the employees; possibility to offer a vacant position without holding a competition.

Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union (Annex № 32 to the Treaty on the Eurasian Economic Union); Regulation of the Eurasian Economic Commission (Annex № 1 to the Treaty on the Eurasian Economic Union); Labour Code of the Russian Federation.

Advisory Opinion – clarification of the Treaty provisions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union asking to clarify Article 9(3) of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014, which provides that the filling of positions in the Commission's department shall be conducted on a competitive basis, together with Paragraph 43 of the Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union, under which labour relations of the Commission's employees shall be governed by the host state's legislation. The Commission's question concerned the application of the abovementioned provisions to situations, where labour relations between the employees and the Commission have to be modified or ended, and the possibility in these cases to occupy the positions in the EEC structural departments without observing the requirements of Article 9(3) of the Treaty.

In its Advisory Opinion of September 12, 2017 the Grand Chamber of the Court indicated that filling the positions in the Commission's departments through a competitive selective process is compulsory in all situations, including in the cases of termination of labour relations between those employees and the Commission. The Court estimated that a different interpretation would impede the recruitment of new highly skilled professionals and it would be contrary to the principle of effective functioning of the international organization. Granting a new vacant position, which is open to competition, to a Commission employee without holding such a competitive selection process would lead to a violation of the rights of other potential candidates for this position.

At the same time the Grand Chamber noted that it is advisable to develop internal regulations (rules) on personnel within the Union and to gradually move away from the regulation of internal issues of the organisation by national law. The Court came to the

conclusion that it is necessary for the internal rules of international organisations to cover a maximum range of relations connected to civil service. This position is fundamental to the creation of effective international civil service within the Union and the development of the Union as an international organization.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The provisions of Article 9 (3) of the Treaty on competitive selection are generally binding and applicable to all situations of the selection of candidates for vacant positions in the departments of the Commission.

Staffing on a competitive basis means filling vacancies through competitive selection, regardless of the way the post is occupied, either initial or subsequent. This ensures the hiring of the most qualified personnel and the verification of the compliance of all employees with the requirements established for the positions to be filled.

(see subparagraph 2 of paragraph 2, subparagraphs 10, 13 of paragraph 3 of the Advisory Opinion)

2. The abolition of posts or reduction of staff falls within the discretion of the organization conditioned by the economic necessity or efficiency of personnel recruitment. At the same time, the discretion of the organization is not unfettered due to criteria of validity, objectivity, legitimacy, non-discrimination, stability, provision of the necessary level of guarantees and adequate remedies for employees whose posts have been abolished (reduced).

In the process of carrying out staffing measures in the EEC a balance needs to be struck between institutional interests, on the one hand, and the rights and guarantees of employees, on the other hand: the abolition of posts or reduction of staff, structural changes should occur on a non-discriminatory basis, the measures have to be justified and undertaken in accordance with an appropriate legal act; in cases of termination of labour relations with employees, it is necessary to observe the established guarantees and ensure the protection of social and labour rights of the employees whose posts have been abolished (reduced).

(see subparagraph 2, 3, 13 of paragraph 6 of the Advisory Opinion)

3. Due to the fact that the reference to the national legislation is contained in the Treaty itself, whose provisions regulate the grounds for accrual or modification of labour relations with the participation of the Commission employees, the particular characteristics of their labour functions and the scope of special legal capacity (Articles 9, 99 of the Treaty, Paragraph 54, etc. of the Regulation on the Commission), the legislative provisions of the host state of the Eurasian Economic Commission as a body of the Union are applicable to the elements of the labour status of Commission staff which are not regulated by the law of the Union.

(see subparagraph 3 of paragraph 7 of the Advisory Opinion)

4. National norms are applicable to labour relations with the participation of Union bodies within the limits established by the law of the Union. In this regard, the Court proceeds from the priority of the norms of the Treaty.

The priority of the norms of the Regulation on Social Guarantees as an integral part of the Treaty lies in the fact that the reference to the national legislation set forth in Paragraph 43 of the Regulation on Social Guarantees, Paragraphs 2 and 10 of the Procedure for concluding a labour contract is applicable provided that the provisions of this Regulation are observed.

(see subparagraphs 5, 8 of paragraph 7 of the Advisory Opinion)

5. Part 1 of Article 180 of the Labour Code of the Russian Federation on the obligation of the employer to offer the employee another available job (vacant position) when reducing the number of permanent employees or the staff of the organisation and Part 3 of Article 81 setting the procedure for the implementation of this procedure cannot be applied to employees of the Commission due to a special order of holding (filling) positions based on competitive selection. Therefore, the Commission has no right to transfer employees of the structural units of the Commission to vacant positions that have to be occupied on a competitive basis without holding a compulsory competitive selection procedure open for the participation of other candidates as well.

(see subparagraphs 4-6, 8 of paragraph 9 of the Advisory Opinion)

6. The application of competitive procedures for the selection of employees of a Commission department is obligatory in all situations, including the change or termination of labour relations between the abovementioned employees and the Commission.

(see paragraph 11 of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

12 июня 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего – Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства обращения.

Положения, требующие разъяснения

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указывается, что в ходе осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, в части вопросов, касающихся функционирования внутреннего рынка в Союзе, было установлено наличие у государств-членов различных подходов относительно толкования и применения положений статьи 29 Договора.

Так, одни государства-члены считают возможным применение ограничительных мер во взаимной торговле товарами по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 29 Договора, только при наличии и в соответствии с отдельным порядком перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленным в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза (пункт 3 статьи 29 Договора).

В то же время другие государства-члены полагают допустимым введение ограничительных мер во взаимной торговле товарами до определения отдельного порядка перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленного в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза. Единственным условием для введения таких ограничений, по мнению отдельных государств-членов, является наличие оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора.

Пункт 1 статьи 29 Договора гласит, что государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 46 Статута Суда, Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по применению положений пункта 1 статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Евразийского экономического союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (далее – разъяснение).

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Евразийская экономическая комиссия является органом Союза, уполномоченным пунктом 46 Статута Суда на обращение в Суд с заявлением о разъяснении.

Разъяснение положений пункта 1 статьи 29 Договора, в том числе, во взаимосвязи с пунктом 3 этой же статьи Договора, входит в компетенцию Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В соответствии с пунктом 2 статьи 10 Регламента Суда заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда.

Согласно подпункту в) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителем Комиссии в Суде может выступать Председатель Коллегии Комиссии.

Заявление о разъяснении подписано Председателем Коллегии Комиссии Саркисяном Т.С., полномочия которого подтверждаются приложенной к заявлению аутентичной копией решения Высшего Евразийского экономического совета № 24 от 16 октября 2015 года «О Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии».

Заявителем при обращении в Суд соблюдены требования пункта 1 статьи 10 Регламента Суда об указании положений Договора, по которым требуется разъяснение, и наличии необходимых реквизитов заявления.

Большая коллегия Суда приходит к выводу, что заявление Комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе соответствует требо-

ваниям статьи 10 Регламента Суда, поступило от надлежащего заявителя, указанного в пункте 46 Статута Суда.

По вопросу, указанному в заявлении Комиссии, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не принималось.

Основания для отказа в принятии к производству заявления Комиссии о разъяснении, предусмотренные статьей 73 Регламента, отсутствуют.

Секретариатом Суда представлено заключение о приемлемости заявления Евразийской комиссии о разъяснении положений пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Руководствуясь пунктами 46, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 10 октября 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А.Федорцов

Судьи

А.М.Ажибраимова
Э.В.Айриян
Ж.Н.Баишев
Д.Г.Колос
Т.Н.Нешатаева
В.Х.Сейтимова
Г.А.Скрипкина
А.Э.Туманян
К.Л.Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

30 октября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего Федорцова А.А., судьи-докладчика Скрипкиной Г.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Назаровой Б., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указывается, что в ходе осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Евразийского экономического Союза (далее – Союз), касающихся функционирования внутреннего рынка в Союзе, выявлены различные подходы государств-членов Союза относительно толкования и применения положений статьи 29 Договора в части введения ограничительных мер во взаимной торговле товарами, а именно:

1) подход, по которому применение ограничительных мер во взаимной торговле товарами государствами-членами Союза возможно по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 29 Договора, только при наличии и в соответствии с отдельным порядком перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленным в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза (пункт 3 статьи 29 Договора);

2) подход, предполагающий (допускающий) возможность введения государствами-членами Союза ограничительных мер во взаимной торговле товарами до определения отдельного порядка перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленного в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза, при единственном условии – наличии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора.

Комиссия просит Суд дать консультативное заключение по вопросу применения положений пункта 1 статьи 29 Договора, в том числе, во взаимосвязи с пунктом 3 этой же статьи Договора.

II. Компетенция Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа Евразийского экономического союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (далее – разъяснение).

Юрисдикция Суда в отношении вынесения запрошенного Комиссией консультативного заключения установлена на основании указанной нормы в постановлении Суда от 12 июня 2017 года о принятии к производству заявления о разъяснении положений Договора.

III. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению Судом в порядке статьи 75 Регламента Суда были направлены запросы в адрес Комиссии, правительств государств-членов Союза, научных учреждений, исследующих обозначенные в заявлении Комиссии вопросы, и получены ответы от Министерства юстиции Республики Армения, Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства экономики Кыргызской Республики, Министерства юстиции Российской Федерации, Института философии, социологии и права Национальной Академии Наук Республики Армения, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Института экономики Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, Института законодательства Республики Казахстан, Всероссийской Академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Комиссия по запросу Суда представила дополнительные документы, материалы заседаний Совета и Коллегии Комиссии, на которых рассматривались вопросы применения положений Договора, касающиеся функционирования внутреннего рынка товаров.

IV. Выводы Суда

В соответствии с пунктом 50 Статута Суд при осуществлении правосудия применяет:

общепризнанные принципы и нормы международного права;

договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора;

решения и распоряжения органов Союза;

международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Большая коллегия также отмечает, что с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года договор должен толковаться добросовестно, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Суду надлежит дать разъяснение положений пункта 1 статьи 29 Договора, в том числе, во взаимосвязи с пунктом 3 этой же статьи Договора.

Позиции заявителя, государств-членов Союза в лице их уполномоченных органов, научно-исследовательских учреждений, содержащиеся в материалах дела, показывают, что имеются различные правовые подходы к пониманию соответствующих положений статьи 29 Договора, подлежащие в этой связи разъяснению Большой коллегией Суда.

1. Исходя из сущности вопроса, поставленного в заявлении, Большая коллегия считает, что поскольку заявленная к разъяснению статья 29 Договора относится к разделу VI «Функционирование таможенного союза» и содержит исключения из общего порядка функционирования внутреннего рынка товаров, то толкование этой нормы должно осуществляться в системной связи с основополагающими положениями Договора, нормами, регулирующими вопросы функционирования таможенного союза, внутреннего рынка, как то: статьями 1, 2, 3, 4, 25, 28 Договора.

Как следует из положений пункта 1 статьи 1 Договора, в рамках учрежденного Евразийского экономического союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Буквальное прочтение пункта 1 статьи 1 и статьи 2 Договора позволяет Большой коллегии отметить следующее.

Статьей 1 Договора установлено, что в Союзе реализуется скоординированная, согласованная или единая политика, что предопределяет различную степень единообразия правового регулирования.

Для отнесения определенной сферы к единой политике требуется наличие унифицированного правового регулирования, а также передача государствами-членами Союза компетенции в определенной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Такой подход применен Судом Союза в консультативном заключении от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь.

Статьей 2 Договора определено, что:

единое экономическое пространство – это пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных

принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура;

общий (единый) рынок – это совокупность экономических отношений в рамках Союза;

таможенный союз – это форма торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры.

Статья 3 Договора устанавливает основные принципы осуществления деятельности государствами-членами Союза на основе уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, равноправия, учета национальных интересов Сторон; соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирования таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

Государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций.

Статьей 4 Договора закрепляются основные цели Союза – создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Согласно подпунктам 1 и 5 пункта 1 статьи 25 Договора в рамках таможенного союза государств-членов:

функционирует внутренний рынок товаров;

осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов Союза без применения таможенного декларирования и государственного контроля, за исключением случаев, предусмотренных Договором.

2. Как следует из пункта 2 статьи 28 Договора, на территории Союза функционирует внутренний рынок, охватывающий экономическое пространство, в котором в соответствии с положениями Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Системный правовой анализ положений Договора позволяет Большой коллегии прийти к следующим выводам.

Формирование внутреннего рынка является неотъемлемым элементом и одной из основных целей создания современных интеграционных объединений, к которым относится и Евразийский экономический союз, в котором проводится единая политика в области таможенного регулирования (часть вторая, разделы V, VI Договора).

Функционирование внутреннего рынка основано на четырех принципах:

- 1) свобода передвижения товаров;
- 2) свобода передвижения лиц;
- 3) свобода передвижения услуг;
- 4) свобода передвижения капиталов.

Большая коллегия отмечает, что принцип свободы движения товаров во взаимной торговле между государствами-членами Союза и в эффективности интеграционных процессов играет важнейшую роль, наравне с принципами отсутствия дискриминации и верховенства права.

Вместе с тем, термин «свобода» означает не только собственно свободу осуществлять те или иные действия, но и весь комплекс прав и обязанностей, связанных с такой свободой и закрепленных в праве Союза, и национальном законодательстве государств-членов Союза.

3. Пункт 3 статьи 28 Договора устанавливает общее правило функционирования внутреннего рынка товаров, в соответствии с которым во взаимной торговле товарами государства-члены Союза не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных Договором.

Анализ вышеприведенных норм позволяет Большой коллегии сделать вывод, что общие правила функционирования таможенного союза и функционирования внутреннего рынка товаров унифицированы в рамках статей 25 и 28 Договора, то есть, урегулированы правом Союза, и их можно отнести к единой политике (наднациональное регулирование).

4. Применение мер, ограничивающих торговлю товарами на внутреннем рынке, по общему правилу, запрещается, так как это ведет к ограничению свободы движения товаров, что будет противоречить основополагающим принципам функционирования Союза: соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений (статья 3 Договора), и одной из целей Союза – стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора).

Вместе с тем, пункт 3 статьи 28 Договора предусматривает возможность исключения из общего правила ограничения движения товаров на внутреннем рынке. Такие исключительные меры предусмотрены статьей 29 Договора.

Большая коллегия считает важным, чтобы толкование статьи 29 Договора осуществлялось в системной связи с пунктом 3 статьи 28 Договора, поскольку обе эти нормы направлены на создание системы, при которой запреты применения государством ввозных и вывозных таможенных пошлин, мер нетарифного регулирования и иных мер могут стать препятствием для функционирования внутреннего рынка.

По своей структуре статья 29 Договора состоит из трех пунктов. Анализ этой статьи показывает, что ее положениями, устанавливающими исключения из порядка функционирования внутреннего рынка, предусматривается введение государствами-членами Союза (исходя из одних и тех же оснований) трех категорий исключений, с соответствующими различными режимами правового регулирования.

Пунктом 1 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, связанные с применением во взаимной торговле ограничений, вводимых в одностороннем порядке.

Пунктом 2 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, связанные с введением санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер в порядке, определяемом разделом XI Договора.

Пунктом 3 этой же статьи Договора регулируются правоотношения, связанные с ограничением оборота отдельных категорий товаров на таможенной территории Союза.

Большая коллегия делает вывод, что пункты 1, 2 и 3 статьи 29 Договора регулируют различные виды исключений, которые имеют самостоятельные процедуры введения (установления).

Введение санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер может иметь место в порядке, определяемом разделом XI Договора (пункт 2 статьи 29 Договора).

Ограничение оборота отдельных категорий товаров (наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, служебное и гражданское оружие, озоноразрушающие вещества и др.), порядок перемещения или обращения которых на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза (пункт 3 статьи 29 Договора).

5. Пункт 1 статьи 29 Договора устанавливает, что государства-члены Союза во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Рассматривая пункт 1 и пункт 3 статьи 29 Договора, вместе со статьями раздела VI «Функционирование таможенного союза» Договора, для целей запрашиваемого разъяснения, Большая коллегия считает важным определить субъект, уполномоченный на введение ограничений, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 29 Договора.

Статья 2 Договора определяет используемое в Договоре понятие «государства-члены» как государства, являющиеся членами Союза и Сторонами Договора.

Согласно пункту 1 статьи 29 Договора «государства-члены Союза вправе во взаимной торговле товарами применять ограничения ...».

Аналогичная конструкция использована и в пункте 3 статьи 28 раздела VI Договора («во взаимной торговле товарами государства-члены не применяют...»), а также в других разделах по всему тексту Договора, в различных формулировках («государства-члены взаимно признают...» (пункт 6 статьи 58 Договора); «государства-члены имеют право разрабатывать и вводить временные ветеринарные (ветеринарно-санитарные) требования и меры в случае...» (пункт 8 статьи 58 Договора); «государства-члены оказывают друг другу содействие...» (пункт 1 статьи 68 Договора)).

Большая коллегия делает вывод о том, что в данном контексте, для целей Договора в рамках понятия «государства-члены» рассматривается каждое государство-член Союза в отдельности. Аналогичный подход использован Судом при предоставлении консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь.

Иной вывод следует из грамматического анализа пункта 3 статьи 29 Договора, в котором не назван субъект введения ограничения, закрепляя в данной формулировке, что «...оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен...».

В этом случае речь идет не об ограничении каждым государством в отдельности оборота отдельных категорий товаров, а о мерах, принимаемых государствами-членами Союза совместно, посредством заключения соответствующих международных соглашений в рамках Союза.

6. Из этого следует, что государства-члены Союза во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения, которые могут вводиться ими при двух условиях:

- такие меры не должны являться средством неоправданной дискриминации или средством ограничения торговли;
- такие ограничения необходимы для целей, указанных в абзацах 1-6, пункта 1 статьи 29 Договора.

Как и в случае ограничения оборота отдельных категорий товаров в соответствии с пунктом 3 статьи 29 Договора, односторонние ограничительные меры государств-членов Союза, могут быть направлены исключительно на защиту одного (или нескольких) из интересов, указанных в пункте 1 статьи 29 Договора.

7. По мнению Большой коллегии Суда, для целей всестороннего и правильного понимания вышеназванных норм и принципов функционирования внутреннего рынка товаров, реализации свободы движения товаров, важное практическое значение имеет обращение к праву Всемирной торговой организации (далее – ВТО).

Сравнительный правовой анализ положений источников права ВТО, Европейского Союза (далее – ЕС), интеграционных объединений Латинской Америки (Меркосур, Андское сообщество) позволяет Большой коллегии сделать вывод о том, что статья 29 Договора сопоставима с институтом общих исключений – статьями XX, XXI Генерального соглашения ВТО по тарифам и торговле 1994 года, статьей 36 Договора о функционировании Европейского Союза и концепцией императивных

требований ЕС, нормами, устанавливающими исключения во взаимной торговле в Меркосур и Андском сообществе.

Анализ европейского правового регулирования, а также практика Суда Европейского союза следующим образом отражают значение ограничений из принципа свободного движения товаров:

В деле *W. J. G. Bauhuis v The Netherlands State. (Case 46/76)* Суд ЕС отметил, что правовая норма, закрепляющая исключения из принципа свободы движения товаров (статья 30 Договора, учреждающего Европейское сообщество (Римского договора), в целом аналогичная статье 29 Договора о ЕАЭС), является отступлением от общего правила, согласно которому все препятствия для свободного перемещения товаров между государствами-членами должны быть устранены, и ее следует трактовать ограничительно.

В деле *Adriaan de Peijper (Case 104/75)* отмечается, что хотя статья 30 Римского договора устанавливает исключения из фундаментального принципа права Европейских сообществ, национальные меры, принимаемые на ее основании, могут ограничивать торговлю только постольку, поскольку это необходимо для достижения легитимных и оправданных целей этих мер.

Таким образом, выделяются два основных условия допустимости применения ограничений:

- цель принятия национальной меры должна соответствовать одному из оправдывающих обстоятельств (в праве Союза – часть первая статьи 29 Договора о ЕАЭС);
- национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной.

8. Прибегнув к системному, взаимосвязанному с положениями статьи 28 Договора, анализу Большая коллегия рассматривает отсылку в пункте 3 к пункту 1 статьи 29 Договора как возможность установления иных ограничений оборота товаров на внутреннем рынке, но по тем же основаниям.

В Евразийском экономическом союзе в отношении перемещения отдельных категорий товаров действует ряд международных договоров в форме соглашений и протоколов (Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года; Соглашение о перемещении служебного и гражданского оружия между государствами-членами Евразийского экономического союза от 20 мая 2015 года; Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств-членов Евразийского экономического союза от 29 мая 2015 года и др.)

В связи с этим, следует признать существование двух видов исключений из принципа свободного движения товаров на основе одних и тех же оснований:

1) вводимых, как исключительную меру, государствами-членами Союза, по основаниям, перечисленным в пункте 1 статьи 29 Договора;

2) которые вводятся международными договорами для ограничения в обороте отдельных категорий товаров по тем же основаниям, установленным пунктом 1 статьи 29 Договора.

9. Следует отметить, что схожие основания, касающиеся регулирования вопросов применения государствами-членами временных мер в одностороннем порядке (часть 1 статьи 29 Договора), являются меры ограничения торговли с третьими странами.

Механизм оценки односторонних исключительных мер в торговле с третьими странами установлен по основаниям, предусмотренным пунктом 38 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, являющегося Приложением № 7 к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол).

Следует отметить, что Протокол содержит схожие основания, касающиеся регулирования вопросов, применения государствами-членами Союза временных мер в одностороннем порядке в исключительных случаях, аналогичные мерам, предусмотренным пунктом 1 статьи 29 Договора, однако в последнем случае механизм не установлен.

Пунктом 39 Протокола предусмотрено, что меры, указанные в пункте 38 Протокола, вводятся на основании решения Комиссии и не могут служить средством произвольной или необоснованной дискриминации третьих стран, а также скрытого ограничения внешней торговли товарами.

В соответствии с Протоколом, при введении таких мер в одностороннем порядке государством-членом Союза государство-член незамедлительно информирует Комиссию, а та, в свою очередь, таможенные органы государств-членов о введении таких мер.

Большая коллегия обращает внимание на то, что в целях обеспечения исполнения условий свободного движения товаров и функционирования внутреннего рынка, государства-члены Союза должны создавать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, максимально избегая введения односторонних ограничений во взаимной торговле, исходя из принципов транспарентности, адекватности, соразмерности и объективной обусловленности, вытекающих из содержания пункта 2 статьи 3 Договора.

В отношении ограничений, применяемых государствами-членами Союза во взаимной торговле товарами, Евразийская экономическая комиссия проводит мониторинг.

В случае возникновения спорных вопросов стороны вправе обращаться в Суд Евразийского экономического союза.

10. Большая коллегия Суда, отвечая на вопросы, поставленные заявителем, приходит к следующему:

Пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения.

При этом дискреция государств-членов Союза по применению пункта 1 статьи 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.
Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

А.А.Федорцов

Судьи

А.М.Ажибраимова
Э.В.Айриян
Ж.Н.Баишев
Д.Г.Колос
Т.Н.Нешатаева
В.Х.Сейтимова
Г.А.Скрипкина
А.Э.Туманян
К.Л.Чайка

Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 года

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-2/2-17-БК)

город Минск

30 октября 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по консультативному заключению Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 года по делу № СЕ-2-2/2-17-БК.

1. 25 августа 2016 года Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан приказом № 630 «О введении запрета на вывоз с территории Республики Казахстан регенерируемой бумаги, картона, макулатуры и отходов» ввело запрет на полгода на вывоз этой продукции. В преамбуле приказа указано, что запрет вводится в том числе в соответствии со статьей 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), но без ссылки на конкретное основание.

В письме от 25 октября 2016 года Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) не согласилась с таким подходом и выразила мнение, что это указание создает правовую неопределенность, исходя из пункта 3 статьи 29 Договора. В дальнейшем ЕЭК обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) за консультативным заключением о соотношении пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора.

2. Учитывая, что статья 29 Договора находится в разделе, посвященном функционированию таможенного союза, который относится к единой политике и наднациональному регулированию, следует отметить, что в настоящее время право Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) предусматривает определенные исключения из единого наднационального регулирования таможенных отношений в виде сохранения полномочий за суверенными государствами, а также установления совместных полномочий государств-членов (традиционное для международного права согласование волеизъявления государств в международных договорах). Статья 29 Договора содержит эти исключения (разрешение (дозволение) в пункте 1 – одностороннего волеизъявления, пункте 3 – согласованного волеизъявления).

Согласно пункту 1 статьи 29 Договора государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять запретительные меры – ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли), если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

Таким образом, в пункте 1 статьи 29 Договора заложен двухшаговый тест для проверки правомерности ограничительной меры. Ограничение, противоречащее обязательствам по Договору, может быть признано правомерным, если оно а) является необходимым для достижения одной из перечисленных целей, б) не представляет собой средство неоправданной дискриминации или скрытое ограничение торговли. Причем, согласно формулировке вводной части пункта 1 статьи 29 Договора, для того, чтобы ограничение было признано неправомерным, достаточно установить несоответствие хотя бы одному из указанных требований. Это отражает принцип добросовестности, который известен со времен Древнего Рима, содержится как в международном праве, так и в национальных правовых системах, и **запрещает злоупотребление правом**. Иными словами, несоблюдение требований двухшагового теста может повлечь для государства-члена международно-правовую ответственность за злоупотребление своими правами, которое может выражаться в расширительном использовании ограничений; преследовании экономических целей под видом защиты общественного блага; использовании несбалансированных с интересами других участников Союза средств защиты, что устанавливается лишь при рассмотрении спора в порядке пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору), статей 8 и 9 Регламента Суда.

3. Кроме того, пункт 1 статьи 29 Договора служит общей отсылкой и для иных ограничений, помимо торговых. Абзац первый пункта 3 статьи 29 Договора предусматривает, что «по основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен». В абзаце втором данного пункта указано, что «порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза».

Для понимания смысла процитированной нормы следует осуществить ее грамматическое толкование в сравнении с нормой пункта 1 статьи 29 Договора. Обе нормы предусматривают введение ограничений, но если в пункте 1 речь идет об ограничениях «во взаимной торговле», то в пункте 3 говорится об ограничениях «оборота отдельных категорий товаров» и «порядке перемещения или обращения таких товаров». Таким образом, ключевым является вопрос о различии терминов «торговля», с одной стороны, и «оборот», «обращение» – с другой.

Под **торговлей** обычно понимается деятельность по взаимному обмену экономическими благами. Так, в статье 2 закона Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» дано определение «торговой деятельности»: «вид предпринимательской деятельности, **связанный с приобретением и продажей товаров**».

В свою очередь, под «товаром» понимаются материальные вещи и нематериальные блага, участвующие в товарно-денежном обмене, оформляемом гражданско-правовыми сделками (см. гражданские кодексы государств – членов Союза).

Кроме того, похожие определения торговой деятельности даны в Законе Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» от 8 января 2014 года № 128-З, Законе Республики Ка-

захстан «О регулировании торговой деятельности» от 12 апреля 2004 года № 544-П, Законе Кыргызской Республики «О внутренней торговле в Кыргызской Республике» от 20 марта 2002 года № 40.

В свою очередь, учитывая, что согласно «Словарю русского языка» в четырех томах (Малый академический словарь, далее – МАС) «взаимный» – «проявляющийся по отношению друг к другу, обоюдный», в контексте Договора о ЕАЭС под **«взаимной торговлей государств-членов»** следует понимать торговлю предприятий – резидентов государств – членов Союза друг с другом, в отличие от «внешней» торговли компаний государств – членов Союза с предприятиями третьих стран.

Таким образом, вещи, участвующие в товарно-денежном обмене являются товарами. Некоторые виды вещей могут изыматься из торговли. В этом случае нормы права уже оперируют не термином «торговля», а понятиям «оборот», «обращение» (пункт 3 статьи 29 Договора).

Понятия «обращение», «оборот» являются **синонимами** и несут иную смысловую нагрузку, чем понятие «торговля». Данные понятия обозначают не только торговые операции (торговлю), связанные с отчуждением вещей, но вообще весь цикл «жизни» вещи: создание, хранение, употребление, применение, перемещение, использование, уничтожение (см. МАС, т. 2, стр. 557, 563). Поэтому изъятие из обращения или оборота означает изъятие из употребления, применения, использования, что является более широким понятием, чем изъятие из торговли. Вещи, изъятые из оборота, не могут быть предметом торговых операций, но могут перемещаться (изменять местоположение), например, в целях уничтожения.

Подобное определение понятия **«обращение»** содержится в актах права Союза, например, в Соглашении о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года, Соглашении о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года.

Определение понятия **«оборот»** в актах права ЕАЭС отсутствует, но неоднократно в одинаковых формулировках встречается в специальном законодательстве государств-членов. Во всех случаях данным понятием охватывается хранение вещей, их перевозка (например, Федеральный закон Российской Федерации «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ; Федеральный закон Российской Федерации «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 2 января 2000 года № 29-ФЗ) и **вообще весь цикл существования вещи от ее создания до исчезновения** (например, Федеральный закон Российской Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 года № 3-ФЗ; примерно такая же формулировка содержится в Законе Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» от 13 июля 2012 года № 408-З; такой же подход обнаруживается в Федеральном законе Российской Федерации «Об оружии» от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ, Законе Республики Беларусь «Об оружии» от 13 ноября 2001 года № 61-З, Законе Республики Казахстан «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» от 30 декабря

1998 года № 339-І, Законе Республики Армения «Об оружии» от 3 августа 1998 года № ЗР-246, Законе Республики Армения «О наркотических средствах и психотропных (психоактивных) веществах» от 10 февраля 2003 года № ЗР-518). Подобный подход к определению понятия «оборот» применяется и в общем международном праве (например, Конвенция о психотропных веществах 1971 года).

Проведенный системный анализ показал, что в пунктах 1 и 3 статьи 29 Договора говорится о различных по своей природе ограничениях. В пункте 1 речь идет только об ограничении «взаимной торговли» между государствами-членами (их резидентами), то есть ограничениях торговых операций с определенным товаром, которые никак не влияют на его оборотоспособность, например, возможность его производить и реализовывать в пределах разрешенной территории. В пункте 3, напротив, речь идет о таких ограничениях, которые делают определенную категорию вещей «ограниченной в обороте» или «изъятый из оборота». Для определения порядка существования таких вещей требуется согласованное волеизъявление всех государств – членов Союза, принятие специального международного договора. В настоящее время, по данным ЕЭК, действуют такие договоры в сфере оборота наркотических средств, медицинских изделий, лекарственных средств, озоноразрушающих веществ, служебного и гражданского оружия и т.п. Оборот таких материальных объектов (вещей), помимо этих региональных договоров, регулируется, прежде всего, международными договорами универсального характера.

Иными словами, статья 29 Договора регулирует разные общественные отношения: в первом случае предметом регулирования является торговля товарами (пункт 1), а во втором – оборот объектов материального мира, запрещенных к торговле (пункт 3). Субъекты этих отношений также различны: в пункте 1 – это суверенное государство, а в пункте 3 – эти государства вместе. Различен и метод правового регулирования: в пункте 1 метод диспозитивный (государство-член «вправе» (см. подпункт 6 пункта 1)), а в пункте 3 – императивный («порядок определяется Договором, международными договорами»).

В то же время пункт 1 и пункт 3 связаны способом правового регулирования. Право знает следующие способы регулирования общественных отношений – запрет, разрешение (дозволение), обязывание. Запреты, в свою очередь, могут носить различные наименования – ограничение, изъятие и т.д. В статье 29 Договора использован запрет в форме ограничений.

Таким образом, объединяющий элемент статьи 29 Договора – способ правового регулирования – существует в форме ограничений торговли и оборота при соответствии одному из общих оснований, которые перечислены в пункте 1 статьи 29 Договора.

Учитывая изложенное, следует признать, что суверенные государства, ограничивая торговлю (пункт 1), применяют национальный порядок ограничений (по национальному праву), в то время как, действуя совместно (пункт 3), они обязаны применять международный порядок, предусмотренный договорными нормами.

Кроме того, наличие вводной части в пункте 1 статьи 29 Договора, которая предписывает двухшаговый тест при проверке правомерности вводимых ограничений, говорит о том, что ограничения могут быть введены любым из государств-членов в

одностороннем порядке. Требования двухшагового теста предусмотрены для предотвращения случаев злоупотребления правом, например, в качестве защиты от протекционизма, от мер, которые будут защищать собственную промышленность государства-члена в ущерб промышленности других государств-членов. Если бы применение ограничений во взаимной торговле требовало предварительного принятия какого-либо порядка, соглашения или договора на уровне Союза, то такой двухступенчатый тест был бы излишним. В то же время злонамеренный протекционизм, как и злонамеренное запрещение «параллельного» импорта нематериальных благ, может явиться нарушением принципов Союза и является основанием для рассмотрения спора в Суде.

Следует также учесть, что сложная процедура принятия порядка, о котором идет речь в пункте 3 статьи 29 Договора, подчиняется положениям Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Сам этот порядок касается вещей, изъятых или ограниченных в обороте (обращении), и определяет особенности их перемещения, хранения, уничтожения и т.д. Как правило, этот порядок содержится в международных договорах или актах международных организаций (например, Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года и др.).

Таким образом, взаимосвязь между пунктами 1 и 3 существует лишь по основаниям применения запретов. Правила данных пунктов относятся к разнородным экономическим отношениям, различающимся по субъекту, предмету и методу правового регулирования.

4. Вывод

Статья 29 Договора, озаглавленная «Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров», содержит два вида правил: пункт 1 предусматривает право государств-членов добросовестно применять ограничения во взаимной торговле, пункт 3 предусматривает возможность изъять из торговли отдельные категории вещей, ограничив их оборотоспособность в целом. Эти два вида объединяет то, что они могут быть введены только по неэкономическим основаниям, перечисленным в шести подпунктах пункта 1 данной статьи. При этом субъекты, которым Договор позволяет вводить ограничения, также различны: в пункте 1 – это любое из государств-членов в отдельности, а в пункте 3 – все государства – члены Союза вместе.

Судья

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х.
(дело № СЕ-2-2/2-17-БК)

город Минск

30 октября 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №101, используя предоставленное данной нормой право, заявляю особое мнение в отношении мотивировочной части Консультативного заключения о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и части выводов Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Большой коллегии Суда).

Вопрос в заявлении Евразийской экономической комиссии

1. Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия, ЕЭК) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

В заявлении указано, что в ходе осуществления Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза (далее – Союз), касающихся функционирования внутреннего рынка в Союзе, выявлены различные подходы государств-членов Союза относительно толкования и применения положений пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора в части введения ограничительных мер во взаимной торговле товарами, а именно:

подход, по которому применение ограничительных мер во взаимной торговле товарами государствами-членами Союза возможно по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 29 Договора, только при наличии и в соответствии с отдельным порядком перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленным в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза (пункт 3 статьи 29 Договора);

подход, предполагающий (допускающий) возможность введения государствами-членами Союза ограничительных мер во взаимной торговле товарами до определения отдельного порядка перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленного в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза, при единственном условии – наличии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора.

В контексте представленных подходов Комиссия просила Суд дать разъяснение по вопросу применения положений пункта 1 статьи 29 Договора, в том числе, во взаимосвязи с пунктом 3 этой же статьи Договора.

Выводы Большой коллегии Суда

2. Большая коллегия Суда, отвечая в Консультативном заключении на вопросы, поставленные заявителем, пришла к следующим выводам:

«пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения;

дискреция государств-членов Союза по применению пункта 1 статьи 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами».

Соглашаясь с первой частью выводов, полагаю, что, в контексте со второй их частью, они не вносят ясность в понимание правоприменителем предписаний статьи 29 Договора, не формируют правовой определенности по спорному вопросу, что *quae vitari* подразумевает разъяснение в рамках консультативного заключения.

Вместе с тем, акт Суда – Консультативное заключение вынесен, и по общему правилу недопустимо повторное рассмотрение однажды решенного дела (вопроса) или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу судебным актом.

Исхожу из того, что ответ на поставленный заявителем вопрос «о возможности введения государствами-членами Союза ограничительных мер во взаимной торговле товарами до определения отдельного порядка перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленного в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза, при единственном условии – наличии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора», имеет первостепенное значение для дальнейшего предсказуемого формирования и действия внутреннего рынка товаров в рамках Союза.

О правах и обязательствах государств-членов, вытекающих из статей 28 и 29 Договора в контексте поставленного ЕЭК вопроса

3. Большой коллегией Суда установлено, что положениями статьи 29 Договора предусматривается введение государствами-членами Союза (исходя из одних и тех же оснований) трех категорий исключений с соответствующими различными режимами правового регулирования, которые имеют самостоятельные процедуры введения; пунктом 1 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, связанные с применением во взаимной торговле ограничений, вводимых в одностороннем порядке, пунктом 3 – связанные с ограничением оборота отдельных категорий товаров на таможенной территории Союза.

В целом соглашаясь с указанными выводами, не могу поддержать аргументацию ряда позиций.

4. Полагаю, что определяя круг правомочных субъектов в пунктах 1 и 3 статьи 29 Договора, следовало исходить, прежде всего, из буквального толкования *соответствующих норм* и обычного значения, придаваемого терминам международного договора в их контексте.

Не могу поддержать использование в качестве основной аргументации ссылок на общее понятие «государства-члены» в статье 2 Договора, закрепляющей определения понятий, используемых в Договоре, вне анализа контекста, в котором употребляется термин «государства-члены» в пункте 1 статьи 29 Договора, ссылок на ста-

тью 58 «Применение ветеринарно-санитарных мер» и статью 68 «Административное сотрудничество» (другого Раздела XV Договора «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций»), а также общую отсылку по рассматриваемому вопросу на Консультативное заключение Суда от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь.

Отмечу, что предметом рассмотрения в рамках Консультативного заключения Суда от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь выступали вопросы применения принципов и правил конкуренции в рамках Союза, соответствующий анализ терминологии проводился в контексте разъясняемых норм.

При определении субъекта, правомочного согласно пункту 1 статьи 29 Договора в порядке исключения из общего режима функционирования внутреннего рынка в рамках Союза применять ограничения в торговле, следует исходить из буквального содержания самой нормы.

О правомочии каждого из государств-членов Союза воспользоваться предоставленным нормами права Союза правом введения соответствующих мер в одностороннем порядке непосредственно свидетельствуют формулировки в норме: 1) «государства-члены *во взаимной торговле* вправе применить ограничения», что буквально толкуется как возможность введения мер по отношению друг к другу, обоюдно; 2) установлено право применения ограничений «в случае, если такие ограничения необходимы для ... обеспечения обороны страны и безопасности *государства-члена*».

Таким образом, при ограничении дискреции государства-члена по введению соответствующей меры норма пункта 1 статьи 29 Договора указывает на условие необходимости такой меры для конкретного государства-члена Союза.

Правомочным субъектом согласно пункту 1 статьи 29 Договора выступает отдельное государство-член, норма регулирует вопросы единоличных, а не коллективных мер.

5. Поддерживаю тезис о том, что в отличие от нормы пункта 1 статьи 29 Договора норма пункта 3 этой же статьи регулирует вопрос принятия мер, вводимых совместно государствами-членами.

Однако, указывая на то, что такие меры, урегулированные в пункте 3 статьи 29 Договора, принимаются государствами-членами Союза совместно посредством заключения соответствующих *международных соглашений* в рамках Союза, нельзя игнорировать прямо установленное в праве Союза предписание, согласно которому порядок перемещения или обращения товаров на таможенной территории Союза может определяться *в соответствии с Договором*.

6. Таким образом, норма пункта 1 статьи 29 Договора предоставляет государствам-членам возможность обеспечения реализации суверенных прав в отношении ряда строго установленных объектов правового регулирования – общественных отношений, характеризующихся особой значимостью, охрана которых возложена на каждое государство-член Союза его основным законом.

Основаниями применения ограничения во взаимной торговле является его необходимость для охраны жизни и здоровья человека, защиты общественной морали и правопорядка, охраны окружающей среды, охраны животных и растений, культурных ценностей, выполнения международных обязательств, обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

При наличии хотя бы одного из перечисленных оснований государство вправе применить соответствующую меру ограничения взаимной торговли в рамках Союза.

Реализовать право введения односторонней ограничительной меры государство-член Союза согласно пункту 1 статьи 29 Договора может только при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли.

Такой подход защищает от злоупотребления со стороны государств-членов при использовании исключений, установленных этой же нормой, тем самым исключает возможность неправомерного закрытия рынка товаров государства-члена и протекционизма в отношении национальных производителей товаров.

Толкуя нормы пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора системно необходимо исходить из следующего.

Нормы пункта 1 и 3 статьи 29 Договора устанавливают два вида исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров. Правомочный субъект в пункте 1 – единоличный (отдельное государство-член), во втором пункте статьи 29 Договора – коллективный (государства-члена Союза). Пункты 1 и 3 статьи 29 Договора регулируют соответственно единоличные и коллективные меры ограничения торговли как исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров в рамках Союза.

Нормами установлен различный объем прав уполномоченного субъекта. В первом случае – это *ограничения во взаимной торговле*, во втором – *ограничение оборота отдельных категорий товаров*.

Пункт 3 статьи 29 Договора не предусматривает обязательную разработку какого-либо отдельного порядка, регулирующего перемещение товаров как обязательное условие реализации положений пункта 1 статьи 29. Напротив, пункт 3 отсылает к пункту 1 статьи 29 Договора исключительно по вопросу основания введения меры согласно пункту 3. Основания вводимого по согласованию государств-членов Союза ограничения оборота отдельных категорий товаров в рамках пункта 3 статьи 29 Договора так же выступают охрана жизни и здоровья человека; защита общественной морали и правопорядка; охрана окружающей среды; охрана животных и растений, культурных ценностей; выполнение международных обязательств; обеспечение обороны страны и безопасности государств.

С учетом изложенного, отвечая на вопрос, поставленный перед Большой коллегией Суда, прихожу к выводу, что введение ограничительной меры согласно пункту 1 статьи 29 Договора не обусловлено принятием порядка перемещения или обращения товаров на таможенной территории Союза и его согласованием на межгосударственном уровне государствами-членами в виде положений Договора либо принятием отдельного международного договора в рамках Союза.

Подтверждением указанного вывода является Доклад Евразийской экономической комиссии «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» (так называемая «Белая книга»), опубликованный на сайте ЕЭК 31 марта 2017 года, согласно которому всего в рамках Союза зафиксировано 60 препятствий, существующих на внутренних рынках Союза: 17 из них – изъятия, 34 – ограничения, а оставшиеся 9 – барьеры. В Докладе под барьерами понимаются препятствия, не

соответствующие праву Союза. Ограничения – препятствия, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза. Изъятия – предусмотренные правом Союза исключения (отступления) о неприменении государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза.

Учитывая изложенное, не могу согласиться с выводом, что общие правила функционирования таможенного союза и функционирования внутреннего рынка товаров унифицированы в рамках статей 25 и 28 Договора, то есть урегулированы правом Союза, и их можно отнести к *единой политике* (наднациональное регулирование).

Установленные цель (статья 4 Договора), принцип (статья 25 Договора) и общий подход (статья 28 Договора) функционирования внутреннего рынка при закрепленном в Договоре единоличном праве государства-члена на исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, основанном на собственной дискреции (пункт 1 статьи 29), не позволяют утверждать о сформированной единой политике в данной сфере.

Единая политика предполагает применение государствами-членами *унифицированного* правового регулирования, установлении идентичных механизмов правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий (статья 2 Договора).

О применимости Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран

7. Обращение в Консультативном заключении к нормам Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору, далее – Протокол), а также утверждение о том, что Протокол содержит схожие основания, касающиеся регулирования вопросов, применения государствами-членами Союза временных мер в одностороннем порядке в исключительных случаях, полагаю необоснованным.

Протокол разработан: в соответствии с иным разделом IX «Внешнеторговая политика» Договора и определяет порядок и случаи применения Союзом мер нетарифного регулирования в отношении третьих стран (пункт 1 Протокола); во исполнение подпункта 3) пункта 1 статьи 25 Договора, которым утвержден принцип единого режима торговли товарами в отношениях с третьими странами, и статьи 46 Договора, устанавливающей перечень единых мер нетарифного регулирования.

Меры нетарифного регулирования в рамках Протокола:

1) устанавливаются Союзом в целом – компетенция государств-членов в данной сфере передана Союзу; субъектом, определяющим вид меры нетарифного регулирования, целесообразность ее введения, а также принимающим решение по ее введению, выступает Союз (в лице постоянно действующего регулирующего органа Союза – ЕЭК);

2) действуют в отношении третьих стран (государств, которые не являются членами Союза).

Таким образом, Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору) регулирует иную от анализируемой сферу правоотношений.

О возможности применения односторонних мер в контексте функционирования Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы

8. Несмотря на то, что в Консультативном заключении содержится ссылка на право Всемирной торговой организации (далее – ВТО), предметный анализ его положений по введению односторонних мер считаю необходимым, поскольку при учреждении Евразийского экономического союза Стороны Договора исходили из необходимости учета норм, правил и принципов ВТО (преамбула Договора).

Возможность обращения к праву ВТО обусловлена его интегрированностью в правовую систему Союза и наличием норм, регулирующих схожие с рассматриваемыми правоотношениями.

В соответствии с Протоколом о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (приложение № 31 к Договору) к соответствующим отношениям в рамках Союза применяется Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года, в преамбуле которого Сторонами признана необходимость толкования торговых режимов участников Таможенного союза в контексте Соглашения ВТО, а также функционирование Таможенного союза в соответствии с правилами и обязательствами в рамках ВТО.

Статьями 1-2 рассматриваемого международного договора установлено, что с даты присоединения любой из Сторон к ВТО положения Соглашения ВТО, как они определены в Протоколе о присоединении этой Стороны к ВТО, становятся частью правовой системы Таможенного союза; Стороны берут на себя обязательство по принятию мер для приведения правовой системы Таможенного союза и решений его органов в соответствие с Соглашением ВТО; положения Соглашения ВТО, включая обязательства, принятые Сторонами в качестве условий их присоединения к ВТО, имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза.

Статья XX Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) устанавливает общие исключения из обязательств по данному Соглашению.

В соответствии с данной статьей: «при условии, что такие меры не применяются таким образом, который мог бы стать средством произвольной или неоправданной дискриминации между странами, в которых преобладают одинаковые условия, или скрытым ограничением международной торговли, ничто в Соглашении не препятствует принятию или применению любой Договаривающейся Стороной мер». Приведенная норма содержит более широкий, по сравнению с перечнем пункта 1 статьи 29 Договора, перечень оснований для введения односторонних мер в порядке исключений из общих обязательств по ГАТТ.

Указанные положения, предусматривающие возможность общих исключений из торговых режимов в рамках ГАТТ, распространяют свое действие на государства-члены ВТО.

Вместе с тем, право ВТО допускает односторонние правомерные ограничения и в рамках таможенных союзов, несмотря на общую норму об отмене пошлин, ограничительных мер, что следует из подпункта а) пункта 8 статьи XXIV ГАТТ.

Анализ предписаний статей ГАТТ свидетельствует об отсутствии нормы, дополнительно устанавливающей требование соблюдения Договаривающейся Стороной процедуры по введению меры по основаниям статьи XX ГАТТ.

Анализируемый подход к функционированию внутреннего рынка товаров в рамках Союза и возможных исключений из него аналогичен установленному подходу в рамках многосторонней торговой системы ВТО.

С учетом изложенного, отвечая на вопрос, поставленный перед Большой коллегией Суда, и соглашаясь с выводом о том, что пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения, полагаю, что, в контексте вопроса заявителя, введение ограничительной меры, согласно пункту 1 статьи 29 Договора, не обусловлено принятием отдельного порядка перемещения или обращения товаров на таможенной территории Союза. Предписанные в пункте 1 статьи 29 Договора условия для применения ограничений во взаимной торговле не требуют «ограничительного толкования».

Судья Суда
Евразийского экономического союза

В.Х.Сейтимова

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-2/2-17-БК)

город Минск

30 октября 2017 года

1. 30 октября 2017 года Большой Коллегией Суда Евразийского экономического союза вынесено консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

Обстоятельства, предшествующие обращению

2. Комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд Союза) с заявлением о предоставлении консультативного заключения по вопросу применения положений пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе, в том числе во взаимосвязи с пунктом 3 данной статьи.

Из содержания заявления и приложенных к нему документов следует, что Комиссия также просит разъяснить, требуется ли в целях применения ограничений во взаимной торговле товарами по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе, принятие отдельного порядка перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза, установленного в соответствии с Договором о Союзе, международными договорами в рамках Союза, или до его принятия допустимо введение ограничений в одностороннем порядке.

Как видно из заявления и приложенных к нему документов, Комиссия обратилась в Суд Союза за предоставлением консультативного заключения не в связи с необходимостью общего уяснения содержания пунктов 1, 3 статьи 29 Договора о Союзе, а по причине различного толкования данных норм государствами – членами Союза в конкретной правовой ситуации, то есть в связи с неединообразным применением Договора о Союзе. При таких обстоятельствах предметом разъяснения является не только абстрактное толкование (*in abstracto*) указанных норм Договора о Союзе, то есть установление их общего содержания, а уяснение значения правовых норм применительно к конкретным обстоятельствам, возникшим в отношениях между государствами – членами Союза (толкование *in concreto*).

Толкование *in concreto* способствует реализации Судом Союза задачи по обеспечению единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о Союзе, поскольку позволяет дать ответ на поставленный перед Судом Союза вопрос не только в правовом, но и в фактическом контексте.

Особо отмечаю, что при толковании нормы права Союза Суду Союза важно не только располагать достаточной информацией о предмете запроса, фактических обстоятельствах, послуживших основанием для обращения в Суд Союза, но и излагать ее в тексте судебного акта. Подобный подход направлен на комплексное уяснение толкуемой нормы права Союза государствами-членами и органами Союза, как в абстрактно-правовом смысле, так и применительно к конкретным обстоятельствам, послужившим основанием для направления запроса.

С учетом изложенного исхожу из того, что в консультативном заключении Суду Союза следовало указать не только общий вопрос, поставленный Комиссией в заявлении о разъяснении, но и описать обстоятельства, предшествующие данному обращению, сведения о которых представлены Суду Союза в заявлении о разъяснении и приложенных к нему документах.

Так из материалов, представленных Комиссией, видно, что соответствующий вопрос возник в связи с введением Республикой Казахстан Приказами Министерства по инвестициям и развитию от 15 августа 2016 года № 607 и от 25 августа 2016 года № 630 запрета на вывоз с территории Республики Казахстан сроком на шесть месяцев необработанных шкур крупного рогатого скота (код ТН ВЭД ЕАЭС 4101), а также регенерируемой бумаги, картона, макулатуры и отходов (код ТН ВЭД ЕАЭС 4707). В преамбуле данных Приказов указано на их принятие «в соответствии со статьей 18 Закона Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года «О регулировании торговой деятельности», статьей 29 Договора о Евразийском экономическом союзе, а также разделом 10 Приложения 7 к Договору». Таким образом, запрет на вывоз соответствующих товаров введен не только в отношении третьих стран, но и других государств – членов Союза.

Согласно протоколу консультаций уполномоченных представителей государств – членов Союза по вопросу введения временного запрета на вывоз с территории Республики Казахстан отдельных категорий товаров (сырья) от 12 января 2017 года №25-1/пр временный запрет на вывоз с территории Республики Казахстан регенерируемой бумаги, картона, макулатуры и отходов введен в целях охраны окружающей среды, основанием для введения временного запрета на вывоз с территории Республики Казахстан необработанных шкур крупного рогатого скота является обеспечение экономической безопасности государства, так как указанный товар отнесен к числу чувствительных товаров для экономики и происходящий значительный отток сырья наносит существенный ущерб национальной экономике государства.

Выводы

3. В консультативном заключении Большая коллегия Суда установила, что государства-члены вправе, со ссылкой на одно из исключений, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе, применять в одностороннем порядке ограничительные меры во взаимной торговле.

Считаю данный вывод Большой коллегии Суда не соответствующим Договору о Союзе и целям евразийской экономической интеграции, исхожу из того, что право на применение ограничений во взаимной торговле товарами принадлежит исключительно Союзу и может быть реализовано лишь совместно государствами – членами Союза.

3.1. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора о Союзе свобода движения товаров является основополагающим элементом Союза. Этот вывод подтверждает и обращение к международно-правовым актам, на основе которых формировался Союз. Так в преамбуле Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 года указано, что таможенный союз формируется в целях обеспечения свободного перемещения товаров во взаимной торговле. Согласно Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года обеспечение свободы движения товаров и эффективного функционирования общего рынка товаров представляют собой основные цели, для достижения которых создается Союз.

Пункт 1 статьи 25 Договора о Союзе констатирует достижение названных целей, закрепляя норму-принцип, согласно которой в рамках таможенного союза государств-членов функционирует внутренний рынок товаров, осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором о Союзе.

Уяснение указанной правовой нормы позволяет прийти к выводу о реализации государствами-членами такой стадии экономической интеграции, при которой предполагается не только отмена ввозных и вывозных таможенных пошлин, создание условий для свободного перемещения товаров, гармонизация законодательства о внешней торговле, но и унифицированное регулирование всех аспектов взаимной торговли товарами. Данный вывод подтверждает и прямое указание в пункте 1 статьи 25 Договора о Союзе на то, что исключения из принципа свободного перемещения товаров допускаются только на основании Договора о Союзе.

О том, что внутренний рынок регулируется исключительно на наднациональном уровне, свидетельствует и взаимосвязанное прочтение пунктов 1 и 2 статьи 28 Договора о Союзе, согласно которым принятие мер по обеспечению функционирования внутреннего рынка как экономического пространства всех государств-членов, отнесено к полномочиям Союза и осуществляется на основании Договора о Союзе.

Изложенное позволяет заключить, что воля создателей Договора о Союзе направлена на устранение всех ограничений свободного движения товаров на национальном уровне в рамках функционирования внутреннего рынка товаров.

Особо отмечаю, что с момента вступления в силу Договора о Союзе права на применение ограничений в одностороннем порядке лишены, как национальные органы государств-членов, так и органы Союза. Принятие решения о применении ограничений на основе международного договора, то есть по согласованию всех государств-членов, позволяет, с одной стороны, реализовать принцип свободного перемещения товаров, а с другой, – обеспечить учет национальных интересов Сторон, то есть соблюсти основные принципы функционирования Союза, закрепленные в статье 3 Договора о Союзе.

Считаю необходимым акцентировать внимание на том, что позиции государств-членов (Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Российской Федерации) свидетельствуют об их единообразном понимании норм

Договора о Союзе, как допускающих введение исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров только на наднациональном уровне.

3.2. Вывод об отсутствии у государств-членов права в одностороннем порядке применять ограничения во взаимной торговле товарами подтверждает и систематическое толкование пункта 3 статьи 28, пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе, а также положений Таможенного кодекса Таможенного союза.

В пункте 3 статьи 28, пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе использована фраза «во взаимной торговле товарами». Договор о Союзе понятие «товар» не содержит.

Таможенный кодекс Таможенного союза использует понятия «товар» и «товар таможенного союза». Согласно подпунктам 35, 37 пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса Таможенного союза товар – это любое движимое имущество, перемещаемое через таможенную границу и иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу, а товар таможенного союза – это товар, который легально находится на территории таможенного союза и свободно обращается.

Статус товара таможенного союза в соответствии с указанными нормами Таможенного кодекса Таможенного союза присваивается товарам, полностью произведенным в государстве – члене Союза; иностранным товарам, ввезенным на таможенную территорию таможенного союза и приобретшим статус товаров таможенного союза в соответствии с правом Союза; товарам, изготовленным на территориях государств – членов таможенного союза из товаров таможенного союза и (или) иностранных товаров, и приобретшим статус товаров таможенного союза в соответствии с правом Союза.

Аналогичные понятия приведены в подпунктах 45, 47 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Таким образом, к числу понятия «товар» отнесены, как товары таможенного союза, находящиеся в свободном обращении, так и иностранные товары, перемещаемые через таможенную границу, но не получившие статус товаров таможенного союза.

Пункт 3 статьи 28, пункты 1, 3 статьи 29 Договора о Союзе регулируют взаимную торговлю товарами государств-членов, то есть торговлю товарами, которые находятся в свободном обращении на территории Союза. Таким образом, следует констатировать, что данные правовые нормы регулируют торговлю на внутреннем рынке исключительно товарами таможенного союза (за исключением товаров, запрещенных к свободному обороту на основании международных договоров и актов международных организаций).

Товар таможенного союза, выпущенный в свободное обращение одним из государств – членов Союза, не может быть ограничен в обращении другим государством – членом Союза. Данный вывод согласуется с решением Суда Союза от 21 февраля 2017 года по спору по заявлению Российской Федерации к Республике Беларусь, из содержания которого следует, что одно государство – член Союза не может изменить статус товара как товара таможенного союза, присвоенного ему уполномоченными органами другого государства-члена, тем самым ограничив его свободное перемещение и обращение (абзац 8 пункта 8 решения). Соответственно, ограничение обращения или перемещения таких товаров может быть произведено исключительно на наднациональном уровне.

В соответствии с пунктом 2 статьи 101 Договора о Союзе для целей применения Таможенного кодекса Таможенного союза до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза под товаром таможенного союза понимается товар Союза.

3.3. Обосновывая позицию, согласно которой право на применение ограничений во взаимной торговле товарами принадлежит исключительно Союзу, считаю необходимым осуществить систематическое толкование пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе, статьи 47 данного Договора, а также пункта 50 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, являющегося Приложением № 7 к Договору о Союзе.

Учитывая установленную пунктом 3 статьи 28 Договора о Союзе возможность применения во взаимной торговле государств-членов мер нетарифного регулирования, которые вводятся только в отношениях с третьими странами, является обоснованным обращение к нормам Договора о Союзе в части регулирования торговли с третьими странами, а также к Протоколу о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран.

Согласно статье 47 Договора о Союзе государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить и применять меры нетарифного регулирования в порядке, предусмотренном приложением № 7 к Договору о Союзе. В соответствии с пунктом 50 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран в исключительных случаях по основаниям, предусмотренным разделами VII и VIII данного Протокола, государства-члены в торговле с третьими странами могут в одностороннем порядке вводить временные меры, в том числе по основаниям, отличным от указанных в разделах III и IV Протокола.

С учетом изложенного отмечаю, что указанные нормы содержат четкую и однозначную формулировку в виде фразы «в одностороннем порядке», позволяющую констатировать наличие у каждого государства-члена права вводить и применять меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами.

Юридикто-техническое сравнение пунктов 1, 3 статьи 29, статьи 47 Договора о Союзе, а также пункта 50 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран свидетельствует об отказе создателей Договора о Союзе от предоставления государствам-членам права в одностороннем порядке вводить ограничения во взаимной торговле товарами Союза.

4. Не соглашаясь с выводом Большой коллегии Суда о том, что пункты 1 и 3 статьи 29 Договора о Союзе являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения, отмечаю следующее.

Пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе предусмотрены основания, при наличии которых государства-члены вправе совместно применять ограничения во взаимной торговле товарами, – если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов, перечисленных в подпунктах 1 – 6 данного пункта. Таким образом, цель пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе – не предоставление каждому государству-члену права применять ограничения, а определение оснований их применения государствами-членами совместно.

Данный вывод подтверждает и анализ пункта 2 статьи 29 Договора о Союзе, в котором при установлении общего права государств-членов вводить на внутреннем рынке санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры использована отсылка к пункту 1 статьи 29 Договора о Союзе для оправдания введения соответствующих мер.

В свою очередь, часть первая пункта 3 статьи 29 Договора о Союзе содержит общее дозволение на применение государствами-членами ограничений оборота отдельных категорий товаров Союза по основаниям, перечисленным в пункте 1 данной статьи.

О том, что пункт 1 статьи 29 Договора о Союзе не является самостоятельной правовой нормой, свидетельствует и тот факт, что в данном пункте не определено, в какой форме (квотирования, лицензирования и др.) и в каком порядке может быть применено ограничение. Конкретная форма ограничения и порядок перемещения или обращения товаров, в отношении которых применено ограничение, определяется Договором о Союзе (в том числе применительно к санитарным, ветеринарно-санитарным и карантинным фитосанитарным мерам на основании раздела XI Договора о Союзе и Протокола о применении санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, являющегося Приложением № 12 к Договору о Союзе (далее – Протокол о применении санитарных мер) и международными договорами в рамках Союза (применительно к иным ограничениям оборота товаров).

С учетом изложенного прихожу к выводу о том, что пункт 1 статьи 29 Договора о Союзе не может быть применен без взаимосвязи с пунктом 3 данной статьи, а, значит, для введения ограничений во взаимной торговле товарами Союза в случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе, необходимо принятие международного договора в рамках Союза, устанавливающего порядок перемещения и обращения отдельных категорий товаров. Таким образом, ограничение оборота отдельных категорий товаров Союза может быть реализовано только совместно всеми государствами-членами.

5. Соглашаясь с позицией Большой коллегии Суда о том, что при обеспечении функционирования внутреннего рынка товаров в рамках таможенного союза государства – члены Союза осуществляют единую политику, считаю необходимым дополнить данный вывод следующим обоснованием.

Статьей 2 Договора о Союзе предусмотрено, что единая политика – это политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором о Союзе, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Унификация правового регулирования, направленного на функционирование внутреннего рынка товаров, выражается в следующем.

Согласно пункту 1 статьи 25 Договора о Союзе внутренний рынок товаров функционирует в рамках таможенного союза государств-членов. В соответствии со статьей 3 Договора о Союзе таможенный союз функционирует без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов. Применительно к регулированию внутреннего рынка товаров в рамках таможенного союза Договор о Союзе не предус-

матривает переходных периодов, а значит, с момента вступления данного Договора в силу внутренний рынок товаров функционирует без изъятий и ограничений, вводимых на национальном уровне.

В соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 25, пунктом 3 статьи 28 Договора о Союзе исключения из порядка функционирования внутреннего рынка Союза допускаются только в случаях, предусмотренных Договором о Союзе. Случаи, предусмотренные Договором о Союзе, изложены в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе. В свою очередь, грамматическое толкование пунктов 2 и 3 статьи 29 Договора о Союзе свидетельствует о том, что данные случаи являются основанием для применения соответствующих ограничений (санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, а также иных мер, ограничивающих перемещение и обращение товаров).

С учетом изложенного прихожу к выводу, что случаи (основания) для применения ограничений во взаимной торговле товарами Союза унифицированы правом Союза посредством их исчерпывающего определения в Договоре о Союзе. Они не могут быть дополнены ни иным актом права Союза, ни национальным законодательством государств-членов.

Унификация правового регулирования порядка перемещения или обращения на таможенной территории Союза отдельных категорий товаров, оборот которых может быть ограничен по основаниям, указанным в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе, закреплена в части 2 пункта 3 статьи 29 Договора о Союзе, предусматривающей, что соответствующий порядок определяется в соответствии с Договором о Союзе, международными договорами в рамках Союза.

Тот факт, что компетенция в рамках функционирования внутреннего рынка передана на уровень Союза, подтверждает взаимосвязанное прочтение статей 28, 29 Договора о Союзе.

В соответствии с пунктом 1 статьи 28 Договора о Союзе к наднациональным полномочиям Союза отнесено обеспечение функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями Договора о Союзе.

В свою очередь, в соответствии с пунктом 3 статьи 28 Договора о Союзе в рамках функционирования внутреннего рынка во взаимной торговле товарами государства-члены не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных Договором о Союзе.

Пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе предусмотрено, что именно государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случаях, перечисленных в данной правовой норме.

Грамматический анализ пункта 3 статьи 28 и пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе позволяет сделать вывод, что право на применение ограничений предоставлено не каждому государству-члену, а может быть реализовано ими только совместно.

Изложенное подтверждает тот факт, что функционирование внутреннего рынка в рамках таможенного союза обеспечивается на наднациональном уровне, то есть государства-члены в данной сфере осуществляют единую политику.

Данный вывод согласуется с подходом к определению единой политики, изложенным в консультативном заключении Суда Союза от 4 апреля 2017 года по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь, согласно которому критериями единой политики является наличие унифицированного правового регулирования и передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий (абзац 7 пункта 1 консультативного заключения).

6. С учетом вопроса, поставленного в заявлении Комиссии, считаю, что в консультативном заключении Большой коллегии Суда следовало разъяснить, в какой форме могут быть введены исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров. Исхожу из того, что взаимосвязанное прочтение подпункта 5 пункта 1 статьи 25, пунктов 1 – 3 статьи 29 Договора о Союзе, а также Протокола о применении санитарных мер позволяет сделать вывод, что исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров могут иметь форму государственного контроля, в частности санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного, а также форму ограничений. В свою очередь, в число ограничений входят нетарифные меры, а также санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры.

6.1. Тот факт, что государственный контроль, а также санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры связаны с мерами нетарифного регулирования, но являются самостоятельным видом исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, подтверждает сфера их действия, отличная от сферы применения ограничений во взаимной торговле товарами, а также предоставление полномочий по их осуществлению и введению государствам-членам.

В силу пунктов 3 – 7, 9 – 11, 18, 20 – 22 Протокола о применении санитарных мер полномочия по осуществлению санитарно-эпидемиологического, ветеринарного, карантинного фитосанитарного контроля (надзора), а также по применению санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер предоставлены государствам - членам и осуществляются ими на таможенной границе Союза в отношении товаров третьих стран и на таможенной территории Союза в отношении товаров Союза.

Таким образом, нормы о применении санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер сформулированы одинаковым образом, как для внешней, так и для взаимной торговли государств-членов.

6.2. Систематическое толкование пункта 3 статьи 28 и пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе свидетельствует о том, что хотя в рамках функционирования внутреннего рынка установлен общий запрет на применение ввозных и вывозных таможенных пошлин, специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, а также мер нетарифного регулирования, исключение из этого запрета, допускающее возможность применения ограничений, распространяется только на меры нетарифного регулирования.

Как указано ранее, применение ограничений во взаимной торговле товарами Союза может быть оправдано только в случаях (по основаниям), закрытый перечень которых содержится в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе и включает государственные и общественные интересы, одинаково значимые для всех государств-членов и единообразно понимаемые ими. Цели экономического характера в указанный перечень не входят.

К числу мер, направленных на достижение экономических целей, относятся тарифные меры, в том числе ввозные и вывозные таможенные пошлины; специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры.

О том, что применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер обусловлено исключительно экономическими целями свидетельствует пункт 1 статьи 48 Договора о Союзе, согласно которому указанные меры вводятся для защиты экономических интересов производителей товаров. Такие меры не могут быть оправданы защитой интересов, перечисленных в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе.

Более того, как следует из пункта 1 статьи 48 Договора о Союзе, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры относятся к мерам защиты внутреннего рынка Союза и могут применяться исключительно в отношении товаров, происходящих из третьих стран и ввозимых на таможенную территорию Союза. Полномочия по введению соответствующих мер переданы государствами – членами Союза Комиссии, то есть на наднациональный уровень. Таким образом, во взаимной торговле товарами Союза государства-члены утратили право на введение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Тот факт, что специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры не входят в число исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров, подтверждает и применение метода исторического толкования.

Согласно статье 3 Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 года создание единой таможенной территории и отказ от применения во взаимной торговле таможенных пошлин, количественных ограничений и эквивалентных им мер не препятствовали Сторонам применять во взаимной торговле специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, а также запреты и ограничения импорта или экспорта, необходимые для защиты государственных и общественных интересов, перечисленных в данной статье.

Анализ указанной правовой нормы показывает, что специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры не входят в число ограничений во взаимной торговле. Также необходимо учитывать, что Союз представляет собой следующий этап интеграции по сравнению с таможенным союзом и это выражается, в том числе, в уменьшении числа исключений, которые могут быть применены во взаимной торговле, в частности, за счет утраты государствами-членами права на применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер во взаимной торговле товарами Союза.

Вывод о распространении пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе только на меры нетарифного регулирования подтверждает также применение систематического толкования Договора о Союзе и Таможенного кодекса Таможенного союза.

Из подпункта 25 пункта 1 статьи 4 Договора о Союзе и подпункта 33 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза следует, что взимание таможенной пошлины как обязательного платежа, подлежащего уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу, преследует экономическую цель, а также осуществляется только при торговле с третьими странами.

Изложенное позволяет констатировать, что применение ввозных и вывозных таможенных пошлин не может быть оправдано по основаниям, перечисленным в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе.

Также отмечаю, что пункт 1 статьи 25 и статья 32 Договора о Союзе свидетельствуют о передаче полномочий по единому таможенному регулированию на наднациональный уровень. С учетом данной правовой нормы прихожу к выводу, что, передав таможенное регулирование на наднациональный уровень и закрепив создание единой таможенной территории, характеризваемой отсутствием таможенных границ между государствами – членами Союза, государства-члены придали запрету взимания таможенных сборов во взаимной торговле товарами абсолютный характер. Соответственно, данный запрет действует вне зависимости от той цели, которую он преследует.

6.3. Осуществляя толкование понятия «ограничения», считаю необходимым подчеркнуть, что в его содержание не входит понятие «запреты», что является способом ограничения дискреции Союза по установлению исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров Союза.

Договор о Союзе предусматривает применение как запретов, так и ограничений при перемещении и обращении товаров в соответствии с Договором о Союзе и иными международными договорами в рамках Союза. В частности, применение и запретов, и ограничений допускается в рамках нетарифного регулирования торговли с третьими странами.

Учитывая ранее сделанный вывод о том, что применение ограничений во взаимной торговле товарами означает применение только мер нетарифного регулирования, для уяснения содержания понятия «ограничение» обоснованным является обращение к нормам Договора о Союзе, посвященным применению мер нетарифного регулирования в торговле с третьими странами.

Раздел IX Договора о Союзе «Внешнеторговая политика», включающий также нормы о нетарифном регулировании, предусматривает защиту экономических интересов Союза и содействие устойчивому развитию государств-членов, защиту прав и законных интересов хозяйствующих субъектов государств-членов.

Статьей 46 Договора о Союзе предусмотрены конкретные меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, которые включают применение запретов и ограничений в порядке, предусмотренном Протоколом о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, являющимся Приложением № 7 к Договору о Союзе. Пункт 2 данного Протокола разграничивает понятия «запрет» и «количественное ограничение». При этом, запрет рассматривается как мера, запрещающая ввоз и (или) вывоз отдельных видов товаров, а количественное ограничение – как мера по количественному ограничению внешней торговли товарами, которые вводятся путем установления квот.

Поскольку содержащееся в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе понятие «ограничение» шире понятия «количественное ограничение» по смыслу Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, прихожу к выводу о том, что ограничение включает как количественные ограничения, так и иные равнозначные им меры.

При таких обстоятельствах исхожу из необходимости разделять понятия «запрет» и «ограничение», которое включает количественные ограничения и иные равнозначные им меры. Особо отмечаю, что в содержание понятия «ограничение» не входят меры, способные остановить взаимную торговлю, то есть ограничение не включает запрет.

Вывод о необходимости разделения запретов и ограничений, а также о том, что во взаимной торговле государств-членов допускаются только ограничения, а не запреты, подтверждает и ретроспективный анализ Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза от 6 октября 2007 года. Прочитанная ранее статья 3 данного Договора предоставляла государствам-членам право применять и запреты, и ограничения. Отсутствие термина «запрет» в пункте 1 статьи 29 Договора о Союзе свидетельствует об отказе государств-членов от возможности применять запреты, в том числе в связи с переходом на иной уровень интеграции.

Таким образом, право Союза не предусматривает применения запретов во взаимной торговле государств-членов. Данная норма не может быть введена и на национальном уровне – посредством принятия международного договора в рамках Союза.

6.4. Считаю целесообразным отметить, что согласно пункту 3 статьи 29 Договора о Союзе ограничение во взаимной торговле товарами может быть применено только посредством принятия в форме международного договора Союза порядка перемещения или порядка обращения отдельных категорий товаров на таможенной территории Союза.

Анализ сложившейся в Союзе правоприменительной практики показывает, что ограничение перемещения отдельных категорий товаров Союза обусловлено выполнением международных обязательств (Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза от 29 мая 2015 года) или соблюдением законодательства государств-членов (Соглашение о перемещении служебного и гражданского оружия между государствами – членами Евразийского экономического союза от 20 мая 2016 года, Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года) и выражается в том, что перемещение соответствующих категорий товаров допускается только при наличии разрешительного документа.

Также исхожу из того, что ограничение обращения отдельных категорий товаров Союза, произведенное на основании принятых во исполнение раздела VII Договора о Союзе «Регулирование обращения лекарственных средств и медицинских изделий» Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в

рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года и Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года, оправдано по основанию охраны жизни и здоровья человека, предусмотренному подпунктом 1 пункта 1 статьи 29 Договора о Союзе. При этом ограничение обращения соответствующих категорий товаров состоит в том, что:

– в обращение в рамках Союза могут быть выпущены только те медицинские изделия, которые зарегистрированы в порядке, устанавливаемом Комиссией, а также промаркированы специальным знаком обращения медицинского изделия на рынке Союза (пункт 2 статьи 4, пункт 1 статьи 7 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий);

– в рамках Союза допускается реализация лекарственных средств при условии, что они прошли регистрацию в соответствии с процедурой, устанавливаемой Комиссией, и сведения о них внесены в единый реестр зарегистрированных лекарственных средств Союза (пункт 1 статьи 7, пункт 1 статьи 8 Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств).

Изложенное не позволяет согласиться с выводом Большой коллегии Суда о том, что ограничение перемещения и обращения допускается только в отношении тех категорий товаров Союза, которые ограничены или запрещены в гражданском обороте.

7. Следуя подходу о толковании *in concreto*, прихожу к выводу, что нормы Договора о Союзе о применении ограничений во взаимной торговле товарами в том истолковании, которое изложено в пунктах 3 – 6 настоящего особого мнения, не предоставляют государству-члену право в одностороннем порядке запретить вывоз в другие государства-члены отдельных категорий товаров Союза, в том числе перечисленных в материалах, представленных Комиссией.

Особо отмечаю, что согласно Единому перечню товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, утвержденному Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16 августа 2012 года № 134 (с учетом изменений и дополнений) регенерируемая бумага, картон, макулатура, отходы (код ТН ВЭД ЕАЭС 4707), происходящая из Республики Казахстан, запрещена к вывозу с таможенной территории Союза при торговле с третьими странами. Данный запрет действует с 16 сентября 2012 года.

Таким образом, установление Республикой Казахстан 25 августа 2016 года запрета на вывоз со своей территории регенерируемой бумаги, картона, макулатуры, отходов (код ТН ВЭД ЕАЭС 4707) при наличии действующего на наднациональном уровне запрета на вывоз данной категории товаров в третьи страны, преследует исключительно цель ограничения оборота соответствующей категории товаров во взаимной торговле государств-членов и является скрытым ограничением торговли, прямо запрещенным пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе.

8. Исходя из изложенного считаю, что Большой коллегии Суда надлежало сформулировать в консультативном заключении следующие выводы:

8.1. Пункт 1 статьи 29 Договора о Союзе не является самостоятельной правовой нормой и может быть применен только во взаимосвязи с пунктом 3 данной статьи, а значит, для введения ограничений во взаимной торговле товарами Союза в случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе, необходимо принятие международного договора в рамках Союза, устанавливающего порядок перемещения и обращения отдельных категорий товаров Союза.

8.2. Государства – члены Союза не вправе применять в одностороннем порядке ограничения оборота отдельных категорий товаров Союза, в том числе в форме запрета ввоза и вывоза товаров Союза.

8.3. Возможность применения ограничений на наднациональном уровне распространяется только на меры нетарифного регулирования и не допускает применения запретов во взаимной торговле государств – членов Союза.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме
по делу № СЕ-2-2/2-17-БК
(разъяснение по запросу Евразийской экономической комиссии)

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров – мониторинг и контроль исполнения международных договоров в рамках Союза – толкование и применение положений статьи 29 Договора – ограничительные меры во взаимной торговле товарами; порядок применения; ограничительное толкование – пропорциональность.

Статья 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Консультативное заключение – разъяснение Договора о Союзе.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, посвященной исключениям из порядка функционирования внутреннего рынка товаров Союза.

В ходе осуществления мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Евразийского экономического Союза, Комиссия выявила различные подходы государств-членов Союза к применению и толкованию данной статьи. Так, при одном подходе, применение ограничительных мер во взаимной торговле товарами государствами-членами Союза (пункт 1 статьи 29) возможно только при наличии международного договора, устанавливающего отдельный порядок перемещения и обращения таких товаров (пункт 3 статьи 29). Другой подход заключается в возможности для государств-членов вводить ограничительные меры во взаимной торговле товарами до заключения соответствующего международного договора при наличии оснований, перечисленных в пункте 1 статьи 29 Договора.

30 октября 2017 года Большая Коллегия вынесла консультативное заключение, в котором указала, что пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения. Таким образом, государства-члены Союза могут вводить ограничительные меры во взаимной торговле товарами до заключения соответствующего международного договора, однако национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной.

К консультативному заключению Суда приложены особые мнения судей Т.Н. Нешатаевой, В.Х. Сейтимовой и К.Л. Чайки.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Для отнесения определенной сферы к единой политике требуется наличие унифицированного правового регулирования, а также передача государствами-членами Союза компетенции в определенной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Общие правила функционирования таможенного союза и функционирования внутреннего рынка товаров унифицированы в рамках статей 25 и 28 Договора, то есть, урегулированы правом Союза, и их можно отнести к единой политике (наднациональное регулирование).

(см. абзац 5 пункта 1, абзац 2 пункта 3 Консультативного заключения. См. также абзацы 7, 11 пункта 1 Консультативного заключения от 4 апреля 2017 года по заявлению Республики Беларусь)

2. Применение мер, ограничивающих торговлю товарами на внутреннем рынке, по общему правилу, запрещается, так как это ведет к ограничению свободы движения товаров, что будет противоречить основополагающим принципам функционирования Союза: соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции, функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений (статья 3 Договора), и одной из целей Союза – стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза (статья 4 Договора).

В целях обеспечения исполнения условий свободного движения товаров и функционирования внутреннего рынка, государства-члены Союза должны создавать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, максимально избегая введения односторонних ограничений во взаимной торговле, исходя из принципов транспарентности, адекватности, соразмерности и объективной обусловленности, вытекающих из содержания пункта 2 статьи 3 Договора.

(см. абзац 1 пункта 4, абзац 6 пункта 9 Консультативного заключения)

3. Выделяются два основных условия допустимости применения ограничений:

- цель принятия национальной меры должна соответствовать одному из оправдывающих обстоятельств (в праве Союза – часть первая статьи 29 Договора о ЕАЭС);
- национальная мера не должна являться средством произвольной дискриминации или замаскированного ограничения в торговле между государствами-членами и должна быть пропорциональной.

(см. абзац 6 пункта 7 Консультативного заключения)

4. Следует признать существование двух видов исключений из принципа свободного движения товаров на основе одних и тех же оснований:

- 1) вводимых, как исключительную меру, государствами-членами Союза, по основаниям, перечисленным в пункте 1 статьи 29 Договора;
- 2) которые вводятся международными договорами для ограничения в обороте отдельных категорий товаров по тем же основаниям, установленным пунктом 1 статьи 29 Договора.

(см. абзац 3 пункта 8 Консультативного заключения)

5. Пункты 1 и 3 статьи 29 Договора являются самостоятельными нормативными положениями и не предусматривают прямого последовательного применения.

При этом дискреция государств-членов Союза по применению пункта 1 статьи 29 Договора не безусловна, что предопределено ограничительным толкованием условий применения ограничений во взаимной торговле товарами.

(см. пункт 10 Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-2/2-17-BK
(clarification upon the request of the Eurasian Economic Commission)

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC)

On clarification of the provisions of paragraphs 1 and 3 of Article 29 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

Exceptions from the procedure for functioning of the domestic market of goods – monitoring and supervision over execution of international treaties within the Union – interpretation and application of the provisions of Article 29 of the Treaty – restrictive measures on mutual trade in goods; procedure for application – restrictive interpretation – proportionality.

Article 29 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

Advisory Opinion – clarification of the Treaty provisions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union asking to clarify the provisions of Article 29 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 laying down the exceptions from the functioning of the EAEU internal market regarding the trade in goods.

In the course of monitoring and supervision over the execution of international treaties that are part of the EAEU law, the Commission discovered different approaches of the EAEU Member States to the application and interpretation of this Article. According to one approach, the application of restrictive measures in mutual trade in goods by the Union Member States (Article 29(1)) is possible only when there is an international treaty establishing a separate procedure for the movement and circulation of such goods (Article 29(3)). The other approach lies in the possibility for the Member States to introduce restrictive measures in mutual trade in goods without such an international treaty on grounds listed Article 29(1) of the Treaty.

On October 30, 2017 the Grand Chamber delivered an Advisory Opinion stating that paragraphs 1 and 3 of Article 29 of the Treaty are separate regulatory provisions and do not have to be applied consecutively. Thus, Member States of the Union may introduce restrictive measures in mutual trade in goods notwithstanding the absence of an international treaty provided that such national measures do not constitute means of arbitrary discrimination or disguised restriction in trade between Member States and are proportionate.

The separate opinions of Judges T.N. Neshataeva, V. Kh. Seitimova and K.L. Chaika are attached to the Advisory Opinion of the Court.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The classification of a certain field as falling within the Union common policy requires the existence of unified legal regulation, as well as delegation by the Member States of the Union of competence in this field to the authorities of the Union within their supranational powers.

General rules of functioning of the Customs Union and of the domestic market of goods are unified by Articles 25 and 28 of the Treaty, i.e., are regulated by the law of the Union and they can be classified as common policy (supranational regulation).

(see subparagraph 5 of paragraph 1, subparagraph 2 of paragraph 3 of the Advisory Opinion. See also subparagraphs 7 and 11 of paragraph 1 of the Advisory Opinion of April 04, 2017 upon the application of the Republic of Belarus)

2. Application of measures restricting trade in goods in the domestic market is prohibited as a general rule as it leads to the restriction of the freedom of the movement of goods, which will be contrary to the underlying principles of the Union functioning: observance of the principles of the market economy and good-faith competition, ensuring the functioning of the Customs Union without exceptions and limitations (Article 3 of the Treaty) and to one of the main objectives of the Union – to seek the creation of a common market for goods, services, capital and labour within the Union (Article 4 of the Treaty).

To ensure that the conditions for the free movement of goods and the functioning of the internal market are met, the Union Member States shall create favourable conditions for the exercise by the Union of its functions and refrain from measures that can jeopardize the achievement of the Union's objectives by avoiding introducing unilateral restrictions in mutual trade as far as possible proceeding from the principles of transparency, adequacy, proportionality and objective expediency arising out of the content of paragraph 2 of Article 3 of the Treaty.

(see subparagraph 1 of paragraph 4, subparagraph 6 of paragraph 9 of the Advisory Opinion)

3. There are two essential requirements for the restrictions to be justified:

- purpose of the adoption of a national measure shall conform to one of the justifying circumstances (in the law of the Union – Article 29(1) of the Treaty on the EAEU);
- the national measure shall not constitute a means of arbitrary discrimination or a disguised restriction on trade between Member States and shall be proportionate.

(see subparagraph 6 of paragraph 7 of the Advisory Opinion)

4. The existence of two types of exceptions from the principle of free movement of goods based on the same grounds should be recognized:

1) introduced as an exceptional measure by Member States of the Union on the grounds listed in Article 29(1) of the Treaty;

2) introduced by international treaties for the restriction of the circulation of separate categories of goods on the same grounds established in Article 29(1) of the Treaty.

(see subparagraph 3 of paragraph 8 of the Advisory Opinion)

5. Paragraphs 1 and 3 of Article 29 of the Treaty are separate regulatory provisions and do not require direct consecutive application.

At the same time, discretion of the Member States of the Union on the application of Article 29 (1) of the Treaty is not unfettered, which is predetermined by the restrictive interpretation of the conditions of application of restrictions in mutual trade in goods.

(see paragraph 10 of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 сентября 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., под председательством судьи-докладчика Айриян Э.В., при секретаре судебного заседания Винник В. В., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (Российская Федерация),

УСТАНОВИЛА:

В Суд Евразийского экономического союза обратилось общество с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (далее – заявитель, ООО «ТМР импорт»).

Заявитель просит признать Положение о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющееся приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294 (далее – Положение о порядке ввоза), в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза, являющегося приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17 (далее – Таможенный кодекс).

В обоснование своих требований заявитель приводит следующие доводы.

Основным видом деятельности ООО «ТМР импорт», зарегистрированного в Российской Федерации 27 января 2015 года в статусе юридического лица, является предпринимательская деятельность.

30 сентября 2015 года на таможенном посту аэропорта «Домодедово» (грузовой) Домодедовской таможни заявителем была подана таможенная декларация № 10002010/300915/0054774 в отношении импортируемых запчастей для автомобиля «Тойота».

Соответствие задекларированных товаров требованиям технических регламентов, по мнению заявителя, было подтверждено сертификатом соответствия С - JP. АГ75.В.24271 от 6 сентября 2013 года, держателем (заявителем) которого является производитель указанных запчастей «Toyota Motor Corporation».

1 октября 2015 года в выпуске товаров отказано на том основании, что ООО «ТМР импорт» не является держателем (заявителем) указанного сертификата, в связи с чем соответствие задекларированных товаров требованиям технических регламентов таможенный орган считает неподтвержденным.

Позиция таможенного органа основана на пункте 1 статьи 29 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ, которым, как полагают сотрудники таможенного органа, установлен запрет на предоставление сертификата соответствия в таможенный орган кем-либо, кроме держателя (заявителя) сертификата.

4 мая 2017 года на таможенном посту аэропорта «Домодедово» (грузовой) Домодедовской таможни заявителем была подана таможенная декларация № 10002010/040517/0028450 в отношении импортируемых запчастей для автомобиля «Форд».

Соответствие задекларированных товаров требованиям технических регламентов было подтверждено сертификатом соответствия № ТС RU С - DE.MT25.B.02433, держателем (заявителем) которого является дочерняя компания «Ford Motor Company» – общество с ограниченной ответственностью «Форд Соллерс Холдинг».

5 мая 2017 года таможенным органом в адрес ООО «ТМР импорт» направлен запрос о предоставлении документа, подтверждающего право на использование указанного сертификата.

7 мая 2017 года, не получив от ООО «ТМР импорт» указанного документа, таможенным постом аэропорта «Домодедово» (грузовой) Домодедовской таможни отказано в выпуске импортируемых товаров.

Как следует из заявления, ООО «ТМР импорт» отказано в выпуске товаров, соответствие которых требованиям технических регламентов было подтверждено предоставлением в таможенный орган действующего сертификата соответствия С - JPAГ75.B.24271 от 6 сентября 2013 года, чем нарушены права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности, предоставленные ООО «ТМР импорт» международными договорами, заключенными в рамках Евразийского экономического союза.

По мнению заявителя, в соответствии с частью 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор от 29 мая 2014 года) продукция, в отношении которой вступил в силу технический регламент Союза (технические регламенты Союза) и которая прошла все необходимые процедуры оценки соответствия, установленные техническим регламентом Союза, должна быть не ограничена в выпуске, а, наоборот, выпущена в свободное обращение на территории Таможенного союза.

Заявитель считает, что пунктом 2 статьи 188 Таможенного кодекса установлено, что предоставление в таможенный орган документов, на основании которых заполнена таможенная декларация, отнесено к исключительной обязанности (праву) декларанта, а не иного лица, в том числе держателя (заявителя) сертификата.

Согласно заявлению, в соответствии с Положением о порядке ввоза при таможенном декларировании продукции одновременно с таможенной декларацией таможенным органам подлежат представлению документы, удостоверяющие соответствие такой продукции (товаров) обязательным требованиям, или сведения о таких документах.

Положением о порядке ввоза не разъясняется: только лишь держатель сертификата соответствия (заявитель) уполномочен предоставлять в таможенные орга-

ны сертификат соответствия, либо иные документы, удостоверяющие соответствие продукции обязательным требованиям, либо это может сделать также декларант.

В целях реализации своих прав и законных интересов, как хозяйствующего субъекта, импортирующего товары на территорию Евразийского экономического союза, ООО «ТМР импорт» направило соответствующее обращение в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссия) от 11 марта 2016 года.

Комиссией в адрес ООО «ТМР импорт» направлен ответ от 4 мая 2016 года за исх. № 16-350, который заявитель считает необоснованным.

ООО «ТМР импорт» направлено в Комиссию досудебное обращение от 6 марта 2017 года за исх. № 17102-22.

Заявитель просил Комиссию, к полномочиям которой согласно части 4 статьи 1 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося Приложением № 1 к Договору от 29 мая 2014 года, отнесено обеспечение реализации международных договоров, входящих в право Союза, обеспечить реализацию положений:

Таможенного кодекса, не предусматривающего участие в процессе оформления таможенного ввоза товаров других лиц, кроме декларанта, брокера и таможенного органа;

Положения о порядке ввоза, не устанавливающего каких-либо запретов или ограничений на предоставление декларантом в таможенные органы сертификата соответствия.

Ответ Комиссии в адрес ООО «ТМР импорт» от 13 июня 2017 года за исх. № 16- 924 заявитель также считает необоснованным.

По мнению заявителя, указанные документы подтверждают соблюдение им досудебного порядка урегулирования спора, установленного положением пункта 43 Статута Суда Евразийского экономического Союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда).

Выводы Коллегии Суда

Согласно подпункту 2) пункта 39 Статута Суда Суд рассматривает по заявлению хозяйствующего субъекта споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Заявитель просит признать Положение о порядке ввоза в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса; указывает права и законные интересы ООО «ТМР импорт» как хозяйствующего субъекта, которые, по его мнению, нарушены оспариваемым решением Комиссии; приводит обстоятельства и доводы в обоснование своих требований.

Спорные правоотношения возникли после 1 января 2015 года в рамках Евразийского экономического союза.

Коллегия Суда считает, что указанный спор относится к компетенции Суда Союза, установленной подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда.

К заявлению в Суд Евразийского экономического союза приложены документы о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора.

Сведений о наличии вступившего в силу решения Суда Евразийского экономического союза по ранее рассмотренному спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям и обстоятельствам не имеется.

Заявителем соблюдены требования статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

К заявлению приложены иные документы, обосновывающие требования хозяйствующего субъекта.

Документы и материалы представлены в объеме, достаточном для решения вопроса о принятии заявления к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 1 статьи 33, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (Российская Федерация) о признании Положения о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющееся приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294, в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза, являющегося приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17.

Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 14 ноября 2017 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Председательствующий

Э.В.Айриян

Судьи:

А.М.Ажибраимова

Ж. Н. Баишев

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 декабря 2017 года

город Минск

Суд Евразийского экономического союза в составе Коллегии Суда: председательствующего судьи-докладчика Айриян Э.В., судей Ажибраимовой А.М., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Винник В.В., рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство истца – общества с ограниченной ответственностью «ТМР импорт», Российская Федерация, об отказе от заявления в Суд Евразийского экономического союза и о прекращении производства по делу по заявлению ООО «ТМР импорт»,

УСТАНОВИЛ:

Общество с ограниченной ответственностью «ТМР импорт», Российская Федерация (далее – ООО «ТМР импорт», истец), обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании Положения о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющегося приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294 (далее – Положение о порядке ввоза), в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, несоответствующим части 2 статьи 53 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза, являющегося приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа таможенного союза) на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17 (далее – Таможенный кодекс).

Постановлением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 сентября 2017 года заявление ООО «ТМР импорт» принято к производству.

10 ноября 2017 года Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия, ответчик) в Суд Союза и в адрес истца направлены возражения на заявление ООО «ТМР импорт».

14 ноября 2017 года после изложения истцом своей позиции судебное разбирательство отложено в целях предоставления сторонам времени на проведение переговоров на предмет заключения мирового соглашения.

4 декабря 2017 года в Суд поступили ходатайство от ООО «ТМР импорт» от 1 декабря 2017 года об отказе от заявления в Суд Союза и о прекращении производства по делу.

4 декабря 2017 года в Суд поступили письменные пояснения Комиссии от 4 декабря 2017 года о том, что Комиссия не возражает против прекращения производства по делу по вышеуказанным основаниям.

На основании изложенного, руководствуясь подпунктом в) пункта 1, пунктом 2 статьи 56, статьей 84 Регламента Суда, пунктом 64 Статута Суда Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Прекратить производство по делу в связи с отзывом ООО «ТМР импорт» своего заявления.

Пошлина, уплаченная ООО «ТМР импорт» при обращении в Суд, возврату не подлежит.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Председательствующий

Э.В.Айриян

Судьи:

А.М.Ажибраимова

Ж.Н.Баишев

Д.Г.Колос

Т.Н.Нешатаева

Резюме
по делу № СЕ-1-2/1-17-КС
(ООО «ТМР импорт»)

Ключевые слова:

ООО «ТМР импорт» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании решения ЕЭК.

Таможенное регулирование – технический регламент – сертификат соответствия – право на предоставление сертификата соответствия в таможенный орган – держатель (заявитель) сертификата соответствия – декларант – запчасти для автомобилей – выпуск товара в свободное обращение – отказ в выпуске товара.

Положение о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющееся приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294 – Таможенный кодекс Таможенного союза.

Постановление Коллегии Суда – принятие заявления к производству – прекращение производства.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «ТМР импорт» (далее – ООО «ТМР импорт», истец) обратилось в Суд с заявлением о признании Положения о порядке ввоза на таможенную территорию Таможенного союза продукции (товаров), в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза, являющегося приложением к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2012 года № 294, (далее – Положение о порядке ввоза), в части отсутствия информации о том, что предоставлять сертификат соответствия в таможенный орган имеет право в том числе декларант, не соответствующим части 2 статьи 53 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года и пункту 2 статьи 188 Таможенного кодекса Таможенного союза.

11 сентября 2017 года заявление ООО «ТМР импорт» принято Судом к производству.

Как следует из заявления, истцу было отказано в выпуске товаров (импортируемых запчастей для автомобилей), соответствие которых требованиям технических регламентов было подтверждено предоставлением в таможенный орган сертификатов соответствия, чем, по мнению истца, были нарушены его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности, предоставленные международными договорами, заключенными в рамках ЕАЭС.

Истец полагает, что в соответствии с ТК ТС предоставление в таможенный орган документов, на основании которых заполнена таможенная декларация, отнесено к исключительной обязанности (праву) декларанта, а не заявителя сертификата. При этом Положением о порядке ввоза не разъясняется, только лишь держатель (заяви-

тель) сертификата соответствия уполномочен предоставлять в таможенные органы сертификат соответствия, либо это может сделать также декларант.

После изложения истцом своей позиции судебное разбирательство было отложено в целях предоставления сторонам времени на проведение переговоров на предмет заключения мирового соглашения.

4 декабря 2017 года в Суд поступило ходатайство от ООО «ТМР импорт» от 1 декабря 2017 года об отказе от заявления и о прекращении производства по делу. Комиссия не возражала против прекращения производства по делу.

Постановлением от 5 декабря 2017 года, в соответствии со статьями 56, 84 Регламента Суда, пунктом 64 Статута Суда, Коллегия Суда прекратила производство по делу в связи с отзывом ООО «ТМР импорт» своего заявления.

Summary
of case No. CE-1-2/1-17-KC
(TMR Import LLC)

Keywords:

TMR Import LLC (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On challenging the decision of the EEC.

Customs regulation – technical regulation – certificate of conformity – right to provide a certificate of conformity to customs authority – holder (applicant) of a certificate of conformity – declarant – spare parts to cars – release of goods into free circulation – refusal to release goods.

Regulation on the procedure for import into the customs territory of the Customs Union of products (goods), in respect of which mandatory requirements are established within the Customs Union, being an appendix to Decision No. 294 of the Board of the Eurasian Economic Commission of December 25, 2012 – the Customs Code of the Customs Union.

Order of the Chamber of the Court – acceptance of the application – termination of proceedings.

Substance of the case:

TMR Import Limited Liability Company (hereinafter “TMR Import LLC”, “Claimant”) applied to the Court in order to recognise the Regulation on the procedure for import into the customs territory of the Customs Union of products (goods), in respect of which mandatory requirements are established within the Customs Union, being an appendix to Decision No. 294 of the Board of the Eurasian Economic Commission of December 25, 2012 (hereinafter “Regulations on the procedure for import”) to be not in line with Article 53(2) (part 2) of the Treaty on the EAEU of May 29, 2014 and Article 188(2) of the Customs Code of the Customs Union with regard to the absence of information on the fact that declarant may also provide a certificate of conformity to the customs authority.

On September 11, 2017 the Court accepted the application of TMR Import LLC.

As it follows from the application, the Claimant received a refusal to release the goods it was importing (spare parts to cars) whose conformity with the requirements of the technical regulations was confirmed by the submission of the certificates of conformity to the customs authority. According to the Claimant, this resulted in a violation of its rights and legitimate interests in the field of business activity granted by international treaties within the EAEU.

The Claimant believes that in accordance with the Customs Code of the Customs Union, it is solely the duty (right) of the declarant and not of the holder of a certificate to submit to a customs authority the documents on the basis of which customs declaration is filled. At the same time, the Regulation on the procedure for import does not explain whether only the holder (applicant) of a certificate of conformity is authorized to submit to the customs authorities a certificate of conformity, or it can be also done by the declarant.

After the Claimant had the opportunity to present its arguments the hearings were postponed in order to give the parties the time to negotiate the conclusion of a settlement agreement.

On December 04, 2017 the Court received a motion from TMR Import LLC of December 01, 2017 on the withdrawal of the application and termination of proceedings. The Commission did not object to the termination of proceedings.

In accordance with Articles 56 and 84 of the Regulation of the Court and paragraph 64 of the Statute of the Court, the Chamber of the Court terminated the proceedings by Order of December 05, 2017 due to withdrawal by TMR Import LLC of its application.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 сентября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Туманяна А.Э., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Борель Ю.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года),

УСТАНОВИЛА:

Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с просьбой дать разъяснение о применении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) в части применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

Заявитель указывает, что основанием для обращения в Суд явилось разное толкование и, как следствие, разное применение пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан.

Выводы Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена или органа Евразийского экономического союза (далее — Союз) осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (далее — разъяснение).

Согласно пункту 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых

определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Разъяснение Договора и его приложений входит в компетенцию Суда по рассмотрению заявлений в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 7 сентября 2017 года № 394-р установлен перечень органов, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза от имени Кыргызской Республики с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза. В данный перечень входит также Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики.

Таким образом, заявитель является лицом, имеющим право на обращение в Суд в порядке, предусмотренном пунктами 46 и 49 Статута Суда.

Заявление подписано руководителем уполномоченного органа государства-члена Союза, министром транспорта и дорог Кыргызской Республики, что соответствует пункту 2 статьи 10, подпункту б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее — Регламент Суда).

Требования, предъявляемые к содержанию заявления государства-члена или органа Союза о разъяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что заявление Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

По вопросу указанному в заявлении, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение ранее Судом не принималось.

Оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10, 73, 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 31 октября 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию настоящего постановления направить заявителю.

4. Постановление вступает в силу с даты его вынесения, является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

20 ноября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего Федорцова А.А., судьи-докладчика Туманяна А.Э., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Малашко А.П., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

I. Вопрос заявителя

Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики (далее – Заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с просьбой дать разъяснение пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Приложение № 2 к Протоколу) в части применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

В заявлении указывается, что основанием для обращения в Суд явилось разное толкование и, как следствие, разное применение пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан.

Позднее, в порядке уточнения своих аргументов, Заявитель сообщил, что Кыргызская Республика ввиду особенностей расположения железнодорожных путей вынуждена осуществлять грузоперевозки железнодорожным транспортом в/из южные регионы (Ошская, Джалал-Абадская области) транзитом по территории Республики Казахстан и Республики Узбекистан.

По мнению Заявителя, с географической точки зрения грузовые перевозки железнодорожным транспортом в Ошскую и Джалал-Абадскую области Кыргызской Республики транзитом через территории Республики Казахстан и Республики Узбекистан аналогичны грузовым перевозкам железнодорожным транспортом, которые осуществляются Российской Федерацией в Калининградскую область транзитом через территории Республики Беларусь и Литовской Республики. На соответствующий запрос Заявителя из Республики Беларусь был получен ответ, согласно которо-

му при перевозке грузов железнодорожным транспортом из Российской Федерации (включая ее порты) в Калининградскую область (включая ее порты) транзитом через территории Республики Беларусь и Литовской Республики применяются унифицированные тарифы.

Однако, как отмечает Заявитель, Комитет транспорта Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан в своем письме АО «НК «Казахстан темир жолы», выражая иную точку зрения, указывает, что пункт 13 Приложения № 2 к Протоколу относится лишь к перевозкам с участием двух государств-членов, в связи с чем перевозки из Российской Федерации через территорию Республики Казахстан и Республики Узбекистан в Кыргызскую Республику не подпадают под действие пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу и к ним применяется транзитный тариф. По такому же принципу Республикой Казахстан унифицированный тариф не применяется и к перевозкам из северных регионов Кыргызской Республики в южные регионы через территории Республики Казахстан и Республики Узбекистан.

Заявитель не согласен с подобным толкованием пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу, полагает, что Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) согласно статье 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская Конвенция) должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта, целей договора, и просит Суд дать консультативное заключение по вопросу применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

II. Компетенция Суда

Юрисдикция Суда в отношении вынесения консультативного заключения по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики установлена на основании пунктов 46 и 49 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Статут Суда), постановлением Суда от 11 сентября 2017 года о принятии его к производству.

III. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 ноября 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда направлены запросы в адрес Евразийской экономической комиссии, государственных органов и научных учреждений государств-членов, Дирекции Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества, Европейского сообщества железных дорог и предприятий инфраструктуры.

Получены ответы от Евразийской экономической комиссии, Министерства транспорта, связи и информационных технологий Республики Армения, Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, Министерства по ин-

вестициям и развитию Республики Казахстан, Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики, Федерального агентства железнодорожного транспорта Российской Федерации, Белорусского государственного университета транспорта, Белорусского научно-исследовательского института транспорта «Транстехника», Дирекции Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Института проблем естественных монополий (Российская Федерация), Казахской академии транспорта и коммуникаций имени М. Тынышпаева, Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры имени Н. Исанова, Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (Российская Федерация), Научно-исследовательского института транспорта и коммуникаций (Республика Казахстан), Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, Российского государственного университета транспорта.

IV. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской Конвенции.

1. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором.

Основными целями Союза согласно статье 4 Договора являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Для достижения указанных целей государства-члены наделили Союз компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза. В свою очередь, сами государства-члены обязались создавать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение его целей, а также осуществлять скоординированную или согласованную политику в пределах, объемах и сферах, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза. В иных сферах, а именно в сферах, которые прямо не указаны в Договоре, государства-члены лишь стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики.

Из указанного Большая коллегия Суда делает вывод о том, что понятия «скоординированная политика» и «согласованная политика» не равнозначны и применительно к конкретной отрасли экономики, определенной Договором, государства-члены реализуют либо скоординированную, либо согласованную политику. Это подтверждается нормами-определениями, содержащимися в статье 2 Договора,

согласно которым, если скоординированная политика предполагает осуществление только сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, то согласованная политика практически осуществляется государствами-членами в различных сферах и предполагает гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений Союза.

2. Основные цели Союза конкретизируются и дополняются применительно к конкретным направлениям деятельности ЕАЭС.

В разделе XXI («Транспорт») Договора определены основные положения транспортной политики в ЕАЭС.

В соответствии с пунктом 1 статьи 86 Договора в Союзе осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика, направленная на обеспечение экономической интеграции, последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, надежности, доступности и экологичности.

Из данной правовой нормы следует, что в сфере транспорта государствами-членами осуществляется как скоординированная, так и согласованная политика в зависимости от определенных в ней целей, поставленных задач и сформулированных приоритетов.

Главной задачей скоординированной (согласованной) транспортной политики является формирование общего рынка транспортных услуг, определяемого как форма экономических отношений, при которых создаются равные и паритетные условия для оказания транспортных услуг во всем Евразийском экономическом союзе. Одним из основных приоритетов – создание единого транспортного пространства ЕАЭС как совокупности транспортных систем государств-членов, в рамках которой обеспечивается беспрепятственное передвижение пассажиров, перемещение грузов и транспортных средств, их техническая и технологическая сопоставимость на основе гармонизированного законодательства государств-членов в сфере транспорта.

К числу других задач и приоритетов скоординированной (согласованной) транспортной политики статья 86 Договора относит интеграцию транспортных систем государств-членов в мировую транспортную систему, эффективное использование транзитного потенциала государств-членов, повышение качества транспортных услуг, обеспечение безопасности на транспорте, снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека, формирование благоприятного инвестиционного климата.

3. Большая коллегия Суда отмечает, что сфера железнодорожного транспорта в государствах-членах относится к естественным монополиям, а в соответствии с пунктом 3 статьи 78 Договора правоотношения в конкретных сферах естественных монополий определяются разделом XIX («Естественные монополии») Договора с учетом особенностей, предусмотренных разделами XX («Энергетика») и XXI («Транспорт») Договора.

В свою очередь, согласно пункту 1 статьи 87 Договора положения раздела XXI («Транспорт») применяются к автомобильному, воздушному, водному и железнодорожному транспорту с учетом положений разделов XVIII («Общие принципы и правила конкуренции») и XIX («Естественные монополии») настоящего Договора и особенностей, предусмотренных Приложением № 24 к Договору.

Из этого следует, что регулирование правоотношений, возникающих в сфере железнодорожных перевозок, осуществляется на основе и в соответствии с общими положениями, определяющими деятельность естественных монополий.

Исходя из этого, Большая коллегия Суда считает, что для полноценного и объективного ответа на поставленный Заявителем вопрос необходимо рассмотреть понятия, принципы и правила, установленные для регулирования деятельности субъектов естественных монополий, которые находятся в органической взаимосвязи с положениями раздела XXI («Транспорт») Договора, Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике, являющегося Приложением № 24 к Договору (далее – Приложение № 24 к Договору), и определяют формы и методы, которые применяют государства-члены при регулировании отношений в сфере железнодорожного транспорта.

4. Согласно норме-определению, содержащейся в пункте 2 Протокола о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий, являющегося Приложением № 20 к Договору (далее – Приложение № 20 к Договору), естественная монополия – состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг.

Из смысла данной правовой нормы следует, что сущность естественной монополии заключается в ее соответствии той рыночной ситуации, когда эффективное производство и распределение любого объема продукции или услуги возможно лишь при наличии единственного производителя, а величина издержек, при определенном уровне производства, для одного производителя меньше, чем для двух и более. Наличие конкурентов в этом случае ведет к неоправданным затратам на создание параллельной инфраструктуры. Такая рыночная ситуация возможна только в результате особенностей технологии, уникальности продукции и ресурсов, услуг, предоставляемых ими, и высоких барьеров входа на рынок, которые автоматически делают хозяйствующий субъект естественным монополистом и определяют его правовой статус.

Пункт 3 Приложения № 20 к Договору в обобщенном виде закрепляет общие принципы – основополагающие начала, которыми должны руководствоваться государства-члены при регулировании и (или) контроле за деятельностью субъектов естественных монополий, в том числе в сфере предоставления услуг железнодорожного транспорта, указанных в приложениях № 1 и № 2 Приложения № 20 к Договору, такие как:

соблюдение баланса интересов потребителей и субъектов естественных монополий государств-членов, обеспечивающего доступность оказываемых услуг и надлежащий уровень их качества для потребителей, эффективное функционирование и развитие субъектов естественных монополий;

применение гибкого тарифного (ценового) регулирования субъектов естественных монополий с учетом отраслевых особенностей, масштабов их деятельности, рыночной конъюнктуры, среднесрочных (долгосрочных) макроэкономических и отраслевых прогнозов, а также мер тарифного (ценового) регулирования этих субъ-

ектов, в том числе применение возможности установления дифференцированного тарифа, который не может быть установлен по принципу принадлежности потребителя (групп потребителей) к любому из государств-членов;

снижение барьеров доступа на внутренние рынки, в том числе путем обеспечения доступа к услугам субъектов естественных монополий;

обеспечение соблюдения субъектами естественных монополий правил доступа к услугам субъектов естественных монополий;

обеспечение соответствия устанавливаемых тарифов (цен) качеству услуг в сферах естественных монополий, на которые распространяется регулирование;

защита интересов потребителей, в том числе от различных нарушений субъектами естественных монополий, связанных с применением тарифов (цен) на регулируемые услуги.

Большая коллегия Суда констатирует, что на основе общих принципов регулирования деятельности субъектов естественных монополий и правил, установленных Приложением № 20 к Договору, государства-члены применяют следующие виды (формы, способы, методы, инструменты) регулирования:

- 1) тарифное (ценовое) регулирование;
- 2) виды регулирования, установленные Приложением № 20 к Договору;
- 3) иные виды регулирования, установленные законодательством государств-членов.

Большая коллегия Суда отмечает первостепенное значение тарифного (ценового) регулирования деятельности субъектов естественных монополий, которое производится на уровне государств-членов. Однако дискреция государств-членов в этом вопросе не абсолютна и может быть осуществлена в соответствии с пунктом 6 Приложения № 20 к Договору только путем:

1) установления (утверждения) национальным органом для субъектов естественных монополий тарифов (цен) на регулируемые услуги, в том числе их предельных уровней на основе утвержденной национальным органом методологии (формулы) и правил ее применения, а также соответствующего контроля национальным органом за применением установленных тарифов (цен) субъектами естественных монополий;

2) установления (утверждения) национальным органом методологии и правил ее применения, в соответствии с которыми субъект естественной монополии устанавливает и применяет тарифы (цены), а также контроля национальным органом за установлением и применением тарифов (цен) субъектами естественных монополий.

Таким образом, тарифное (ценовое) регулирование деятельности субъектов естественных монополий осуществляется государствами-членами на основании подходов, определенных Договором.

К сфере национального законодательства отнесено установление правил регулирования, обеспечивающих доступ к услугам субъектов естественных монополий. Контроль за соблюдением этих правил и условий подключения (присоединения, использования) к ним возложен на национальные органы государств-членов (пункт 13 Приложения № 20 к Договору). При этом доступ к услугам субъектов естественных монополий рассматривается как оказание субъектами естественных монополий одного государства-члена услуг, относящихся к сфере естественных монополий, потребителям другого государства-члена на условиях не менее благоприятных, чем

те, на которых предоставляется аналогичная услуга потребителям первого государства-члена при наличии технической возможности.

5. Пункт 18 Приложения № 24 к Договору в качестве основных целей в сфере железнодорожного транспорта определил поэтапное формирование общего рынка транспортных услуг, обеспечение доступа потребителей государств-членов к его услугам при осуществлении перевозок по территории каждого государства-члена на условиях не менее благоприятных, чем условия, созданные для потребителей этого каждого государства-члена, соблюдение баланса экономических интересов между потребителями услуг железнодорожного транспорта и организациями железнодорожного транспорта государств-членов.

Для реализации этих целей пунктом 6 Приложения № 2 к Протоколу установлено общее правило, в соответствии с которым тарифы на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельный уровень (ценовые пределы) устанавливаются (изменяются) в соответствии с законодательством государств-членов и международными договорами с обеспечением возможности дифференциации тарифов в соответствии с законодательством своего государства-члена.

Большая коллегия Суда считает, что правовая норма, содержащаяся в пункте 6 Приложения № 2 к Протоколу, носит универсальный характер и распространяется на все виды услуг (работ), оказываемых (выполняемых) организациями железнодорожного транспорта потребителям, в том числе:

- перевозка грузов и дополнительные услуги (работы), связанные с организацией и осуществлением перевозки грузов (в том числе порожнего состава);
- перевозка пассажиров, багажа, грузобагажа, почтовых отправлений и дополнительные услуги (работы), связанные с такой перевозкой;
- услуги инфраструктуры.

Между тем, пределы правоприменительного усмотрения уполномоченного национального органа, осуществляющего регулирование и (или) контроль за деятельностью субъектов естественных монополий по установлению (изменению) тарифов на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельных уровней (ценовых пределов), ограничены не только законодательством государства-члена, но и положениями Приложения № 2 к Протоколу.

Пункт 9 Приложения № 2 к Протоколу предоставляет право организациям железнодорожного транспорта, исходя из экономической целесообразности, принимать решения об изменении уровня тарифов на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов в рамках предельных уровней (ценовых пределов), установленных или согласованных уполномоченными органами государств-членов в соответствии с их законодательством.

Вместе с тем, пунктом 9 Приложения № 2 к Протоколу установлено, что предоставленным правом организации железнодорожного транспорта могут воспользоваться лишь для достижения строго определенных целей, таких как:

- повышение конкурентоспособности железнодорожного транспорта государств-членов;
- создание благоприятных условий для осуществления перевозок грузов железнодорожным транспортом;

привлечение новых грузопотоков, ранее не осуществлявшихся железнодорожным транспортом;

обеспечение возможности использования незадействованных или мало задействованных маршрутов перевозок грузов по железным дорогам;

стимулирование роста объемов перевозок грузов по железным дорогам государств-членов, стимулирования внедрения новой техники и технологий.

Большая коллегия Суда констатирует, что при реализации предоставленного им права принимать решения об изменении уровня тарифов на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов в рамках предельных уровней (ценовых пределов) организации железнодорожного транспорта обязаны соблюдать принцип недопустимости создания преимуществ для конкретных потребителей услуги железнодорожного транспорта – хозяйствующих субъектов государств-членов.

Таким образом, Большая коллегия Суда считает, что государства-члены, закрепив принципы формирования тарифов на международном уровне, ограничили свою дискрецию на их установление ценовыми пределами.

6. Согласно пункту 8 Приложения № 2 к Протоколу при перевозке грузов железнодорожным транспортом по территориям государств-членов применяются унифицированные тарифы по видам сообщений (экспортный, импортный и внутригосударственный тарифы).

Договор о Евразийском экономическом союзе не содержит определения понятия «унифицированный тариф». В связи с этим Большая коллегия Суда считает необходимым разъяснить, что унификация (от лат. unus – один, facio – делаю) означает приведение к единообразию, к единому виду, системе или форме и является эффективным, распространенным методом, направленным на устранение излишнего многообразия посредством сокращения перечня допустимых элементов и решений. Унификация тарифа в рассматриваемом контексте состоит в том, что различные тарифы: экспортный, импортный и внутригосударственный, заменяются единым унифицированным тарифом. Суть унификации заключается в том, что государства-члены, придя к соглашению, добровольно отказались от протекционизма в сфере железнодорожных перевозок, но унифицированный тариф каждое из государств-членов устанавливает самостоятельно в рамках определенных им же пределов в соответствии с правилами, установленными пунктом 6 Приложения № 20 к Договору.

Большая коллегия Суда считает необходимым отметить, что правовая норма пункта 8 Приложения № 2 к Протоколу, в отличие от правовой нормы, содержащейся в пункте 6 Приложения № 2 к Протоколу, носит специальный характер и регулирует только общественные отношения, возникающие при оказании услуг организациями железнодорожного транспорта по перевозке грузов. Однако и к унифицированным тарифам также применяется определенный пунктом 6 Приложения № 2 к Протоколу институт предельных уровней (ценовых пределов).

7. Пункт 13 Приложения № 2 к Протоколу конкретизирует понятие «по территориям государств-членов», использованное в пункте 8 Приложения № 2 к Протоколу, и устанавливает три ситуации, в которых каждое государство-член применяет свой унифицированный тариф:

при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена;

при перевозках грузов железнодорожным транспортом между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена;

при перевозках грузов железнодорожным транспортом с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении.

Для правильного понимания пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу Большая коллегия Суда считает возможным использовать исторический подход к толкованию его положений, позволяющий раскрыть их сущность и содержание путем сопоставления с ранее действовавшими правовыми нормами.

Согласно пункту 3 статьи 6 Соглашения о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики от 9 декабря 2010 года (далее – Соглашение), которое утратило силу с 1 января 2015 года, Стороны взяли на себя обязательства до 1 января 2013 года унифицировать тарифы на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов по территориям государств своих Сторон по видам сообщений (экспортный, импортный и внутригосударственный тарифы на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов).

Вместе с тем, согласно пункту 2 статьи 7 Соглашения с 1 января 2013 года унифицированный тариф каждой из Сторон подлежал применению как при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами Сторон транзитом через территорию государства другой Стороны, так и при перевозках грузов железнодорожным транспортом с территории государства одной Стороны транзитом через территорию государства другой Стороны в третьи страны и в обратном направлении. Что касается скоординированной и согласованной тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года, то она применялась в соответствии с пунктом 1 статьи 7 Соглашения только при перевозках грузов транзитом по железным дорогам государств Сторон из третьих стран в третьи страны.

На основе анализа правовой нормы, содержащейся в пункте 2 статьи 7 Соглашения, Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства в отношении грузовых железнодорожных перевозок был установлен унифицированный тариф также и при перевозке грузов с территории государства одной Стороны транзитом через территорию государства другой Стороны в третьи страны и в обратном направлении. Это значит, что обязанность применения унифицированных тарифов при перевозке грузов транзитом через территорию государства одной из Сторон возникала в зависимости от нахождения железнодорожного пункта отправления и (или) назначения на территориях государств Сторон. Иных требований или ограничений для применения унифицированного тарифа Соглашением предусмотрено не было.

8. Согласно пункту 14 Приложения № 2 к Протоколу при перевозках грузов с территории одного государства-члена транзитом через территорию другого государства-члена в третьи страны и в обратном направлении (за исключением перевозок грузов через морские порты государств-членов), а также при перевозках грузов из третьих стран в третьи страны транзитом через территории государств-членов про-

водится скоординированная (согласованная) тарифная политика в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года.

Таким образом, пунктом 14 Приложения № 2 к Протоколу государства-члены скорректировали свои подходы к применению унифицированных тарифов, придя к соглашению о необходимости проведения скоординированной (согласованной) тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года не только при перевозке грузов из третьих стран в третьи страны транзитом через территории государств-членов, но и при перевозках грузов с территории одного государства-члена транзитом через территорию другого государства-члена в третьи страны и в обратном направлении, в отношении которых ранее согласно пункту 2 статьи 7 Соглашения применялись унифицированные тарифы.

Вместе с тем, пункт 13 Приложения № 2 к Протоколу расширил сферу применения государствами-членами унифицированного тарифа перевозками грузов железнодорожным транспортом между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена и перевозками грузов железнодорожным транспортом с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении.

В связи с этим Большая коллегия Суда выражает мнение о том, что Приложение № 2 к Протоколу изменило подходы к перевозке грузов в транзитном сообщении через территории государств-членов, исключив возможность применения унифицированных тарифов в случаях, когда железнодорожный пункт отправления или железнодорожный пункт назначения груза находятся вне территории государств-членов Евразийского экономического союза. Обязательным условием применения унифицированных тарифов в соответствии с пунктом 13 Приложения № 2 к Протоколу стало только нахождение начального и конечного пунктов железнодорожной перевозки грузов на территориях государств-членов. В этом случае действует презумпция, что прохождение груза через территории нескольких государств-членов или транзитом через территорию третьего государства для применения унифицированных тарифов на основании пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу существенного значения не имеет.

Более того, если в Соглашении как в пункте 1, так и в пункте 2 статьи 7 все перевозки грузов через территории государств Сторон независимо от железнодорожных пунктов назначения или отправления квалифицировались как транзитные, то в пункте 13 Приложения № 2 к Протоколу термин «транзит» исключен. Из этого следует, что перевозки грузов железнодорожным транспортом между территориями государств-членов (в том числе и через морские порты государств-членов в третьи страны и в обратном направлении), между территориями одного и того же государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена не могут считаться транзитными. Государство-член, являющееся промежуточным в пути следования

груза, обязано применять унифицированный тариф на основании пунктов 8 и 13 Приложения № 2 к Протоколу независимо от участия в подобных перевозках территории третьей страны, которая находится вне единого экономического пространства.

Соответственно, только в регулируемых пунктом 14 Приложения № 2 к Протоколу случаях территория государства-члена является транзитной, что предполагает проведение скоординированной (согласованной) тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года.

Следовательно, железнодорожные перевозки грузов между государствами-членами Союза, а также между государствами-членами Союза с пересечением территории третьего государства являются внутренними перевозками Союза, к которым применяется унифицированный тариф.

Иное понимание пунктов 13 и 14 Приложения № 2 к Протоколу будет противоречить таким целям скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС, как формирование единого транспортного пространства и обеспечение доступа потребителей государств-членов к услугам железнодорожного транспорта при осуществлении перевозок по территории каждого государства-члена на условиях не менее благоприятных, чем условия, созданные для потребителей этого каждого государства-члена.

Большая коллегия Суда на основе телеологического способа толкования приходит к выводу о том, что цели Евразийского экономического союза как международной организации экономической интеграции и проводимой в ней скоординированной (согласованной) транспортной политики определяют направленность нормы пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу на их достижение в соответствии с общими принципами функционирования Союза.

Положения пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу в части применения унифицированных тарифов применимы к перевозкам грузов, если железнодорожные пункт отправления и пункт назначения находятся на территориях государств-членов и потребителем услуги железнодорожного транспорта является хозяйствующий субъект государства-члена Союза, при этом ни количество промежуточных территорий государств-членов, ни факт транзита через территории третьих стран не имеют значения, тем более, когда перевозка груза транзитом обусловлена особенностями расположения железнодорожных путей сообщения.

9. На основании изложенного Большая коллегия Суда дает следующее Консультативное заключение:

Положения пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) предполагают применение унифицированных тарифов всеми государствами-членами Союза при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена, между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена, а также при перевозках грузов с территории одно-

го государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении независимо от числа промежуточных территорий государств-членов и участия территории третьего государства.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Сейтимовой В.Х
(дело № СЕ-2-1/2-17-БК)

город Минск

20 ноября 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, используя предоставленное данной нормой право, заявляю особое мнение в отношении выводов Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза (далее – Большой коллегией) в Консультативном заключении по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Вопрос в заявлении Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики

1. В Суд Евразийского экономического союза (далее – Союз) обратилось Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики (далее – заявитель) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель просит дать разъяснение о применении пункта 13 Порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики (приложение № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике, являющегося приложением № 24 к Договору, далее – Приложение № 2) «в части применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих государств».

Указано, что Кыргызская Республика и Республика Казахстан по-разному толкуют и, как следствие, применяют пункт 13 Приложения № 2.

Из анализа заявления Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики, пояснений представителей заявителя в судебном заседании следует, что перед Большой коллегией поставлен один вопрос – о распространении на конкретную фактическую ситуацию действия предписания пункта 13 Приложения № 2. Испрошено разъяснение о возможности применения унифицированного тарифа согласно пункту 13 Приложения № 2 к единственному случаю – грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих государств из государства-члена в то же государство-член Союза.

Возможность применения унифицированного тарифа, по мнению заявителя, вытекает из «духа применяемых правовых актов, заключенных в рамках ЕАЭС» (письменные пояснения заявителя от 30 октября 2017 года). Заявитель ссылается на практику применения унифицированного тарифа, указывая, что при перевозке грузов

железнодорожным транспортом из одной части территории Российской Федерации в другую её часть (Калининградскую область) транзитом через Республику Беларусь и Литовскую Республику, применяются унифицированные тарифы.

Иных вопросов перед Большой коллегией, в том числе о пределах дискреции государств-членов по установлению ценовых пределов тарифов на услуги железнодорожного транспорта; о классификации видов железнодорожных перевозок (отнесении перевозки грузов между государствами-членами Союза с пересечением территории третьего государства к «внутренним перевозкам Союза»); о применении унифицированного тарифа к перевозке груза транзитом, обусловленной особенностями расположения железнодорожных путей сообщения, заявителем поставлено не было.

Пределы компетенции Суда по разъяснению положений Договора

2.1. Разъяснение по вопросу заявителя входит в компетенцию Суда в силу пункта 46 Статута Суда (приложение № 2 к Договору). Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение *положений Договора*, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Таким образом, Судом осуществляется разъяснение положений права Союза исключительно в рамках поставленных в заявлении вопросов.

Консультативное заключение Суда не носит обязательного характера, является актом рекомендательного характера в соответствии с пунктом 98 Статута Суда. Согласно пункту 47 Статута Суда осуществление Судом разъяснения означает предоставление консультативного заключения и не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров.

2.2. Положения статутных документов требуют, чтобы перед Судом к разъяснению был заявлен не просто юридический вопрос и тем более не фактическая ситуация к регулированию, а указаны положения Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, требующие *разъяснения*. Это имеет принципиальное значение при определении пределов компетенции Суда в делах о разъяснении и избежании изменения или создания новых норм права Союза, что предусмотрено пунктом 102 Статута Суда и в равной степени относится к консультативным заключениям.

2.3. Присвоение консультативной процедуре свойств процедуры разрешения спора недопустимо: их структура неодинакова, понятие стороны спора отсутствует, правовой результат и характер силы различны. Вслед за Международным судом ООН надлежало обратить внимание, что консультативное заключение не преследует цель разрешения юридического спора по существу, направлено на установление действительного содержания нормы в целях ее единообразного применения всеми государствами в любых аналогичных ситуациях.

Способы разъяснения (толкования) положений Договора

3. Согласно пункту 1 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская Конвенция), устанавливающей общее правило толкования международных договоров и применимой в силу пункта 50 Статута Суда, международный договор должен толковаться добросовестно в соответствии с

обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками *в связи с заключением договора*;

б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками *в связи с заключением договора* и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору (пункт 2 статьи 31 Венской Конвенции).

Наряду с контекстом учитываются: а) любое *последующее* соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; б) *последующая* практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (пункт 3 статьи 31 Венской Конвенции).

Так, общим правилом Венской Конвенции предписано буквальное толкование международного договора, которое должно осуществляться *с учетом* контекста (системное толкование), а также объекта и целей международного договора (телеологическое толкование).

Исторический метод толкования используется преимущественно субсидиарно и предполагает, в первую очередь, сравнение норм акта с его проектами, что позволяет уяснить волю договаривающихся сторон относительно содержания, сферы действия нормы и т.п. Для уяснения объема содержания международных договоренностей, закладываемых в соответствующие международно-правовые нормы, может быть целесообразен анализ материалов *переговорного процесса*.

Соглашение от 9 декабря 2010 года утратило силу 1 января 2015 года согласно пункта 52 Протокола о прекращении действия международных договоров, заключенных в рамках формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (приложение № 33 к Договору).

Анализ недействующего международного договора, в том числе с использованием исторического метода толкования, не раскрывает содержания сущности положений Договора и не может стать основой для выводов в силу того, что оно заключено в рамках формирования *Таможенного союза*. Договором учрежден *Евразийский экономический союз* – новая международная организация региональной экономической интеграции (статья 1 Договора).

Ответ на вопрос заявителя следует из буквального и системного толкования разъясняемой нормы в контексте положений о транспортной политике в Договоре, а также решений Высшего совета и Межправительственного совета, к которым они прямо отсылают.

Договорные основы транспортной политики в рамках Союза

4. Порядок функционирования сферы транспортных услуг в рамках Союза определяется нормами Раздела XXI «Транспорт» Договора.

4.1. Анализ предписаний статей 86-87 указанного раздела Договора позволяет заключить, в том числе, следующее:

– в Союзе осуществляется *скоординированная (согласованная)* транспортная политика: таким образом, на настоящем этапе развития Союза в рассматриваемой сфере государства-членами не применяется унифицированное правовое регулирование (что предполагает единая политика);

– регламентация развития интеграции в сфере транспорта предполагает *сотрудничество* на основе общих совместно одобренных подходов; происходит *постепенная гармонизация* правового регулирования в той степени, в которой она необходима для достижения целей Союза, что следует из определений соответствующих политик в статье 2 Договора;

– государства-члены договорились в рамках Союза *о поэтапном формировании* единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности, а также *о стремлении к поэтапной либерализации* транспортных услуг между государствами-членами Союза;

– осуществляется либерализация транспортных услуг между государствами-членами, порядок, условия и этапность которой определяются международными договорами в рамках Союза с учетом особенностей Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору), пункт 13 которого испрашивается к разъяснению.

4.2. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 19 (далее – Решение) в соответствии с пунктом 5 статьи 86 Договора утверждены «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов Евразийского экономического союза» (далее – Основные направления).

Согласно Решению в сфере железнодорожного транспорта в соответствии с разделом V Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору) и основываясь на международных договорах и актах, составляющих право Союза, государства-члены *последовательно и поэтапно реализуют скоординированную (согласованную) транспортную политику в области железнодорожного транспорта*. В соответствии с Основными направлениями государства-члены проводят скоординированную (согласованную) транспортную политику, направленную на последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности и создание общего рынка транспортных услуг Союза, где создаются равные (паритетные) условия оказания транспортных услуг *с учетом особенностей, предусмотренных Договором*.

Решением установлены этапы реализации указанных направлений транспортной политики с предписанием государствам-членам Союза о принятии мер по снятию существующих ограничений при осуществлении перевозок всеми видами транспорта в рамках Союза **до 2025 года**.

Решением предписано Евразийской экономической комиссии совместно с государствами-членами Союза обеспечить *последовательную поэтапную реализацию* Основных направлений на основе планов мероприятий («дорожных карт»), утверждаемых Евразийским межправительственным советом на каждые 3 года, таким образом *допускающих возможность разной скорости их реализации* при создании общего рынка транспортных услуг.

4.3. В развитие сотрудничества государств-членов в сфере транспортной политики в рамках Союза и во исполнение вышеуказанного акта Решением Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2017 года № 3 утвержден «План мероприятий («дорожная карта») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2018 – 2020 годы» (далее – Дорожная карта).

В рамках мероприятий, направленных на реализацию скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов в сфере железнодорожного транспорта (Раздел IV Дорожной карты), предусмотрено проведение *гибкой тарифной политики* в отношении услуг по перевозке грузов железнодорожным транспортом, в том числе посредством применения согласованных перевозчиками государств-членов сквозных тарифных ставок при перевозках грузов из третьих стран в третьи страны транзитом через территории государств-членов (пункт 61).

Очевидно, межгосударственные отношения в сфере транспортной политики в рамках Союза на современном этапе находятся в состоянии поэтапной реализации скоординированной (согласованной) политики.

Тарифная политика в рамках Союза в сфере железнодорожного транспорта

5.1. В соответствии с пунктом 18 Раздела V «Железнодорожный транспорт» Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору), разработанного во исполнение и в соответствии со статьями 86 и 87 Договора, государства-члены, учитывая необходимость согласованных подходов к государственному регулированию тарифов на услуги железнодорожного транспорта, определили своей целью *обеспечение условий доступа* перевозчиков к услугам инфраструктуры государств-членов *согласно приложениям № 1 и 2 к Порядку регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики* (Приложение № 2 к указанному Протоколу).

Регулирование доступа к услугам железнодорожного транспорта, *включая основы тарифной политики*, осуществляется *в порядке*, предусмотренном:

- *Приложением № 2,*
- *международными договорами* (пункт 19 Протокола о скоординированной (согласованной) транспортной политике).

5.2. Вопросы тарифной политики в сфере железнодорожного транспорта регулируются в рамках Союза следующим образом.

Тариф на услуги железнодорожного транспорта, а именно денежное выражение стоимости услуг железнодорожного транспорта, и (или) их предельный уровень (ценовые пределы) устанавливаются (изменяются) в соответствии с законодательством государств-членов и международными договорами с обеспечением возможности дифференциации тарифов в соответствии с законодательством государства-члена (пункт 6 Приложения № 2).

Установление (изменение) тарифов на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельных уровней (ценовых пределов) производится в соответствии с законодательством государства-члена, с учетом Порядка (пункт 7 Приложения № 2).

Приложение № 2, не определяющее понятие «унифицированный тариф», лишь в двух пунктах содержит ссылку на это понятие – 8 и 13.

В соответствии с пунктом 8 Приложения № 2 при перевозке грузов железнодорожным транспортом *по территориям государств-членов* применяются унифицированные тарифы по видам сообщений (экспортный, импортный и внутригосударственный тарифы).

Из содержания данного пункта следует, что под унифицированным тарифом понимается единый тариф, применяемый для различных видов сообщений (экспортного, импортного, внутригосударственного).

С установлением унифицированного тарифа применяется национальный внутренний режим тарификации на услуги железнодорожного транспорта для международных перевозок *по территориям государств-членов*. Это соответствует концепции создания общего рынка транспортных услуг в Союзе.

Разъясняемый пункт 13 Приложения № 2 гласит: при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена и между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена, а также при перевозках грузов с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении каждое из государств-членов применяет унифицированный тариф каждого государства-члена.

Таким образом, испрашиваемый к разъяснению пункт 3 Приложения № 2 содержит три ситуации железнодорожного сообщения:

- 1) перевозки грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена;
- 2) перевозки грузов железнодорожным транспортом между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена;
- 3) перевозки грузов с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении.

В анализируемом пункте 13 предусмотрен закрытый перечень видов сообщений железнодорожных перевозок *по территориям государств-членов*, к которым применим унифицированный тариф каждого государства-члена.

Тарификация совершенно иных видов железнодорожных сообщений урегулирована в пункте 14 Приложения № 2 – в пункте предусмотрены другие случаи, поскольку пунктами отправки и назначения в железнодорожных перевозках выступают третьи страны. Следование через территорию государства-члена из третьих стран в третьи страны в данном случае в норме определено «транзитом».

Таким образом, понятие «следование транзитом» применено в Договоре только к случаям, связанным с сообщением с третьими странами и к унифицированным тарифам не относится.

При этом сам заявитель в запросе о разъяснении указывает на «транзитное сообщение», как вид железнодорожного сообщения.

5.3. Системное прочтение указанных пунктов позволяет сделать вывод, что унифицированный тариф применяется исключительно к перечисленным выше видам

сообщений, в ситуациях, прямо установленных в пунктах 8 и 13 Приложения № 2. Ими урегулировано согласованное государствами-участниками Договора установление особого тарифного режима для конкретных видов железнодорожного сообщения.

Содержание пункта 8 и 13 Приложения № 2 не позволяет расширить сферу их действия на иные случаи, кроме указанных в закрытом перечне.

Ситуация (вид железнодорожных сообщений), обозначенная в заявлении о разъяснении:

1) не подпадает под указанный в пункте 13 первый вид перевозок, так как *предполагает железнодорожную перевозку по территории третьих государств*, вместе с тем как в пункте 13 предусмотрено *следование железнодорожного транспорта по территориям нескольких (как минимум, трех) государств-членов Союза, исключая третьи страны*;

2) не относится ко второму виду перевозок в пункте 13, которая предполагает следование груза с части территории государства-члена на остальную часть его территории с участием железных дорог другого государства-члена.

При такой перевозке государством отправления и государством назначения выступает одно и то же государство-член, в перевозке задействованы исключительно железные дороги государства-члена. Ситуация, обозначенная заявителем (следование государства-члена в то же государство-член *через территорию третьей страны*), не подпадает под анализируемый вид транспортного сообщения.

В пользу такого понимания данного вида перевозок, как не предусматривающую включение транзитной территории третьих стран в режим унифицированного тарифа, выступает и возможность наличия иных договорных обязательств государств-членов с третьими странами. В разделе II Основных направлений указано, что «реализация настоящих Основных направлений осуществляется государствами-членами поэтапно с учетом... обязательств государств-членов, принятых ими ...в рамках международных договоров».

3) третий вид перевозок предполагает следование из одного государства-члена через территорию другого государства-члена *в третьи страны* через морские порты государств-членов и в обратном направлении. Третьи страны в данном случае выступают точкой назначения перевозки, а не транзита между территориями государств-членов.

Из пояснения заявителя в Суде, анализа переписки по спорному вопросу между уполномоченными органами государств-членов следует, что автор обращения с заявлением о разъяснении не находит указанного в запросе случая железнодорожного сообщения среди определенных в разъясняемом пункте 13 (транзитного сообщения с участием территории третьих стран из государства-члена в то же государство-член).

Конкретизация во всех трех анализируемых случаях железнодорожных сообщений с указанием территории следования (через государства-члены), принадлежности железных дорог в пути следования (с участием железных дорог государства-члена), принадлежности морских портов по пути следования (государств-членов), является свидетельством волеизъявления государств-членов, заключивших данное междуна-

родное соглашение, исключить иные случаи, кроме прямо названных в разъясняемой норме.

Таким образом, анализ приведенных положений указывает на строго ограниченную сферу их применения. Правовые основания для исключения действия этих положений в описанном в норме объеме отсутствуют.

5.4. Кыргызская Республика последовательно выразила согласие о применении Приложения № 2:

– Договором о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года;

– Соглашением между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой о применении порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики от 26 декабря 2016 года (вступило в силу 14 августа 2017 года).

В силу пункта 2 статьи 114 Договора заключение двусторонних международных договоров между государствами-членами, предусматривающих более глубокий по сравнению с положениями Договора уровень интеграции или предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и (или) юридических лиц, возможно. Разноскоростная интеграция в данной сфере санкционирована и на уровне Решения: допускается возможность разной скорости реализации Основных направлений государствами-членами при создании общего рынка транспортных услуг (пункт 3).

Однако двусторонним Соглашением от 26 декабря 2016 года не предусмотрено каких-либо изъятий, дополнений или исключений (изменений) в отношении действия разъясняемого пункта 13 Приложения № 2 в отношениях между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой.

5.5. Практика в рассматриваемой сфере правоотношений в Союзе свидетельствует о существовании и иного вида железнодорожного сообщения, не урегулированного нормами пунктов 13 и 14, – с участием анклава государства-члена при следовании грузов из одной части территории Российской Федерации в другую её часть (Калининградскую область) транзитом через Республику Беларусь и Литовскую Республику, на что в аргументации ссылается заявитель.

Согласно Соглашения Правительства Республики и Правительства Российской Федерации о долгосрочном сотрудничестве областей, министерств, органов государственного управления Республики Беларусь с Калининградской областью Российской Федерации от 14 октября 1999 года (далее – Соглашение 1999 года), основанного на положениях Договора об образовании Сообщества Беларуси и России от 2 апреля 1996 года, Договора о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 года, сферами сотрудничества его Сторон является, в том числе, транспорт (пункт 2 статьи 1).

В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Соглашения 1999 года республиканские органы государственного управления Республики Беларусь и органы государственной власти Калининградской области Российской Федерации заключают соглашения и принимают совместные программы сотрудничества в каждой из сфер сотрудничества.

Пунктом 1 статьи 2 Соглашения 1999 года в целях увеличения взаимного грузопотока на калининградско-белорусском направлении предусмотрено: согласование Сторонами транспортной политики на своих участках; принятие мер для создания благоприятных условий транзитных перевозок между Калининградской областью Российской Федерации и Республикой Беларусь через третьи страны.

Обязательства, вытекающие из Соглашения 1999 года, имплементированы в национальном законодательстве Республики Беларусь.

В ответе Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь на вопрос судьи-докладчика (письмо от 25 октября 2017 года) нет ни одного примера с указанием транзита через третьи государства, содержится ссылка на национальное законодательство – постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 23 апреля 2013 года № 26 «О тарифах на перевозку грузов по территории Республики Беларусь железнодорожным транспортом общего пользования, кроме перевозок грузов, следующих транзитом по территории стран-участниц Единого экономического пространства, а также работы (услуги), связанные с организацией и осуществлением этой перевозки».

Для ситуации с Калининградской областью (перевозка с участием территории третьего государства), таким образом, действует специальное правовое регулирование, что реализовано в виде добровольно взятого государствами на себя обязательства и закрепления его действия в национальном правовом акте.

Выводы

6. Изложенное позволяет сделать вывод, что в рамках предусмотренных в пункте 13 Порядка (приложение №2) договоренностей государств-членов Союза не получило отражение обязательство применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих государств.

Анализ норм Договора не свидетельствует о намерении Договаривающихся сторон расширительно толковать положения пункта 13 (приложение № 2).

Учитывая, что транспортная политика в рамках Союза является согласованной (скоординированной) политикой, реализуемой поэтапно с учетом принципа разных скоростей, такой подход не исключает возможности распространения в будущем унифицированного тарифа и на более широкий круг перевозок с участием государств-членов. Однако такая обязанность действующим правом Союза не возложена на государства-члены и не вытекает из содержания Договора.

Схожие фактические ситуации с участием третьих государств в данном случае не являются доказательством единообразного подхода, поскольку имеют специальное правовое регулирование (на национальном уровне).

Указание на применение унифицированного тарифа при перевозках грузов железнодорожным транспортом к ситуациям, не вытекающим из норм Договора, означает формирование новых обязательств, не предусмотренных правом Союза в настоящее время, и находится за пределами компетенции Суда (пункт 102 Статута Суда).

Судья Суда
Евразийского экономического союза

В.Х.Сейтимова

Резюме
по делу № СЕ-2-1/2-17-БК
(разъяснение по заявлению Министерства транспорта и дорог
Кыргызской Республики)

Ключевые слова:

Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики (государство - член).

О разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) в части применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

Транспорт – скоординированная (согласованная) транспортная политика – общий рынок транспортных услуг – перевозка грузов железнодорожным транспортом по территориям государств-членов ЕАЭС; перевозка грузов железнодорожным транспортом в транзитном сообщении с участием территории третьих стран – тарифное (ценовое) регулирование деятельности субъектов естественных монополий – установление (изменение) тарифов на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельных уровней (ценовых пределов) – транзитный тариф; унифицированные тарифы по видам сообщений (экспортный, импортный и внутригосударственный тарифы).

Приложение № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике – Протокол о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий (Приложение № 20 к Договору) – Соглашение о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики от 9 декабря 2010 года.

Консультативное заключение – разъяснение пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике – особое мнение.

Описание:

Министерство транспорта и дорог Кыргызской Республики (заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) в части применения унифицированного тарифа к грузовым перевозкам в транзитном сообщении с участием территории третьих стран.

Основанием для обращения в Суд явилось разное толкование и, как следствие, разное применение пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан.

Согласно позиции Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики, к грузовым перевозкам железнодорожным транспортом между различными регионами Кыргызской Республики транзитом через территории Республики Казахстан и Республики Узбекистан применяется унифицированный тариф.

В свою очередь Комитет транспорта Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан высказал позицию о том, что пункт 13 Приложения № 2 к Протоколу относится лишь к перевозкам с участием двух государств-членов, в связи с чем перевозки из Российской Федерации через территорию Республики Казахстан и Республики Узбекистан в Кыргызскую Республику не подпадают под действие пункта 13 Приложения № 2 и к ним применяется транзитный тариф. По тем же основаниям унифицированный тариф Республика Казахстан не применяла к перевозкам из северных регионов Кыргызской Республики в южные регионы через территории Республики Казахстан и Республики Узбекистан.

20 ноября 2017 года Большая Коллегия Суда вынесла консультативное заключение, в котором указала, что положения пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу предполагают применение унифицированных тарифов всеми государствами-членами Союза при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена, между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена, а также при перевозках грузов с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении независимо от числа промежуточных территорий государств-членов и участия территории третьего государства.

К консультативному заключению Суда приложено особое мнение судьи Сейтмовой В.Х.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Для достижения целей Союза, установленных в статье 4 Договора, государства-члены наделили Союз компетенцией в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза. В свою очередь, сами государства-члены обязались создавать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаться от мер, способных поставить под угрозу достижение его целей, а также осуществлять скоординированную или согласованную политику в пределах, объемах и сферах, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

(см. абзац 3 пункта 1 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

2. Понятия «скоординированная политика» и «согласованная политика» не равнозначны и применительно к конкретной отрасли экономики, определенной Договором, государства-члены реализуют либо скоординированную, либо согласованную политику. Если скоординированная политика предполагает осуществление только сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, то согласованная политика практически осуществляется государствами-членами в различных сферах и предполагает гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений Союза.

(см. абзац 4 пункта 1 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

3. В сфере транспорта государствами-членами осуществляется как скоординированная, так и согласованная политика в зависимости от определенных в ней целей, поставленных задач и сформулированных приоритетов.

(см. абзац 4 пункта 2 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

4. Регулирование правоотношений, возникающих в сфере железнодорожных перевозок, осуществляется на основе и в соответствии с общими положениями Договора, определяющими деятельность естественных монополий.

(см. абзац 3 пункта 3 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

5. Пределы правоприменительного усмотрения уполномоченного национального органа, осуществляющего регулирование и (или) контроль за деятельностью субъектов естественных монополий по установлению (изменению) тарифов на услуги железнодорожного транспорта и (или) их предельных уровней (ценовых пределов), ограничены не только законодательством государства-члена, но и положениями Приложения № 2 к Протоколу.

(см. абзац 4 пункта 5 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

6. Организации железнодорожного транспорта при реализации предоставленного им права принимать решения об изменении уровня тарифов на услуги железнодорожного транспорта по перевозке грузов в рамках предельных уровней (ценовых пределов) обязаны соблюдать принцип недопустимости создания преимуществ для конкретных потребителей услуги железнодорожного транспорта – хозяйствующих субъектов государств-членов.

(см. абзац 7 пункта 5 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

7. Государства-члены, закрепив принципы формирования тарифов на международном уровне, ограничили свою дискрецию на их установление ценовыми пределами.

(см. абзац 8 пункта 5 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

8. Перевозки грузов железнодорожным транспортом между территориями государств-членов (в том числе и через морские порты государств-членов в третьи страны и в обратном направлении), между территориями одного и того же государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена не могут считаться транзитными.

Только в регулируемых пунктом 14 Приложения № 2 к Протоколу случаях территория государства-члена является транзитной, что предполагает проведение скоординированной (согласованной) тарифной политики в соответствии с Концепцией установления согласованной тарифной политики на железнодорожном транспорте государств-участников Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года.

Железнодорожные перевозки грузов между государствами-членами Союза, а также между государствами-членами Союза с пересечением территории третьего государства являются внутренними перевозками Союза, к которым применяется унифицированный тариф.

(см. абзацы 5 - 7 пункта 8 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

9. Положения пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу предполагают применение унифицированных тарифов всеми государствами-членами Союза при перевозках грузов железнодорожным транспортом между государствами-членами через территорию другого государства-члена, между территориями государства-члена с участием железных дорог другого государства-члена, а также при перевозках грузов с территории одного государства-члена через территорию другого государства-члена в третьи страны через морские порты государств-членов и в обратном направлении независимо от числа промежуточных территорий государств-членов и участия территории третьего государства.

(см. абзац 2 пункта 9 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-1/2-17-BK
(clarification upon the request of Ministry of Transport
and Roads of the Kyrgyz Republic)

Keywords:

The Ministry of Transport and Roads of the Kyrgyz Republic (Member State).

On clarification of clause 13 of Appendix 2 to the Protocol on the Coordinated (Agreed) Transport Policy (Appendix 24 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014) in regard to unified tariff application to cargo transportation in transit with the involvement of the territories of third countries.

Transport – Coordinated (Agreed) Transport Policy – common market of transport services – cargo transportation by rail across the territory of the Eurasian Economic Union Member States; cargo transportation by rail in transit with the involvement of the territories of third countries – tariff (price) regulation of activities of the natural monopoly entities – setting (adjustment) of tariffs for rail transportation services and (or) their threshold levels (price limits) – transit tariff – unified tariffs broken down by transportation modes (export, import and domestic tariffs).

Appendix 2 to the Protocol on the Coordinated (Agreed) Transport Policy – Common Regulation Principles and Rules for Activities of Natural Monopoly Entities (Appendix 20 to the Treaty) – Agreement on Regulating Access to Rail Transport Services, including Tariff Policy Framework dated December 9, 2010.

Advisory Opinion – clarification to clause 13 of Appendix 2 to the Protocol on the Coordinated (Agreed) Transport Policy – separate opinion.

Substance of the case:

The Ministry of Transport and Roads of the Kyrgyz Republic (applicant) applied to the Court of the Eurasian Economic Union with a petition to clarify clause 13 of Appendix 2 to the Protocol on the Coordinated (Agreed) Transport Policy (Appendix 24 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014) as related to the application of the unified tariff to cargo transportation in transit across the territories of third countries.

The grounds for bringing the matter before the Court is the differing interpretation and application of clause 13 of Appendix 2 to the Protocol by the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan.

According to the Ministry of Transport and Roads of the Kyrgyz Republic, the unified tariff shall be applicable to cargo transportation by rail between various regions of the Kyrgyz Republic in transit across the territory of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan.

In its turn, the Transport Committee of the Ministry of Investments and Development of the Republic of Kazakhstan considers that clause 13 of Appendix 2 to the Protocol is applicable only to transportation with the participation of two Member States as a result of which transportation of cargo from the Russian Federation through the territory of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan to the Kyrgyz Republic does not fall

within the scope of clause 13 of Appendix 2 and transit tariff is applicable to it. For the same reasons the Republic of Kazakhstan did not apply the unified tariff to transportation from northern regions of the Kyrgyz Republic to southern regions through the territory of the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan.

On November 20, 2017 the Grand Chamber handed down an advisory opinion, in which it stated that the provisions of clause 13 of Appendix 2 to the Protocol stipulate the use of unified tariffs by all Union Member States in the course of cargo transportation by rail between the Member States through the territory of another Member State, between the territories of the Member State with the involvement of railways of another Member State, and in case of cargo transportation from the territory of one Member State across the territory of another Member State to third countries through the sea ports of Member States and in opposite direction irrespective of the number of intermediate territories of Member States or the involvement of the territory of a third state.

The separate opinion of the Judge of the Court V.Kh. Seitimova is attached to the Advisory Opinion of the Court.

Legal findings of the Grand Chamber:

1. In order to achieve the objectives of the Union set forth in Article 4 of the Treaty, the Member States have granted the relevant powers to the Union to the extent and within the limits stipulated by the Treaty and international treaties within the Union. In their turn, Member States assumed the obligation to create favourable conditions for the fulfilment of the relevant functions by the Union and to abstain from measures which may jeopardise the achievement of its objectives, and to implement the coordinated or agreed policy to the extent, within the scope and in the fields stipulated by the Treaty and international treaties within the Union.

(see subparagraph 3 of paragraph 1 of the Advisory Opinion)

2. The notions “coordinated policy” and “agreed policy” are not equivalent therefore Member States, with regard to a particular economic sector defined by the Treaty, conduct either coordinated or agreed policy. While the coordinated policy presupposes only cooperation between the Member States on the basis of generic approaches approved by the Union authorities, the agreed policy is put into practice by the Member States in various fields and presupposes harmonization of legal regulation, including on the basis of the decisions taken by the Union.

(see subparagraph 4 of paragraph 1 of the Advisory Opinion)

3. In the field of transport the Member States implement both coordinated and agreed policy depending on the objectives, set goals and defined priorities.

(see subparagraph 4 of paragraph 2 of the Advisory Opinion)

4. Regulation of legal relations arising in the field of rail transportation is carried out on the basis and in accordance with the general provisions of the Treaty determining the principles of activities of natural monopoly entities.

(see subparagraph 3 of paragraph 3 of the Advisory Opinion)

5. The scope of law-enforcement discretion of the authorized national authority carrying out regulation and (or) exercising control over activity of natural monopoly entities relating to setting (changing) the tariffs for the rail transportation services and (or) their threshold levels (price limits) is limited not only by the national legislation of the Member State but also by the provisions of Appendix 2 to the Protocol.

(see subparagraph 4 of paragraph 5 of the Advisory Opinion)

6. Organizations dealing with rail transportation shall observe the principle of inadmissibility of creation of preferential conditions for particular consumers of rail transportation services – economic entities of Member States – at the time of exercising of right to take decisions associated with changing tariffs for rail transportation services within the threshold levels (price limits) granted to them.

(see subparagraph 7 of paragraph 5 of the Advisory Opinion)

7. By establishing the principles of tariff formation at the international level the Member States have restricted their discretion in terms of setting the tariffs by establishing price limits.

(see subparagraph 8 of paragraph 5 of the Advisory Opinion)

8. Cargo rail transportation between the territories of the Member States (including through the sea ports of the Member States to third countries and in opposite direction), between the territories of the same Member State with the involvement of railways of another Member State shall not be considered as transit.

A territory of the Member State is considered to be a transit territory only in cases stipulated by clause 14 of Appendix 2 to the Protocol which presupposes the implementation of coordinated (agreed) tariff policy in accordance with the Concept of the establishment of an agreed tariff policy for rail transport of the CIS member states dated October 18, 1996.

Cargo rail transportation between Union Member States as well as between Union Member States with the involvement of the territory of a third country are considered to be internal transportations of the Union to which a unified tariff shall apply.

(see subparagraph 5 – 7 of paragraph 8 of the Advisory Opinion)

9. Provisions of clause 13 of Appendix 2 to the Protocol presuppose the application of unified tariffs by all Member States of the Union in the course of cargo rail transportation between the Member States across the territory of another Member State, between the territories of the Member State with the involvement of railways of another Member State as well as cargo transportation from the territory of one Member State across the territory of another Member State to third countries through the sea ports of the Member States and in opposite direction irrespective of the number of intermediate territories of the Member States or the involvement of the territory of a third country.

(see subparagraph 2 of paragraph 9 of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

30 октября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

Адилов Бауыржан Маратович (далее – заявитель) обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статьи 9 и статьи 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору, далее – Положение).

Заявитель просит разъяснить положения статей 9 и 99 Договора, а также пункта 43 Положения в контексте применимости статьи 9 и статьи 99 Договора при расторжении трудового договора с должностным лицом Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), принятым на должность до вступления в силу Договора, и о распространении в отношении него гарантий, установленных законодательством государства пребывания.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут) Суд по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

Заявитель занимает должность заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Комиссии.

В соответствии с положениями абзаца четвертого статьи 2 Договора занятие должности заместителя директора департамента Комиссии наделяет заявителя статусом должностного лица Комиссии как органа Союза (пункт 1 статьи 8 Договора) и полномочием на обращение в Суд с заявлением о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута.

Исходя из нормативного содержания статей 9 и 99 Договора, пункта 43 Положения, Большая коллегия Суда отмечает, что они связаны с трудовыми правоотно-

шениями, а рассматриваемое заявление отвечает требованиям Статута в отношении предметной компетенции Суда по делам о разъяснении.

Руководствуясь предписаниями статьи 73 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (далее – Регламент), Большая коллегия Суда приходит к выводу, что основания для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству отсутствуют.

Большая коллегия Суда полагает, что заявление соответствует требованиям, предусмотренным статьей 11 Регламента.

Консультативное заключение по разъяснению положений статей 9 и 99 Договора в части вопроса соотношения указанных положений при регулировании трудовых отношений должностных лиц Комиссии, а также пункта 43 Положения ранее не принималось.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 11, 73 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору).

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 11 декабря 2017 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию настоящего постановления направить заявителю.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Д.Г. Колос
Т.Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11 декабря 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Федорцова А.А., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Наумчике М.А., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет настоящее Консультативное заключение по заявлению заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

I. Вопрос и обстоятельства, изложенные заявителем

1. Адилев Бауыржан Маратович (далее – заявитель) обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору, далее – Положение о гарантиях, привилегиях и иммунитетах).

Заявитель сообщает, что имеет гражданство Республики Казахстан. Приказом Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2014 года он был назначен на должность заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации со сроком действия трудового договора 4 года: с 4 июня 2014 года по 3 июня 2018 года.

В заявлении о разъяснении указано, что в апреле 2016 года на должность директора данного департамента был назначен также гражданин Республики Казахстан. Кадровая служба Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК) 21 сентября 2017 года сообщила заявителю о его сокращении с 24 ноября 2017 года со ссылкой на пункт 2 статьи 9 Договора, согласно которому должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства.

Адилев Б.М. обращает внимание на пункт 3 статьи 99 Договора, который устанавливает, что директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу Договора, продолжают выпол-

нять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

Заявитель просит разъяснить приведенные выше положения пункта 2 статьи 9 и абзаца пятого пункта 3 статьи 99 Договора в контексте их применимости при расторжении трудового договора с должностным лицом Комиссии, принятым на должность до вступления в силу Договора, и распространения в отношении него гарантий, установленных законодательством государства пребывания (статьей 261 Трудового кодекса Российской Федерации).

II. Процедура в Суде

2. Заявление Адилова Б.М. принято к производству Суда 30 октября 2017 года.

3. В рамках подготовки дела к рассмотрению были направлены запросы в адрес Комиссии, министерств иностранных дел, министерств юстиции, научно-практических центров государств-членов, Административного трибунала Международной организации труда, Трибунала по спорам и Апелляционного трибунала Организации Объединенных Наций.

Получены ответы от Комиссии, Министерства юстиции Республики Армения, Министерства юстиции Республики Беларусь, Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

4. Дополнительная информация по заявлению была представлена Адиловым Б.М.

5. Заседание Большой коллегии Суда по рассмотрению заявления о разъяснении состоялось 11 декабря 2017 года.

III. Компетенция Суда

6. Компетенция Суда, предусмотренная пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору, далее – Статут), в отношении рассмотрения заявления заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Б.М. установлена постановлением Суда о принятии заявления к производству от 30 октября 2017 года.

7. Помимо просьбы о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора, пункта 43 Положения о гарантиях, привилегиях и иммунитетах заявитель ставит перед Судом вопросы о правомерности действий Комиссии по его сокращению и правомочности выполнения им своих обязанностей в должности до окончания срока действия трудового договора.

Большая коллегия Суда отмечает, что предметом разъяснения является не только абстрактное толкование указанных норм Договора, то есть установление их общего содержания, но и уяснение значения правовых норм применительно к конкретным обстоятельствам, возникшим в отношениях между заявителем и Комиссией, то есть толкование *in concreto*.

8. Решением Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 7 октября 2014 года, которое в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года продолжает действовать в прежнем статусе, установлено, что толкование представляет собой уяснение и разъяснение регулятивно-правового смысла абстрактной нормы права в процессе ее реализации.

В соответствии с подпунктом д) пункта 1 статьи 11 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в заявлении о разъяснении указываются положения Договора, международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и решений органов Союза, связанные с трудовыми правоотношениями, с изложением вопроса, по которому требуется разъяснение.

IV. Выводы Суда

9. В соответствии с положениями абзаца третьего преамбулы Договора, при учреждении Союза государства-члены руководствовались принципом суверенного равенства государств. Согласно нормам абзаца второго статьи 3 Договора данный общепризнанный принцип международного права, провозглашенный в Уставе Организации Объединенных Наций, является основой деятельности Союза.

Одной из форм выражения принципа суверенного равенства государств в контексте институциональной структуры Союза является принцип равной представленности государств-членов при отборе кандидатов на занятие должностей должностных лиц департаментов Комиссии.

Пункт 2 статьи 9 Договора устанавливает три правила в отношении занятия должностей должностных лиц в департаментах Комиссии:

должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства;

отбор кандидатов на занятие указанных должностей производится конкурсной комиссией ЕЭК с учетом принципа равной представленности Сторон;

кандидатуры для участия в конкурсе на занятие указанных должностей представляются членом Совета Комиссии от соответствующей Стороны.

Применительно ко всем трем правилам Большая коллегия Суда полагает необходимым отметить, что они воплощают в себе принцип суверенного равенства государств в рамках функционирования Союза как международной организации.

Суд обращает внимание, что статья 9 Договора регулирует условия и порядок занятия должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза.

В абзаце третьем пункта 54 Положения о Евразийской экономической Комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о Комиссии) установлено, что прием на работу должностных лиц Комиссии осуществляется в соответствии со статьей 9 Договора, пункт 2 которой закрепляет требование конкурсного отбора с учетом принципа равной представленности государств-членов.

Согласно положениям подпункта 16 пункта 2 статьи 12 Договора полномочием утверждения параметров представленности должностных лиц из числа граждан го-

сударств-членов в органах Союза наделен Высший Евразийский экономический совет.

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 года № 80 «Об утверждении параметров представленности должностных лиц из числа граждан государств – членов Евразийского экономического союза в департаментах Евразийской экономической комиссии» утверждена представленность директоров департаментов и заместителей директоров департаментов Комиссии в равном количестве от каждого из государств-членов Союза.

Во исполнение Решения Высшего совета Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2016 года № 1 «Об утверждении перечня, штатной численности департаментов Евразийской экономической комиссии и распределении их между членами Коллегии Евразийской экономической комиссии» утвержден перечень департаментов Комиссии в количестве 25 департаментов и представленность каждого государства-члена пятью должностями директоров департаментов и тринадцатью должностями заместителей директоров департаментов, чем обеспечивается равная представленность по всем категориям должностных лиц.

Таким образом, правом Союза провозглашается и гарантируется равная представленность должностных лиц из числа граждан государств – членов Союза в департаментах Комиссии. Положения приведенных правовых актов Союза дают основания констатировать, что принцип суверенного равенства государств и его институциональное выражение, принцип равной представленности, реализованы в праве Союза.

10. Большая коллегия Суда акцентирует внимание на первом предложении пункта 2 статьи 9 Договора, согласно которому должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства.

Абзац четвертый статьи 2 Договора определяет понятие «должностные лица» следующим образом: это граждане государств-членов, назначенные на должности директоров департаментов Комиссии и заместителей директоров департаментов Комиссии, а также руководителя Секретариата Суда, заместителей руководителя Секретариата Суда и советников судей Суда. Следовательно, Договор называет должностными лицами Комиссии лиц, назначенных на должности директоров и заместителей директоров департаментов.

Системный анализ положений пункта 2 статьи 9 Договора, в том числе первого предложения данного пункта, дает основания полагать, что область применения изложенных в нем правил является основой (обязательным условием) формирования штата департаментов и проведения процедуры конкурсного отбора кандидатов на занятие должностей должностных лиц.

Данный вывод учитывает правовую позицию Большой коллегии Суда, изложенную в пункте 1 Консультативного заключения от 12 сентября 2017 года, согласно которой пункт 2 статьи 9 Договора регламентирует порядок отбора кандидатов на занятие должностей должностных лиц департаментов Комиссии.

Основываясь на изложенном, Большая коллегия Суда констатирует, что положения первого предложения пункта 2 статьи 9 Договора не допускают занятия должностей директора и его заместителя в департаменте Комиссии гражданами одного и того же государства-члена.

Пункт 2 статьи 9 Договора содержит не только требование к должностным лицам Комиссии, но и указание на то, что это требование должно, прежде всего, реализовываться при работе конкурсной комиссии. Прежде чем рекомендовать назначить на должность директора и/или заместителя директора определенное лицо конкурсная комиссия обязана проверить, не приведет ли назначение такого лица к нарушению требований пункта 2 статьи 9 Договора.

Системный анализ статей 9 и 99 Договора позволяют сделать следующие выводы.

Статья 9 Договора относится к разделу III «Органы Союза», носит общий характер и должна регулировать отношения, которые могут возникнуть (или возникли) после вступления Договора в силу (после 1 января 2015 года).

Правоотношения, возникшие до вступления Договора в силу (до 1 января 2015 года), нуждались в особом режиме регулирования и в особом волеизъявлении государств-членов Союза, что и получило свое разрешение в разделе «Переходные положения». Статья 99 Договора относится именно к разделу XXVII Договора – «Переходные положения», имеет совершенно определенное, конкретное содержание, относящееся к уже существовавшим до вступления Договора в силу правоотношениям.

В соответствии с абзацами третьим и пятым пункта 3 статьи 99 Договора Комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором, а директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу Договора, продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

Следовательно, объявляя конкурс на замещение вакантных должностей в соответствии с Положением о конкурсной комиссии по отбору кандидатов на замещение должностей должностных лиц в департаментах Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 99, по представленным членами Совета Комиссии кандидатурам Комиссией должен проверяться факт соответствия условий проведения конкурса Договору.

11. Евразийская экономическая комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года с даты вступления последнего в силу.

Большая коллегия Суда констатирует, что Комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, продолжила свою деятельность с 1 января 2015 года как постоянно действующий регулирующий орган Союза. При этом правовая основа ее деятельности была изменена: с указанной даты Комиссия продолжила функционировать на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В свете изменения договорно-правовой базы деятельности Комиссии изменились статус и порядок занятия должностей директоров и заместителей директоров департаментов Комиссии.

В соответствии со статьей 27 Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года персонал департаментов Комиссии, включая директоров департаментов Комиссии и их заместителей, состоял из сотрудников, однако абзац четвертый статьи 2 Договора относит директоров департаментов Комиссии и их заместителей к числу должностных лиц.

Изменение правового статуса директоров департаментов Комиссии и их заместителей потребовало установление новой структуры и штатной численности, а также порядка занятия данных должностей.

Пункт 3 статьи 99 Договора разрешает вопрос о взаимосогласовании различных правовых режимов, регулирующих положение директоров департаментов Комиссии и их заместителей при изменении договорно-правовой основы деятельности Комиссии и преследует цели установления институциональной и кадровой преемственности евразийской интеграции.

Преемственность работы директоров департаментов Комиссии и их заместителей обеспечивается используемой в абзаце пятом пункта 3 статьи 99 Договора формулировкой «продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах».

Исходя из основ трудового права, выполнение работником трудовых обязанностей предполагает наличие трудовых отношений между ним и работодателем, а также наличие соглашения о личном выполнении работником за плату своей трудовой функции.

Применение этого подхода для разъяснения положений абзаца пятого пункта 3 статьи 99 Договора, позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод, что с даты вступления в силу Договора (с 1 января 2015 года) трудовые отношения между директорами и заместителями директоров департаментов (работниками), с одной стороны, и Комиссией (работодателем), с другой стороны, в соответствии с договорами, заключенными до 1 января 2015 года, продолжают до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

Большая коллегия Суда считает, что в абзаце пятом пункта 3 статьи 99 Договора государства-члены Союза согласились, что с даты вступления в силу Договора лица, назначенные на должности директоров департаментов Комиссии и их заместителей, с которыми трудовые договоры заключены до даты вступления Договора в силу (до 1 января 2015 года), с этой даты приобретают статус должностных лиц Комиссии и занимают данные должности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

12. Положения абзаца пятого пункта 3 статьи 99 Договора, урегулировали вопросы, касающиеся продолжения трудовых отношений между директорами департаментов, их заместителями и Комиссией, но они не регулируют вопросы прекращения трудовых правоотношений.

В отсутствие в переходных положениях Договора каких-либо особенностей правового регулирования прекращения трудовых отношений между директорами и заместителями директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу Договора, и Комиссией, должны применяться общие правила.

Согласно пункту 10 Порядка заключения трудового договора (контракта), его продления и основания для его расторжения в Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 99 «Вопросы замещения должностей в Евразийской экономической комиссии», трудовой договор (контракт) расторгается по основаниям, предусмотренным законодательством государства пребывания Комиссии, для его прекращения (расторжения) с учетом норм Положения о гарантиях, привилегиях и иммунитетах. Трудовой договор (контракт) может расторгаться также по следующим основаниям:

представление недостоверных сведений, которые могли являться основанием для отказа в приеме на работу в Комиссию;

несоблюдение требований и ограничений, предусмотренных Договором, Положением о Комиссии;

непредставление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи (супруга (супруги) и несовершеннолетних детей) либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений;

вступление в законную силу обвинительного приговора суда;

несоответствие сотрудника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации;

изменение структуры и (или) штатной численности структурных подразделений Комиссии и сокращение должности (должностей) в структурных подразделениях Комиссии, осуществляемые по решению Совета Комиссии.

13. В свете обстоятельств обращения заявителя за разъяснением, касающихся сокращения штата, сохраняют актуальность выводы, изложенные в Консультативном заключении от 12 сентября 2017 года: сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала; вместе с тем, дискреция организации имеет свои пределы, обусловленные критериями обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) международным служащим.

Изменение штатной численности и структуры департаментов может осуществляться органом Союза, наделенным правом Союза на утверждение и изменение структуры департаментов Комиссии и их штатной численности.

14. Согласно пункту 43 Положения о гарантиях, привилегиях и иммунитетах трудовые отношения членов Коллегии Комиссии, судей Суда, должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм Положения.

В Консультативном заключении от 12 сентября 2017 года указано, что в связи с тем, что отсылка к национальному законодательству содержится в самом Договоре, нормы которого регламентируют основания возникновения и изменения трудовых отношений с участием международных служащих Комиссии, специфику их трудо-

вых функций и объем специальной правосубъектности (статьи 9, 99 Договора, пункт 54 и др. Положения о Комиссии), нормы законодательства государства пребывания Комиссии как органа Союза применяются к тем элементам трудового статуса международных служащих Комиссии, которые не урегулированы правом Союза.

Руководствуясь данной правовой позицией, в связи с вопросами заявителя Большая коллегия Суда полагает, что по общему правилу, социальные гарантии, установленные трудовым законодательством государства пребывания Комиссии, применяются в том объеме, в котором это допускается правом Союза, регулирующим трудовые отношения в органах Союза.

15. Международно-правовой статус Союза предполагает самостоятельное регулирование Союзом взаимоотношений с собственным персоналом. В силу этого учредительный договор Союза выступает как основополагающий правовой акт в регулировании его внутренней организации. Составной частью такого регулирования должна являться регламентация трудовых правоотношений в органах Союза.

С учетом общепризнанной международной практики, а также имеющегося опыта регулирования трудовых отношений в органах управления интеграцией, комплексным решением проблем правового регулирования трудовых отношений в органах Союза может стать разработка и принятие в рамках работы по совершенствованию права Союза правового акта, более широко регламентирующего различные аспекты труда и социального обеспечения международных служащих в органах Союза с учетом необходимости обеспечения их независимости, а также надлежащей социальной и правовой защищенности.

В консультативных заключениях от 3 июня 2016 года и 12 сентября 2017 года Большая коллегия Суда отметила целесообразность развития норм трудового права Союза, принятия внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза, последовательного ухода от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом. Необходимость такого правового регулирования вытекает и из настоящего Консультативного заключения.

V. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий судья-докладчик

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Ж.Н. Баишев
Д.Г. Колос
Т.Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-3/1-17-БК)

город Минск

11 декабря 2017 года

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, заявляю особое мнение по консультативному заключению Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 11 декабря 2017 года по делу № СЕ-2-3/1-17-БК.

Адилов Бауыржан Маратович, гражданин Республики Казахстан, в соответствии с приказом Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии В.Б. Христенко от 4 июня 2014 года № 177/к назначен на должность заместителя директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ЕЭК). В соответствии с трудовым договором от 4 июня 2014 года № 177-тд принят на работу в Комиссию на вышеуказанную должность с 4 июня 2014 года по 3 июня 2018 года.

В апреле 2016 года директором Департамента технического регулирования и аккредитации Комиссии был назначен гражданин Республики Казахстан.

В рамках реализации пункта 2 статьи 9 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и решения вопроса высвобождения должностных лиц, которыми были укомплектованы Департаменты Комиссии до вступления в силу Договора и кандидатуры которых не были представлены в Комиссию, Совет Комиссии 9 августа 2016 года принял Решение № 50 о выплате должностным лицам выходного пособия в размере трех должностных окладов с учетом повышающего коэффициента в случае досрочного расторжения с ними срочного трудового договора (контракта) по соглашению сторон, а также достигнута договоренность обеспечения органами власти трудоустройства высвобождаемых должностных лиц в государствах-членах, гражданами которых они являются.

21 сентября 2017 года представители кадровой службы Комиссии уведомили Адилова Б.М. о сокращении с 24 ноября 2017 года согласно пункту 2 статьи 9 Договора, устанавливающему, что должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства.

В настоящем деле Суду следовало разъяснить соотношение статей 9 и 99 Договора, а также пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору) в контексте применимости статьи 9 и статьи 99 Договора при расторжении трудового договора с должностным лицом Комиссии, принятым на должность до вступления в силу Договора, и о распространении в отношении него гарантий, установленных законодательством государства пребывания.

Полагаю, что в настоящем деле разъяснению подлежат указанные положения Договора на предмет возможности продолжения исполнения возложенных обязанностей в случае назначения на должность иного лица с учетом как особенностей статуса Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) – наднациональной международной организации, так и статуса международных служащих Союза.

1. Пунктом 1 статьи 1 Договора установлено, что настоящим Договором стороны учреждают Союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Пунктом 2 статьи 1 Договора предусмотрено, что Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Наделение Союза международной правосубъектностью предполагает наличие у Союза международной компетенции – способности самостоятельно приобретать права и нести обязанности, среди прочего, через осуществление законной деятельности международных служащих Союза.

Из этого следует, что создание наднациональных международных организаций для достижения общего блага нескольких государств предполагает существование в данных организациях аппаратов независимых международных гражданских служащих, осуществляющих регулирование общественных отношений на территориях нескольких государств. Союз действует на основании функциональной компетенции международной организации, в отличие от суверенной компетенции государств. Последние передают часть компетенции (функций) международным служащим. Таким образом, компетенция международных организаций является функциональной: прямой и подразумеваемой (см. консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о возмещении за увечья, понесенные на службе Организации Объединенных Наций от 11 апреля 1949 года). Передача функций осуществляется с учетом принципов, закрепленных в уставах организаций, в данном случае – в Договоре.

В данном контексте особую роль приобретает международно-правовой принцип суверенного равенства государств, согласно которому в ходе международного общения государствам присущ равный объем прав и обязанностей независимо от степени политического, экономического или какого-либо иного потенциала. Применительно к участию в управлении наднациональной организации государствам-участникам присущ равный объем прав и обязанностей в части количества замещаемых независимыми международными чиновниками руководящих должностей.

В отношении Комиссии следует отметить, что пунктом 56 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору (далее – приложение № 1), установлено, что должностные лица и сотрудники Комиссии являются международными служащими. При исполнении своих служебных обязанностей должностные лица и сотрудники Комиссии независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов и не могут запрашивать или получать указания от органов власти или должностных лиц государств-членов. Каждое

государство-член обязуется уважать статус должностных лиц и сотрудников Комиссии и не оказывать на них влияния при исполнении ими служебных обязанностей.

Одновременно в силу пункта 1 статьи 9 Договора право на занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза имеют граждане государств-членов, обладающие соответствующим профильным образованием и опытом работы.

В силу пункта 2 статьи 9 Договора должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства. Отбор кандидатов на занятие указанных должностей производится конкурсной комиссией ЕЭК с учетом принципа равной представленности Сторон. Кандидатуры для участия в конкурсе на занятие указанных должностей представляются членом Совета Комиссии от соответствующей Стороны.

Следовательно, пункт 56 приложения № 1 и статья 9 Договора предусматривают, что граждане государств – членов Союза имеют равный объем прав в контексте занятия соответствующих должностей в Комиссии, а также то, что определение состава соответствующего департамента комиссии не может закрепляться за каким-либо одним государством, подчеркивая, что вакансии должностных лиц соответствующего департамента должны замещаться на основе равной представленности государств, то есть гражданами из разных государств – членов Союза, которые впоследствии приобретают статус независимых международных чиновников.

Соответственно, при замещении вакантных должностей наблюдается взаимодействие принципиальных положений Договора о том, что Союз является независимой международной организацией, реализующей свои полномочия, и принципа суверенного равенства государств. Как следствие, государства – члены Союза имеют равные права в части представления соответствующих кандидатур для замещения вакантной должности, а также обязаны уважать независимость международных служащих Союза.

При этом, согласно императивному правилу, содержащемуся в пункте 2 статьи 9 Договора, должностные лица департамента Комиссии не могут быть гражданами одного и того же государства. Отбор кандидатов на занятие указанных должностей производится конкурсной комиссией ЕЭК с учетом принципа равной представленности Сторон. Кандидатуры для участия в конкурсе на занятие указанных должностей представляются членом Совета Комиссии от соответствующей Стороны. О том, что это положение является принципиальным, свидетельствует следующее: по информации, представленной Комиссией, итогом межгосударственного согласования, которое связано с конкретизацией применения положений статьи 9 Договора, стало принятие Советом Комиссии Решения от 12 февраля 2016 года № 1 «Об утверждении перечня, штатной численности департаментов Евразийской экономической комиссии и распределении их между членами Коллегии Евразийской экономической комиссии».

17 марта 2016 года Советом Комиссии согласованы позиции государств-членов по назначению директоров департаментов исходя из принципа равной представленности.

Таким образом, назначение на должность директора и оставление в должности заместителя директора Департамента Комиссии граждан одного и того же государства с этого момента становится невозможным, ибо в 2016 году государства-члены конкретизировали реализацию принципиальных положений статьи 9 Договора в целях полноценного функционирования интеграционной организации.

2. Положения статьи 9 Договора должны быть соотнесены с нормами, направленными на защиту трудовых прав международных служащих.

Договором установлены особенности замещения должностей применительно к тем должностным лицам, которые заняли свои должности в период с 2011 по 2014 годы, когда статус Комиссии регулировался Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, а Договор не вступил в силу.

Абзацами 3-5 пункта 3 статьи 99 Договора установлено, что члены Коллегии Комиссии, назначенные до вступления в силу Договора, продолжают выполнять свои функции до истечения срока полномочий, на который они назначены; директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу Договора, продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах; замещение вакантных должностей в структурных подразделениях Комиссии осуществляется в порядке, предусмотренном Договором.

Договор при этом не содержит формально определенной нормы о том, какие правовые последствия наступают для заместителя директора департамента в случае назначения директором департамента гражданина того же государства.

В этой связи Суду следовало разъяснить пункт 2 статьи 9 Договора и абзац 4 пункта 3 статьи 99 Договора с учетом пункта 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Следует отметить, что формулировка абзаца 3 пункта 3 статьи 99 Договора предусматривает, что члены Коллегии Комиссии, назначенные до вступления в силу Договора, продолжают выполнять свои функции до истечения срока полномочий, на который они назначены.

При этом норма абзаца 4 пункта 3 статьи 99 Договора предусматривает, что директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу настоящего Договора, продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах. Таким образом, статья 99 Договора означает лишь, что этих лиц нельзя уволить до истечения сроков контракта, но она не означает, что они должны занимать прежнюю должность в нарушение статьи 9 Договора, не позволяя реализовать принцип формирования органа.

Указанные нормы позволяют заключить, что применительно к членам Коллегии Комиссии государства-члены установили, что функции членов Коллегии Комиссии при вступлении в силу Договора не меняются. Однако директора и заместители директоров департаментов лишь продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных договором.

По своему грамматическому значению понятия «функция» и «обязанность» не являются тождественными. Так, согласно Большому энциклопедическому словарю понятие «функция» означает деятельность, обязанность, работу; внешнее проявление свойств кого-либо объекта в данной системе отношений (например, функция органов чувств, функция денег). Одновременно понятие «обязанность» означает предусмотренную правом меру должного поведения. Обязанности могут закрепляться во внутреннем праве международной организации (должностные инструкции, постановления органа, трудовые контракты и т.д.). Применительно к названному случаю обязанности должностного лица закреплены в различных документах, в то время как в его трудовом контракте названа его должность, что не означает конкретизации обязанностей. В таком контексте статья 99 Договора не регламентирует распределение должностей, но лишь уточняет конечный момент выполнения обязанностей должностным лицом.

Следовательно, Договор дифференцирует правовые последствия для различных категорий служащих Комиссии после вступления в силу данного Договора: применительно к членам Коллегии Комиссии их функции остаются неизменными, однако директора департаментов продолжают выполнять возложенные на них обязанности, которые могут не соответствовать тем функциям, которые были им присущи до момента вступления в силу Договора.

Ввиду того, что Договор оперирует понятием «обязанность», взаимосвязанное прочтение статей 9 и 99 Договора предполагает, что в случае назначения на должность директора департамента Комиссии лица, имеющего одинаковое гражданство с заместителем директора департамента Комиссии, назначенного на должность до момента вступления в силу Договора, Комиссия вправе самостоятельно решить вопросы защиты прав международных служащих, работающих по контрактам, заключенным ранее: проводить изменение структуры и (или) штатной численности структурных подразделений Комиссии и сокращение должности (должностей) в структурных подразделениях Комиссии и т.д.

Эти основания позволяют изменить контракт с обеспечением сохранения за конкретным заявителем статуса должностного лица Комиссии без проведения конкурсных процедур до истечения срока действия контракта. В отношении Адилова Б.М. Комиссия не произвела таких действий, также не было достигнуто соглашение о добровольном расторжении контракта. Суд, не оценив в совокупности развитие правового регулирования, предусмотренного в статье 9 Договора, сосредоточившись на действии статьи 99 Договора, не смог предложить адекватное прочтение двух конфликтующих норм с учетом последующей практики применения Договора в решениях Комиссии. Между тем, продолжение трудовых отношений с Адиловым Б.М. в настоящее время не соответствует положениям пункта 2 статьи 9 Договора и развивающих его решений Совета Комиссии (две должности заняты представителями одного государства), равно как и не защищает права Адилова Б.М. продолжать трудовую деятельность (практически в условиях конфликтной ситуации он выполнять свои обязанности не может), что в конечном итоге приводит к невозможности реализации компетенции органа.

Вывод

Применение абзаца 4 пункта 3 статьи 99 Договора (директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу настоящего Договора, продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах) не предполагает нарушения требований пункта 2 статьи 9 Договора (должностные лица департаментов Комиссии не могут быть гражданами одного государства) при решении вопроса о занятии должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза.

Судья

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по делу № СЕ-2-3/1-17-БК
(разъяснение по заявлению должностного лица
Евразийской экономической комиссии)

Ключевые слова:

Заместитель директора Департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилов Бауыржан Маратович (должностное лицо).

О разъяснении пункта 2 статьи 9 и пункта 3 статьи 99 Договора, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Принцип суверенного равенства государств – принцип равной представленности государств-членов – статус должностных лиц Евразийской экономической комиссии – Расторжение трудового договора с должностным лицом Комиссии.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора.

Описание:

Адилов Бауыржан Маратович обратился в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору).

Заявитель просил разъяснить положения пункта 2 статьи 9 и абзаца пятого пункта 3 статьи 99 Договора в контексте их применимости при расторжении трудового договора с должностным лицом Комиссии, принятым на должность до вступления в силу Договора, и распространения в отношении него гарантий, установленных законодательством государства пребывания (статьей 261 Трудового кодекса Российской Федерации).

11 декабря 2017 года Суд представил консультативное заключение, в котором указал, что с даты вступления в силу Договора (с 1 января 2015 года) трудовые отношения между директорами и заместителями директоров департаментов (работниками) и Комиссией (работодателем) в соответствии с договорами, заключенными до 1 января 2015 года, продолжают до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

К консультативному заключению Суда приложено особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой.

Правовые позиции Суда:

1. Предметом разъяснения является не только абстрактное толкование норм Договора, то есть установление их общего содержания, но и уяснение значения право-

вых норм применительно к конкретным обстоятельствам, возникшим в отношениях между заявителем и Комиссией, то есть толкование *in concreto*.

(см. абзац 2 пункта 7 Консультативного заключения)

2. Правом Союза провозглашается и гарантируется равная представленность должностных лиц из числа граждан государств – членов Союза в департаментах Комиссии. Положения приведенных правовых актов Союза дают основания констатировать, что принцип суверенного равенства государств и его институциональное выражение, принцип равной представленности, реализованы в праве Союза.

(см. абзац 13 пункта 9 Консультативного заключения)

3. Положения первого предложения пункта 2 статьи 9 Договора не допускают занятие должностей директора и его заместителя в департаменте Комиссии гражданами одного и того же государства-члена.

Пункт 2 статьи 9 Договора содержит не только требование к должностным лицам Комиссии, но и указание на то, что это требование должно, прежде всего, реализовываться при работе конкурсной комиссии. Прежде чем рекомендовать назначить на должность директора и/или заместителя директора определенное лицо конкурсная комиссия обязана проверить, не приведет ли назначение такого лица к нарушению требований пункта 2 статьи 9 Договора.

(см. абзацы 5, 6 пункта 10 Консультативного заключения)

4. Правоотношения, возникшие до вступления Договора в силу (до 1 января 2015 года), нуждались в особом режиме регулирования и в особом волеизъявлении государств-членов Союза, что и получило свое разрешение в разделе «Переходные положения». Статья 99 Договора раздела XXVII Договора – «Переходные положения», имеет совершенно определенное, конкретное содержание, относящееся к уже существовавшим до вступления Договора в силу правоотношениям.

В соответствии с абзацами третьим и пятым пункта 3 статьи 99 Договора Комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года, осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором, а директора и заместители директоров департаментов, трудовые договоры с которыми заключены до вступления в силу Договора, продолжают выполнять возложенные на них обязанности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

Следовательно, объявляя конкурс на замещение вакантных должностей в соответствии с Положением о конкурсной комиссии по отбору кандидатов на замещение должностей должностных лиц в департаментах Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 года № 99, по представленным членами Совета Комиссии кандидатурам Комиссией должен проверяться факт соответствия условий проведения конкурса Договору.

(см. абзацы 9-11 пункта 10 Консультативного заключения)

5. Комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года в рамках Таможенного союза и Единого

экономического пространства, продолжила свою деятельность с 1 января 2015 года как постоянно действующий регулирующий орган Союза. При этом правовая основа ее деятельности была изменена: с указанной даты Комиссия продолжила функционировать на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

(см. абзац 2 пункта 11 Консультативного заключения)

6. Изменение правового статуса директоров департаментов Комиссии и их заместителей потребовало установление новой структуры и штатной численности, а также порядка занятия данных должностей.

Пункт 3 статьи 99 Договора разрешает вопрос о взаимосогласовании различных правовых режимов, регулирующих положение директоров департаментов Комиссии и их заместителей при изменении договорно-правовой основы деятельности Комиссии и преследует цели установления институциональной и кадровой преемственности евразийской интеграции.

(см. абзацы 5, 6 пункта 11 Консультативного заключения)

6. С даты вступления в силу Договора (с 1 января 2015 года) трудовые отношения между директорами и заместителями директоров департаментов (работниками), с одной стороны, и Комиссией (работодателем), с другой стороны, в соответствии с договорами, заключенными до 1 января 2015 года, продолжают до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

В абзаце пятом пункта 3 статьи 99 Договора государства-члены Союза согласились, что с даты вступления в силу Договора лица, назначенные на должности директоров департаментов Комиссии и их заместителей, с которыми трудовые договоры заключены до даты вступления Договора в силу (до 1 января 2015 года), с этой даты приобретают статус должностных лиц Комиссии и занимают данные должности до истечения сроков, предусмотренных в трудовых договорах.

(см. абзацы 9-10 пункта 11 Консультативного заключения)

7. Сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала; вместе с тем, дискреция организации имеет свои пределы, обусловленные критериями обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) международным служащим.

Изменение штатной численности и структуры департаментов может осуществляться органом Союза, наделенным правом Союза на утверждение и изменение структуры департаментов Комиссии и их штатной численности.

(см. пункт 13 Консультативного заключения).

8. С учетом общепризнанной международной практики, а также имеющегося опыта регулирования трудовых отношений в органах управления интеграцией, комплексным решением проблем правового регулирования трудовых отношений в

органах Союза может стать разработка и принятие в рамках работы по совершенствованию права Союза правового акта, более широко регламентирующего различные аспекты труда и социального обеспечения международных служащих в органах Союза с учетом необходимости обеспечения их независимости, а также надлежащей социальной и правовой защищенности.

(см. абзац 2 пункта 15 Консультативного заключения)

Summary
of case No. CE-2-3/1-17-BK
(clarification upon the request of an official of the Eurasian Economic Commission)

Keywords:

Bauyrzhan Maratovich Adilov, Deputy Director of the Department of Technical Regulation and Certification of the Eurasian Economic Commission (official).

On clarification of Article 9(2) and Article 99(3) of the Treaty and paragraph 43 of the Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the EAEU (annex No. 32 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014).

Principle of sovereign equality of states – principle of equal representation of Member States – status of officials of the Eurasian Economic Commission – termination of employment contract with an official of the Commission.

Advisory Opinion – clarification of the Treaty provisions.

Substance of the case:

Bauyrzhan Maratovich Adilov submitted to the Court a request for clarification of the provisions of Articles 9 and 99 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and paragraph 43 of the Regulation on Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union (annex No. 32 to the Treaty).

The applicant asked to clarify the applicability of the provisions of Article 9(2) and the fifth subparagraph of Article 99(3) of the Treaty to the situation of termination of an employment contract with an official of the Commission hired before entry into force of the Treaty as well as the applicability of guarantees established by the laws of the host country (Article 261 of the Labour Code of the Russian Federation).

On December 11, 2017 the Court issued Advisory Opinion stating that from the entry into force of the Treaty (January 01, 2015) employment relations between Directors and Deputy Directors of the Departments (employees) and the Commission (employer) under contracts concluded before January 01, 2015 shall remain in office until the expiration of the period specified in their employment contracts.

The separate opinion of the Judge T. N. Neshataeva is attached to the Advisory Opinion of the Court.

Legal findings of the Court:

1. The subject matter of the clarification is not only an abstract interpretation of the provisions of the Treaty, i.e., the establishment of their general content, but also the understanding of the meaning of legal provisions as applicable to specific circumstances arising in the relations between the applicant and the Commission, i.e., interpretation in concreto.

(see subparagraph 2 of paragraph 7 of the Advisory Opinion)

2. The law of the Union proclaims and guarantees equal representation of officials from among citizens of the Member States of the Union in the Departments of the Commission. The provisions of the Union legal acts give grounds stating that the principle of sovereign equality of states and its institutional expression as well as the principle of equal representation are implemented in the law of the Union.

(see subparagraph 13 of paragraph 9 of the Advisory Opinion)

3. Provisions of the first sentence of Article 9(2) of the Treaty do not allow holding positions of the Director and his/her Deputy in the Department of the Commission by citizens of the same Member State.

Article 9(2) of the Treaty does not contain the requirements for Commission officials only, but also an indication that these requirements shall be fulfilled, first of all, through the actions of the selection board. Before recommending the appointment of a certain person to the position of Director and/or Deputy Director, the selection board shall check whether the appointment of such a person might result in the violation of the requirements of Article 9(2) of the Treaty.

(see subparagraphs 5 and 6 of paragraph 10 of the Advisory Opinion)

4. Legal relations arising before entry into force of the Treaty (before January 01, 2015) required a special regulatory regime and a special manifestation of the will of the Union Member States, which was reflected in the section “Transitional Provisions”. Article 99 of the Treaty of Section XXVII of the Treaty, “Transitional Provisions”, has a very definite, concrete substance regulating legal relations that already existed before the Treaty entered into force.

In accordance with subparagraphs three and five of Article 99(3) of the Treaty, the Commission established in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Commission of November 18, 2011, shall operate in accordance with this Treaty and Directors and Deputy Directors of departments whose employment contracts have been concluded before the entry into force of this Treaty shall remain in office until the expiration of the period specified in their employment contracts.

Consequently, announcing a competition for the replacement of vacant positions in accordance with the Regulation on the selection board for the selection of candidates for positions of officials in the departments of the Eurasian Economic Commission, approved by the Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 99 of November 12, the Commission shall check whether its terms are in conformity with the Treaty with regard to the candidates presented by the members of the Council of the Commission.

(see subparagraphs 9-11 of paragraph 10 of the Advisory Opinion)

5. The Commission established in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Commission of November 18, 2014 within the Customs Union and the Common Economic Space continued its activity since January 01, 2015 as a permanent regulatory body of the Union. At the same time, the legal ground of its activity was changed: from the said date, the Commission continued operation under the Treaty of the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

(see subparagraph 2 of paragraph 11 of the Advisory Opinion)

6. The change of the legal status of the Commission Departments' Directors and their Deputies required the establishment of a new structure and size of staff, as well as the procedure for filling such positions.

Article 99(3) of the Treaty resolves the issue on harmonisation of different legal regimes regulating the status of the Commission Departments' Directors and their Deputies in the event when the contractual and legal framework for the activities of the Commission is changed and pursues the purposes of establishment of institutional and staff succession of Eurasian integration.

(see subparagraphs 5 and 6 of paragraph 11 of the Advisory Opinion)

7. From the date of entry into force of the Treaty (from January 01, 2015), the labour relations between Directors and Deputy Directors of the Departments (employees), on the one hand, and the Commission (employer), on the other hand, under contracts entered into force before January 01, 2015 continue until the expiry of the period specified in the employment contracts.

In the fifth subparagraph of Article 99(3) of the Treaty, Member States of the Union agreed that from the date of entry into force of the Treaty, persons appointed to the positions of Directors of the Departments of the Commission and their Deputies, with whom employment contracts were concluded before the date of entry into force of the Treaty (before January 1, 2015), shall acquire from this date the status of Commission officials and shall hold these positions until the expiration of the period specified in the employment contracts.

(see subparagraphs 9-10 of paragraph 11 of the Advisory Opinion)

8. The abolition of posts or reduction of staff falls within the discretion of the organization conditioned by the economic necessity or efficiency of personnel recruitment. At the same time, the discretion of the organization is not unfettered due to criteria of validity, objectivity, legitimacy, non-discrimination, stability, provision of the necessary level of guarantees and adequate remedies for international civil servants whose posts have been abolished.

The number of staff and the structure of the Departments may be changed by a body of the Union that has been granted by the law of the Union the powers to approve and modify the structure of the Departments of the Commission and the number of the staff.

(see paragraph 13 of the Advisory Opinion)

9. Taking into account the established international practice, as well as accumulated experience of regulation of employment relations in integration governing bodies, a comprehensive solution could be found of the problems of legal regulation of employment relations in the bodies of the Union via the development and adoption, within the framework of the process of improvement of the Union law, of a legal act regulating different aspects of employment and social security of international civil servants in the bodies of the Union in a more comprehensive way, subject to the need to guarantee their independence, as well as proper social and legal protection.

(see subparagraph 2 of paragraph 15 of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 ноября 2017 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Федорцова А.А., судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э.,

при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Министерство национальной экономики Республики Казахстан (далее – Министерство национальной экономики, заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (далее – Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин), являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе).

Основанием для обращения Министерства национальной экономики с запросом послужили следующие обстоятельства.

Согласно подпункту 25 пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – Таможенный кодекс) под таможенной пошлиной понимается обязательный платеж, взимаемый таможенными органами в связи с перемещением товаров через таможенную границу.

В соответствии со статьей 372 Таможенного кодекса к правоотношениям, возникшим в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в Республике Казахстан и Российской Федерации до вступления в силу Таможенного кодекса и возникающим после его вступления в силу, применяется соответственно таможенное законодательство Республики Казахстан и таможенное законодательство Российской Федерации, в соответствии с которыми действуют соответствующие контракты, а в части, не урегулированной этими таможенными законодательствами, – положения Таможенного кодекса.

Заявитель ссылается на то, что на основании указанной правовой нормы органами государственных доходов Республики Казахстан ввозные (импортные) таможенные пошлины, взимаемые при таможенном декларировании товаров в рамках контрактов на недропользование, не распределяются между государствами – членами Союза. Как следует из заявления Министерства национальной экономики, большинство контрактов на недропользование в углеводородном секторе Республики Казахстан заключено до вступления в силу Таможенного кодекса, причем многие из них содержат условие о применении норм таможенного и налогового законодательства Республики Казахстан, действовавшего с 1995 по 1999 годы, в котором отсутствовала правовая норма о распределении ввозных таможенных пошлин.

Министерство национальной экономики отмечает, что требование о необходимости распределения ввозных таможенных пошлин в Таможенном союзе введено Соглашением об установлении и применении в Таможенном союзе порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов от 21 мая 2010 года. С даты вступления в силу Договора о Союзе указанное Соглашение заменено Протоколом о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин. В соответствии с пунктом 1 данного Протокола им определен порядок зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

На основании изложенного Министерство национальной экономики просит Суд разъяснить:

– распространяются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин на контракты на недропользование, заключенные до 1 сентября 2010 года, в которых установлено правило о сохранении таможенной и налоговой стабильности, и не применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза;

– являются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин частью таможенного законодательства.

Изложенное позволяет Большой Коллегии Суда констатировать, что заявитель просит Суд предоставить разъяснение по вопросу о действии Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин во времени, а также о месте данного Протокола в системе таможенного законодательства Союза.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства – члена Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Пунктом 49 Статута Суда предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными орга-

нами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 20 мая 2015 года № 21-37596/1759 Министерство иностранных дел Республики Казахстан уведомило Суд, что в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организации, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза» с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза уполномочено обращаться, в том числе Министерство национальной экономики.

Таким образом, Министерство национальной экономики является уполномоченным органом по смыслу пункта 49 Статута Суда и имеет право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

Разъяснение положений Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, являющегося неотъемлемой частью Договора о Союзе, входит в предметную компетенцию (*ratione materiae*) Суда на основании пункта 46 Статута Суда.

Заявление Министерства национальной экономики соответствует требованиям, предусмотренным пунктом 1 статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в части указания реквизитов заявления и положений Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, по которым требуется разъяснение.

Согласно пункту 2 статьи 10 Регламента Суда заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 данного Регламента. В соответствии с подпунктом б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных согласно пункту 49 Статута Суда.

Заявление подписано уполномоченным лицом – исполняющим обязанности министра национальной экономики Р. Даленовым, в подтверждение полномочий которого представлена копия Приказа Министра национальной экономики от 10 октября 2017 года № 188-нк.

Большая коллегия Суда отмечает, что ранее по вопросам, указанным в заявлении Министерства национальной экономики, консультативное заключение по тем же основаниям и обстоятельствам Судом не принималось.

Таким образом, у Суда основания для отказа в принятии заявления Министерства национальной экономики к производству, предусмотренные статьей 73 Регламента Суда, отсутствуют.

Руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74, подпунктом 1 статьи 95 Статута Суда, статьями 10 и 74 Регламента Суда, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределе-

ния сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 17 января 2018 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

А.А. Федорцов

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

К.Л. Чайка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 ноября 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К. Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Борель Ю.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление публичного акционерного общества «Новолипецкий металлургический комбинат» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене,

УСТАНОВИЛА:

1. Публичное акционерное общество «Новолипецкий металлургический комбинат» (далее – ПАО «НЛМК», заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» (далее – решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и его отмене.

Из представленных материалов следует, что ПАО «НЛМК» является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Едином государственном реестре юридических лиц Российской Федерации.

Оспариваемым решением Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 действия доминирующего субъекта рынка НЛМК, выразившиеся в установлении и применении в исследуемый период ежемесячных коэффициентов макроэкономического риска в размере от 5,3 % до 23 % от цены стали электротехнической, определяющих доплату, подлежащую уплате дополнительно к стоимости приобретаемой потребителями Республики Беларусь и Республики Казахстан стали электротехнической, признаны дискриминационными условиями реализации этой продукции и нарушением подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; действия должностных лиц – вице-президента ПАО «НЛМК» и заместителя вице-президента по продажам – директора по продуктовому маркетингу ПАО «НЛМК» признаны нарушением подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; назначены штрафные санкции в отношении ПАО «НЛМК» –

77 781 511 российских рублей, ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» – 139 586 073 российских рублей, а также в отношении указанных должностных лиц ПАО «НЛМК» – 101 250 российских рублей и 95 833 российских рублей соответственно; субъекту рынка НЛМК предписано не издавать и не применять распоряжения о применении дискриминирующих дополнительных условий на заказ на сталь электротехническую в отношении покупателей, зарегистрированных в государствах-членах.

ПАО «НЛМК» считает, что Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) не доказано наличие нарушений в его действиях; предписание противоречит положениям Договора; нарушены права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской деятельности.

По мнению заявителя, Комиссией допущено следующее: 1) нарушен порядок определения доминирующего положения Группы НЛМК на трансграничном рынке; 2) не доказано наличие в действиях ПАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» нарушения подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; 3) Комиссия не обладала компетенцией, предусмотренной Договором, для рассмотрения дела № 22-АС-01; 4) нарушены положения Договора (пункта 10 Протокола № 19 и пункта 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках) в части указания в Решении на действия, которые должны быть совершены заявителем; 5) необоснованно установлено нарушение подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора в действиях должностных лиц ПАО «НЛМК».

2. Изучив заявление ПАО «НЛМК», прилагаемые к нему документы, заслушав судей, Коллегия Суда считает необходимым в принятии заявления к производству отказать.

Согласно пункту 41 Статута Суда (приложение № 2 к Договору) вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда к компетенции Суда относится рассмотрение споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде определяется Регламентом (пункт 52 Статута Суда).

3. Оспариваемое решение Комиссии № 130 принято 26 сентября 2017 года, опубликовано 2 октября 2017 года (согласно официальной информации, размещенной на правовом портале Евразийского экономического союза https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01514955/clcd_02102017_130).

Согласно пункту 9 названного решения оно вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования, что соответствует предписаниям абзаца первого пункта 16 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о ЕЭК).

31 октября 2017 года на сайте правового портала Евразийского экономического союза было размещено Официальное сообщение Евразийской экономической комиссии (от 31 октября 2017 года № 2) о приостановлении вступления в силу решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» в связи с поступлением заявления Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева от 28 октября 2017 года № 7879п-П13, направленного в соответствии с пунктом 30 Положения о ЕЭК, до рассмотрения вопроса в отношении данного решения Межправительственным советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

Как видно из хронологии принятия оспариваемого решения № 130 (26 сентября 2017 года), принятия решения о приостановлении его действия (на 30-й день), решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не вступило в силу.

Из Официального сообщения Комиссии следует, что приостановление вступления решения Комиссии в силу произведено по процедуре, предусмотренной пунктом 30 Положения о ЕЭК, пунктом 117 Регламента работы Евразийской экономической комиссии (утверждено решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98, далее - Регламент ЕЭК).

Согласно пункту 7 статьи 16 Договора Межправительственный совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета.

В соответствии с указанными нормами глава правительства государства-члена инициирует вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, до даты вступления в силу.

Таким образом, оспариваемое ПАО «НЛМК» решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не вступило в силу, его вступление в силу приостановлено, что свидетельствует об очевидной ситуации отсутствия правовых признаков наличия спора, предусмотренных подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда:

оспариваемый акт органа Союза не вступил в силу, является недействующим актом, а потому не затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, и не может повлечь нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

3.1. В соответствии с подпунктом г) пункта 1 статьи 9 Регламента Суда (утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года №101, далее – Регламент Суда), в заявлении хозяйствующего субъекта о разрешении спора указываются права и законные интересы, которые, по мнению хозяйствующего субъекта, нарушены оспариваемым решением Комиссии и (или) дей-

ствием (бездействием) Комиссии, а также фактические обстоятельства и доводы, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта, предусмотренное пунктом 2 настоящей статьи.

Достоверное сведение о том, что вступление в силу оспариваемого решения Комиссии приостановлено и в существующем состоянии правовых последствий не порождает, свидетельствует о непредставлении заявителем доказательств наличия «фактических обстоятельств и доводов, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта» (подпункт г) пункта 1 статьи 9 Регламента Суда) о признании оспариваемого решения не соответствующим Договору.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда считает, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда (подпункт а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда), поэтому оснований принятия заявления к производству не имеется.

3.2. В соответствии с пунктом 7 статьи 16 Договора Межправительственный совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета.

Высший совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией с учетом положений пункта 7 статьи 16 Договора (подпункт 8) пункта 2 статьи 12 Договора).

Согласно абзацам 4 и 6 пункта 30 Положения о ЕЭК государство-член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесения в него изменений, либо в случае истечения срока, предусмотренного абзацем третьим настоящего пункта, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Решение Коллегии Комиссии, в отношении которого было внесено предложение об отмене или внесении изменений в соответствии с настоящим пунктом, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса в отношении этого решения Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

В соответствии с пунктом 117 Регламента ЕЭК решение Комиссии, в отношении которого в Комиссию поступило предложение государства-члена (главы правительства государства-члена) о внесении на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета вопроса, касающегося отмены или изменения этого решения Комиссии, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса в отношении этого решения Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

Анализ вышеприведенных норм права Союза позволяет сделать вывод о регламентации в нём двух порядков оспаривания Решений Комиссии:

1) судебном, реализуемом путем подачи заявления в Суд об оспаривании вступившего в силу акта права Союза – решения Комиссии;

2) внесудебном, реализуемом Высшим советом и Межправительственным советом по процедуре отмены (или изменения) не вступившего в силу решения Комиссии.

Внесудебная процедура рассмотрения вопроса об отмене (изменении) решения Комиссии Высшим советом, Межправительственным советом проводится исключительно в отношении не вступившего в силу решения Комиссии, что прямо предусмотрено вышеперечисленными нормами права Союза. Условие о рассмотрении вопроса в отношении исключительно не вступившего в силу решения является обязательным для этой процедуры.

Для вступившего в силу акта Комиссии действует судебный порядок оспаривания, реализуемый в соответствии с подпунктами 1-2) пункта 39 Статута Суда.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 41, подпунктом 1) пункта 95 Статута Суда, подпунктом а) пункта 2 статьи 33, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления публичного акционерного общества «Новолипецкий металлургический комбинат» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Сейтимова В.Х.

Судьи

Скрипкина Г.А.

Туманян А.Э.

Федорцов А.А.

Чайка К. Л.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 ноября 2017 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Сейтимова В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К. Л., под председательством судьи-докладчика Сейтимова В.Х., при секретаре судебного заседания Борель Ю.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «ВИЗ-СТАЛЬ» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене,

УСТАНОВИЛА:

1. Общество с ограниченной ответственностью «ВИЗ-СТАЛЬ» (далее – ООО «ВИЗ-СТАЛЬ», заявитель) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» (далее – решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130) не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и его отмене.

Из представленных материалов следует, что ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» является хозяйствующим субъектом, зарегистрированным в Едином государственном реестре юридических лиц Российской Федерации.

Оспариваемым решением Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 действия доминирующего субъекта рынка НЛМК, выразившиеся в установлении и применении в исследуемый период ежемесячных коэффициентов макроэкономического риска в размере от 5,3 % до 23 % от цены стали электротехнической, определяющих доплату, подлежащую уплате дополнительно к стоимости приобретаемой потребителями Республики Беларусь и Республики Казахстан стали электротехнической, признаны дискриминационными условиями реализации этой продукции и нарушением подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; действия должностных лиц – вице-президента ПАО «НЛМК» и заместителя вице-президента по продажам – директора по продуктовому маркетингу ПАО «НЛМК» признаны нарушением подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; назначены штрафные санкции в отношении ПАО «НЛМК» – 77 781 511 российских рублей, ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» – 139 586 073 российских ру-

блей, а также в отношении указанных должностных лиц ПАО «НЛМК» – 101 250 российских рублей и 95 833 российских рублей соответственно; субъекту рынка НЛМК предписано не издавать и не применять распоряжения о применении дискриминирующих дополнительных условий на заказ на сталь электротехническую в отношении покупателей, зарегистрированных в государствах-членах.

ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» указывает, что, как юридическое лицо, самостоятельно не устанавливало рассматриваемые коэффициенты, поэтому необоснованно вменение хозяйствующему субъекту правонарушения, которое оно не совершало, и наложение штрафов на должностных лиц иного хозяйствующего субъекта, даже при условии отнесения хозяйствующих субъектов к одной группе лиц.

Заявитель считает, что Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия) не доказано наличие нарушений в его действиях; предписание противоречит положениям Договора; нарушены права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской деятельности.

По мнению заявителя, Комиссией допущено следующее: 1) нарушен порядок определения доминирующего положения Группы НЛМК на трансграничном рынке; 2) не доказано наличие в действиях ПАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» нарушения подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; 3) Комиссия не обладала компетенцией, предусмотренной Договором, для рассмотрения дела № 22-АС-01; 4) нарушены положения

Договора (пункта 10 Протокола № 19 и пункта 45 Порядка рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках) в части указания в Решении на действия, которые должны быть совершены заявителем; 5) необоснованно установлено нарушение подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора в действиях должностных лиц ПАО «НЛМК».

2. Изучив заявление ООО «ВИЗ-СТАЛЬ», прилагаемые к нему документы, заслушав судей, Коллегия Суда считает необходимым в принятии заявления к производству отказать.

Согласно пункту 41 Статута Суда (приложение № 2 к Договору) вопрос о наличии компетенции Суда по разрешению спора разрешается Судом. Суд при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

В соответствии с подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда к компетенции Суда относится рассмотрение споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде определяется Регламентом (пункт 52 Статута Суда).

3. Оспариваемое решение Комиссии № 130 принято 26 сентября 2017 года, опубликовано 2 октября 2017 года (согласно официальной информации, размещенной на правовом портале Евразийского экономического союза https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01514955/clcd_02102017_130).

Согласно пункту 9 названного решения оно вступает в силу по истечении 30 календарных дней с даты его официального опубликования, что соответствует предписаниям абзаца первого пункта 16 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о ЕЭК).

31 октября 2017 года на сайте правового портала Евразийского экономического союза было размещено Официальное сообщение Евразийской экономической комиссии (от 31 октября 2017 года № 2) о приостановлении вступления в силу решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» в связи с поступлением заявления Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева от 28 октября 2017 года № 7879п-П13, направленного в соответствии с пунктом 30 Положения о ЕЭК, до рассмотрения вопроса в отношении данного решения Межправительственным советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

Как видно из хронологии принятия оспариваемого решения № 130 (26 сентября 2017 года), принятия решения о приостановлении его действия (на 30-й день), решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не вступило в силу.

Из Официального сообщения Комиссии следует, что приостановление вступления решения Комиссии в силу произведено по процедуре, предусмотренной пунктом 30 Положения о ЕЭК, пунктом 117 Регламента работы Евразийской экономической комиссии (утверждено решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98, далее – Регламент ЕЭК).

Согласно пункту 7 статьи 16 Договора Межправительственный совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета.

В соответствии с указанными нормами глава правительства государства-члена инициирует вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, до даты вступления в силу.

Таким образом, оспариваемое ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не вступило в силу, его вступление в силу приостановлено, что свидетельствует об очевидной ситуации отсутствия правовых признаков наличия спора, предусмотренных подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда:

оспариваемый акт органа Союза не вступил в силу, является недействующим актом, а потому не затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, и не может повлечь нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

3.1. В соответствии с подпунктом г) пункта 1 статьи 9 Регламента Суда (утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года

№101, далее – Регламент Суда), в заявлении хозяйствующего субъекта о разрешении спора указываются права и законные интересы, которые, по мнению хозяйствующего субъекта, нарушены оспариваемым решением Комиссии и (или) действием (бездействием) Комиссии, а также фактические обстоятельства и доводы, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта, предусмотренное пунктом 2 настоящей статьи.

Достоверное сведение о том, что вступление в силу оспариваемого решения Комиссии приостановлено и в существующем состоянии правовых последствий не порождает, свидетельствует о непредставлении заявителем доказательств наличия «фактических обстоятельств и доводов, на которых основывается требование хозяйствующего субъекта» (подпункт г) пункта 1 статьи 9 Реглаamenta Суда) о признании оспариваемого решения не соответствующим Договору.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда считает, что рассмотрение спора не относится к компетенции Суда (подпункт а) пункта 2 статьи 33 Реглаamenta Суда), поэтому оснований принятия заявления к производству не имеется.

3.2. В соответствии с пунктом 7 статьи 16 Договора Межправительственный совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения принятых решений Комиссии, либо, в случае недостижения согласия, вносит их на рассмотрение Высшего совета.

Высший совет рассматривает по предложению государства-члена вопросы, касающиеся отмены или изменения решений, принятых Межправительственным советом или Комиссией с учетом положений пункта 7 статьи 16 Договора (подпункт 8) пункта 2 статьи 12 Договора).

Согласно абзацам 4 и 6 пункта 30 Положения о ЕЭК государство-член в случае несогласия с решением, принятым Советом Комиссии по результатам рассмотрения вопроса об отмене решения Коллегии Комиссии или внесении в него изменений, либо в случае истечения срока, предусмотренного абзацем третьим настоящего пункта, но не позднее 30 календарных дней с даты официального опубликования решения Совета Комиссии, может направить в Комиссию письмо за подписью главы правительства с предложением о внесении соответствующего вопроса на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета.

Решение Коллегии Комиссии, в отношении которого было внесено предложение об отмене или внесении изменений в соответствии с настоящим пунктом, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса в отношении этого решения Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

В соответствии с пунктом 117 Реглаamenta ЕЭК решение Комиссии, в отношении которого в Комиссию поступило предложение государства-члена (главы правительства государства-члена) о внесении на рассмотрение Межправительственного совета и (или) Высшего совета вопроса, касающегося отмены или изменения этого решения Комиссии, не вступает в силу и приостанавливается на срок, необходимый для рассмотрения вопроса в отношении этого решения Межправительственным советом и (или) Высшим советом и принятия соответствующего решения по итогам такого рассмотрения.

Анализ вышеприведенных норм права Союза позволяет сделать вывод о регламентации в нём двух порядков оспаривания Решений Комиссии:

- 1) судебном, реализуемом путем подачи заявления в Суд об оспаривании вступившего в силу акта права Союза – решения Комиссии;
- 2) внесудебном, реализуемом Высшим советом и Межправительственным советом по процедуре отмены (или изменения) не вступившего в силу решения Комиссии.

Внесудебная процедура рассмотрения вопроса об отмене (изменении) решения Комиссии Высшим советом, Межправительственным советом проводится исключительно в отношении не вступившего в силу решения Комиссии, что прямо предусмотрено вышеперечисленными нормами права Союза. Условие о рассмотрении вопроса в отношении исключительно не вступившего в силу решения является обязательным для этой процедуры.

Для вступившего в силу акта Комиссии действует судебный порядок оспаривания, реализуемый в соответствии с подпунктами 1-2) пункта 39 Статута Суда.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 41, подпунктом 1) пункта 95 Статута Суда, подпунктом а) пункта 2 статьи 33, статьей 84 Регламента Суда, Коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

Отказать в принятии к производству заявления общества с ограниченной ответственностью «ВИЗ-СТАЛЬ» о признании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и его отмене.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Судьи

Сейтимова В.Х.

Скрипкина Г.А.

Туманян А.Э.

Федорцов А.А.

Чайка К. Л.

Резюме
по делам № СЕ-3/3-17-КС (ПАО «НЛМК») и
№ СЕ-3/2-17-КС (ООО «ВИЗ-СТАЛЬ»)

Ключевые слова:

Публичное акционерное общество «Новолипецкий металлургический комбинат» (ПАО «НЛМК»); общество с ограниченной ответственностью «ВИЗ-СТАЛЬ» (ООО «ВИЗ-СТАЛЬ») (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О соответствии решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» Договору о Евразийском экономическом союзе и его отмене.

Общие правила конкуренции; злоупотребление доминирующим положением; дискриминационные условия реализации продукции; нарушение подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора; приостановление вступления в силу решения ЕЭК; внесудебная процедура рассмотрения вопроса об отмене (изменении) решения Комиссии Высшим советом, Межправительственным советом.

Решение Коллегии ЕЭК от 26 сентября 2017 года № 130 «Об установлении факта нарушения статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года по делу о нарушении правил конкуренции на трансграничном рынке № 22-АС-01» – подпункт б) пункта 1 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Постановление Коллегии Суда – отказ в принятии заявления.

Описание:

ПАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» обратились в Суд с заявлениями о признании решения Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и его отмене.

Оспариваемым решением Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 действия НЛМК как доминирующего субъекта рынка признаны дискриминационными условиями реализации электротехнической стали и, соответственно, нарушением подпункта б) пункта 1 статьи 76 Договора. В отношении заявителей ПАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» и их должностных лиц также назначены штрафные санкции, а субъекту рынка НЛМК предписано не издавать и не применять распоряжения о применении дискриминирующих дополнительных условий на заказ на электротехническую сталь в отношении покупателей, зарегистрированных в государствах-членах Евразийского экономического союза.

16 ноября 2017 года Коллегия Суда отказала в принятии заявлений ПАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-СТАЛЬ» к производству на основании подпункта а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда.

Правовые позиции Коллегии Суда:

1. Решение Комиссии от 26 сентября 2017 года № 130 не вступило в силу, его вступление в силу приостановлено в соответствии с пунктом 30 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору), что свидетельствует об очевидной ситуации отсутствия правовых признаков наличия спора, предусмотренных подпунктом 2) пункта 39 Статута Суда.

Оспариваемое решение Комиссии является недействующим актом, а потому не затрагивает права и законные интересы истцов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, и не способно повлечь нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующих субъектов.

При таких обстоятельствах рассмотрение спора не относится к компетенции Суда (подпункт а) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда), поэтому оснований принятия заявления к производству не имеется.

(абзац 8 пункта 3; абзац 3 пункта 3.1 Постановления Суда по заявлению ПАО «НЛМК»; абзац 8 пункта 3; абзац 3 пункта 3.1 Постановления Суда по заявлению ООО «ВИЗ-СТАЛЬ»)

2. В праве Союза регламентированы два порядка оспаривания Решений Комиссии: 1) судебный, реализуемый путем подачи заявления в Суд об оспаривании вступившего в силу акта права Союза – решения Комиссии; 2) внесудебный, реализуемый Высшим советом и Межправительственным советом по процедуре отмены (или изменения) не вступившего в силу решения Комиссии.

Внесудебная процедура рассмотрения вопроса об отмене (изменении) решения Комиссии Высшим советом, Межправительственным советом проводится исключительно в отношении не вступившего в силу решения Комиссии, что прямо предусмотрено нормами права Союза. Условие о рассмотрении вопроса в отношении исключительно не вступившего в силу решения является обязательным для этой процедуры.

Для вступившего в силу акта Комиссии действует судебный порядок оспаривания, реализуемый в соответствии с подпунктами 1-2) пункта 39 Статута Суда.

(абзацы 6, 7, 8 пункта 3.2 Постановления Суда по заявлению ПАО «НЛМК»; абзацы 6, 7, 8 пункта 3.2 Постановления Суда по заявлению ООО «ВИЗ-СТАЛЬ»)

Summary
of cases No. CE-3/3-17-KC (Public Joint-Stock Company “NLMK”)
and No. CE-3/2-17-KC (Limited Liability Company “VIZ Steel”)

Keywords:

Public Joint-Stock Company “Novolipetsk Steel” (PJSC NLMK); “VIZ Steel” Limited Liability Company (VIZ Steel LLC) (economic entities, legal persons) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On une complionce of the Decision No. 130 of the Board of the Eurasian Economic Commission of September 26, 2017 “On the Establishing of the Fact of Violations of Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 on the Compliance of Regulations on the Internal Market No. 22-AC-01” and its annulment.

General rules of competition; abuse of dominant position; discriminatory conditions for the sale of products; violation of subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 76 of the Treaty; suspension of entry into force of the EEC decision – extrajudicial procedure for considering the issue of annulment of the Commission decision by the Supreme Eurasian Economic Council, the Eurasian Intergovernmental Council.

Decision No. 130 of the Board of the Eurasian Economic Commission of September 26, 2017 “On the Establishing of the Fact of Violations of Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 on the Compliance of Regulations on the Internal Market No. 22-AC-01” – subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014.

Order of the Chamber of the Court – dismissal of the application.

Substance of the case:

PJSC NLMK and VIZ-Steel LLC had applied to the Court for recognition of the Commission Decision No. 130 of September 26, 2017, to be not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 and its annulment.

According to the contested Commission Decision No. 130 of September 26, 2017, NLMK’s actions as dominant market entity were recognized as discriminatory conditions for the sale of electrical steel and, accordingly, violation of subparagraph 6) of paragraph 1 of Article 76 of the Treaty. The applicants, PJSC NLMK and VIZ-Steel LLC, and their officials were also subject to penalties, and PJSC NLMK as a market entity was ordered not to issue or apply orders for the application of discriminating additional conditions for the order of electrical steel in respect of buyers registered in Member States of the Eurasian Economic Union.

On November 16, 2017, the Chamber of the Court dismissed the applications of PJSC NLMK and VIZ-Steel LLC on the basis of subparagraph 2(a) of paragraph 33 of the Statute of the Court.

Legal findings of the Chamber of the Court:

1. The Commission Decision No. 130 of September 26, 2017 has not entered into force, its entry into force has been suspended in accordance with paragraph 30 of the Regulation

on the Eurasian Economic Commission (Annex No. 1 to the Treaty), this indicates an obvious situation of absence of legal signs of a dispute, provided for by subparagraph 2) of paragraph 39 of the Statute of the Court.

The contested Decision of the Commission is an inoperative act, and therefore does not affect the rights and legitimate interests of the plaintiffs in the field of business and other economic activities, and is not capable of entailing a violation of the rights and legal interests of economic entities granted by the Treaty and (or) international treaties within the Union.

In such circumstances, the consideration of the dispute does not fall within the competence of the Court (Article 33 (2) (a) of the Rules of Procedure of the Court), so there are no grounds for accepting the application.

(see subparagraph 8 of paragraph 3, subparagraph 3 of paragraph 3.1 of the Order on application by PJSC NLMK; subparagraph 8 of paragraph 3, subparagraph 3 of paragraph 3.1 of the Order on application by VIZ-Steel LLC)

2. The law of the Union regulates two procedures for challenging Commission's decisions: 1) a judicial procedure, carried out by filing an application with the Court, challenging the validity of a legal act of the Union that came into force – the Commission decision; 2) an extrajudicial procedure, carried out by the Supreme Council and the Intergovernmental Council through the procedure for cancellation (or amendment) of the Commission decision that has not entered into force.

The extrajudicial procedure for considering the issue relating to cancellation (amendment) of the Commission decision by the Supreme Council, the Intergovernmental Council is conducted exclusively with regard to the Commission decision that has not entered into force, which is expressly provided for by the rules of law of the Union. The condition for considering the matter exclusively with respect to a decision that has not come into force is mandatory for this procedure.

For an act of the Commission that has entered into force, the judicial procedure for challenging is provided, which is exercised in accordance with subparagraphs 1-2) of paragraph 39 of the Statute of the Court.

(see subparagraphs 6, 7, 8 of paragraph 3.2 of the Order on application by PJSC NLMK; subparagraphs 6, 7, 8 of paragraph 3.2 of the Order on application by VIZ-Steel LLC)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БЮЛЛЕТЕНЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА:**

Председатель редакционного совета Баишев Ж.Н. – заместитель Председателя Суда Евразийского экономического союза.

Члены совета:

Ажибраимова А.М. – судья;

Айриян Э.В. – судья;

Колос Д.Г. – судья;

Нешатаева Т.Н. – судья;

Сейтимова В.Х. – судья;

Скрипкина Г.А. – судья;

Туманян А.Э. – судья;

Федорцов А.А. – судья, Председатель Суда Евразийского экономического союза;

Чайка К.Л. – судья.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЮЛЛЕТЕНЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА:**

Члены коллегии:

Абдуллина Г.Б. – советник судьи;

Адерейко А.Н. – советник судьи;

Бабкина Е.В. – советник судьи;

Будник Я.В. – советник судьи;

Дьяченко Е.Б. – советник судьи;

Мысливский П.П. – советник судьи;

Осипян Э.Ю. – советник судьи;

Резванова О.А. – советник судьи;

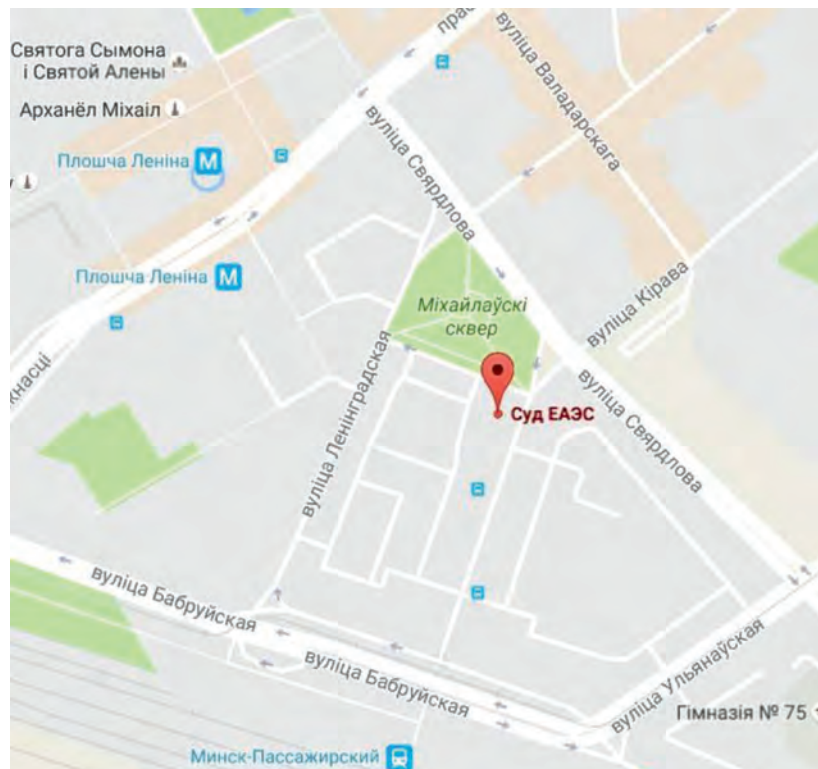
Симонян Г.В. – советник судьи.

В соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Суд учреждает свой официальный интернет-сайт. Акты Суда подлежат опубликованию на официальном интернет-сайте Суда.

Адрес официального интернет-сайта Суда: <http://courteurasian.org/>.

The screenshot shows the official website of the Eurasian Economic Court. At the top, there is a navigation bar with language options: рус, англ, бел, арм, каз, кыр. Below this is the court's logo and name in Russian: "Евразийский экономический союз". A central banner features a scale of justice and the text "СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА". Below the banner is a horizontal menu with links: О СУДЕ, ОБЩЕОБЩИЕ ДОКУМЕНТЫ, СУДЕБНЫЕ АКТЫ, РЕШЕНИЯ, АНАЛИТИКА, ЗАКАЗЫ, ПРЕСС-ЦЕНТР. The main content area is divided into several sections: "База данных" (Database), "Контакты судебных заседаний" (Court session contacts), "Как нас найти" (How to find us), "Новости" (News) with three articles from December 2014, "Правительство Евразийского экономического союза" (Government of the Eurasian Economic Union), "Уставные документы" (Statutory documents), "ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЗАЯВИТЕЛЕЙ" (Information for applicants), and "Сотрудничество" (Cooperation). At the bottom, there is a section for "Официальные Интернет ресурсы" (Official Internet resources) with logos for EAEC and EEC, and a copyright notice: ©2015 Суд ЕАЭС.

Телефон /факс:

+375 17 222 60 98

Интернет-сайт:www.courteurasian.org**Электронная почта:**info@courteurasian.org**Почтовый адрес:**Республика Беларусь, 220006,
г. Минск, ул. Кирова, 5**Режим работы:**Пн.-Чт. 9.00 - 18.00
Птн. 9.00 - 16.45**Обеденный перерыв:**

13.00 - 13.45

Выходные дни:

суббота, воскресенье

Telephone / fax:

+375 17 222 60 98

Internet:www.courteurasian.org**E-mail:**info@courteurasian.org**Postal address:**Republic of Belarus, 220006,
Minsk, Kirov st., 5**Working hours:**Mo.-Th. 9.00 - 18.00
Fr. 9.00 - 16.45**Lunch break:**

13.00 - 13.45

Days off:

Sa., Su.

ISSN 2521-1668

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Лицензия 02330/36 от 23.01.2014.
Заказ 1572. Тираж 352